

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

OH 3158.49.5

Harvard College Library

FROM

.....

.....

.....

ПИСЬМА съ ВОСТОКА.

MURAV'EV, A. N.

ПИСЬМА

PISTIA

СЪ

5

ВОСТОКА

V OSTOKA

съ 1848 — 1850 годѣхъ.

Часть I.

С. П. Б.

Въ типографіи III Отдѣленія Сов. Е. И. В. канцеляріи.

1851.

Ott 3158.49.5

✓

HARVARD COLLEGE LIBRARY
GIFT OF
WALTER RUSSELL BATSSELL
JAN 14 1928

c

Отъ С. Петербургскаго Комитета духовной Цензуры печатать позволяется, съ тѣмъ чтобы до выпуска изъ типографіи представлено было въ Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Октября 25 дня, 1850 года.

Ценсоръ *Архимандритъ Іоаннъ.*

О Г Л А В Л Е Н И Е .

Имя	Стр.
I. Св. Софія	1
II. Храмъ Св. Ирины и Серай	30
III. Принцезы острова	46
IV. Брусса	72
V. Никея	87
VI. Св. гора Аѳонская, Лавра, Ивиръ	110
VII. Каряя	144
VIII. Ивиръ, Ставроникита, Пантократоръ, скитъ Пророка Или	171
IX. Ватопедъ	199
X. Есфигменъ	208
XI. Хиланларъ	223
XII. Зографъ	252
XIII. Дохіаръ, Ксенофъ, Руссикъ	266
XIV. Симоно-Петра, Григоріатъ, Діонисіатъ	283

	Стр.
XV. Монастырь Св. Павла, Скитъ Св. Анны, Капсокаливы	293
XVI. Лавра Св. Аѳанасія	308
XVII. Ивиръ	340
XVIII. Скитъ Пророка Или.	344
XIX. Скитъ Св. Апостола Андрея, Ксиропо- тамъ, Руссикъ.	351
XX. Солунь	367

ПИСЬМО I.

СВ. СОФІЯ.

Буюкъ-дере, 6-го Юля, 1849.

Наконецъ, исполнилось пламенное желаніе моего сердца! Я былъ въ храмъ Св. Софіи, былъ и молился внутренно, съ чувствомъ сердечнаго умиленія, хотя долженъ былъ не обнаруживать своихъ чувствъ и прикрывать ихъ вѣншимъ восторгомъ, какой невольно возбуждаетъ въ каждомъ красота зданія и къ которому привыкли Турки. Но не безъ крестнаго знаменія взошелъ я въ тотъ храмъ, гдѣ предки наши впервые увѣровали въ Распятаго на крестъ; изъ глубины души возсылалъ я тайныя хвалы благодаренія Господу, давшему намъ познать его, во храмъ Божественной его Премудрости, и просвѣтившему ею все необъятное отечество наше.

Мнѣ хотѣлось плакать, и отъ радости о минувшемъ и отъ скорби о настоящемъ; мнѣ страшно было вступить въ завѣтную внутренность святилища; сердце мое боролось между церковью и мечетью, и родственное одолѣло: — я взошелъ въ Св. Софію, какъ бы Христіанскую, и хотѣлъ только помышлять о Св. Софіи!

Здѣсь только вполнѣ понялъ я пословъ Владиміровыхъ: — изъ храма Св. Софіи нельзя было имъ возвратиться язычниками! Это дѣйствительно храмъ Божій, въ полномъ и совершенномъ смыслѣ сего слова, и такое впечатлѣніе храма Св. Софіи сильно само по себѣ, даже и тогда, когда въ немъ нѣтъ Христіанскаго богослуженія: что же должно было быть при Патріаршемъ? — Я видѣлъ лучшіе храмы западныхъ вѣроисповѣданій въ Европѣ, но послѣ Св. Софіи ни на одинъ не хотѣлъ бы смотреть, какъ и послы Владиміровы говорили: «что никто, вкусивъ однажды сладкое, не захочетъ болѣе горькаго». Что такое Римская базилика Св. Петра въ сравненіи съ Св. Софіею? — Тамъ лишь чудное зданіе, изъ котораго лучшіе художники усиливались сдѣлать великолѣпнѣйшій въ мірѣ храмъ; но вездѣ оставили они слѣды своей человѣческой немощи, хотя и въ геніальныхъ порывахъ: потому что не столько благоговѣйное чувство, сколько суетное желаніе земной славы ихъ одушевляло, и разнородная печать столѣтій легла на продолжительное дѣло столькихъ вѣковъ, не удовлетворивъ однако сердца. Даже внутри храма

Св. Петра невольно спрашиваешь: гдѣ же святилище? — ибо утрачено единство основной мысли, взоры разбѣгаются далѣе престола Божія по галлереймъ, и красота цѣлаго, можно сказать, подавлена красотою частей.

Не такъ въ Св. Софїи: тутъ напротивъ въ частности исчезаютъ въ гармонической красотѣ цѣлаго. Тутъ одна мысль, одно чувство, одинъ порывъ — прославить Господа на землѣ, сооруженіемъ святилища, въ которомъ бы приносилась его безкровная жертва, со всемъ великолѣпіемъ, подобающимъ вселенскому Христіанству! — Тутъ дѣйствуетъ одинъ могущественный Государь, соображаясь со всеми потребностями богослуженія своей эпохи, когда уже вполне опредѣлились всѣ церковные обряды Православія; и вотъ, для созиданія новозавѣтнаго первопрестольнаго храма всемірной столицы, беретъ онъ образцемъ ветхозавѣтный, созданный по начертанію, которое нѣкогда свыше показано было Моисею на горѣ; ибо храмъ Соломоновъ былъ только расширенною скиніею пустыни Синайской, гдѣ хранился кивотъ завѣта Бога съ человѣками. Внутри сего новаго, чуднаго святилища Іустиніанова, должна была также совершаться Божественная служба, по образцу видѣнному на горѣ, другимъ таинникомъ Божиимъ Іоанномъ, когда въ откровеніяхъ Апокалипсиса предстала ему слава будущей Церкви. И если справедливо, что при зрѣлищѣ созданнаго имъ храма, когда впервые вступилъ царственный ктиторъ въ Св. Софію, онъ

воскликнулъ: «о Соломонъ, я превзошелъ тебя!»— да простится ему горделивое слово, ради истины, исторгшейся изъ его устъ.

Нѣтъ никакой возможности словами изобразить зданіе, которое должно необходимо видѣть собственными глазами, чтобы оцѣнить всю его красоту; скажу только одно, что нигдѣ не поражала меня столько гармонія цѣлаго, гдѣ ни одна малѣйшая черта не оскорбляетъ взоровъ: до такой степени изящны всѣ формы; онѣ вездѣ смягчены и округлены, хотя зданіе четверугольно и даже крестообразно внутри. Все такъ стройно и плавно, что какъ будто волнами текутъ, изъ подъ главнаго полнаго купола, другія малыя полусферы подчиненныхъ ему куполовъ; и самая эта половинная ихъ форма составляетъ гениальную красоту зданія: ибо торжественная полнота обширной, господствующей надъ всѣми сферы, сливается во едино всѣ прочія части, какъ бы подъ одинъ небесный сводъ, и взоры не забѣгаютъ подъ иныя отдѣльныя главы, какъ это бываетъ въ другихъ храмахъ. Если мое сравненіе слишкомъ дерзко, простите, я не умѣлъ иначе выразить своего впечатлѣнія: самая мозаика купола и тройныхъ полукуполовъ алтаря помогаетъ воображенію, образуя по нимъ золотыя струи арабесковъ, текущія изъ центра къ окружности; когда, внутри храма Св. Софіи, я сравнилъ это съ водопадами, всѣ бывшіе со мною меня поняли.

Вамъ извѣстно, что храмъ Св. Софіи, т. е. собственно церковь, безъ преддверія и горняго мѣста,

составляетъ правильный квадратъ; длина его и ширина 33 сажени; но все такъ премудро устроено въ домъ Премудрости Божіей, что этотъ квадратъ не замѣтенъ для глазъ. Отъ внутренняго расположенія шести основныхъ столбовъ представляется взорамъ одна только пріятная овальная форма средней части церкви, весьма удобная для созерцанія отовсюду богослуженія; предъ стоящимъ же въ центрѣ храма разбѣгаются, въ четыре стороны, равноконечныя вѣтви креста, а легкость сферическаго купола, который возвышается на 23 сажени отъ помоста, увлекаетъ взоры какъ бы въ глубокое небо.

Теперь обращусь отъ цѣлаго къ часгямъ, чтобы вы могли лучше распознать ихъ, и потомъ уже чрезъ нихъ составить себѣ опять болѣе ясное понятіе о цѣломъ. Я буду говорить со всевозможною подробностію, не опасаясь утомить васъ, потому что можно ли намъ Русскимъ довольно наговориться о Св. Софіи?—Прежде всего скажу, что по особенному промыслу Божію о храмъ своей Премудрости, на исходѣ уже четвертаго столѣтія владычества Магометанскаго, пришло на мысль Султану, который сблизился съ образованіемъ Европейскимъ, обновить мечеть, бывшую храмомъ Св. Софіи, пришедшую въ ветхость, ибо ея великолѣпныя столбы угрожали паденіемъ отъ натиска сводовъ, и это благое великое дѣло поручилъ онъ просвѣщенному архитектору нашей миссіи. Весьма счастливо, что такое обновленіе, которое требовало опытной

руки искуснаго художника, не досталось кому-либо изъ Турковъ, имѣющихъ правиломъ ломать все то, что имъ кажется непрочнымъ, или какому-либо Греку и Армянину, не опытнымъ и не умѣющимъ оцѣнить остатки древности. Два брата Фоссати, оба архитекторы, занимавшіеся обновленіемъ Св. Софіи, уроженцы Итальянскихъ кантоновъ Швейцаріи, исполнены были съ дѣтства благоговѣнія къ Венеціанской базилекѣ Св. Марка, которая построена отчасти по образцу Св. Софіи, и потому они старались, сколько можно, соображаться съ сею копіею въ обновленіи ея священнаго подлинника. Такая судьба базилики Св. Марка также весьма замѣчательна, какъ будто она, въ свое время, нарочно была сооружена для болѣе вѣрнаго соблюденія древности Софійскаго храма, ибо въ этомъ вѣковомъ зеркалѣ доселѣ отражается его первоначальная слава. Одни только Фоссати могли приступить къ дѣлу столь щекотливому, потому что, въ теченіи десяти лѣтъ, постоянно занимаясь постройками для Турецкихъ властей, они приобрѣли ихъ довѣренность и хорошо владѣютъ языкомъ. Но не смотря на просвѣщенное покровительство Султана и его министровъ, которые доставляли имъ всѣ возможныя пособія, чрезвычайныхъ усилій стоило обоимъ, особенно старшему главному зодчему, достигнуть желанной цѣли и спасти отъ варварскихъ рукъ остатки драгоцѣнныхъ мозаиковъ, найденные на стѣнахъ. Еще труднѣе было списать ихъ и всѣ надписи, съ тою отчетливостію,

съ какою они это выполнили; потому что неутомимый фанатизмъ мѣстныхъ имамовъ, не смотря на явное покровительство Султана, который нѣсколько разъ посѣщалъ храмъ во время перестройки, ревниво слѣдилъ за всеми дѣйствіями зодчаго. Часто долженъ былъ онъ пробираться тайно по лѣсамъ, сквозь окна мечети, чтобы поспѣшить списать открывавшіяся постепенно мозаики, подъ отбитою щекатуркой, пока ихъ опять не закрыли. Благодареніе Богу: все списано и все сохранено, и только легкій слой золотой краски покрываетъ драгоценныя мозаики, которыхъ впрочемъ не весьма много: я разумью о фигурахъ, а не о золотомъ грунтѣ.

Начну съ вѣшняго портика или преддверія *νάρθηξ*, въ который входили Императоры съ южной его оконечности, а не изъ середины съ запада; чтобы изъяснить странность боковаго входа, должно предупредить, что иначе не позволяла мѣстность: тоже самое и въ Іерусалимскомъ храмѣ Св. гроба. Хотя предъ главнымъ портикомъ Св. Софіи находится обширный дворъ, обставленный колоннами, что было свойственно всѣмъ древнимъ базиликамаъ, но крайняя западная стѣна сего двора примыкала къ крутому обрыву, потому что церковь была построена на самой вершинѣ одного изъ семи каменистыхъ холмовъ новаго Рима, такъ что и на самый дворъ нельзя было входить иначе, какъ съ боковъ. Подъ всею западною частію храма существуетъ обширная цистерна на стол-

бахъ, теперь уже безъ воды, какихъ есть много въ Царьградъ; такъ и въ Венеціи подь базиликою Св. Марка, но съ восточной стороны. Только середина Св. Софіи сооружена на самой скаль, а подь алтаремъ ея наложены были огромные камни, для уровня земли по крутизнѣ спускавшагося къ морю холма. Посреди двора стояла конная статуя Императора Юстиніана, напоминавшая Капитолійскую Марка Аврелия въ Римѣ, а на четырехъ пиластрахъ, которые и теперь выдаются съ наружной стороны портика, дѣйствительно поставлены были мѣдные кони ипподрома Римскаго, взятые нѣкогда изъ Коринѳа, которыми теперь красуется Венеція. Такое украшеніе весьма странно для храма; Фоссати тщательно вымѣрилъ въ Венеціи пьедесталы коней Св. Марка, и они совершенно одного размѣра съ пиластрами Византійскими предь Св. Софіей. Впрочемъ, такъ какъ главный и обычный входъ въ самую церковь не пролегалъ чрезъ этотъ дворъ, то можно было почитать его совершенно отдѣльною частію зданія, и конныя его украшенія не поражали взоры входящихъ, какъ у Св. Марка. Еще достойно вниманія, что самое преддверіе храма съ запада было двойное для оглашенныхъ: въ первую часть его входили со двора Юстиніанова четыремя вратами; изъ нея во вторую пятью, а оттолъ наконецъ въ самый храмъ девятью: такимъ образомъ постепенно умножались входы въ святилище, по мѣрѣ приближенія къ святынь.

Между тѣмъ у южной оконечности сего портика, отколѣ обыкновенно входили въ храмъ, находилось нѣсколько рядовъ столбовъ, подѣ легкимъ навѣсомъ; они теперь вдѣланы въ новую стѣну; архитекторъ не могъ понять ихъ назначенія и полагалъ, что утверждавшійся на нихъ навѣсъ служилъ для прикрытія народа отъ непогоды, при выходѣ изъ храма. Я объяснилъ Фоссати, что это было дѣйствительно прикрытіе для обуреваемыхъ, но только не одною внѣшнею непоудою, а внутренними бурями страстей, которые здѣсь калялись у входа въ святилище и просили себѣ молитвъ у проходящихъ въ заключенный для нихъ храмъ; онъ остался очень доволенъ такимъ объясненіемъ. Но вотъ чѣмъ мы должны быть ему еще чрезвычайно обязаны:—напротивъ сихъ столбовъ, у самого входа съ правой стороны, открылъ онъ древнее осмиугольное зданіе самой крещальни, по подобію Латеранской въ Римѣ; доселѣ почитали оное новымъ строеніемъ, потому что обращено въ тюрбе, или надгробную палату Султана Мурада IV. Крещальня имѣла внутреннее сообщеніе съ храмомъ, вѣроятно для однихъ священнослужителей. Собственно же есть и было только четыре входа въ Св. Софію снаружи и они всѣ на ея оконечностяхъ: два съ двухъ краевъ западнаго портика, и два съ восточной стороны по обѣимъ сторонамъ главнаго алтаря: въ нихъ съверный, какъ ближайшій ко двориу, доселѣ служилъ для торжественнаго вшествія Султана и тамъ устроена для не-

го роскошная палата. Съ южной и сѣверной стороны храма, во всю его длину, не было наружныхъ выходовъ, какъ въ нашихъ соборахъ; все званіе обнесено было низкою оградой, внутри коей заключались отдѣльныя малыя палаты, какъ напримѣръ крещальня, ризница и прочія подобныя отдѣленія, имѣвшія сообщеніе съ храмомъ.

Великолѣпныя двери, такъ называемаго Коринтскаго металла, лучшей рѣзьбы вѣка Периклова, которыя вѣроятно принадлежали какому-либо каплицу, досель отверзаютъ главный входъ въ Св. Софіи, съ южной оконечности портика. Къ нимъ были прибавлены позднѣйшія бронзовыя ваянія для того, чтобы ихъ расширить по объему входа, и на нихъ было изображено въ кругахъ имя Θεодоры, Деспоты Августы, возстановившей чествованіе святыхъ иконъ, потому что она ихъ пожертвовала Св. Софіи послѣ бури икоборства. Есть и лѣтосчисленіе—*σμη* т. е. 6349 годъ отъ сотворенія міра, что означаетъ 841 отъ Р. Х.; индикта я не могъ разобрать. «Христе помоги, Господи помоги,» начертано также внутри сихъ круговъ, краеграниемъ коихъ служитъ всегда имя Θεодоры; прочія буквы не такъ ясны, но есть имя и сына ея Михаила. Любопытно, какъ могли уцѣлѣть такія двери отъ жадности Венеціанъ, которые увезли съ собою для Св. Марка другія драгоценныя двери собора, и каедрю проповѣдниковъ, и амвонъ діаконскій, и великолѣпную доску престола. Итакъ 1000 лѣтъ уже вращаются чудныя врата сіи на своихъ вѣковыхъ

петляхъ, отверзая и заключая священный входъ Св. Софіи, и сколько тысячъ входившихъ и исходявшихъ ими уже прешли въ вѣчность!

Не болѣе трехъ недѣль опоздалъ я, чтобы еще видѣть надъ ними великолѣпную мозаику, вѣроятно имъ современную, судя по красотѣ сохранившагося рисунка. Божія Матерь Влахернская, или по нашему Печерская, возсѣдаетъ съ Младенцемъ на тронѣ, а по сторонамъ ея стоятъ два Императора, въ лиловыхъ далматикахъ и золотыхъ нарамникахъ, облаченные подобно Архіереямъ. Если бы не надписи и вѣнцы, трудно было бы отличить обоихъ Императоровъ отъ Святителей; они въ багряныхъ сандаліяхъ царскихъ, и на главѣ ихъ жемчужныя діадимы или стеммы, т. е. низкія повязки съ крестомъ на верху: оба безъ бороды, и волосы ихъ темнорусые. Одинъ подноситъ съ правой стороны Матери Божіей созданный имъ зубчатый городъ, на двойныхъ вратахъ коего два креста и съ боку надпись: «Константинъ, иже во святыхъ великій Царь, *Vasileus*». Другой подноситъ ей сооруженный имъ храмъ Св. Софіи, и надпись гласитъ: «Іустиніанъ приснопамятный Государь». Мозаикъ сей былъ открытъ послѣдній и сохранился лучше всѣхъ. — Такіе два великіе стража поставлены на вѣчной стражъ созданнаго ими святилища; потому что Константинъ соорудилъ первую малую церковь Св. Софіи, обновленную Θεодосіемъ младшимъ и сгорѣвшую во время смятенія народнаго на ристалищѣ, при Императорѣ Іустиніанѣ.

Сводъ западнаго портика покрытъ весь золотою мозаикой съ крестами, обращенными теперь въ арабески, но также крестообразной формы. Надъ средними изъ девяти дверей, вводящихъ въ храмъ, которыя назывались царскими, потому что одни только Цари ими входили, есть мраморный порталъ или навѣсъ, и многіе, по старому баснословному преданію, называли его саркофагомъ невѣдомой Царевны; Греки любили давать волю своему воображенію о завѣтномъ, заключенномъ для нихъ святилищѣ. Подъ навѣсомъ сохранился мозаикъ: евангеліе, отверстое на семь изреченій: «Азъ есмь дверь, мною аще кто внидетъ, спасетъ, и внидетъ и изыдетъ и пажить обрящетъ» (Іоан. X. 3.). Свѣше мраморнаго навѣса еще мозаикъ: Спаситель на престолѣ держитъ открытое евангеліе съ такими писменами: «миръ вамъ, азъ есмь свѣтъ міру». По сторонамъ Господа, въ малыхъ кругахъ, пречистая Дѣва, и благовѣствующій ей Архангелъ. У ногъ Христовыхъ простертъ смиренно лобызающею ихъ Императоръ, въ такой же діадимѣ, какъ и первые два, но уже не въ далматикѣ, а въ длинной мантіи, съ золотыми цвѣтами по бѣлому полю, и съ бѣлокурой долгой бородою. Надписи нѣтъ; по сходству съ медалями это Императоръ Константинъ Погонатъ или брадатый, хотя бы можно думать, что здѣсь представленъ кто либо другой изъ позднѣйшихъ обновителей храма, такъ какъ многіе его укрѣпляли. Василій Македонянинъ и Романъ старшій поддержали двѣ боковыя

арки; Василій Вулгароктонъ, знаменитый побѣдитель Болгаръ, исправилъ самый куполь, пострадавшій отъ землетрясенія; Андроникъ старшій, иждивеніемъ своей супруги, опять укрѣпилъ его вѣшними пристройками, потому что онъ угрожалъ паденіемъ; Императоры Кантакузинъ и Палеологъ, послѣдніе изъ Христіанскихъ блюстителей Царяграда, обновляли завѣтное святилище. Послѣ же завоеванія, Султанъ Селимъ II приказалъ укрѣпить полукуполь горняго мѣста, треснувшій отъ землетрясенія; нынѣшнему Султану Абдуль Меджду предстояла слава совершенно обновить Св. Софію, освободивъ ее отъ лишнихъ подпоръ вѣшнихъ и отъ той грубой извести, которою первые завоеватели обезобразили стѣны и даже нѣкоторые столбы; теперь все открыто, кромѣ ляковъ, и по прежнему сіяеть.

Вотъ мы уже внутри самой церкви. Признаюсь, менѣе непріятное впечатлѣніе произвели на меня Турки, нежели наши Христіане и еще называющіеся православными. Хотя мы только двое, съ почтеннымъ и знаменитымъ авторомъ нашимъ Княземъ П. А. Вяземскимъ, взяли на свое имя фирманъ для осмотра Св. Софіи, однако мало по малу собралось непримѣтно большое число посѣтителей и даже дамы, вовсе намъ неизвѣстныя; потому что, какъ только услышатъ въ Константинополѣ, что есть фирманъ для входа въ храмъ Св. Софіи, всѣ въ него стремятся. Въ одно время съ нами ворвалось туда и довольно народа, большею

частію изъ Грековъ и Армяпъ, которые съ жадностью ожидаютъ такого случая. Они бродили безъ всякаго благоговѣнія по храму, въ своихъ красныхъ фескахъ, которыя носятъ обыкновенно въ комнатахъ и церквахъ, но не производили на меня столь грустнаго впечатлѣнія, какъ шляпы бывшихъ съ нами посѣтителей.

Надобно видѣть Св. Софію предъ вечеромъ, когда лучи солнца проникаютъ во всю глубину ея, чрезъ западное обширное окно верхней галлерей. Стѣны ея до самыхъ хоръ покрыты разноцвѣтнымъ мраморомъ, ясписомъ и порфиромъ, и довершаютъ великолѣпіе мозаиковъ при солнечномъ блескѣ. Колонны, коихъ считается болѣе 80 по всему храму, собраны были изъ знаменитѣйшихъ капищъ языческихъ и здѣсь придаютъ много красоты зодчеству, поддерживая легкія аркады хоръ и углубленій алтарныхъ. Восемь, древняго зеленаго мрамора, взяты были нѣкогда Императоромъ Авреліаномъ, изъ капища Сирійскаго Баалбека, для украшенія Солнцева храма въ Римъ: на нихъ собственно лежатъ боковые хоры, или гинекіонъ, гдѣ стояли женщины. Столько же драгоценныхъ порфировыхъ столбовъ поставлено по угламъ собора въ его полукружіяхъ; они принадлежали славному капищу Діаны Ефесской. Не менѣе драгоценны и прочія меньшія колонны верхнихъ галлерей.

Разсматривая убранство древняго алтаря, не могъ я однакоже согласиться съ нынѣшнимъ обновителемъ Св. Софіи. Привыкшіи къ тѣснотѣ за-

паднаго пресбитеріума, или алтаря, и судя по Римскимъ базиликамъ, онъ ограничивалъ алтарь Св. Софіи однимъ горнимъ мѣстомъ съ его сопрестоліемъ, и основывалъ свое мнѣніе на томъ, что при оконечностяхъ сопрестолія есть два боковые выхода, а между ними мраморный кругъ на помость, теперь уже пониженномъ, означалъ будто бы мѣсто престола. Но въ такомъ случаѣ весь алтарь не имѣлъ бы даже и пяти сажень глубины, что не соответствуетъ величію и пространству храма и самому устройству восточныхъ церквей, въ которыхъ алтарь занимаетъ почти третью часть. Если же отнести иконостасъ къ двумъ основнымъ столбамъ, которые поддерживаютъ куполь, то внутри алтаря будетъ тринадцать сажень, и это болѣе соразмѣрно съ протяженіемъ всего храма; тогда взойдутъ въ алтарь и два боковыя полукружія съ порфиrowыми столбами Ефесскими, а позади ихъ жертвенникъ и ризница сами собою обозначатся, весьма прилично, въ углахъ собора. Иначе нельзя себя представить многолюднаго служенія, потому что не болѣе шести Епископовъ могли бы стать по сторонамъ Патріарха въ алтарь, какой назначаетъ Фоссати, а прочему клиру не было бы и мѣста. Онъ предполагалъ, что жертвенникомъ и діаконикомъ служили двѣ отдѣльныя палатки, примыкавшія, съ обѣихъ сторонъ горняго мѣста, извнѣ къ восточной стѣнѣ алтаря, и которыя были разрушены Султаномъ Селимомъ, когда онъ хотѣлъ поддержать быками эту часть здавія: отдѣльная ризница такого

рода еще существуетъ у сѣверной стѣны и имѣетъ сообщеніе съ храмомъ; въ ней и доселѣ хранится масло для лампадъ мечети. Но хотя въ нѣкоторыхъ древнихъ церквахъ Грузіи, современныхъ Св. Софіи, есть такіе отдѣльные жертвенники, пристроенные съ боку, однако здѣсь это не соответствовало бы правильности и красотѣ цѣлаго, которое такъ замѣчательно общею своею гармоніей, да и самое богослуженіе не могло бы совершаться съ подобающимъ благолѣціемъ.

Въ пользу той черты, которую я назначаю для иконостаса, свидѣтельствуемъ еще драгоценный мозаическій кругъ, на помостъ съ правой стороны, тамъ, гдѣ стояла вѣроятно каедрa патриаршая, подлѣ клироса, на такомъ точно разстояніи, какъ это мы видимъ въ нашихъ церквахъ. Но прежнее возвышеніе помоста алтарнаго было снято, и устроено новое деревянное по нуждамъ мечети; слѣдственно нельзя судить о положеніи амвона и ступеней. Впрочемъ иконостасъ Св. Софіи былъ открытій, какъ у Св. Марка въ Венеціи или въ Пицундѣ, что въ Абхазіи, построенной также Іустиніаномъ. Онъ состоялъ изъ мраморнаго основанія, или низкой стѣнки, съ прозрачною, весьма искусною рѣзьбою; на ней стояли тонкія порфировыя колонны съ карнизами, сплетенными изъ голубей и крестовъ. Два такихъ столба поставлены въ позднѣйшее время, какъ украшеніе, при входѣ въ храмъ съ восточной стороны, а двѣ рѣзные плиты иконостаса успѣлъ спасти зодчій, и вста-

вилъ ихъ, вмѣсто рѣшетокъ, съ обѣихъ сторонъ верхнихъ галлерей, тамъ, гдѣ онѣ примыкаютъ къ алтарю. Но по его размѣру, не болѣе шести подобныхъ колоннъ, могли помѣститься на черту предполагаемаго имъ иконостаса, и ему самому это кажется страннымъ, потому что въ базиликѣ Св. Марка, которая гораздо меньше, такихъ столбовъ двѣнадцать, по числу Св. Апостолъ: а на томъ мѣстѣ, гдѣ я назначаю сію черту, они могутъ помѣститься всѣ и будутъ соразмѣрнѣе по своей толщинѣ. Къ тому же, и у Св. Марка, иконостасъ поставленъ не близъ горняго мѣста, но у начала раздѣленія вѣтвей креста: а базилика Венеціанская была снискомъ Византійской. Но такъ какъ Церковь Восточная не принимаетъ ваянія, то не было и на сихъ столбахъ статуй апостольскихъ; позади ихъ задергивалась, какъ въ святилищѣ ветхозавѣтномъ, великолѣпная завѣса съ ткаными по ней иконами, вмѣсто Херувимовъ, которыми украшена была завѣса, отдѣлявшая Святаго Святыхъ, ибо Іустиніанъ старался подражать, въ чемъ можно было, Соломонову храму.

Вообще въ Св. Софія, какъ явствуетъ изъ оставшихся мозаиковъ, было весьма мало иконъ, развѣ только въ куполахъ и на сводахъ. Посреди главнаго купола еще нѣсколько сохранился ликъ Господа Вседержителя, но теперь опять онъ закрытъ: отъ него разбѣгаются лучами золотыя арабески. Надъ горнимъ мѣстомъ, поверхъ трехъ оконъ, существуетъ еще великолѣпная мозаика:

Божія Матерь сидитъ на пурпурномъ одрѣ, и подлѣ нея стоитъ Божественный Младенецъ, благословляющій съ такимъ правильнымъ перстосложеніемъ, что суеумудрствующіе старообрядцы наши необходимо должны бы согласиться съ нами; сія отчетливость въ сложеніи перстовъ наблюдается во всѣхъ ликахъ. По сторонамъ были начертаны два Ангела большіе съ жезлами, вѣроятно рипидами, и съ монограммою имени Христова въ рукахъ. Сохранился одинъ только Ангелъ съ правой стороны, и доселѣ можно различить изъ подъ краски очеркъ его, равно какъ и самый ликъ пречистой Дѣвы, будто призракъ минувшей славы Св. Софіи сквозь настоящій ея сумракъ. Другихъ мозаиковъ не было въ алтарѣ, украшенномъ мраморомъ по стѣнамъ. На такъ называемой царской аркѣ, или той, что поверхъ иконостаса, есть еще ликъ Богоматери, совершенно схожій съ нашимъ, который въ Св. Софіи Кіевской, надъ горнимъ мѣстомъ, называется нерушимою стѣною; та же одежда, то же подъятіе рукъ; около нея начертанъ первый стихъ ея вдохновенной пѣсни: «величить душа моя Господа, и возрадовася духъ мой о Бозѣ Спасѣ моемъ». Нѣсколько ниже изображенъ Императоръ Греческій Іоаннъ Палеологъ старшій, укрьпившій сію арку, и видѣнъ былъ отчасти ликъ Предтечи, его Ангела. На противоположной аркѣ было также мозаическое изображеніе Матери Божіей, съ двумя другими ликами полустертыми. Тѣ Херувимы огромнаго размѣра, о которыхъ вы конечно

много слышали, теперь совершенно открыты, но только закрашены лица ихъ между шестью крылъ, потому что Турки не терпятъ никакихъ фигуръ; по крыльямъ, свободно парящимъ, разсыяны были очи сихъ многоочитыхъ небесныхъ силъ: противоположные два Херувима уже не существуютъ и новые написаны на стѣнахъ. Фоссати замѣнилъ живописью утрату мозаиковъ.

Съ сѣверной и южной стороны, въ наружныхъ аркахъ, прежде было по одному большому окну, какъ и теперь еще оно существуетъ въ западной аркѣ, но, для утвержденія потрясенныхъ сводовъ, закладены кирпичемъ боковыя окна, и вмѣсто нихъ устроены два ряда малыхъ, съ мозаиками въ промежуткахъ. Доселѣ сохранились, въ нижнемъ ихъ рядѣ, изображенія трехъ великихъ Пророковъ, Іереміи и Іезекіиля съ лѣвой стороны и Исаіи съ правой, съ хартією его пророчества о пречистой Дѣвѣ, но ликъ Давіида уже стерся; а изъ малыхъ дванадцати Пророковъ можно распознать только Аввакума и Софонію. Но за то, надъ ними между вторымъ рядомъ оконъ, вполне уцѣлѣли Святители, исключая одного; ихъ было по семи съ каждой стороны, и они совершенно напоминаютъ нашихъ Кіевскихъ, какіе доселѣ видны въ алтарь Софійскомъ; имена ихъ написаны также съ боку. Съ правой руки слѣдуютъ въ такомъ порядкѣ: Анеимъ Никомидійскій, Василиій Великій, Григорій Богословъ, Діонисій Ареопагитъ, Николай Чудотворецъ, Григорій великія Арменія,

и едва ли не Григорій Нисскій на праздномъ мѣстѣ; ликъ его стерся. Съ левой же руки: Игнатій новый, Патріархъ Цареградскій, предмѣстникъ его Меѳодій, Игнатій Богоносецъ, Григорій Чудотворецъ, Іоаннъ Златоустъ, Кириллъ и Аѳанасій Александрійскіе. Замѣчательно, съ какою историческою вѣрностію изображены оба новѣйшіе Святителя Царяграда. Игнатій, сынъ царскій, осклоненный жестокимъ тираномъ, который лишилъ жизни его родителя, представленъ безъ бороды. Подлѣ него Св. Меѳодій, пострадавшій отъ иконоборцевъ и утратившій челюсти, написанъ съ ланитами обвязанными клобукомъ иноческимъ. Патріархъ Константій говорилъ мнѣ, что съ тѣхъ поръ произошелъ обычай имѣть воскрилія на клобукахъ, вмѣсто обыкновенной формы покрывала, въ память страданія Св. Меѳодія. Судя по времени Игнатія, мозаики не должны восходить дальше X вѣка.

Быть можетъ я слишкомъ утомляю васъ подробностями; но мнѣ кажется, не лѣзя достаточно сказать о такомъ занимательномъ предметѣ, каковъ храмъ Св. Софїи. Она послужила образцемъ для первыхъ храмовъ нашей родины, хотя и не совершенно по зодчеству, но по крайней мѣрѣ по имени; и вотъ теперь, чрезъ столько вѣковъ, внезапно явилась опять на свѣтъ со всеми тайными своими сокровищами, которыхъ утрачена была самая память. Если теперь не воспользоваться такою благоприятною минутою и не записать все видѣнное,

которое какъ молнія блеснуло и опять отчасти скрылось, и все слышанное отъ того зодчаго, кто обновлялъ родное намъ святилище, то, быть можетъ, навсегда утратится преданіе минувшаго. Правда, Фоссати хочетъ издасть подробное описаніе Св. Софіи съ рисунками, но еще это не скоро исполнится; ктому же, какъ человекъ западный, хотя и любознательный, не можетъ онъ смотреть на Св. Софію нашимъ православнымъ глазомъ.

Онъ устроилъ въ ней новую весьма изящную кафедру для Султана, во вкусъ той кафедры проповѣдниковъ, которую похитили Венеціане для своихъ Дожей; колонны же собралъ подъ нее на улицахъ Царяграда, гдѣ онъ брошены были, какъ остовы, выглядывавшіе изъ подъ земли. Говоря о тѣхъ предметахъ, какіе похитили Венеціане изъ Св. Софіи, я не могу согласиться съ преданіемъ народнымъ, будто корабль, нагруженный ея сокровищами, потонулъ около острова Мармары и досель кипитъ на этомъ мѣстѣ море и благовоніе изъ него исходитъ. Чувство народное, оскорбленное утратою самыхъ дорогихъ своихъ сокровищъ, не старалось ли утѣшить себя тою мыслию, что по крайней мѣрѣ они не достались и похитителямъ? Я видѣлъ въ Венеціи чудную икону Влахернскую, видѣлъ и такъ называемую *palla d'oro*, которая служила на престольной доскѣ алтаря Софійскаго, и много еще другихъ драгоценностей Византійскихъ, похищенныхъ собственно изъ Св. Софіи. Что касается до обруча отъ кладязя Самарійскаго,

о которомъ говоритъ Патріархъ въ своей книгѣ Константинадъ, будто онъ и доселѣ въ Св. Софіи, то я никакъ не могу назвать симъ именемъ два большіе мраморные кувшина, гораздо позднѣйшихъ временъ, въ которыхъ хранится вода при входѣ въ церковь. Скорѣе можно согласиться съ преданіемъ Римскимъ, которое указываетъ Самарійскій кладязь на дворъ Латерана.

Чудно зрѣлище всего храма отъ царскихъ входныхъ дверей, потому что тутъ обширное святилище открывается въ полномъ величіи своихъ размѣровъ; но грустно смотрѣть къ алтарю и видѣть на горнемъ мѣстѣ, вмѣсто каедръ патріаршей, рѣзную сѣнь, устроенную для храненія корана. Она нѣсколько сдвинута вправо, по направленію Каабы, и самую неправильностію своего положенія свидѣтельствуетъ о несвойственности такого влагалища и того, что въ немъ хранится, для Св. Софіи. Слово Божіе да услышится опять вмѣсто суетнаго слова человѣческаго, въ храмъ Премудрости Божіей, и да утѣшатся имъ сердца вѣрующихъ!

Теперь подыдемся на хоры, на которыхъ также сохранилось много занимательнаго. Нѣсколько было на нихъ восходовъ изнутри храма, и два средніе служили собственно для діаконовъ, когда они ходили кадить въ отдѣленіе женское съ обѣихъ сторонъ. По четыремъ угламъ собора не было вовсе ступеней въ отлогихъ восходахъ. Та же чудная колошпада зеленого древняго мрамора, но только въ меньшихъ размѣрахъ, предста-

вляется и на верхнихъ галлерейхъ, которыя обнесены низкими перилами изъ мраморныхъ изящно изваянныхъ плитъ. Такія же перила, съ изваяніями орловъ и цвѣтовъ, украшаютъ хоры Кіевскаго собора Св Софіи. Стѣны и своды сихъ галлерей покрыты были мозаиками, но съ лѣвой стороны они осыпались. Тутъ находилось отдѣленіе почетныхъ боярынь Царегралскихъ, на самой серединѣ хоръ, между двухъ основныхъ столбовъ, и на перилахъ еще сохранилась глубоко вырѣзанная надпись: «мѣсто Θεодоры, именитой Патрикїи». Какое горделивое притязаніе на обладаніе мѣстомъ въ храмъ, чрезъ столько вѣковъ, когда теперь уже не извѣстно, кто была сія именитая нѣкогда жена? Не супруга ли Іустаніана, прежде нежели онъ возвелъ ее въ достоинство Императрицы, ибо такое превозношеніе внутри храма Божїа обличаетъ надменность, болѣе свойственную лицамъ низкаго происхожденія. Такова была дѣйствительно Θεодора прежде, нежели возсѣла на тронъ Византїйскій.

На противоположныхъ хорахъ, съ правой стороны, то же самое пространство между столбовъ опредѣлено было для царственныхъ лицъ женскаго пола, и тамъ всего болѣе сохранилось мозаиковъ и царскихъ портретовъ. Мраморная перегородка съ орлами отдѣляетъ это мѣсто отъ западной части хоръ; но вѣроятно была какая либо преграда и со стороны восточной, потому что не лзя думать, чтобы женщинамъ позволено было смотрѣть сверху, свободнымъ взоромъ, на совершеніе таинствъ,

внутри алтаря. Должно предполагать, что все пространство около него на хорах, съ обвихъ сторонъ, имѣло какое либо особое назначеніе. Между мозаиками одна изъ самыхъ лучшихъ осталась на простѣнкѣ, у входа въ царственный гинекеюнь; Спаситель представленъ сидящимъ между Богоматерію и Претечею: это такъ называемый денсисъ, или молитвенное предстательство ихъ предъ Господомъ. Судя по красотѣ мозаики, можно отнести ее къ лучшимъ временамъ Комниновъ. На боковой стѣнѣ начинаются царскіе портреты, однако не въ хронологическомъ порядкѣ.

Умилительно благочестіе сихъ державныхъ: они всегда хотѣли изобразить себя въ молитвенномъ положеніи по сторонамъ Матери Божіей, которая возсѣдаетъ между ними съ благословляющимъ ихъ Младенцемъ, и вездѣ та же скромная надпись, съ перемѣною только имени: «вѣрный во Христъ Государь и Самодержецъ Римлянъ». Какъ трогательно читать во главѣ всякаго титла: «вѣрный во Христъ»; этимъ болѣе всего они дорожили и потому ни гдѣ не опущено свидѣтельство ихъ православія. Такимъ образомъ представленъ Императоръ Константинъ Мономахъ и Зоя его супруга, внука Багрянороднаго, по сторонамъ Богоматери; далѣе Константинъ Багрянородный и Ирина мать Алексія Комнина младшаго, опять съ Владычицею, сѣдницею посреди ихъ, и самъ Императоръ Алексій, въ юношескомъ возрастѣ, и Александръ, братъ Императора Льва Премудраго. Въ-

роятно было и много другихъ, но они стерлись; одна нижняя часть мозаиковъ отпала, но до пояса весьма хорошо сохранились фигуры. Одежда Царей уже не имѣетъ простоты Иустиніановой и Константиновой: она вся испещрена золотомъ и яркими камнями, и напоминаетъ отчасти царское одѣяніе первыхъ Романовыхъ. Цари сіи уже носятъ бороду, но ее нѣтъ у Комниана, по его молодости. На головѣ ихъ не діадыма, какъ у древнихъ Кесарей, но полные вѣнцы въ видѣ митръ; еще великолѣпнѣе трехзубчатая высокія тіары Императрицъ Зои и Ирины и ихъ облаченіе, соблюденное во всей точности. Достоинно вниманія и то, что каждый Императоръ держитъ въ рукахъ мѣшокъ, я полагаю, съ деньгами, какъ знакъ пожертвованія храму Божію; но Патріархъ Константиій увѣрялъ меня, что въ ихъ рукахъ не золото, а земля ради смиренія, дабы тѣмъ свидѣтельствовать, что они, по выраженію Авраама, отца вѣрующихъ, только прахъ и земля предъ Господомъ. Не знаю до какой степени справедливо такое толкованіе, но во всякомъ случаѣ оно умилительно. Императрица Зоя держитъ въ рукахъ длинный свитокъ, и на немъ написано: «изъ рода Константинова,» а подлѣ ея лика: «Зоя благочестивая Августа;» то же титуло дано и Ирину. Вотъ все, что сохранилось отъ мозаиковъ въ галлерейхъ и въ цѣломъ храмѣ. Я ихъ всѣ исчислилъ со всевозможною отчетливостію, по видѣннымъ мною рисункамъ, чтобы память о нихъ сохранилась на будущее время, если

паче чаянія люди и время довершатъ свое опустошеніе.

Дверь, которою входили Царицы и Царевны съ боковой лѣстницы на хоры, была закладена, и преданіе народное говорило, будто тутъ, въ тѣсной палаткѣ или церкви, заключенъ, со времени завоеванія Царяграда, священникъ, совершавшій тогда литургію, и что еще досель живъ. Я слышалъ и прежде о такомъ преданіи въ Молдавіи, во время похода 1828 года, но мнѣ иначе рассказывали: будто бы самъ Патріархъ соборно совершалъ литургію въ Св. Софіи, въ ту минуту, когда ворвались Турки внутрь святилища, и что сами собою заключились царскія врата алтаря, въ который никто съ тѣхъ поръ не смѣлъ проникнуть, литургія же будетъ продолжаться до времени освобожденія Царяграда; тогда только, при отверстіи царскихъ вратъ, отъидутъ на вѣчный покой священнодѣйствовавшіе въ теченіи столькихъ вѣковъ. Преданіе это вкоренилось однако такъ сильно въ сердце народа, что никто изъ работниковъ Греческихъ не рѣшился выломать завѣтной двери, ожидая съ ужасомъ явленія четырехсотлѣтняго пресвитера. Архитекторъ принужденъ былъ заставить Турка коснуться двери, но и тотъ не безъ страха выполнилъ его приказаніе. Такъ много жизни бываетъ въ одномъ сказаніи, безотчетно брошенномъ въ сумракъ вѣковъ!— Нашли малую комнату, съ углубленіемъ къ востоку, гдѣ можно предполагать мѣсто алтаря, можетъ быть тутъ совершалась иногда ли-

тургія для царственныхъ лицъ. Архитекторъ едва не провалился самъ въ глубокую яму давно сломаннаго помоста: тутъ было найдено много Турецкихъ записей и счетовъ, но ни одной рукописи Греческой, хотя Патріархъ Константій предполагалъ, что здѣсь должна была храниться библіотека Софійская. Фоссати положительно сказалъ мнѣ, что не нашелъ желанныхъ книгъ, и ему можно повѣрить, потому что онъ всѣ осматривалъ съ большимъ тщаніемъ, и даже рылся подъ основаніями собора, чтобы найти клады и тайные ходы къ морю, о которыхъ ему много говорили. Все оказалось сказкою народною, облеченною въ поэзію минувшаго! Но не далеко отъ Св. Софій, тамъ, гдѣ онъ строитъ для Турковъ университетъ, нашлось нѣсколько порфириновыхъ саркофаговъ, безъ сомнѣнія царскихъ, по ихъ величинѣ и красотѣ, хотя и безъ имени; они теперь около церкви св. Ирины.

Въ западной части хоръ, на южной ихъ оконечности, тамъ, гдѣ народная молва говорила о чудно свѣтящемся крестѣ, существовалъ довольно пространнѣй придѣлъ, и дѣйствительно на его дверяхъ свѣтился крестъ изъ золотыхъ мозаикъ, который щадилъ и Турки; теперь уже его нѣтъ послѣ обновленія храма. Придѣлъ сей давно обращенъ былъ въ складочное мѣсто для всякаго хлама; но на его сводахъ еще сохранились, хотя и слабо, нѣкоторые фрески, деисусъ надъ входомъ и лики святыхъ на сводахъ, хорошей живописи, судя по искаженнымъ остаткамъ. Алтарь былъ у

самаго входа съ лѣвой стороны, ради восточнаго направленія, и тутъ же въ его углубленіи видно мѣсто жертвенника. Вѣроятно это былъ единственный придѣлъ въ цѣломъ обширномъ храмѣ, если только не существовалъ еще одинъ малый въ гинекіонѣ для царственныхъ женъ; потому что въ древности не имѣли обычая умножать безъ нужды число придѣловъ, и не обращали въ боковые алтари отдѣльныхъ жертвенника и діаконикона, столь необходимыхъ для порядка богослуженія.

Обширное итальянское окно, съ мраморными переплетами рамы, занимаетъ всю наружную арку западныхъ хоръ, и я сожалѣлъ, что еще день не склонился къ западу, дабы мнѣ полюбоваться вечернею картиною Св. Софїи, когда вся она обращается въ одинъ чудный порфировый водоемъ, преисполненный волнующимися лучами солнца; но довольно и того, что удалось мнѣ видѣть; конечно ничего подобнаго въ мїрѣ я не увижу.

Какъ жаль, что пынѣшніе зодчіе, вмѣсто того, чтобы подражать чуднымъ образцамъ древности, вполне соответствующимъ всѣмъ потребностямъ богослуженія, хотятъ непременно создать что либо новое свое, и при такомъ желаніи останутся всегда далеко отъ сего совершеннѣйшаго произведенія Христіанскаго зодчества! Правда, оно обезображено снаружи пристройками, которыми принуждены были, въ различныя времена, подкрѣплять потрясенное зданіе, но за то внутренность его есть невыразимый идеалъ красоты художе-

ственной. Турки хотѣли подражать ему въ главныхъ своихъ мечетяхъ, Баязида, Солимана, Ахмета и другихъ, но они не умѣли соблюсти изящности размѣровъ Софійскихъ. Къ тому же Св. Софія создана для церкви, а не для мечети, и собственно для православнаго богослуженія, потому что устройство древнихъ базиликъ Римскихъ болѣе свойственно было обрядамъ западнымъ. О еслибы когда-либо пришло у насъ на мысль создать Св. Софію въ первопрестольной столицѣ, какъ у насъ уже есть вѣрный снимокъ храма св. Гроба! Какое бы это было сокровище для Россіи! — Скажу кратко: мнѣ еще предстоитъ видѣть многое на Востокъ, и я уже видѣлъ довольно любопытныхъ предметовъ; но если бы все мое путешествіе ограничилось однимъ посѣщеніемъ Св. Софіи, я и тогда бы не считалъ потеряннымъ время и труды долгаго странствія до Царяграда; до такой степени удовлетворяетъ и взорамъ и сердцу Св. Софія! По истинѣ здѣсь исполнились слова Пророческія: «Премудрость созда себѣ домъ».

ПИСЬМО II.

ХРАМЪ СВ. ИРИНЫ И СЕРАЙ.

Буюкъ-дере 15 Июля 1849.

Выходя изъ храма Св. Софіи, я помнилъ приказаніе ваше, посѣтить и храмъ Св. Ирины, и легко могъ это исполнить, по близости мѣста, потому что одна только стѣна древней Византіи раздѣляетъ между собою обѣ церкви, сооруженныя великимъ Константиномъ, во имя премудрости Божіей и мира; Греческое слово Ирина знаменуетъ миръ. Стѣна сія, укрѣпленная башнями отъ залива золотого рога до Мраморнаго моря, служила и служитъ доселѣ, оградой палатамъ Кесарей и Султановъ, которыя съ своими кипарисовыми садами занимаютъ весь треугольникъ древней Византіи. Высокія врата, по сіе время ознаменованныя названі-

емъ Императорскихъ , и еще весьма недавно ужасавшія народъ головами враговъ Порты , которыя на нихъ выставлялись для позорища , служатъ торжественнымъ входомъ на первый дворъ Серая или дворца ; въ лѣвомъ углу его стоитъ храмъ Св. Ирины , храмъ мира , обращенный , какъ бы на перекоръ сему имени , въ хранилище оружія , ибо тамъ придворный арсеналь а не мечеть ; долго не разръшали Турки входить въ ея завѣтную внутренность .

Мнѣ пришло на мысль , до какой степени Великіе Князья наши старались подражать во всемъ Императорамъ Греческимъ . Ярославъ великій , соорудивъ храмъ Св. Софіи , въ память Византійскаго , воздвигъ на такомъ же точно разстояніи отъ митрополіи и церковь Св. Ирины , которой развалины были недавно открыты подъ валомъ стараго Кіева ; не подалеку и золотыя врата , долженствовавшія напоминать Цареградскія . Съ сѣверной стороны спускаются подъ низкіе своды сего древняго святилища , которое вросло въ землю отъ натиска вѣковъ , и тѣмъ внушаетъ еще большее благоговѣніе ; но грустное чувство наполнить душу , когда обратившись къ востоку , вы внезапно увидите предъ собою бывшую церковь , уставленную ружьями , во всю длину ея , отъ входнаго портика до углубленія алтарнаго ; два вооруженные истукана стоятъ , какъ бы на стражѣ , позади рѣшетки , заключающей арсеналь , и хотя она открылась предъ нами , сердце невольно стѣснилось при входѣ въ обезобра-

женный храмъ втораго вселенскаго Собора. Быть можетъ, вамъ это не было извѣстно, но здѣсь соединилъ Императоръ Θεодосій, въ своей придворной церкви, сто пятьдесятъ православныхъ Святителей по среди бури Аріанства; здѣсь изъ устъ вселенскихъ Отцевъ огласился сей торжественный догматъ Православія, свято соблюдаемый нами въ отношеніи къ символу Никео-Константинопольскому: «и въ Духа Святаго, Господа животворящаго, иже отъ Отца исходящаго, иже со Отцемъ и Сыномъ споклоняема и славима, глаголавшаго Пророки.» Не напрасно замѣтилъ Римлянамъ великій Маркъ Ефесскій, какъ премудро отдѣлили Святители догматъ исходящія отъ единаго Отца, отъ совокупнаго прославленія Духа Святаго со Отцемъ и Сыномъ; ибо если бы не было сего важнаго, существеннаго различія, не выразились бы съ такою точностію и Отцы соборные. Входя во внутренность бывшаго святилища, я громко произнесъ осмой членъ символа, и уцѣлвшіе доселѣ своды, которые некогда огласились симъ чистымъ исповданіемъ нашей вѣры, могутъ служить обличеніемъ для дерзнувшихъ присоединить суетные вымыслы человѣческіе къ евангельскому ученію вселенскаго Собора.

Церковь Св. Ирины не образуетъ правильнаго четверугольника, какъ Св. Софія, но простирается болѣе въ длину, нежели въ ширину, какъ прежнія базилики, хотя имѣетъ куполъ. Я вымѣрилъ шагами пятнадцать сажень отъ входной арки до возвышенія алтарнаго, которое еще уцѣлело, и семь ши-

рины при входѣ; внутри же нельзя было вымѣрить поперечника, потому что выстроены вокругъ деревянные хоры для складки оружія. Алтарь занималъ четыре сажени съ полукружіемъ горняго мѣста, поднятаго на одну ступень, и такой же ширины галлерей съ обѣихъ сторонъ сокращала церковь. Мраморный водоемъ съ небольшимъ кладземъ находится теперь на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ престолъ; вся горняя арка украшена рыцарскими шлемами крестоносцевъ и Грековъ, между коими есть весьма драгоцѣнные, по ихъ золотымъ насѣчкамъ, хотя теперь и заржавленнымъ. Братъ мой, начальствовавшій войсками нашими въ 1833 году въ Царьградѣ, воспользовался даннымъ ему отъ Порты позволеніемъ, и снялъ шестомъ нѣсколько такихъ шлемовъ съ сей горней арки; въ числѣ ихъ нашелся одинъ царственный по своему великолѣпію. Теперь позволено всходить на деревянныеходы и въ то завѣтное отдѣленіе надъ самымъ алтаремъ, гдѣ хранится лучшее оружіе; своды и стѣны сей церкви, древнѣйшей изъ всѣхъ въ Царьградѣ, выкрашены грубою желтою краскою, подъ которой вѣроятно есть еще остатки мозаиковъ, какъ и въ Св. Софіи, если только не повредила ихъ известь. Четыреугольный дворъ, какъ въ старинныхъ базиликахъ, пристроенъ съ запада ко храму Св. Ирины, и въ немъ есть еще малый овальный водоемъ, служившій крещальнею, куда струится вода изъ фонтана. Христіане съ благоговѣніемъ черпаютъ сію воду, которая, не знаю

почему, называется Златоустовой; но конечно и Богословъ и Златоустъ черпали изъ сего источника и крестили въ сей купели. Древніе памятники и саркофаги поставлены посреди двора, и въ боковой палатѣ собрано нѣсколько древностей, любознательностію зятя нынѣшняго Султана, Ахметъ-Фети-Паши; но, кромѣ одного саркофага изъ краснаго порфира съ крестомъ, это все болѣе остатки временъ языческихъ.

Снаружи храма Св. Ирины, около стѣны церковной, собраны также нѣсколько саркофаговъ и обломковъ. Тутъ великолѣпный порфиновый гробъ царевны Аркадіи, дочери Императора сего имени съ изваяннымъ крестомъ, альфой и омегой, которыя знаменуютъ начало и конецъ человѣческой жизни; тутъ и мраморное основаніе колонны, воздвигнутой въ честь ея матери, Императрицы Евдокіи, гонительницы Златоуста. Латинская надпись еще гласитъ, что Симпликій, префектъ города, поставилъ сей памятникъ Евдокіи Августъ. Недалеко отъ храма Св. Ирины, возвышаются посреди двора два огромныхъ явора (платана), которые конечно современны имперіи Греческой. Одинъ изъ нихъ имѣетъ семь сажень окружности, и въ дуплѣ его образовалась какъ бы келлія. Подъ ихъ широкую тѣнь собирается доселѣ многочисленная прислуга сановниковъ Порты, или начальниковъ монетнаго двора, который находится по сосѣдству храма, и весьма живописна эта разнообразная группа всадниковъ и коней, прохлаждающихся подъ

снїю Византїйскихъ платановъ. Я всегда съ особеннымъ уваженїемъ смотрю на сихъ древесныхъ старцевъ, коими природа утѣшаетъ людей, и которые, безъ всякаго лицепрїятїя, распространяютъ въковую тѣнь свою на весь племена, смѣняющїя другъ друга у ихъ корня.

Теперь, такъ какъ мы уже на первомъ дворѣ Серая, хотите ли взойти со мною и на второй и на третїй внутреннїе дворы его, потому что это не только жилище Султановъ, но и Кесарей? Долго было оно завѣтнымъ для всякаго иновѣрца; посланники еще входили на второй дворъ и только заглядывали на третїй, сквозь такъ называемыя врата блаженства. Теперь все открыто, надобно только имѣть фирманъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ исчезла вся таинственная поэзія сего страшнїща Европы, съ котораго сбѣжала мало по малу грозная тѣнь Оттоманская. — Султанъ Махмудъ, ожесточенный кровавыми событіями янычарскихъ бунтовъ, возненавидѣлъ древнее жилище своихъ предковъ; съ нимъ удалился его гаремъ по лѣтнимъ и зимнимъ дворцамъ Воспорскихъ береговъ, Азіи и Европы, и опустѣвшїя палаты сдѣлались достояніемъ любопытныхъ. Такъ проходитъ все славное и все грозное сего непостояннаго міра! Теперь свободно заглядываютъ въ упраздненную ложу великаго Визиря у вратъ блаженства, предъ которою шумѣли янычары и трепетали посланники, какъ бы въ лъвиную берлогу, отколь уже удалались страшные жильцы. Но я увлекаюсь предметомъ и потому

не лучше ли возвратиться намъ на нѣсколько шаговъ, чтобы ввести васъ постепенно въ бывшее святилище Оттомановъ.

Средними вратами, Орта-капу, входятъ съ перваго наружнаго на второй внутренней дворъ Серая, обставленный кругомъ мраморными колоннами, по которому тянется длинная аллея кипарисовъ, до самыхъ вратъ блаженства. Хотя раззолоченныя украшенія средняго входа и навѣсъ лежащій на колоннахъ вокругъ двора, совершенно въ восточномъ вкусѣ и напоминаютъ устройство Арабскихъ мечетей Каира, однако колонны всѣ древнія, изъ лучшихъ мраморовъ, и я полагаю, что основная мысль сего изящнаго портика еще Византійская: Турки замѣнили только его легкія аркады, болѣе тяжелымъ навѣсомъ, такъ какъ они старались подражать въ зодчествѣ Грекамъ, хотя и не всегда удачно; всѣ ихъ мечети снимки со Св. Софіи. Можетъ ли быть, чтобы и дворецъ Кесарей не послужилъ образцемъ завоевателю Магомету, когда, чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ покоренія Царьграда, оставилъ онъ первое свое жилище среди города, нынѣшній Эски-Серай, для болѣе роскошныхъ палатъ Августѳона на крайнемъ мысу Царьграда. Сердце мое болѣе мирится съ этою мыслию, при посѣщеніи опустѣвшихъ чертоговъ Византійскихъ. Раззолоченный кіоскъ за рѣшеткой, который называется ложею великаго Визиря и нѣсколько далѣе башня Бостанжи — баши, въ лѣвомъ углу двора, гдѣ совершались жестокія пытки, одинъ

только свидетельствуют теперь о минувшемъ его значеніи.

Въ этомъ кіоскѣ обыкновенно угощаль Визирь пословъ иностранныхъ, прежде нежели представлять Султану во вратахъ блаженства, и заставлялъ ихъ ожидать по цѣлымъ часамъ, это счастливое мгновеніе. Для большей важности, рѣшалъ онъ предъ ними нѣсколько тяжбъ народныхъ; потомъ уже, испросивъ у своего Властителя дозволеніе накормить и одѣть ихъ, чтобы они могли въ приличномъ видѣ явиться предъ его свѣтлые очи, Визирь облакалъ ихъ въ богатыя шубы и велъ на третій дворъ Серая и, по принятому издавна обычаю, посланники покорялись всѣмъ этимъ обрядамъ; но за то нашъ Русскій вельможа Князь Репнинъ, одинъ оплатилъ за всѣхъ надменнымъ Оттоманамъ. Это было послѣ славнаго мира Кучукъ-Кайнарджи. Посолъ нашъ вполне чувствовалъ и хотѣлъ поддержать достоинство своей имперіи; съ своей стороны Турки, раздраженные нашими побѣдами, искали мелкими оскорбленіями выместить именованному послу за славу нашего оружія. Долго обыкновеннаго длилось ожиданіе Султанскаго приѣма, и спустя долгое время послѣ трапезы, все еще не выходило рѣшеніе явиться Падишаху. Репнинъ потерялъ терпѣніе; наконецъ онъ услышалъ, изъ устъ великаго Визиря, желанное приглашеніе; но въ свою очередь просилъ его подождать нѣсколько минутъ, какъ бы по внезапной немощи отъ его гостепріимной трапезы; эти минуты длились долго. Султанъ окру-

женный всемъ блескомъ своего двора, сидѣлъ въ кіоскъ; великій Визирь, съ цѣлою свитою, ждалъ съ трепетомъ его гнѣва во вратахъ блаженства; въ бышенствѣ шумѣли дикіе янычары, при столь неслыханной дерзости; но посолъ Русскій ни мало не торопясь, облекся опять въ богатую шубу ему дарованную, не позволилъ, по принятому обычаю снять съ себя оружія, и съ полнымъ достоинствомъ предсталъ Султану, изумивъ своею отважностію всѣхъ сановниковъ высокой Порты;—анекдотъ слишкомъ характеристическій, чтобы умолчать о немъ. Когда еще помнятъ въ Царьградѣ, что два наши посла, Обресковъ и Булгаковъ, сидѣли въ Семибашенномъ замкѣ, надобно чтобы и сей, въ то время мужественный подвигъ Князя Репнина, не былъ забытъ.

Вотъ мы во вратахъ блаженства (бабъ — эль-Седіетъ). — Немного однако щастія ожидало входящихъ, и едва ли не свойственнѣе имъ было бы названіе знаменитаго моста въ Венеціи, что близъ дворца Дожей, моста воздыханій: потому что страданія многихъ людей соединялись съ чувственнымъ наслажденіемъ одного человѣка, за порогомъ сихъ мнимыхъ вратъ блаженства. Противъ нихъ, на разстояніи нѣсколькихъ шаговъ, стоитъ богатый кіоскъ или пріемная зала Султана, гдѣ принималъ онъ пословъ иностранныхъ и Господарей обѣихъ княжествъ. По все было такъ осторожно предусмотрено въ Азіатской политикѣ Оттомановъ, что двери кіоска расположены не совсѣмъ противъ

воротъ блаженства, во избѣжаніе нечаяннаго выстрѣла; самая палата весьма тѣсная, такъ темна, что едва можно было рассмотреть Падишаха на его богатомъ диванѣ, въ тѣ краткія минуты, въ которыя дозволялось наслаждаться его лицезрѣніемъ.

Когда мы нѣсколько поосмотрѣлись, взоры наши начали постепенно любоваться восточными украшениями палаты, узорами стѣнъ и потолка, изящною отдѣлкою камина изпещреннаго мѣдною рѣзбою: всего драгоцѣннѣе ложе Султана, подъ бронзовымъ балдахиномъ, который весь усыпанъ бирюзой и кораллами. Больше однако можно было бы ожидать, отъ тронной залы Падишаха, обладателя двухъ морей и двухъ странъ свѣта, какъ его величаютъ. Русская пословица справедлива: «славны бубны за горами». Какъ вѣрно все то, что исторгается изъ устъ нашего умнаго и простодушнаго народа!

Изъ пріемной палаты, насъ повели въ другой отдѣльный кіоскъ къ ней прилегавшій, того же размѣра, но менѣе украшенный съ наружи: это знаменитая бібліотека Оттоманской имперіи; мраморныя изваянія въ видѣ зубцовъ дворянской короны, въ Византійскомъ вкусѣ, вѣнчаютъ два легкіе входа на крыльцо бібліотеки, такъ какъ она стоитъ на скатѣ холма, который начинаеть спускаться къ морю, отъ самыхъ дверей пріемной палаты. Съ благоговѣніемъ вошли мы въ книгохранилище, полагая найти въ немъ сокро-

вища письменности Греческой, о которой издавна гласить молва, но вокругъ представились намъ шкафы, наполненные Турецкими книгами, и все вопросы наши о Греческихъ, остались не удовлетворенными; да едва ли тутъ онъ и обрѣтаются, потому что все рукописи разставлены въ порядкѣ съ заглавіями на переплетахъ. Предъ нами очень важно разослали на полу родословіе Султановъ въ лицахъ, единственную грамоту которую могли мы разобрать, и надлежало тѣмъ довольствоваться. Лучшее сокровище сей библіотеки въ рукахъ нашихъ: это священная десница Предтечи и крестъ животворящаго древа и чудотворная икона Богоматери; онъ нечаянно здѣсь были найдены въ 1580 году при Султанѣ Ахметѣ III; когда же при его преемникѣ Солиманѣ II, Малгійскіе рыцари овладѣли кораблемъ, на которомъ плыла въ Мекку его любимая жена, Султанъ, по совѣту посла Венеціанскаго, доставилъ рыцарямъ драгоценные дары сіи вмѣсто выкупа. Такъ рассказываетъ, въ книгѣ своей о Константинополѣ, ученый Патріархъ Константій. При паденіи ордена, святыня была послана Императору Павлу Петровичу и хранится досель въ придворной церкви Сѣверной столицы. Это преданіе можетъ быть занимательно для многихъ при посѣщеніи сего храма.

Безобразныя лица евнуховъ, перемѣшанные съ красивыми лицами Ичь-оглановъ или Султанскихъ пажей, окружили насъ при выходѣ изъ библіотеки, потому что все это народонаселеніе Серая столпи-

лось на внутреннемъ дворѣ, чтобы видѣть иностранцевъ. Съ правой стороны его тянутся обширныя службы дворца, украшенныя великолѣпными колоннами; я замѣтилъ восемь изъ древняго зеленого мрамора (*vert antique*), съ таковыми же подножіями, что весьма рѣдко; тутъ жилище евнуховъ и пажескій корпусъ. Лѣвая сторона четверугольнаго двора собственно занимаема была гаремомъ, туда не пускаютъ, хотя зданіе теперь пусто; малые купола возвышаются поверхъ крышъ надъ внутренними кіосками. Мы спустились подъ своды безыменныхъ воротъ пажескаго корпуса, на малый дворикъ, облегающій съ низу внутренній садъ гарема; рѣшетка его была отовсюду завѣшана рогожками. Намъ хотѣлось съ этой стороны взойти въ нѣкоторые изъ кіосковъ дворца, особенно въ болѣе знаменитые, Эриванъ и Багдадскіе кіоски, сооруженные на память славныхъ побѣдъ имперіи Оттоманской. Хотя съ нами была почетная стража или кавасы отъ правительства, однако намъ воспротивились, и мы шагъ за шагомъ, почти силою вошли на терасу обонхъ кіосковъ. Посреди терасы находился довольно обширный водоемъ, въ которомъ если не ошибаюсь, (потому что намъ не хотѣли этаго сказать), совершилось на дняхъ по случаю рамазана, торжественное погруженіе ризы пророка, въ присутствіи Султана и всѣхъ сановниковъ Порты. Это такъ называемое празднество: Хиркатъ-эль-ріа, и самая риза хранится въ близъ лежащей палатѣ, равно какъ и зеленое знамя Магомета

санджакъ-эль-Шерифъ, величайшая святыня Магометанъ; оно выносятся только однажды въ годъ въ мечеть Ахмета и всегда сопровождаетъ на войну Султановъ; но уже этаго давно не бывало. Насъ ни за что не хотѣли впустить внутрь дворца даље водоема, увѣряя что мать Падишаха Султанша Валиде, занимаетъ теперь сіи покои; но мнѣ кажется, что если бы мы настойчивѣе показали золото, предъ нами отворились бы заповѣдныя палаты. — Чудный видъ открывается съ терасы на заливъ Золотаго рога, а изъ кіоска Багдадскаго на всю дальнюю окрестность Босфора, Мраморное море и Олимпійскій хребетъ; дальнія горы Бруссы тонули въ прозрачномъ голубомъ туманѣ; ближайшія зданія Скутари, Перы и Галаты, горѣли лучами полуденнаго солнца. Разнообразныя ихъ краски были такъ ярки, что вся панорама представлялась какъ бы Китайскою картиною безъ всякихъ тѣней, съ одними живыми цвѣтами, искусно перемѣшанными по синевѣ моря и неба.

Еще ниже, за вратами сего крайняго дворца Серая, предстала намъ, въ меланхолической купѣ темныхъ кипарисовъ, бѣлая колонна Феодосія великаго, воздвигнутая имъ въ память побѣды надъ Готтами. Далѣе на самомъ мысу Серай-бурну, обозначающемъ край Золотаго рога, стоитъ новый деревянный дворецъ Султана Махмуда, для котораго онъ сломалъ часть древней Византійской стѣны; но ничего нѣтъ занимательнаго въ его раззолоченныхъ однообразныхъ палатахъ, убранныхъ отчасти

по Европейски ; таинственно открывали ихъ предъ нами, одну за другою, какъ бы нечто необычайное, хотя и весьма обыкновенное. Мы потеряли болѣе часа на осмотръ опустѣвшаго дворца, который оставилъ Махмудъ послѣ смуты янычарскихъ, и весьма сожалѣли, что увлеклись ожиданіемъ восточной роскоши сихъ палатъ. Руководители Турецкіе обыкновенно отводятъ вниманіе Европейцевъ отъ древнихъ палатъ Султанскихъ, къ сему новому ничтожному жилищу Махмуда, и я никому не совѣтую посѣщать его, потому что это только трата времени и денегъ за открытіе каждаго изъ покоевъ, а между тѣмъ, приставники видимо обижаются, если не довольно восхищаются.

Томительно было въ самый зной подыматься, отъ крайняго мыса Серая въ гору, по всѣмъ его дворамъ до послѣднихъ вратъ Императорскихъ. Мимо Св. Софіи и новаго университета, который великолѣпно строитъ нынѣшній Султанъ, лишь бы только не для вкушенія западныхъ плодовъ сего вышшаго училища, мы направились къ мечети Султана Ахмета; она почитается второю послѣ Св. Софіи; по особенному промыслу Божію о древнемъ святилищѣ Христіанскомъ, въ Ахметовой совершаютъ всѣ торжества магометанскія Байрама и Курбанъ — байрама; сюда бывають парадные выходы Султана въ сіи знаменательные дни для Магометанъ; тутъ и закланіе агнцевъ, которые напоминають жертву Авраамову предобразовательную, когда уже совер-

шилась Христова искупительная жертва и безкровная съ тѣхъ поръ замѣнила кровавую. Чистъ отъ сей крови храмъ Св. Софїи и пощажена въ ней святыня Христіанская. Недолго оставался я внутри мечети Ахметовой, которая не смотря на свое великолѣпіе, казалась мнѣ блѣдною и мало занимательною послѣ Св. Софїи; множество оконъ ее искажаютъ, дѣлая изъ нее какъ бы обширный фонарь.

Я спѣшилъ въ Перу, чтобы тамъ заняться съ Г. Фоссати, любопытнымъ разборомъ всѣхъ его мозаическихъ рисунковъ Св. Софїи, и повѣрить на планѣ видѣнную мною мѣстность. Дорогой меня остановилъ нашъ вожатый. подлѣ гробовой палатки или тюрбе Султана Махмуда, и я взшелъ въ нее съ чувствомъ уваженія, чтобы воздать подобающую честь усопшему Властителю, котораго видѣлъ нѣкогда во всей его славу. Гробъ Султана стоитъ посреди раззолоченной залы, окруженный меньшими памятниками его близкихъ. Много такихъ тюрбе, бывшихъ Оттоманскихъ властителей, разсыяно въ различныхъ частяхъ Царьграда, но большею частію при мечетяхъ ими основанныхъ и носящихъ ихъ имя. Я любопытствовалъ узнать, почему тюрбе Махмуда, стоитъ въ такомъ уединенномъ мѣстѣ, не ознаменованномъ ни какою мечетью? и мнѣ отвѣчали: что однажды когда Султанъ проѣзжалъ верхомъ чрезъ пустырь, недавно тогда обгорѣвшій, сильнымъ вѣтромъ сдуло съ него чалму; онъ задумался и сказалъ: «видно

миъ здѣсь быть погребеннымъ.» Сыпъ его , нынѣшній Султанъ Абдулъ-Меджидъ , услышавъ о такомъ нечаянномъ словѣ своего отца , почелъ священнымъ долгомъ исполнить его волю , и соорудилъ здѣсь для него великолѣпный тюрбе. Какъ занимательны всѣ такого рода мѣстные преданія , которыя постепенно теряются съ годами , и какъ часто люди бываютъ сами себѣ пророками , не вѣдая что глаголютъ.

ПИСЬМО III.

ПРИНЦЕВЫ ОСТРОВА.

Буюкъ-дере, 17 Июля.

Вечеромъ въ тотъ же день я отплылъ на пароходъ , который служитъ для ежедневнаго сообщенія между Константинополемъ и островами Принцевъ , на второй изъ нихъ Антигону. Тамъ гостепріимный кровъ ожидалъ меня въ домъ Греческаго купца Захарова , подданнаго Россіи , который весьма расположенъ къ своимъ соотчичамъ. Четыре острова и нѣсколько около нихъ утесовъ составляютъ такъ называемую группу Принцевыхъ , которые всегда пользовались особенною свободою , даже и въ самыя тяжкія времена ига Оттоманскаго , и потому охотнѣе селились тамъ угнетенные Греки ; благорастворенный воздухъ дѣлаетъ и те-

перь острова сіи любимымъ убъжищемъ жителей столицы отъ лѣтняго зноя, а частое сообщеніе парходовъ еще болѣе умножило ихъ населеніе. Первый изъ нихъ, называемый Прота, какъ ближе лежащій къ Царьграду, меньше всѣхъ и долго не имѣлъ жителей. Весьма недавно только построили тамъ нѣсколько домовъ миссіонеры Протестантскіе, для не многихъ убогихъ семействъ Армянскихъ, которыя успѣли привлечь къ себѣ. Миссіонеры Латинскіе счастливѣе; имъ принадлежатъ богатѣйшіе банкиры Султана и главныхъ сановниковъ Порты, и чрезъ нихъ они имѣютъ вліяніе на дѣла церковныя.

Немедленно посѣтилъ я, на Антигонѣ, давняго моего знакомаго, бывшаго Патріарха Константія, мужа знаменитаго своею ученостію въ Греческомъ мѣрѣ. Въ 1830 году избранъ былъ онъ въ Патріархи Вселенскіе изъ Архіепископовъ горы Синайской, и съ честію проходилъ трудное и высокое свое поприще, въ теченіи четырехъ лѣтъ, доколѣ не удалили его козни собственныхъ согражданъ и подозрѣнія Турокъ. — Константій былъ свидѣтелемъ славнаго похода нашего на Босфоръ, для спасенія столицы Оттоманской въ 1833 году, и оказывалъ расположеніе къ Русскимъ; но памятникомъ его краткаго правленія останется навсегда мраморная церковь живоноснаго источника въ Балукли, которую онъ возстановилъ изъ четырехъ-сотъ-лѣтнихъ ея развалинъ съ помощію соотчичей нашихъ. Оставивъ вселенскій пре-

столь, онъ продолжаетъ заниматься дѣлами Синайскими и учеными трудами въ своемъ уединеніи на островѣ Антигонѣ, гдѣ выстроилъ себѣ малый домъ, изрѣдка посѣщая и Синайское подворье въ Царьградѣ. Всѣ его уважаютъ и любятъ, какъ свѣтлыника своего времени; но и въ мирномъ, по видимому, пристанищѣ не остался покоенъ осьмидесятилѣтній старецъ. Въ минувшемъ году зимою шестнадцать разбойниковъ ночью приплыли къ его дому, который стоитъ на краю селенія, и ограбили все, что имѣлъ онъ у себя драгоценнаго. Одинъ изъ нихъ держалъ Патріарха на постели, поднявъ надъ нимъ кинжалъ, пока прочіе злодѣи расхищали; особенно горестна старцу утрата нѣкоторыхъ рукописей; часть вещей была найдена вмѣстѣ съ хищниками, но деньги пропали, и Патріархъ долженъ былъ даже заказать себѣ новую панагію въ Россіи. Въ пріятной съ нимъ бесѣдѣ не примѣтно протекло время, и три раза, въ теченіи однихъ сутокъ, посѣтилъ я маститаго Святителя.

Рано утромъ, на другой день, слушалъ я обѣдню въ малой перкви Антигоны, которая сооружена была великимъ Императоромъ Θεодосіемъ; еще отъ того времени уцѣлѣлъ алтарь съ фресками однако безъ мозаиковъ; въ немъ хранится малая часть руки Предтечи, въ серебряномъ кивотѣ, имѣющемъ самый образъ руки; но хрисула царская, данная при пожертвованіи сей святыни, утрачена. Между тѣмъ, внезапно подымавшаяся буря задержала меня на островѣ, и только въ полдень могъ я

переплыть въ малой лодкѣ на противулежащій островъ Халки, отстоящій не болѣе четверти часа отъ Антигоны: это красивѣйшій изъ всѣхъ Принцевыхъ и болѣе занимательный. Цѣлое утро съ нетерпѣнiемъ смотрѣлъ я на двѣ его обители, которыя живописно представлялись издали. Одна ближайшая, успенiя Богоматери, лежала въ ложбинѣ между двухъ холмовъ, поросшихъ соснами отъ берега моря и до ихъ вершины; другая Св. Троицы, гдѣ теперь знаменитое училище Халки, возвышалась на западной оконечности острова, на высокой горѣ, которая, по обширности своихъ видовъ, называется Теофра, т. е. зрѣлище.

Мы направились къ первой, и поднялись на крутую гору, по мощеной уступами дорогѣ, освѣщенной вѣтвистыми соснами. Прежде всего намъ предстала, предъ вратами обители, обширная бѣлая ограда, съ чугуиною рѣшеткою и гранитнымъ памятникомъ внутри. Это кладбище Русскихъ плѣнниковъ, которые содержались, числомъ до тысячи шестисотъ, въ сей обители, во время послѣдней Турецкой войны, и около трехъ сотъ изъ нихъ, изнуренные ранами и томленiемъ плѣна, положили здѣсь кости свои за вѣру и отечество. Между плѣнными находились двадцать четыре офицера, которые, по освобожденiи своемъ, собрали нѣсколько денегъ, для украшенiя обители и сооруженiя памятника усопшамъ. Великiй Князь Константинъ Николаевичъ, посѣтивъ Халки, приказалъ устроить сiю ограду, и въ нынѣшнемъ году совершилось

освященіе кладбища, Архимандритомъ нашей миссіи, въ присутствіи посланнаго отъ Государя Императора къ Султану, Генераль-адъютанта Граббе. — Умилительно было мнѣ встрѣтить, столь нечаянно, усыпальницу моихъ собратій на дальнемъ островѣ Мраморнаго моря, близъ опустѣвшей обители, для которой эти славные усопшіе еще служатъ отъ времени до времени оживленіемъ. Нельзя было нигдѣ живописиѣ избрать для нихъ мѣста послѣдняго пріюта; надъ ними тихо вѣютъ родныя имъ сосны, какъ бы напоминая о далекой родинѣ; подлѣ нихъ царская цистерна Палеологовъ, полная дождевой воды, призываетъ къ отдыху мимоходящихъ, утоляя ихъ жажду, и святая обитель охраняетъ молитвенно христоклюбивыхъ воиновъ; а вдали, промежду Принцевыхъ острововъ, открываются за сѣнею пучиною моря великолѣпный Царьградъ и Св. Софія.

Я взошелъ во врата обители: обнесенная деревянными красными зданіями, поверхъ каменной стѣны, она снаружи вовсе не похожа на монастырь; внутри же двѣ низкія церкви, подъ стѣною вѣковыхъ платановъ, напомнили о ея назначеніи. Онѣ сооружены были первоначально Императоромъ Юанномъ Палеологомъ, когда отправлялся онъ на соборъ Флорентинскій, и его супругой Маріею, изъ дома Трапезундскихъ Комниновъ; но первая, во имя Претечи, совершенно разрушилась отъ пожара и на мѣстѣ ея, весьма недавно, сооружена новая Господаремъ Ипсилантиемъ, а старая, во имя

Богоматери, сохранилась въ неприкосновенной цѣлости, обновляемая отъ времени до времени. Странная судьба постигла сію царственную обитель Палеологовъ и Комниновъ. Въ началъ XVII вѣка, братство ея еще умножилось иноками, бѣжавшими изъ другаго монастыря Предтечи, основанаго тѣмъ же Императоромъ, во имя его Ангела, близъ Сизополя. Наши казаки Запорожской съчи накликали имъ бѣдствіе въ 1626 году, когда, подобно древнимъ Князьямъ Оскольду и Олегу, въ легкихъ челнокахъ своихъ переплыли Черное море и раззорили селеніе Буюкъ-дере на Босфоръ, отколь теперь пишу вамъ сію строки; на обратномъ пути они причалили къ монастырю Сизопольскому, и волей или неволей были приняты братією; въ слѣдъ за ними гнавшіеся Турки отмстили монастырю за набѣгъ Запорожскій, и раззорили его до основанія. Ему принадлежали иконы мѣстныя, которыя теперь находятся въ икопостасъ древней церкви Халкійской, и много иной утвари перешло въ нее изъ Сизополя, вмѣстѣ съ хрисовулами царскими; оттолъ и синодикъ нашихъ Царей дома Романовыхъ, ради коего обитель доселъ получаетъ милостынную дачу.

Когда жестокой пожаръ опустошилъ ее въ исходъ XVII вѣка, знаменитый Панагіоти, первый изъ Христіанъ облеченный въ санъ великаго драгомана Порты, испросилъ себѣ у Визиря дозволеніе обновить монастырь; но онъ не возстановилъ изъ развалинъ храма Предтечи, а только расширилъ

и украсилъ церковь Божіей Матери. Тогда велѣлъ написать икону ея на боковой аркѣ, по гречески камаръ, почему икона сія до нынѣ слыветъ Камариссою, привлекая къ себѣ благоговѣніе народное. Самъ Панагіоти изображенъ на стѣнѣ, въ одеждѣ великаго драгомана, и гробъ его на дворѣ монастырскомъ. Сто лѣтъ спустя пришла опять въ совершенный упадокъ древняя обитель, и снова нашелся именитый обновитель, изъ рода древнихъ влaстителей Трапезундскихъ, Князь Александръ Ипсиланти. Не безъ горняго внушенія приступилъ онъ къ сему христіюлюбивому дѣлу; разсказъ о томъ еще живаго свидѣтеля, осьмидесяти-лѣтняго старца Анеима, который раздѣлялъ его страданія и теперь секретаремъ Св. гроба, достоинъ вниманія.

Домъ Ипсилантиа пришелъ въ совершенный упадокъ между богатыми фамиліями Греческими Фанара, такъ что въ праздничные дни, не имѣя чѣмъ прилично угостить именитыхъ посѣтителей, Князь удалялся въ обитель Халки, къ которой питалъ особенное уваженіе. Однажды, проводя тамъ святки 1774 года, онъ помолился предъ иконою Божіей Матери, Камариссы, и далъ обѣтъ возстановить обитель, если возстановится собственное его состояніе. Еще не окончились праздничные дни, когда произошелъ переворотъ въ высшемъ управленіи Порты, и Султанъ Абдулъ Хамидъ внезапно назначилъ великимъ Визиремъ друга Ипсилантиева. Новый сановникъ немедленно возвелъ его въ санъ

великаго драгомана, и на островахъ Принцевыхъ нашелъ его султанскій фирманъ. Черезъ полгода, Ипсиланти облеченъ былъ въ достоинство Господаря Валахскаго, и забылъ о своемъ обѣтѣ посреди неожиданнаго величія: но однажды ночью онъ видитъ во снѣ Камариссу, требующую отъ него исполненія даннаго обещанія. Встревоженный Господарь въ то же мгновеніе написалъ грамоты ко Вселенскому Патріарху и къ покровителю своему великому Визирю, прося уступить ему въ полное распоряженіе обитель Халки, чтобы могъ обновить ее. Не было отказа сильному Господарю, и въ краткое время украсилъ онъ великолѣпно храмъ Успенія, устроилъ серебряную богатую ризу на икону Камариссы, и соорудилъ новую церковь Предтечи на развалинахъ Палеологовой.

Протекли годы; Ипсиланти два раза съ честью восходилъ на Господарскія каѳедры Валахіи и Молдавіи, и уже сынъ его княжилъ тамъ вмѣсто него, когда въ 1806 году, при заключеніи мира Бухарестскаго между Россією и Портою, весь гнѣвъ Султана Селима III обрушился на старца Ипсилантия; его заключили въ башню Бостанджи-баши, и тамъ, не смотря на преклонныя лѣта, подвергли тяжкимъ пыткамъ въ теченіи сорока дней. Съ нимъ страдалъ и вѣрный секретарь его, нынѣшній монахъ Аноимъ. Однажды, въ день воскресный, съ свѣтлымъ лицомъ просыпается страдалецъ Ипсиланти и говоритъ ему: «сегодня конецъ моимъ мукамъ; Владычица явилась мнѣ и спросила: ко-

му оставляю ея обитель? — Поручаю ея моей супругѣ». Въ тотъ же день онъ скончался; тѣло его погребено въ Халки. Подъ покровительствомъ его семейства монастырь существовалъ до послѣдней войны нашей съ Турками; послѣдній Игуменъ Самуилъ погребалъ тамъ соотечественниковъ нашихъ; но уже онъ оставался одинъ отъ цѣлаго братства. Тогда старшины Греческіе упросили Патріарха Константія уступить имъ сію обитель для училища народнаго, и оно основалось тутъ съ большимъ успѣхомъ. Многіе изъ молодыхъ Грековъ уже окончили первый курсъ въ этомъ училищѣ; другіе готовились еще воспользоваться плодами образованія, когда, два года тому назадъ, и сія единственная школа была закрыта по недоброжелательству людей, которые воспользовались внутренними несогласіями Грековъ; надѣются однако опять открыть училище въ нынѣшнемъ году.

Много именитыхъ усопшихъ приняла подъ сѣнь свою сія тихая обитель, отстраненная отъ путей человѣческихъ во глубинѣ своей рощи. Тамъ покоится знаменитый и приснопамятный для насъ Патріархъ Іерусалимскій Θεοфанъ, посвятившій въ Москвѣ, въ санъ патріаршій, Филарета Никитича и возстановившій угасшую митрополию въ Кіевѣ. Изъ числа Патріарховъ Вселенскихъ, скончавшихъ на тронѣ святительскомъ свое поприще, тамъ одинъ только Каллиникъ II, преставившійся въ 1702 го-

ду, и его мраморная гробница, съ орломъ Византійскимъ, видна позади алтаря. Но много иныхъ Патріарховъ, его преемниковъ и предшественниковъ, низведенныхъ съ престола, почиваютъ въ Халки, гдѣ обрѣли они или безбурное пристанище для остальныхъ дней жизни, или хотя послѣдній пріютъ для своихъ тѣнныхъ останковъ. Между именитыми: Гавріилъ III и Паисій I, бывшіе вскорѣ послѣ Каллиника, и два Пароенія, старшій и младшій, оба скончавшіеся мученически въ половинѣ XVII вѣка, мужи исполненные доблести Христіанской; первый брошенъ былъ въ море между островами Принцевъ, второй повѣшенъ въ Царьградѣ въ Лазареву субботу 1657 года; но православные извлекли изъ пучины многострадальнаго тѣла. Еще одинъ Святитель, самый бѣдственнѣйшій изъ всѣхъ, пять разъ восходившій на кафедру Вселенскую и ублажаемый какъ мученикъ за насильственную кончину, Кирилъ Лукаръ, обвиненный въ расположеніи къ Протестантамъ и оправданный въ послѣдствіи, нашелъ себѣ мирное пристанище въ обители Халки. Онъ былъ удушенъ и брошенъ въ море, но Пароеній старшій, его преемникъ, какъ бы предчувствуя, что таже участь его ожидаетъ, велѣлъ собрать кости страдальца, тайнѣ погребенныя, и съ честию положить ихъ въ деревянной ракъ въ алтарь Халкійской церкви; тамъ въ кивотахъ хранятся и еще два новые мученика Греческіе, извѣстные только по имени: Димитрій и Панагіотъ, одинъ изъ Хіоса, другою

изъ Кесаріи, оба пострадавшіе отъ Турковъ за правое исповѣданіе своей вѣры.

Со мною не было опытнаго руководителя, и я не оставался довольно времени въ монастырѣ, чтобы подробно осмотрѣть все, что въ немъ заключается занимательнаго. Одно изъ самыхъ любопытныхъ есть бібліотека, собранная уже въ послѣдствіи изъ многихъ мѣстъ, которая заключаетъ въ себѣ до ста пятидесяти рукописей харатейныхъ; она принадлежала некогда училищу Аѳонской горы близъ обители Ватопеда. Я видѣлъ между ними евангеліе XII вѣка, съ прекрасными рисунками того времени, и номоканонъ пергаменный, начинающійся правилами Апостоловъ, 883 года, какъ въ послѣдствіи нашелъ его помѣченнымъ въ каталогъ. Хорошо бы пріобрѣсти намъ сіи сокровища, теперь лежащія втунѣ въ оставленной обители и могущія пропасть, ибо одинъ только убогій инокъ остался на ея стражъ. Выходя изъ монастыря, я просилъ его взять съ собою эпитрахиль и кадило и отслужить для меня панихиду, надъ гробомъ Русскихъ: «да почиютъ въ миръ за вѣру и отечество животь свой здѣ положившіе!»

Прекрасная аллея развѣсистыхъ сосенъ привела меня, по отлогому скату холма, къ подошвѣ крутой горы, на которой стоитъ обитель Св. Троицы. Поднявшись на сію площадку, осыненную кипарисами и платанами, я остановился, чтобы полюбоваться очаровательнымъ видомъ, который открывался во все стороны; потому что гора сія, вѣр-

нѣе сказать холмъ, господствуя надъ островомъ, вдается въ море. Въ полномъ великолѣпїи подымался, какъ бы изъ волнъ, Царьградъ, на краю темной широко-шумящей пучины, какъ любилъ называть ее старецъ Омиръ; картина сія должна быть особенно восхитительна при восхожденїи солнца, когда, вставая изъ за горъ Анатолійскихъ, оно освѣщаетъ первыми лучами Св. Софію и кипарисовый мысъ Серая и весь своенравный лѣсъ минаретовъ Стамбула. Гористый берегъ тянулся съ обѣихъ сторонъ острова по горизонту, образуя заливы Никеи и Никомидїи; вблизи столпились соседніе острова Принкипо, Антигона и Проти, и селеніе Халки съ своими кипарисами оживляло окрестность. Это мѣсто дѣйствительно заслуживаетъ названіе Теоптры, потому что лучшей панорамы нельзя себѣ представить и невозможно было избрать приличнѣе мѣста для обители. Патриархъ Фотій указалъ оное, и хотя разрушилось отъ времени и варваровъ основанное имъ жилище иноковъ, но по любви его къ просвѣщенію, онъ какъ бы присущъ былъ духомъ своимъ къ сему мѣсту, и вотъ чрезъ столько вѣковъ, опять учредилась здѣсь обитель, и снова учатся на развалинахъ той, которой начало положилъ ученѣйшїй изъ Святителей Востока.

Съ благоговѣніемъ взошелъ я во врата сего новаго разсадника наукъ, единственной теперь духовной академіи и семинаріи, въ славившейся нѣкогда просвѣщеніемъ Византіи. Новая церковь Св. Троицы

стоитъ посреди двора обнесеннаго зданіями училища, въ видѣ правильнаго четверугольника; другой ограды нѣтъ вокругъ выспрепней площади холма. Ученики и учителя выходили въ ту минуту въ-за общей трапезы, во время коей производилось чтеніе по чину монастырскому: не болѣе сорока чловѣкъ учашихся собраны здѣсь, подѣ непосредственнымъ и завѣдываніемъ Вселенскаго Патріарха, потому что училище устроилось и содержится единственно доходами Великой Церкви, т. е. Патріархіи, безъ всякой посторонней помощи и свѣтскаго вліянія, и весь курсъ наукъ богословскій. Но учредитель онаго Патріархъ Германъ уже смѣненъ, и живетъ теперь на покоѣ, какъ многіе другіе его собратія по патріаршеству: два Константія, Анеимъ, только что оставившій престолъ, и болѣе другихъ знаменитый Григорій.— Однако училище поддерживается въ прежнемъ порядкѣ, благодаря отличному его предстоятелю, недавно посвященному въ Митрополита Ставропольскаго, Константину Тибальдо, который искалъ пріюта въ Царьградѣ отъ гоненій на островахъ Ионическихъ, за свое непоколебимое православіе. Его я встрѣтилъ впереди всѣхъ и просилъ показать училище; съ любовію исполнилъ онъ мое желаніе, но такъ какъ это было время отдыха, могъ показать мнѣ только церковь, учебныя залы и нѣкоторыя изъ келлій, гдѣ живутъ по-двое и по-трое его ученики. Они всѣ готовились къ экзамену, который долженъ былъ начаться на слѣ-

дующей недѣль, въ присутствіи Патріарха, всего Синода и обоихъ Господарей Молдавіи и Валахіи, случившихся въ городѣ. До сихъ поръ вышли изъ сего училища, основаннаго не болѣе семи лѣтъ, одни только діаконы, занимающіе должности при епархіальныхъ Архіереяхъ; но когда сами достигнутъ высшихъ степеней, можно будетъ лучше судить о плодахъ его. Любовь учениковъ къ своему учителю трогательно обнаруживается при оставленіи ими духовнаго гнѣзда, гдѣ возрасли подъ его отеческою сѣнію, потому что, кромѣ опытности въ наукахъ, онъ имѣетъ большое нравственное на нихъ вліяніе; всѣ со слезами прощаются съ Халки, и я этому повѣрю, хотя провелъ не болѣе часа въ пріятной бесѣдѣ съ Тибальдо; я нашелъ его вполне достойнымъ той молвы, которая объ немъ распространилась въ Россіи; съ ученостію классическою соединена въ немъ и образованность выходца Ионическихъ острововъ, а языки Итальянскій и Французскій, которыми онъ владѣетъ, дѣлаютъ его доступнымъ и для Европейцевъ, что большая находка для Великой Церкви. Видѣлъ я и Славянскаго учителя, но не успѣлъ много съ нимъ говорить; онъ изъ Болгаръ и мало знаетъ по Русски, хотя понимаетъ наши книги. Оба жаловались мнѣ на скудость Славянскихъ и Греческихъ книгъ въ своей библіотекѣ, и дѣйствительно, кромѣ немногихъ книгъ на разныхъ языкахъ, которыя пожертвовалъ имъ Архіепископъ Фаворскій, они не имѣютъ никакихъ элементарныхъ пособій, соб-

ственно учебныхъ, или классическихъ авторовъ для справокъ.

Тибальдо далъ мнѣ при прощаніи службу, составленную имъ въ честь Патріарха Фотія, которая переведена уже и печатается на Славянскомъ. Я спросилъ у него, давно ли Церковь Восточная ублажила Святителя въ ликъ Святыхъ? Онъ отвѣчалъ, что издавна память его мѣстно чтилась въ обители пустынной Предтечи, гдѣ онъ окончилъ дни свои въ заточеніи и которой развалины предполагаютъ не далеко отъ устья Босфора, на Азіатскомъ берегу Чернаго моря; (это явствуетъ изъ Синаксарія Никифора Θεотоки, подъ 6 числомъ Февраля); во Вселенской же Церкви, въ цедѣлю Православія, ему возглашалась торжественная память, какъ равно-апостольному исповѣднику. Такъ какъ, по обычаю многихъ обителей Греческихъ, память храмоздателя совершается на другой день храмоваго праздника, то и сія обитель, съ благословенія Патріаршаго, совершаетъ память Святителя Фотія на третій день Св. Троицы, поелику онъ создалъ во имя ея обитель, и на другой Духова дня, ибо онъ съ равноапостольною ревностію исповѣдалъ и защищалъ догматъ его исхожденія отъ единаго Отца, противъ Латинянь; это сближеніе дней весьма счастливо и прилично. Время воздать блаженному исповѣднику подобающую ему почесть, за всѣ несправедливыя гоненія, коимъ подвергался при жизни, и за всѣ клеветы Римскія по смерти, которыми и теперь стараются очернить его

память; когда народъ привыкнетъ уважать его, какъ святаго, тверже будетъ отражать нападенія Римлянъ.

И другой великій подвижникъ Православія, Маркъ Ефесскій, причтенъ Великою Церковію къ лику Святыхъ, и память его совершается 19 Января, ибо это былъ день его кончины; особенно въ Галатъ, предмѣстїи Царьграда, праздникъ Святителя Марка болѣе чествуется, ибо по мѣстному преданію полагаютъ, что онъ тутъ окончилъ дни свои, и былъ погребенъ въ древнѣйшей церкви Галаты; описаніе его житія составлено Аѳанасіемъ Парійскимъ въ книгъ его противъ Папъ. По запросу Іонической Церкви: «слѣдуетъ ли праздновать день памяти Марка Ефесскаго»? великая Церковь Константинопольская, въ началъ нынѣшняго столѣтія, соборнымъ положеніемъ причла Марка къ лику Святыхъ. Вотъ вамъ два любопытныя свѣдѣнія о сихъ двухъ ревнителяхъ Православія, и ими заключаю я мое краткое описаніе Халки; по возвращеніи же съ горы Аѳонской буду еще имѣть случай посвятить объ занимательныя обители сего острова.

Возвратясь въ Антигону, я случайно видѣлъ похороны Греческія; умерла молодая прекрасная женщина, родственница Патріарха Константія, и всѣ почетные жители острова приглашены были въ домъ, гдѣ раздавались жалобные вопли родителей и отчаяннаго супруга. Ожидали изъ Царьграда трехъ Архіереевъ для пышности обряда, потому

что, къ сожалѣнію, здѣсь много титулярныхъ Епископовъ, которые замѣнили нашихъ Архимандритовъ и живутъ милостынею при церквахъ приходскихъ. Константинопольская Церковь подражаетъ въ этомъ Римской, производя иногда безъ нужды Епископовъ *in partibus*; однако она не захватываетъ чужихъ кафедръ, какъ Римская, но раздаетъ только свои опустѣвшія епархіи.—Приплыли изъ Царьграда Митрополитъ Агаѳопольскій и два Епископа, изъ коихъ одинъ Синадскій, знаменитый проповѣдникъ; только старшій облекся въ мантию, прочіе надѣли эпитрахили, и всѣ были безъ митръ. Тѣло опрятали на открытомъ ложѣ, положивъ сверху великолѣпнѣйшія одежды, и понесли кругомъ всего селенія, останавливаясь предъ домами присныхъ для литіи; изъ оконъ лили розовую воду на усопшую. Когда тѣло пронесли мимо родительскаго дома, отчаянная мать съ воплями бросилась на тѣло дочери, чтобы сказать ей послѣднее прощаніе; вся процессія вступила уже послѣ вечерни въ сосѣднюю церковь. Чинъ погребенія былъ нѣсколько короче нашего. Епископъ Синадскій говорилъ утѣшительное слово съ чрезвычайною свободою, какъ будто бы онъ просто бесѣдовалъ съ народомъ, и такая рѣчь поразительна. Онъ былъ долго учителемъ при Галатской церкви, и за свое краснорѣчіе возведенъ въ санъ архіерейскій. Предъ тѣмъ, какъ опускать тѣло въ могилу, сняли съ него всѣ украшенія и въ саванъ безъ гроба похоронили, по мѣстному обычаю.

Вечеръ провелъ я опять въ бесѣдѣ съ Патріархомъ Константиємъ, и утромъ пароходъ довезъ меня до Царьграда. вмѣстѣ съ моимъ Аптigonскимъ хозяиномъ поспѣшилъ я въ кварталъ Греческій Фанаръ къ Вселенскому Патріарху Аноиму, который уже испыталъ однажды горькое низведеніе съ престола, и только недавно опять возстановленъ на мѣсто соименнаго ему Аноима. Грустно было мнѣ взойти на дворъ патріаршіи мимо тѣхъ воротъ, на коихъ повѣшенъ былъ мученикъ Святитель Григорій, въ самый день Пасхи; я помнилъ мѣсто, потому что за девятнадцать лѣтъ предъ симъ мнѣ указали его депутаты Сербскіе, рассказавъ страшную, еще свѣжую тогда повѣсть, которую я немедленно записалъ въ своей путевой книгѣ. Съ тѣхъ поръ уже нѣсколько разъ поклонялся я въ Одессѣ гробу страдальца, и наканунѣ отъѣзда еще разъ служилъ по немъ панихиду; щастливо отечество наше, пріобрѣтшее сокровище его мощей! — Грустное впечатлѣніе произвела на меня патріархія, убогая снаружи и внутри и не представляющая жилищемъ Вселенскихъ Святителей. Въ большой залъ встрѣтили меня нѣсколько очередныхъ священниковъ и доложили о мнѣ Святѣйшему Аноиму. Онъ сядъ по восточному обыкновенію на диванъ, и вставъ на подушки, осѣнилъ меня большимъ крестомъ. Подали обычное угощеніе, сладкое и кофе; бесѣда продолжалась на Греческомъ языкѣ нѣсколько минутъ, о цѣли моего путешествія. — Патріархъ показался мнѣ весьма

озабоченнымъ и мрачнымъ. Больно было видѣть, въ такомъ грустномъ положеніи, преемника Богослова и Златоуста на кафедрѣ вселенской; я не желалъ наружнаго блеска, который мнѣ неприятенъ былъ во владыкахъ Рима, но мы привыкли на святой Руси къ благосостоянію Святителей нашихъ. Я просилъ позволенія посѣтить его кафедральную церковь Св. Георгія, на дворѣ патриаршемъ, и мнѣ позволили ее открыть.—Это та самая, которую соорудилъ Патриархъ Цареградскій Іеремія на деньги Русскія, когда возвратился изъ Москвы съ богатыми дарами Царя Феодора, послѣ посвященія Іова въ Патриарха. Онъ прибѣгнулъ къ нашей помощи, потому что Султанъ Муратъ, сославъ его прежде на островъ Родось, отнялъ у Христіанъ бывшую великолѣпную Патриархію, во имя всеблаженной Дѣвы, *της Παναχαριδης*, и обратилъ ее въ мечеть. Со времени Патриарха Геннадія, бывшаго при завоевателѣ Царьграда, и до сего Іеремія, въ теченіи стапятидесяти лѣтъ, она служила соборнымъ храмомъ послѣ Св. Софіи, и утрата ея не могла ничѣмъ вознаградиться. Едва успѣлъ вынести изъ нее мѣстоблюститель патриаршій нѣкоторую только святыню. Нынѣшняя патриаршая церковь, хотя и съ колоннами внутри, не соответствуетъ однако достоинству Вселенскаго Святителя; иконостасъ въ ней новый; отъ древней святыни сохранилась часть столба, къ которому привязанъ былъ Господь во время біенія въ темницѣ; другую часть я видѣлъ въ Римѣ; обѣ одного темно-багроваго цвѣта. Есть

еще двѣ священныя иконы, изъ мозаики, весьма уже ветхія, Матери Божіей и Предтечи, свидѣтельствующія сами о своей глубокой древности. Съ благоговѣніемъ поклонился я сей многоиконной святынѣ, видѣвшей лучшіе дни Церкви Православной. Предо мною открыли также три деревянныя ковчега съ цѣлыми мощами: Великомученицы Евфиміи всехвальпой, которая послѣ гоненія Копронимова была перенесена изъ Халкидонскаго храма, гдѣ нѣкогда соединился подъ ея свѣцію четвертый Вселеяскій Соборъ, Саломіи, матери Маккавеевъ, и Св. Царицы Теофаніи, супруги Льва премудраго; ради нея построенъ былъ въ Константинополѣ храмъ въ честь всѣхъ Святыхъ, дабы и она, въ числѣ ихъ, не лишилась подобающей чести, если оной удостоена отъ Господа. Горняя кафедра для проповѣдниковъ и обычная патриаршая, обѣ деревянныя, испещренныя перламутромъ, привлекли мое вниманіе, тѣмъ болѣе, что имъ усвоено названіе Златоустовыхъ; но я прочелъ на верху патриаршей кафедры, послѣ буквъ поставленныхъ безъ всякаго смысла и вѣроятно перемѣшанныхъ, годъ 1085: это не гласитъ о ея древности дальше царствованія Комниновъ, свидѣтелей крестовыхъ походовъ. Еще выше есть надпись о обновленіи сей кафедры однимъ изъ Господарей Валахіи.

Подлѣ патриархіи посѣтилъ я Митрополита Ираклійскаго Панкратія, который одинъ имѣетъ право вручать жезлъ пастырскій новопоставляемому Патриарху, потому что нѣкогда убогая Византія на-

ходила въ епархіи Ираклійской: хорошо что не утратились такія преданія старины. Не смотря на то, онъ считается только третьимъ между двѣнадцати Архіереевъ, составляющихъ Синодъ патріаршіи, и ему предшествуютъ Кесарійскій и Ефесскій. Я засталъ у него двухъ Митрополитовъ, членовъ Синода, Никомидійскаго и Кизическаго. Первый изъ нихъ, услышавъ о моемъ желаніи посѣтить Никею, предложилъ мнѣ письмо къ Митрополиту Никейскому, живущему теперь въ Кіосъ на берегу залива, гдѣ пристаеетъ пароходъ, а не въ древней славной некогда Никеи; съ благодарностію принялъ я его предложеніе. Отъ Ираклійскаго Владыки зашелъ я на соседнее подворье Іерусалимское, къ давнему моему знакомцу Архіепископу Фаворскому; пріятно было встрѣтиться съ нимъ послѣ долгой разлуки.

Мнѣ хотѣлось еще поклониться иконѣ Влахернской, надъ священнымъ ея источникомъ, или агіазмою, среди развалинъ древняго дворца Кесарей; Фаворскій далъ мнѣ своего архидіаконѣ спутникомъ, въ близъ лежащій кварталъ Балата на берегу моря, такъ названный, вѣроятно, отъ бывшихъ тутъ некогда палатъ царскихъ. Подъ навѣсомъ древнихъ сводовъ обрушеннаго зданія спускаются сперва къ тому мѣсту, гдѣ стоитъ икона, и потомъ, еще нѣсколькими ступенями къ агіазмѣ, струящейся подъ низкою аркой. Зачерпнувъ священной воды изъ источника, который одинъ уцѣлѣлъ отъ всей минувшей славы сихъ палатъ, я жадно глоталъ его прохладныя струи и по обычаю поставилъ

свѣчи предъ иконой. Она не велика, въ серебряномъ выпукломъ окладѣ, и непоказалась мнѣ древнею. Патріархъ Анѳимъ говорилъ, что не по-далеку, въ церкви св. Димитрія, близъ такъ называемыхъ деревянныхъ вратъ Ксилопорта, находится священный подлинникъ Влахернской, но сомнительна вѣрность сего преданія. Впрочемъ я еще буду имѣть случай осмотрѣть подробнѣе все, что осталось древности и святыни Христіанской въ Царьградѣ.

Вечеромъ я возвратился въ Буюкъ-дере, по можетъ быть, слышавши такъ часто это имя, вы пожелаете знать: что такое Буюкъ-дере?—Это лѣтнее очаровательное пребываніе Русскаго посольства на Босфорѣ, которое приобрѣтено еще въ минувшемъ столѣтіи, отъ одного богатаго Англичанина. Домъ съ флигелями и службами, на набережной, осыненъ великолѣпнымъ садомъ платановъ и кипарисовъ, который расположенъ терасами по крутой горѣ; онъ представляется съ моря въ видѣ дворца, и господствуетъ надъ всеми прибрежными дачами и селеніемъ Греческимъ, какъ будто все прочее было для него создано: такое жилище достойно нашего посольства и здѣсь не чувствительно душное лѣто, отъ прохладныхъ сѣверныхъ вѣтровъ, постоянно вьющихся съ Чернаго моря. Высокія ворота посольскаго двора, на берегу Босфора, поросли живописно густымъ плющомъ и увѣшаны двумя мраморными вазами съ столѣтнимъ алоэ. Устье Босфора не далеко,

на четверть часа парходнаго плаванія, и тѣ страшныя въ языческомъ мѣрѣ утесы Кіаней, гдѣ приносили жертвы богамъ превсподнимъ пловцы, вѣрившіе себя бурнымъ пучинамъ понта Евксинскаго. Самое имя Евксинскаго, или гостепріимнаго, дано ему было какъ умиловительное почетное названіе, чтобы не раздражился сей черный понтъ, истиннымъ своимъ названіемъ бурнаго и не гостелюбиваго *ἄξενος*. Такъ и лѣвая сторона, всегда не благопріятная, называлась однако у древнихъ, по тойже челоуькоугодливости, лучшею *ἀριστερά* Босфоръ образуетъ глубокій заливъ въ Буюкъ-дере, отличную пристань для кораблей, и названіе сіе означаетъ большую долину, отъ потока текущаго по ней въ проливъ. Семь огромныхъ сросшихся платановъ или яворовъ, называемыхъ семью братьями, служатъ обыкновеннымъ мѣстомъ собранія для жителей Буюкъ-дере въ воскресныя дни; они слывуть платанами Готфреда, потому что, по мѣстному преданію, подъ ихъ необъятною тѣнію расположенъ былъ станъ крестоносцевъ. Не далеко отъ устья потока видны въ полугоръ развалины, нѣсколько аркъ вросшихъ въ землю и покрытыхъ плещемъ: это остатки знаменитой обители во имя сорока мучениковъ, основанной Св. Патріархомъ Тарасіемъ, гдѣ и самъ онъ былъ погребенъ.

Еще далѣе, на Европейскомъ берегу Босфора противъ самаго его устья, есть терасы въ углубленіи между горъ, осѣненные высокими чинарами. Туда также собираются подышать свѣжимъ

воздухомъ жители ближайшихъ селеній, Буюкъ-дере и Терапіи; это мѣсто называется Керечь-бурну, т. е. мысъ черешень; подлѣ есть агіазма, или источникъ подъ древними сводами; я полагаю, что тутъ находился знаменитый монастырь Св. Феодора Тирона, основанный Іустиніаномъ, куда Императоры Греческіе приходили ежегодно въ первую субботу великата поста на память мученика. Самое мѣсто какъ будто создано для обители и, по описанію Патріарха Константія, кажется нельзя искать другаго, хотя самая агіазма носитъ имя Св. Никиты; можетъ быть это былъ придѣлъ. Люблю я съ этой поэтической терасы, изъ-подъ сѣни вѣковыхъ яворовъ и чинаръ, смотрѣть къ широкому устью Босфора, которое будто хочетъ поглотить въ себя всю синюю пучину высоко полымающагося вдали моря. Это настоящія врата Россіи (бабъ-эль-Московъ), потому что ими входятъ въ наше внутреннее море. Близко отъ Керечь-бурну, гдѣ оканчивается заливъ Буюкъ-дере и дѣлается тѣснѣе Босфоръ, расположены вдоль берега дачи Англійскаго и Французскаго посольствъ, и за ними селеніе Терапіи, такъ названное отъ того, что тутъ изцѣлился Патріархъ Аттикъ, преемникъ Златоуста. Здѣсь собственно кафедра Митрополита Дерконскаго, одного изъ подгородныхъ столицы, который замѣнилъ въ Синодѣ патріаршемъ Анкирскаго, слишкомъ отдаленнаго.

Описавъ мѣстность Европейскаго берега, скажу и то, что открывается изъ моихъ оконъ на

Азіатскомъ и чѣмъ я могу спокойно любоваться, не двигаясь съ своего дивана, во весь часы дня и въ лунныя очаровательныя ночи Босфора. Съ лѣвой стороны, близко отъ его устья, возвышается на горѣ Генуезская развалина, башня съ остатками стѣнъ, охранявшая купеческій путь республики изъ Царьграда въ Кафу и крайній Азовъ; правѣ высокая гора исполина, который хотѣлъ преградить Язону входъ въ Черное море, когда стремился онъ въ Колхиду за золотымъ руномъ. Тамъ, на самой вершинѣ, видѣнъ посреди деревъ монастырь Дервишей, достойныхъ хранителей баснословнаго великана, котораго огромную могилу показываютъ позади своей мечети, говоря что тутъ только часть его гроба. Совершенно вправо, гдѣ послѣдняя покатость исполинской горы сбѣгаетъ въ море, уже напротивъ Терапіи, открывается роскошная долина царская, Унхіаръ-кеlesi, гдѣ нѣкогда стояла знаменитая обитель неусыпающихъ Св. Маркелла. Тамъ, подлѣ Султанскаго кіоска, расположены были войска наши въ 1833 году, и строится теперь великолѣпный дворецъ Мегеметъ Али Египетскаго; вѣроятно онъ имѣлъ намѣреніе подарить его Султану; доселѣ работа продолжается, хотя уже безъ всякой цѣли за смертію владѣльца. Но для меня особенно драгоцѣнно это мѣсто: тамъ на берегу подлѣ тѣнью трехъ деревъ, доселѣ стоитъ обломокъ гранита, съ Турецкими раззолоченными стихами и Русской надписью: «25 Іюня 1833 года». Это памятникъ, воздвигнутый братомъ мо-

имъ, въ память пребыванія нашихъ войскъ; онъ перевезъ его чрезъ Босфоръ, изъ каменоломней Европейскаго берега, и поставилъ, во свидетельство будущимъ поколѣнιάмъ, о славу нашего оружія, осѣнявшаго столицу Оттоманскую. Много поэзія въ этомъ уединенномъ памятникѣ, который переноситъ воображеніе въ тѣ отдаленныя вѣка, когда ратный щитъ Слега прибитъ былъ ко златымъ вратамъ Царьграда.

ПИСЬМО IV.

БРУССА.

Буюк-дере 21 Июля 1849.

Чрезъ нѣсколько дней послѣ посѣщенія Принцевыхъ острововъ, воспользовался я срочнымъ пароходомъ, который ходитъ разъ въ недѣлю къ берегамъ Анатоліи, чтобы посѣтить древнія ея столицы Бруссу и Никею. Лѣтняя гроза застигла насъ на морѣ, но не воспрепятствовала намъ достигнуть приморскаго городка Гемлика или Кіоса, который можно почитать пристанью Бруссы. Тамъ и мѣстопробываніе утратившихъ свою древнюю славу Митрополитовъ Никейскихъ; давно уже оставили они запусѣвшую кафедру, громкую только именемъ своихъ развалинъ. Я посѣтилъ старца Іосифа, въ его убогомъ жилищѣ, но не могъ бесѣдо-

вать съ нимъ открыто , потому что у него сидѣлъ Турецкій чиновникъ Паша Брусскаго и замѣтно было смущеніе хозяина ; онъ только успѣлъ дать мнѣ письмо къ своему эпитропу въ Никею. — Я поспѣшилъ въ Бруссу , по живописнымъ долинамъ и ущеліямъ , иногда довольно опаснымъ отъ разбойниковъ , но тогда по щастію мирнымъ.

Поздно вечеромъ достигли мы Бруссы , отстоящей на шесть часовъ отъ Гемлика и залива Никейскаго. Это была торжественная ночь рамазана, поста Магометанскаго, и конечно никогда древняя столица Османовъ , не могла представиться взорамъ въ большей славѣ , на скатъ своего Олимпа. Ярко освѣщены были всѣ многочисленные минареты, въ два и три ряда вѣнцевъ , и сими тройственными коронами возвышались надъ мракомъ густыхъ садовъ , опоясывающихъ Бруссу ; они казались издали какъ бы фантастическими плодами чуднаго восточнаго сада, но для насъ эти яркіе вѣнцы были руководителями во мракъ садовъ и извилистыхъ улицъ , по которымъ шумѣли невидимыя воды источниковъ изъ мраморныхъ фонтановъ ; нигдѣ нѣтъ такого обилія водъ , какъ въ бывшей столицѣ послѣдней династіи Халифовъ. Не уступаетъ она, по разсказу путешественниковъ, Дамаску и Гренадѣ , роскошью своей растительности, и съдой старецъ Олимпъ, облеченный въ свѣжее покрывало, щедрою рукою льетъ обиліе горнихъ струй своихъ въ лоно Восточной Царицы. Но какъ обыкновенно случается въ каждомъ горо-

ль Турецкомъ: внутри его , съ первыми лучами солнца , проходитъ очарованіе , отъ избытка нечистоты и безобразныхъ зданій , стѣсненныхъ и полюбрушенныхъ , съ широкими пустырями пожаровъ , замѣняющими площади. Остается одна лишь неизмѣнимая красота природы и ею можетъ похвалиться Брусса, даже предъ Царьградомъ , потому что ея цвѣтущая долина очаровательна. Такъ называемый небесный потокъ Олимпа Гѣгъ—дере, раздѣляя на двое Бруссу , водопадами скачущими между дикихъ скалъ , придаетъ ей необычайную красоту, а минеральныя бани теплыхъ , холодныхъ и сѣрныхъ водъ , дѣлаютъ ее мѣстомъ многолюднаго собранія Европейцевъ и Азіатцевъ на все время лѣта ; палящее въ другихъ мѣстахъ , оно прохладно здѣсь , подъ сѣнію Олимпа и роскошныхъ садовъ.

Такою столицу завоевалъ себѣ , у слабыхъ Императоровъ Греческихъ , въ половинѣ XIV столѣтія , Орханъ сынъ Османа , родоначальника династїи Оттоманской , порадовавъ отца своего , на смертномъ одрѣ , вѣстію о новомъ приобрѣтенїи. Лучше было бы для Запада и Востока, если бы сею столицею ограничились Султаны Туркоманскіе , коихъ племя еще до нынѣ кочуетъ на пастбищахъ Олимпа , и не простерли бы алчныхъ своихъ взоровъ на красный Воспоргъ !

Съ чего начать описаніе , если не съ древняго вышгорода , который выражаетъ упадокъ державы Османа , хотя тамъ однако покоится,

въ бывшемъ соборномъ храмѣ, сей великій родоначальникъ Султановъ. Какъ не совѣстно Туркамъ оставлять его прахъ въ такомъ небреженіи, и не странно ли ихъ равнодушіе, при зрѣлищѣ запустѣвшей гробницы славнѣйшаго изъ ихъ державныхъ! Не весьма давно сгорѣли тамъ чалма и огромныя четки, вѣнчавшія его тюрбе или могильный памятникъ. Орханъ перенесъ въ Бруссу тѣло отца и не имѣя мѣста, гдѣ бы его погребсти, отнялъ у Христіанъ прекрасный ихъ соборъ; еще доселѣ мраморныя кресты, надъ сводами алтаря, и остатки стѣнной живописи снаружи на куполѣ, обличаютъ насильственное измѣненіе храма въ мечеть. Изящныя колонны ея входа принадлежать также временамъ Христіанскимъ, ибо завоеватель Бруссы и Никеи умѣлъ болѣе рушить нежели созидать. Ея малая мечеть внутри вышгорода теперь запустѣла, равно какъ и палаты слѣдующихъ Султановъ, представляющія одну груду развалинъ. Самъ онъ избралъ себѣ смиренное мѣсто покоя въ маломъ куббѣ подлѣ собора, гдѣ положилъ родителя, и съ Орханомъ вмѣстѣ отдыхаетъ отъ тревожныхъ битвъ его братъ Аладинъ, бывшій первымъ Визиремъ державы Оттоманской, и сынъ Солиманъ, первый носившій титулъ Паши, столь обыкновенный чинъ. Но надъ всѣми ихъ гробницами, какъ призракъ господствуетъ исполинскій гробъ предка ихъ Османа, треснувшій отъ времени и будто готовый рассыпать прахъ въ немъ хранимый. Если кто хочетъ полюбоваться однимъ изъ лучшихъ видовъ

Бруссы, хотя ихъ много, пусть взойдетъ на развалины Византійской башни вышгорода, на самомъ обрывѣ скалы, и обширная картина разовьется предъ нимъ во всю стороны, вмѣстѣ съ панорамою города, лежащаго у подножія сей крѣпости: чудная долина, вся усвянная шелковичными садами, опоясанная голубою цѣпью горъ, увлекаетъ взоры далеко далеко туда, гдѣ есть свободный выходъ для ея зеленыхъ волнъ, промежду горныхъ хребтовъ.

И съ той стороны, гдѣ каменистый отдѣльный холмъ вышгорода, созданный природою для бойницы, прилегалъ къ первымъ высотамъ Олимпа, есть глубокій живописный оврагъ, по которому стремится ручей, обросшій зеленью; весною это любимое мѣсто соловьевъ, оглашающихъ своимъ пѣніемъ Олимпійскую Гренаду. Подъ кипарисовою рощею, главный истокъ живительныхъ водъ, Бунаръ-бани, привлекаетъ къ себѣ многихъ любителей природы, и есть лучшее гульбище Бруссы. Въ знойный Іюльскій день рамазана поспѣтели мы источникъ; ключевая вода съ шумомъ стремилась по камнямъ, и надъ нею лежали ревностные изъ Магометанъ, чтобы только подышать ея свѣжестію, но не смѣя прикоснуться къ ней устами, до завѣтнаго часа вечера. Истаявая отъ жажды, злобно смотрѣли они какъ черпали отрадную струю мимоходящіе Христіане; за то первый вечерній глотокъ принадлежалъ ихъ раскаленнымъ устамъ, и тогда не было приступа къ источнику

враждебнымъ гіаурамъ. Нѣсколько далѣе отъ Бунаръ-баши, на пути къ Султанскому кіоску, небесный потокъ Гѣгъ-дере невольно поражаетъ всякаго, кто только хочетъ прислушаться къ шуму его Олимпійскихъ водъ, вращающихъ тяжелые жернова мельницъ, или приглядѣться къ дикимъ утесамъ, которые нависли надъ стремниною, прикрытой вѣковою зеленью яворовъ и соснъ. Потокъ, низвергающійся съ такой высоты баснословнаго Олимпа, могъ по истинѣ заслужить названіе небеснаго, на поэтическомъ языкѣ Востока; но здѣсь не нужно много воображенія, чтобы признать ему столь выпренное имя, соответствующее и горной высотѣ и красотѣ мѣстной. По обѣимъ сторонамъ потока, чрезъ который наброшены древніе каменные мосты, раскинута Брусса съ ея мечетями и садами. Я назову вамъ главныя изъ сихъ мечетей, которыми запечатлѣны первыя знаменательныя эпохи лѣтописи Оттоманской: Орхана и Османа въ вышгородѣ, Баязита и перваго Магомета, съ восточной стороны города, и двухъ Амуратовъ съ западной; онѣ охраняютъ своими гробницами орлиное гнѣздо своего рода.

По крайней мѣрѣ, взирая на нихъ, исключая мечети вышгорода, сердце не болитъ какъ въ Царьградѣ, что онѣ все были нѣкогда храмами Христіанскими. Скажу прежде другихъ о мечети Челеби-Султана или Магомета, такъ названной по ея изящности и благородству зодчества; она первая поражаетъ взоры, при спускѣ отъ Султанскаго кіо-

ска въ восточное предмѣстіе Бруссы. Прозваніе Челеби, благороднаго, усвоенное Султану и его мечети, со временемъ перешло отъ одного къ другой, вполне выражая характеръ зданія и строителя. Хотя нѣтъ въ ней тѣхъ драгоценныхъ столбовъ, которыми хвалятся мечети Царьграда, похитившія ихъ изъ древнихъ церквей, но вкусъ чисто Арабскій составляетъ самобытную ея красоту. Разноцвѣтный мраморъ и пестрый фаянсъ съ золотыми арабесками, достойными лучшихъ временъ Халифата, украшаютъ стѣны и въ особенности своды оконъ и дверей; изваянія главнаго входа, какъ бы тонкія кружева, изсѣчены изъ мрамора; это тѣмъ замѣчательнѣе, что еще тогда только что возникла слава державы Оттоманской. Магометъ Челеби былъ сынъ грознаго и несчастнаго Баязита-молніи, пораженнаго Тамерланомъ на поляхъ Ангорскихъ, и мирное его царствованіе отзывалось еще ужасомъ сего пораженія. Гробница Султана не далеко отъ мечети въ отдѣльномъ куббе, столь же изящномъ по своимъ арабескамъ; онъ весь одѣтъ снаружи зеленымъ фаянсомъ.

Можно бы указать еще на двѣ мечети, отстоящія недалеко отъ Челеби и замѣчательныя по своей архитектурѣ, но первая Молла-ирабъ уже въ запустѣніи, а вторая, Эмиръ-Султана, одного изъ шейховъ уважаемыхъ Туркоманами, не давно обновлена при Селимѣ III, послѣ пожара, и потому совершенно въ новомъ вкусѣ. Есть еще, между мечетями Челеби и отца его Баязита-ильде-

рима, открытое молитвенное мѣсто, куда собираются также Магометане, хотя оно и не носить имени мечети; тутъ вѣроятно было въ древности какое либо святилище Христіанское, коего темное преданіе перешло къ иному исповѣданію; это открытая лужайка, обнесенная оградой и освѣщенная вѣковыми яворами, посреди коихъ струится ключъ живой воды; его предпочитаютъ всѣмъ роскошнымъ источникомъ Бруссы и даже туда посылаютъ черпать изъ Царьграда.

На восточной оконечности города, тамъ гдѣ послѣднія предмѣстія Бруссы и уже широко раскрывается ея шелковичная равнина, одиноко стоитъ въ самомъ меланхолическомъ мѣстѣ, которое напоминаетъ зеленую по грустную поляну Римскую (la campagne de Rome), величественная мечеть Ильдерима, а подлѣ нее забытая всѣми гробница молниеноснаго Султана. Благородный сынъ его Челеби, достроилъ зданіе, начатое могущественнымъ отцемъ, въ размѣрахъ его прежняго величія, но не оконченное имъ, на крайней грани его столицы и измѣнившаго ему счастья. Могъ ли кто предполагать, что сокрушившій весь рыцарскій цвѣтъ Европы на поляхъ Румелійскихъ, попадетъ самъ въ желѣзную клетку другаго болѣе страшнаго завоевателя Востока, и что молнія Оттоманская внезапно потухнетъ въ степяхъ Азіи? Но Европа отдохнула отъ горькаго пораженія своихъ полчищъ, и на сто лѣтъ еще свободнѣе сталъ дышать Царьградъ, который не спасся бы отъ Ильдерима, безъ

роковаго меча Тамерланова: этотъ мечъ теперь, вмѣстѣ съ ключами Иерусалимскихъ вратъ, хранится въ арсеналѣ Царскаго Села. Зодчество мечети Баязитовой носитъ отпечатокъ простаго но мощнаго величія: четыре массивныхъ пиластра поддерживаютъ аркады преддверія, изъ котораго открывается входъ въ самую мечеть, а съ боку есть просвѣтъ въ окрестную пустыню и это дополняетъ величіе мечети. Нѣчто Римское, какъ я уже сказалъ, дышетъ вокругъ, и даже самый запахъ пустынныхъ травъ напоминаетъ древнюю столицу вселенной, у забытаго памятника завоевателя Востока. Какъ это все торжественно и наполнено глубокихъ думъ минувшаго и для будущаго! И молнія угасла и громы Оттоманскіе уже замолкли, забвеніе пустыни предъ нами. — Близъ мечети Ильдерима утратилъ свое горное стремленіе и небесный потокъ Олимпа, отдѣляющій ее отъ города; онъ утихъ и представляется болѣе земнымъ, широкими струями раздѣляясь на многіе ручьи, которые едва примѣтно катятъ свой быстрия воды, по песчаному руслу, въ безбрежную равнину.

Еще одно зданіе Баязита и отца его грознаго Мурата и благороднаго сына Магомета, возвышается, въ величавой красѣ своей, посреди ихъ столицы: это такъ называемая великая мечеть Улуджами, начатая первымъ Муратомъ и оконченная Челеби, которая почитается однимъ изъ лучшихъ произведеній зод-

чества Восточнаго, хотя признаюсь, прочія мечети Султановъ мнѣ болѣе нравятся. Девятнадцать куполовъ вѣнчаютъ ея высокіе своды, но середина открыта и, подъ небеснымъ голубымъ куполомъ, ярко кипятъ на солнцѣ прозрачныя струи водоема, который составляетъ главное украшеніе сей мечети: ея арабески знамениты и каеэдра муллы особенно замѣчательна красотою мраморныхъ изваяній. Толпа богомольцевъ тѣснилась въ мечети, черная живыя струи, когда взошли мы въ мечеть; съ ропотомъ смотрѣли они на пришельцевъ, дерзнувшихъ проникнуть въ завѣтную внутренность, потому что фанатизмъ Магометанскій еще держится въ Бруссѣ какъ и въ Дамаскѣ, ради древней славы обѣихъ столицъ; даже во время посѣщенія нынѣшняго Султана Абдуль-Меджида, одна старая женщина Бруссы, подала ему просьбу, чтобы онъ изгналъ всѣхъ Франковъ изъ бывшей столицы своихъ предковъ. Достоинство вниманія и другое обстоятельство, довольно характеристическое въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ: я слышалъ въ Бруссѣ, что когда Султанъ думалъ обрадовать ее своимъ посѣщеніемъ, простой народъ принялъ это за предзнаменованіе скорого возвращенія Султановъ, въ первобытное жилище ихъ предковъ; потому что, со времени завоеванія Царьграда, никто изъ нихъ не посѣщалъ Бруссы. Не странно ли и то, что издавна знаменитые Турки предпочитаютъ, чтобы ихъ хоронили въ кипарисовой рошѣ Скутари,

на Азіатскомъ берегу Босфора, какъ бы чуждаясь Европейскаго берега?

Западное предмѣстіе Брюссы, подлѣ котораго находятся минеральныя воды, особенно славится чистотою воздуха и красотою видовъ. Тамъ пользовался я гостепрѣимствомъ нашего добраго Консула Фалькенштейна и пріятнымъ обществомъ радушнаго Митрополита: мнѣ казалось, по роскошной растительности и вулканической природѣ сего очаровательнаго мѣста, что я гдѣ либо въ окрестностяхъ Рима, въ Тиволи или Албано; таже великолѣпная зелень по скаламъ подпирающимъ вышгородъ, тѣ же шумныя воды, отовсюду льющіяся съ вершины горъ, и таже обширная равнина предъ вами, напоминающая Римскую, хотя вѣтъ на концѣ ея вѣчнаго города; но за то другой его замѣнившій Римъ не далеко, хотя и за моремъ. Даже самый воздухъ былъ весь напитанъ испареніями Римскими, отъ вулканическаго свойства земли, которое и здѣсь и тамъ обнаруживается сѣрыми и горячими ключами. Посреди сего великолѣпія природы, стоятъ обширная своимъ зданіями и принадлежностями, мечеть втораго Мурата, который въ челъ своихъ полчищъ еще ходилъ, по слѣдамъ предковъ, везать вселенную. Сынъ его Магометъ, покоривъ Царьградъ, упоковалъ въ немъ воинственное поколѣніе Султановъ, подлѣ сладкій шумъ Босфорской волны. Уже другая столица избрана была побѣдителемъ Венгровъ вмѣсто Брюссы, для ближайшаго состязанія съ Греками; въ Адрианополь осно-

валь Муратъ свои роскошныя палаты, но смертный покой устроенъ ему въ Бруссъ; послѣдній изъ повелителей Оттоманскихъ онъ тамъ лежитъ, окруженный своими присными. Имамы мечети показываютъ, между отдѣльными гробницами ту, въ которой почиваетъ Сербская Княжна Марія, дочь Георгія Бранкована, послѣдняго Деспота, насильно выданная отцемъ своимъ за иновѣрнаго владыку, но сохранившая вѣру предковъ въ гаремѣ. Грустно было видѣть ея Христіанское одиночество, лишенное всякой молитвы, посреди Магометанскаго кладбища, и я съ искреннимъ участіемъ помолился о упокоеніи души сей ревностной дочери Церкви Христовой. Какъ неисповѣдимы, по словамъ псалма, судьбы Божіи, оправдываемыя событіями! Насильственный бракъ Христіанки съ Магометаниномъ послужилъ ко спасенію многихъ тысячъ Христіанъ и къ охраненію Церкви Православной, при разгромѣ Востока; ибо сія Марія, выданная за Амурата, была матерію грознаго завоевателя Магомета; и по ея ходатайству Султанъ даровалъ Грекамъ право избрать себѣ Патріарха и утвердилъ на будущее время всѣ права патріаршія, уважаемыя до нынѣ преемниками Магомета; она же спасла и множество святыни изъ бывшей сокровищницы Императоровъ и даровала ее обителямъ Аѳонскимъ для сохраненія. Такъ одна слабая жена, замѣнившая бѣдствующей столицѣ ея Кесарей, слѣжалась опорой Православія! Тутъ же, въ довольно изящномъ куббѣ, погребенъ несчастный

братъ Султана Баязита перваго, тотъ знаменитый Джемъ, который долго возмущалъ его соперничествомъ престола и умеръ наконецъ въ Римъ, какъ предполагають отъ яда. Дѣти Баязита и Магомета также перенесены были въ Бруссу, потому что еще тогда завоеватели какъ будто не вѣрили прочности своей побѣды и жительства въ Царьградъ. Отъ того образовалась такая большая усыпальница, около гроба послѣдняго великаго Султана, погребеннаго въ Бруссъ, и его имя сообщилось цѣлому предмѣстью, Мурадїе.

Оттолкъ прохладныя аллеи яворовъ ведутъ къ древнимъ и новымъ банямъ, устроеннымъ надъ горячими источниками, которые бьютъ изъ подошвы Олимпа, какъ наши Кавказскіе ключи исторгаются изъ подъ волканическаго Машука. Воды сіи славидьсь еще во времена имперїи, и надъ ними устроены были Римскія бани, называемыя теперь древними; онѣ обновлены первымъ Муратомъ; другія, болѣе великолѣпныя, сооружены были великимъ Султаномъ Солиманомъ, надъ горячими источниками, и достойны славы ихъ основателя. На краю очаровательнаго предмѣстія Чекирдже, по сосѣдству древнихъ бань, возвышается простая но величественная мечеть перваго Мурата, сына завоевателя Бруссы, Султана Орхана. То замѣчательно въ ея зодчествѣ, что она имѣетъ образъ Христіанскаго храма, такъ какъ тогда, по неимѣнію собственныхъ зодчихъ, властитель Оттоманскій долженъ былъ прибѣгнуть къ искусству побѣж-

денныхъ и Грекъ соорудилъ новый храмъ по своимъ понятіямъ. — Кругомъ крытыя хоры, въ которыхъ расположены келліи имамъ и учениковъ бывшаго тутъ медресе или училища, какъ мы это видимъ на западъ въ монастыряхъ латинскихъ, такъ что отовсюду можно смотреть въ мечеть и, не сходя съ галлерей, участвовать въ молитвѣ; это расположеніе святилища Магометанскаго весьма оригинально. Подлѣ мечети, подлѣ сѣнію въковыхъ кипарисовъ и платановъ, стоитъ одиноко куббе, гдѣ погребенъ Муратъ, страдалецъ и мѣсть и побѣдитель, Хази-Худабенкіаръ: его сразилъ кинжалъ отчаяннаго Серба Милоша, на побѣдномъ полѣ Коссовомъ, тамъ гдѣ съ Княземъ Лазаремъ пало царство Славянское. Побѣдная хоругвь съ окровавленною одеждою и славное оружіе Султана висятъ при его гробѣ, куда стекаются усердные Магометане почтить память своего царственнаго витязя. Старый упорный имамъ мечети ни за что не согласился впустить насъ въ эту завѣтную гробницу, хотя и входятъ туда иногда Христиане. Признаюсь, этотъ послѣдній отпечатокъ фанатизма Магометанскаго, при гробѣ великаго Мурата, не былъ мнѣ оскорбителенъ: пусть каждый бережетъ свое? Странно, что изъ числа тридцати, болѣе или менѣе воинственныхъ Султановъ династіи Оттоманской, одинъ только Муратъ палъ на полѣ битвы, и одинъ только грозный сынъ его Баязидъ впалъ плѣнникомъ въ руки славнѣйшаго врага. Оба они стали на крайнихъ граняхъ древ-

ней своей столицы, какъ бы оберегая ее отъ грядущихъ враговъ; но мрачны воспоминанія обонхъ, столь горько окончившихъ славное поприще!

ПИСЬМО V.

НИКЕЯ.

Буюкъ-дере, 24 Июля 1849.

На разсвѣтъ оставилъ я Брусу; восходящее солнце освѣтило предо мной ея великолѣпную равнину и первыя вершины Олимпа, покрытыя зеленью богатѣйшей растительности. Мы вѣхали по прежней дорогѣ на Гемликъ, чтобы перевалиться чрезъ горный хребетъ, отдѣляющій долину Брусы отъ русла Никейскаго озера; но не доѣзжая до моря, поворотили вправо, чрезъ селеніе Омаръ-бей-кіой, и спустились къ озеру. Это одно изъ живописныхъ мѣстъ Азіатскаго берега: съ вершины горы видны были и снѣжное темя Олимпа, съ цѣпью ему подвластныхъ высотъ, и заливъ Кіуса или Гемлика, съ его приморскимъ поселеніемъ, и на

конецъ глубокаго ущелія , которое проходитъ отъ залива къ озеру, все его великолѣпное зеркало открылось взорамъ до самой Никеи , въ рамѣ зеленѣющихъ горъ. Дорога наша извивалась подлѣ прозрачныхъ водъ, и въ ясной ихъ лазури отражался картинно противолежащій берегъ; иногда масличныя или шелковичныя и каштановыя сады, прилегавшихъ селеній Армянскихъ и Турецкихъ, на время отклоняли насъ отъ озера, но потомъ опять спускалась къ нему живописная дорога. Пустынно было озеро Никейское; однѣ только дикія чайки и бѣлые пеликаны летали и плавали около береговъ; изрѣдка, уже ближе къ Никее , встрѣчались намъ рыболовы Турецкіе. Мнѣ говорили, что въ известное время года приходятъ сюда Русскіе наши раскольники, для рыбной ловли, и лодками ихъ покрывается озеро; но они весьма не расположены къ бывшимъ своимъ соотечественникамъ, и встрѣча съ ними довольно опасна. Все у нихъ сохранилось , и одежда и обычаи и языкъ, кромѣ православія и любви къ прежней родинѣ.

Часа за четыре до Никеи огромныя скалы вдвинулись въ озеро и пересѣкли дорогу , а нѣсколько далѣе показались на горѣ развалины замка. Это какъ будто первыя врата Никейскія , потому что нѣтъ другой дороги для обхода скалъ; здѣсь вѣроятно потерпѣли страшное пораженіе, отъ Султана Никейскаго Килиджъ-Арслана, первыя толпы крестоносцевъ , которыхъ невѣжественные вожди устремились этой дорогою къ Никее. Ихъ пора-

женіе горько отозвалось и Греческому населенію Кіоса, которое все было вырѣзано преслѣдовавшими ихъ врагами. Готфридъ и его дружины шли уже въ большемъ порядкѣ и другимъ путемъ изъ Царяграла, чтобы отмстить за кровь своихъ собратій. Но хотя они отразили всѣ нападенія Арслана и осадили со всѣхъ сторонъ городъ, никогда не сдались бы имъ Никея, если бы Императоръ Алексій Комнинъ, по убѣдительной ихъ просьбѣ, не перевезъ сухимъ путемъ цѣлую флотилію изъ залива въ озеро. Тогда только начали помышлять о сдачѣ смутившіеся Сарацины, и хитрость Греческая превозмогла отвагу Франковъ. Пока воевали они около непреступныхъ стѣнъ, городъ тайно сдался Греческому полководцу, и съ тщетною яростію увидѣли они знамя императорское на башняхъ Никеи. Видно, что прибрежная сія дорога укрѣплена была, по мѣрѣ приближенія къ городу; за часъ отъ него, предъ послѣднимъ заливомъ озера, дикая скала, съ остатками на ней стѣнъ, носитъ доселѣ названіе крѣпостной. Сохранились и городскія бойницы съ оградой, хотя мѣстами обрушенною, которая однако свидѣтельствуетъ о прежней чрезвычайной силѣ, потому что Никея долго служила для Императоровъ твердѣйшимъ оплотомъ противъ возникавшаго могущества Сарацинъ. Послѣ столѣтняго обладанія ею Сельджукидовъ, она возвратилась опять въ руки Кесарей Византійскихъ, и только второй Султанъ Оттомановъ, Орханъ, сынъ Османа, овладѣвъ городомъ, положилъ

на немъ ту печать разрушенія, которая и доселѣ возмущаетъ душу, зрѣлищемъ столь великихъ развалинъ.

Солнце закатилось за дальній край озера, когда утомленный пятнадцатичасовымъ путемъ подъѣхалъ я къ великолѣпнымъ вратамъ Никеи, съ южной ея стороны, отъ мѣстечка Леничеръ. Огромныя бойницы окрашены были яркимъ румянцемъ вечера, какъ бы послѣднимъ отблескомъ давно минувшей славы; а между тѣмъ луна уже взошла на ясное небо, символъ Оттоманской державы, все сокрушившей въ этомъ древнемъ забралѣ Христіанства; но уже луна начинала терять двурогій образъ герба Исламова отъ умноженія дней своихъ: такъ стерся мало по малу, съ теченіемъ лѣтъ, и самый рогъ Ислама, утратившаго свою фанатическую силу: это мнѣ пришло на мысль при зрѣлищѣ развалинъ Никейскихъ. Опустѣвшая мечеть Султана Орхана стояла внѣ городскихъ стѣнъ предъ вратами, какъ бы въ возмездіе за всѣ жестокия опустошенія завоевателя, внутри сей лѣтописной столицы. Тройными вратами входятъ въ ея завѣтную внутренность, и на одной изъ величественныхъ аркъ существуетъ полустертая надпись: «Самодержицу Кесарю Марку Аврелию и священному Сенату и народу, при Консуларіѣ Велеіѣ Маркеллинѣ.» Съ этой стороны расположенъ былъ главный станъ крестоносцевъ, Графовъ Раймунда Тулузскаго, двухъ Робертовъ, Фландрскаго и Нормандскаго, и великаго Гугона, брата Короля Франціи, все это подъ сѣнью Легата папскаго Адемара.

И такъ, триумфальныя врата Римлянъ, ставъ крестоносцевъ, мечеть Оттомановъ, все это слилось въ одну массу воспоминаній и развалинъ, у входа въ Никею, при молчаливомъ сіяніи мѣсяца, навещающаго столько думъ! Но не такія впечатлѣнія наполняли мою душу; нѣтъ, я помышлялъ о Никей Христіанской, о Никей Вселенскихъ Соборовъ, гдѣ возникъ первый символъ нашей православной вѣры, изъ священнаго собранія трехъ сотъ-осмьнацати Св. Отцевъ, во дни великаго Константина, и гдѣ еще разъ соединился Соборъ, уже послѣдній Вселенскій, чтобы утвердить преданіе и возстановить иконы. Въ такихъ размышленіяхъ вспомнилъ я, что слѣдующій день, 16-го Іюля, посвященъ былъ памяти Св. Отецъ шести Вселенскихъ Соборовъ, и весьма обрадовался нечаянному случаю, который приводилъ меня во градъ Соборовъ, въ самый день церковнаго ихъ воспоминанія. Но сколь велико было мое изумленіе и вмѣстѣ разочарованіе, когда я въѣхалъ чрезъ торжественныя врата въ давно желанную Никею и нашелъ, вмѣсто города, одинъ обширный пустырь и сады обнесенные грудой развалинъ. Это ли та славная Никея, нѣкогда бывшая столицей Кесарей и потомъ твердѣйшимъ оплотомъ Христіанства, такъ что ея соборное имя слилось съ основными догматами нашей вѣры!

Чѣмъ далѣе я подвигался, тѣмъ болѣе встречалъ разочарованія:—вотъ меланхолическая группа кипарисовъ, осеребренныхъ луной, изъ-за которыхъ показался куполъ главной мечети! Взоры мои иска-

ли въ Никеи церкви; но два великолѣпные мраморные столба, которые поддерживали наружный портикъ мечети, и мраморныя изящныя рѣшетки ея преддверія ясно о себѣ гласили, что они похищены изъ какого-либо древняго храма, быть можетъ стоявшаго на этомъ мѣстѣ. Не менѣе тягостнымъ для моего сердца было проѣзжать чрезъ грязный базаръ, оживленный ночнымъ разгуломъ Турокъ, послѣ томительнаго для нихъ постаго дня рамазана: я былъ вынужденъ однако искать себѣ ночнаго пріюта, посреди сего шумнаго базара, въ Армянскомъ домѣ, гдѣ вопли веселящихся Турокъ не дали мнѣ покоя, — и это все въ православной Никеи. Весьма сожалѣлъ я въ послѣдствіи, что не обратился къ одному изъ старшинъ Греческихъ, экзарху Митрополита Никейскаго, который далъ мнѣ письмо на его имя: но когда я пригласилъ къ себѣ единственнаго священника убогой нынѣ Никеи и онъ привелъ съ собою старшину, было уже слишкомъ поздно, чтобы перемѣнять жилище, потому что я почувствовалъ вѣяніе душнаго лихорадочнаго воздуха.

Я просилъ священника отслужить для меня литургію на слѣдующій день и совершить память Св. Отецъ шести Вселенскихъ Соборовъ, хотя правилами положено относить торжество сіе на ближайшій воскресный день; это была суббота, но я не могъ оставаться долѣе, чтобы не опоздать къ пароходу Никомидійскому. Охотно согласился онъ исполнить мое желаніе, потому что не много пра-

вославныхъ посѣтителей видѣлъ у себя въ церкви, и предупредилъ меня о ея глубокой древности: она восходитъ до временъ великаго Константина и ознаменована была чудомъ великаго Василія. Разсказъ о томъ показался мнѣ страннымъ; я никогда не читалъ, въ житіи Святителя, о посѣщеніи имъ Никей. «Если вы сомнѣваетесь, сказалъ мнѣ священникъ, я покажу вамъ миную, гдѣ напечатано: «Генваря 19, память въ Никей великаго чуда, како Св. Василій молитвами открылъ двери соборной церкви для православныхъ» и синаксарь объясняющій самое чудо. Дѣйствительно, на другой день онъ принесъ мнѣ объ книги. Тамъ описано было, какимъ образомъ, когда Аріане овладѣли всеми церквами, при Императорѣ Валентѣ, православные жители Никей обратились къ Св. Василію, и умолили его идти къ Кесарю, дабы испросить у него, хотя одну сію древнѣйшую церковь для Христіанъ. Подвигся Святитель въ царствующій градъ, и на сей разъ умилостивился Валентъ; онъ предоставилъ ему лично разсудить въ Никей преніе между православными и Аріанами. Великій Василій собралъ тѣхъ и другихъ и сказалъ противникамъ: «Богъ да разсудитъ между вами и нами; заключимъ двери храма, и обратимся къ Господу съ молитвою, дабы отверзъ ихъ тѣмъ изъ насъ, которые болѣе ему пріятны.» Согласились Аріане, но послѣ трехдневныхъ непрестанныхъ моленій, заключенными остались для нихъ двери; помолился Св. Василій, и мгновенно сами собою отверзлись предъ

нимъ трое внутреннихъ вратъ церковныхъ, такъ что весь народъ прославилъ Бога отцевъ своихъ и многіе изъ Аріанъ обратились къ православію. Сіе мѣстное преданіе напоминаетъ библейское сказаніе о прѣвнѣ Пророка Или съ жрецами Ваала. Священникъ, рассказывая о томъ, безпрестанно смѣшивалъ Аріанъ съ Армянами, по сходству имени, и хотя я замѣчалъ ему столь важную ошибку, онъ казался не ясно понималъ различіе.

Радостное изумленіе ожидало меня на слѣдующее утро, когда я увидѣлъ себя въ святилищѣ современномъ великому Константину. Внешнее зодчество сего малаго храма и портикъ, съ двумя обветшавшими колоннами; и мозаикъ надъ входомъ, свидѣтельствовали о глубокой древности. Я поспѣшилъ взойти, потому что уже оканчивалась утренняя, и священникъ возгласилъ: «слава Тебѣ показавшему намъ свѣтъ;» въ слѣдъ за тѣмъ, по обычаю Греческому, началась литургія. Давно не молился я съ такимъ усердіемъ: насъ было не болѣе пяти человекъ въ церкви; къ причетнику, который былъ вмѣстѣ и учителемъ убогаго училища Никейскаго, подходили одинъ за другимъ дѣти, чтобы помогать ему въ пѣніи, и низко кланялись предъ трономъ отсутствующаго Митрополита. Это было весьма трогательно, какъ будто самъ пастырь лично предстоялъ своему стаду. Когда же, во время пѣнія тропарей, священникъ громко возгласилъ изъ алтаря пѣснь Отцевъ, и обратился ко мнѣ изъ-за царскихъ дверей, что-

бы я съ большимъ вниманіемъ слѣдовалъ за его словами , — я заплакалъ. Слышать посреди развалинъ Никей, въ единственной уцѣлѣвшей тамъ церкви, но современной Вселенскому первому Собору, изъ устъ единственнаго пресвитера, который замѣнилъ всѣхъ триста осмнадцать Св. Отцевъ, сей церковный гимнъ въ ихъ славу: «препрославленъ еси, Христе Боже нашъ, свѣтила на земли Отцы наши основавый, и тѣми ко истиннѣй вѣрѣ вся ны наставивый, многоблагодѣтели, слава Тебѣ,» — слышать и не быть потрясеннымъ до глубины души, было бы не естественно. Сколько разъ внималъ я пѣнію сего торжественнаго тропаря, во дни храмовыхъ праздниковъ нашей синодальной церкви, посреди полнаго блеска служенія архіерейскаго, а теперь я слышалъ его на самомъ мѣстѣ событія и увы! въ пустынь.—Такое же сильное впечатлѣніе произвело на меня чтеніе символа Никейскаго, въ современной ему церкви Никейской! Я вообразилъ себѣ, посреди нынѣшняго убожества, всю духовную славу сего Вселенскаго собранія Святителей и исповѣдниковъ Христовыхъ, кровію запечатлѣвшихъ свою вѣру, и простерся ницъ на мозаическій помостъ храма, который подпирали священные стопы ихъ. О какое сладкое, невыразимое чувство наполнило мнѣ сердце! Я забылъ и болѣзнь и утомленіе долгаго пути; мнѣ казалось, что я въ кругу самихъ Отцевъ, и я благодарилъ Бога, что удостоился быть членомъ ихъ Православной Церкви, которой «единую вѣру запечатлѣ-

ли, по словамъ гимна, Апостоловъ проповѣданіе и Отець догматы. Сего ради носящи ризу, истканную отъ Богословія, еже свыше, исправляетъ и славить она благочестія великое таинство.»

Послѣ литургіи я сталъ внимательно осматривать церковь, начиная съ алтаря. Священникъ указалъ мнѣ горнее мѣсто, о шести высокихъ ступеняхъ, на которомъ возсѣдалъ Св. Василій великій, и я съ благоговѣніемъ поцѣловалъ мраморъ сихъ ступеней. Сопрестолія нѣтъ; на помость алтарномъ, собранномъ изъ разнородныхъ плитъ, есть надпись: «башня Михаила великаго Императора и во Христв Самодержца, въ лѣто 6366.» Камень сей вѣроятно принадлежалъ городской бойницѣ, имъ сооруженной. Поверхъ горняго мѣста, на золотомъ грунтѣ мозанковъ, Матерь Божія въ томъ видѣ, какъ ее изображаетъ икона Печерская, стоитъ съ Младенцемъ на рукахъ, и подъ нею три сходящія луча съ надписью: «изъ чрева прежде денницы родихъ тя.» Здѣсь видно, какое знаменованіе издревле давали сему стиху псалма. На сводѣ алтаря изображены, также мозанкомъ, евангеліе въ кругу представляющемъ небо, и четыре Ангела въ діакоонскихъ стихаряхъ, съ трисвятою пѣснію «святъ, святъ, святъ,» начертанною надъ главою каждаго изъ нихъ. Кругомъ царской арки надъ иконостасомъ написано еще: «дому твоему подобаетъ святыня, Господи, въ долготу дній.»

Алтарь раздѣленъ, по древнему чину, на три части и въ діакоониконѣ устроенъ малый приделъ

во имя успенія Пресвятыя Дѣвы; но престолъ его не находится на серединѣ, а углубленъ въ стѣнѣ, какъ я видалъ это и въ другихъ малыхъ приделахъ (параκληсахъ), равно Греческихъ и Грузинскихъ. Священникъ показалъ мнѣ въ боковомъ приделѣ двѣ иконы: Одигитріи и Св. Великомученика Димитрія, обѣ слывшія чудотворными, хотя и не весьма древнія, принесенныя со Св. горы; предъ ними два подсвѣщника или, лучше сказать, двѣ большія свѣчи, въ родѣ нашихъ обѣтныхъ, но только изъ прозрачнаго чернаго мрамора, а подлѣ въ стѣнѣ есть малое углубленіе, съ изваяніемъ голубей на бѣломъ мраморѣ, быть можетъ, для св. воды, если это не была дѣтская гробница. Въ главномъ алтарѣ все новыя иконы: между ними одна храмовая цѣлой Никеи, триста осмнадцать Св. Отцевъ, другая же Св. мученика Неофита, уроженца Никейскаго, котораго и гробница видна въ преддверіи. Внутреннее расположеніе напоминаетъ отчасти и въ маломъ видѣ Св. Софію; но куполъ былъ обрушенъ и потому нѣтъ мозаиковъ на новомъ. Помостъ сохранился въ древнемъ своемъ видѣ и весь испещренъ мозаиками, по подобію Кіевскаго десятиннаго собора. Не болѣе двухъ сотъ лѣтъ какъ обновлена церковь сія послѣ долгаго запустѣнія; но я не успѣлъ списать на хорахъ времени сего событія и имени обновителя; на сводахъ же алтарныхъ начертанъ 1833 годъ, ибо тогда опять поправляли ветхости зданія и, быть можетъ, устроили иконостасъ. На правой рукѣ со

хода существует доселѣ въ углубленіи гробница основателя, Патрикія Никифора, бывшаго при дворѣ великаго Константина, какъ гласить мѣстное преданіе. Верхняя доска сломана до половины и на ней уцѣлѣлъ еще четвероконечный крестъ; если же опустить свѣчу внутрь гробницы, то совершенно прозрачно является передняя плита ея, на которой изваяны весьма изящно два звѣздообразные круга.

Трое вратъ, которыя сами собою чудно отверзались по молитвѣ Василія великаго доселѣ служатъ входомъ изъ портика внутрь церкви: на нихъ не повѣшено дверей, по запрещенію Святителя затворять ихъ на память чуда. Какъ драгоценны такія преданія, которыя можно изучать только на мѣстахъ? Надъ средними вратами изображено мозаикомъ знаменіе Матери Божіей, и около нее надпись Греческая, крупными золотыми буквами: «Господи, помоги рабу твоему Никифору Патрикію, Препоситу вѣсти и великому Этеріарху». Удивительно, какъ могло все это сохраниться послѣ столь долгаго запустѣнія! Въ куполь преддверія Спаситель и Предтеча въ мозаическихъ кругахъ, другъ противъ друга, и четыре Евангелиста по угламъ; сверху опять звѣздообразный кругъ. Надъ боковымъ входомъ, со стороны гробницы Никифора, изображены были Константинъ Великій и самъ Патрикій на колѣняхъ предъ Матерію Божією; но мозаика сія осыпалась и ихъ написали надъ южными дверми портика, гдѣ былъ

прежде придѣлъ Св. Діомида и отколы возшелъ Святитель Василій для совершенія чуда. На противоположной сторонѣ гробница мученика Неофита въ углубленіи; тамъ горитъ неугасимая лампада предъ иконой Богоматери. Два звѣздообразные креста, похожіе на лабарумъ или монограмму имени Христа, бывшей хоругви Константиновой **Х** съ пальмовыми вокругъ ихъ вѣнками, изваяны на мраморной лицевой плитѣ, совершенно такъ, какъ я видѣлъ изображеніе сихъ мученическихъ символовъ въ катакомбахъ Римскихъ, и нѣтъ сомнѣнія, что эти украшенія современны. На гробъ Патрикія не могли изваять такихъ вѣнцовъ, не смотря на то, что онъ занимаетъ, какъ ктиторъ, почетное мѣсто въ храмѣ; до такой степени дорожили въ то время отличіями мученичества, какъ бы теперь орденскими знаками.

Св. Неофитъ, коего память совершается въ Никее 21 генваря, былъ уроженцемъ сего города, какъ сказано въ краткомъ его синаксарѣ, и отъ юности почувствовалъ влеченіе къ жизни созерцательной. Однажды послѣдовалъ онъ за порхавшею предъ нимъ голубицей на гору Олимпъ, гдѣ долго подвизался въ искусствѣ иноческомъ. Но когда услышалъ о жестокихъ гоненіяхъ Кесаря Діоклитіана, добровольно сошелъ съ горы, чтобы кровію запечатлѣть свое исповѣданіе. Церковь Никее благоговѣнно чтитъ еще память Святителя Харалампія; икона его также стоитъ мѣстною въ алтарѣ, потому что къ его молитвамъ прибѣгаютъ многіе,

для избавленія отъ болѣзненныхъ повѣтрій, опустошающихъ городъ. Сей единственный храмъ Никей празднуетъ вмѣстѣ Успенію, Св. Димитрію и сверхъ того Пасхъ, потому что есть давнее преданіе о ежегодно повторявшемся чудѣ, въ три послѣдніе дни страстной недѣли: всѣ стѣны и столбы покрывались влажностію, въ видѣ капель выступившаго пота, какъ будто въ самомъ мраморѣ было сочувствіе всемірному событію Господнихъ страданій, подобно тому, какъ это обнаружилось въ часъ распятія, землетресеніемъ и затмѣніемъ солнца. Такъ иногда болѣе является сочувствія въ предметахъ неодушевленныхъ, нежели въ одушевленныхъ, и не напрасно сказалъ Господь: *аще сіи умолчатъ, каменіе возопіетъ* (Лук. XIX, 40.).

Изъ церкви просилъ я священника и старшину проводить меня въ древній соборъ Св. Софіи, гдѣ, по церковной исторіи, соединился седьмой вселенскій Соборъ; тамъ безъ сомнѣнія происходилъ и первый, хотя мѣсто онаго указываютъ за стѣнами города. Это есть преданіе Турецкое, усвоенное и Греками; но кромѣ неудобства самаго мѣста, о коемъ скажу въ свое время, можно ли думать, чтобы воспоминаніе о первомъ Соборѣ не было освящено, хотя въ послѣдствіи, храмомъ. Если Императрица Ирина и Патріархъ Тарасій избрали Никейю для седьмаго вселенскаго Собора съ тою цѣлію, чтобы воспоминаніемъ священной мѣстности возвысить достоинство опредѣленій церковныхъ о чествованіи Св. иконъ, то безъ сомнѣнія они со-

единили Епископовъ въ томъ самомъ храмѣ, гдѣ некогда именитые триста осемнадцать Св. Отецъ провозгласили свое торжественное исповѣданіе въ-ры въ слухъ вселенной. Да и самое зданіе, теперь полуразрушенное, но еще сохранившее внѣшнія стѣны, свидѣтельствуетъ о своей глубокой древности, по двухъярусной формѣ прежнихъ базиликъ, какія доселѣ видны въ Римѣ. Известно, что первые Императоры имѣли обычай обращать сначала присутственныя залы, носившія названіе базиликъ или царскихъ, въ храмы Божіи. Самое имя Св. Софіи, которое предпочтительно любилъ давать церквамъ своимъ великій Константинъ, указываетъ на сіе святилище, какъ на то мѣсто, гдѣ лучшіе Святители вселенной призваны были совѣщаться о великомъ догматѣ воплощенія Слова и Премудрости Божіей.

Но, увы! одинакова судьба всѣхъ храмовъ Св. Софіи, въ предѣлахъ имперіи Оттоманской! И сія церковь, хотя теперь она въ развалинахъ, обращена была временно въ мечеть, когда завоеватель Султанъ Орханъ обратилъ каедральный соборъ Никеи, въ домъ Магометанской молитвы. Одинокій минаретъ у входа доселѣ о томъ свидѣтельствуетъ. На немъ неподвижно сидѣлъ бѣлый аистъ, какъ бы іероглифическая птица Египта, пустынный стражъ развалинъ, и при нашемъ приближеніи съ шумомъ сталъ бить крилами воздухъ. Мы вошли чрезъ обрушенный портикъ; внутри храма представился намъ густой каштановый садъ, дико

поросшій по всему его пространству, между вѣшнихъ высокихъ стѣнъ, конхъ столбы и верхнія галлерей уже обрушились. Вертоградъ на томъ мѣстѣ, гдѣ возсѣдали Св. Отцы двухъ вселенскихъ Соборовъ, — какъ это тяжело было для сердца! Съ трудомъ пробирались мы сквозь чашу внутри алтаря, очищеннаго отъ деревъ, потому что еще сохранился надъ нимъ отчасти куполь; видно полу-кругіе горняго мѣста. Съ обѣихъ сторонъ, подъ малыми куполами, уцѣлѣли также отдѣленія жертвенника и діаконикона и въ семъ послѣднемъ, между оконъ, видны еще лики Святыхъ, написанные фресками. Они сохранились, какъ бы во свидѣтельство возстановленія Св. иконъ догматомъ вселенскаго Собора, здѣсь соединившагося. И здѣсь опять воіяли камни, посреди безмолвія и вопреки хульныхъ воплей еретиковъ, осуждающихъ догматы Никейскіе.

Сквозь обвалившуюся стѣну жертвенника вышелъ я на соборный дворъ, и видѣлъ еще верхній ярусъ оконъ базилики, болѣе уцѣлѣвшій съ сѣверной стороны; но этотъ дворъ былъ заваленъ всякою нечистотою и костями животныхъ . . . «и ты, Господи, доколь!» Горько вздохнулъ я, при древнемъ и новомъ поруганіи столь драгоценнаго для насъ святилища, и удалился изъ него съ символомъ Никейскимъ въ сердце и на устахъ! Обширная митрополія примыкала нѣкогда съ сѣверовосточной стороны къ Св. Софіи, но теперь по ея развалинамъ разсыяны зданія Турецкія,

отчасти воздвигнутыя на старыхъ основаніяхъ; есть тутъ и малая мечеть, которая, какъ говорятъ, была прежде церковію Святителя Николая; видѣнь и древній саркофагъ, обращенный теперь въ фонтанъ и точащій живыя струи изъ нѣдръ смерти. Кто разгадаетъ весь этотъ хаосъ разрушенія, гдѣ столпились вѣки надъ вѣками въ одну громаду безответныхъ камней!

Грустно однако думать, что въ самыя рѣшительныя эпохи для Православія, не разъ измѣняли ему Митрополиты Никейскіе, не смотря на важность своей катедры. Такъ, на первомъ вселенскомъ Соборѣ, Θεогнидъ принялъ сторону Арія, хотя и обратился въ послѣдствіи; и на бѣдственномъ Флорентинскомъ собраніи, горько именитый Виссаріонъ предпочелъ багряницу Римскую и тѣло Кардинала высокой степени православнаго Митрополита Никей. Много повредили они, вмѣстѣ съ нашимъ измѣнникомъ Исидоромъ, дѣлу Православія! Митрополія Никейская, равно какъ и Св. Софія находились въ срединѣ обширнаго города, гдѣ теперь осталось не болѣе двухъ сотъ убогихъ домовъ, промежу садовъ и обломковъ.

Утомительно было бы исчислять всѣ древнія зданія, отчасти уцѣлѣвшія или обращенныя въ мечети и кладовыя Турковъ, но нельзя умолчать объ одной великолѣпной обители, которая совершенно сохранилась подлѣ развалинъ бывшаго дворца Императоровъ. Она гораздо позднѣйшаго вѣка, потому что отзывается вкусомъ Сарацинскимъ, и

могла быть сооружена во время пребывания Императоровъ Греческихъ въ Никеи, когда крестоносцы овладѣли Царь-градомъ. Старшина и священникъ называли зданіе это трапезаріемъ и говорили, что сооружено по образцу киновій Аѳонскихъ. Все оно складено изъ краснаго кирпича, съ узорочными кругами по мѣстамъ вмѣсто украшеній: пять куполовѣго вѣнчаютъ и надъ главнымъ еще возвышается малая сѣнь на столбахъ. Изящный портикъ примыкаетъ со входа; онъ состоитъ изъ пиластровъ и мраморныхъ столбовъ, соединенныхъ остроконечными легкими арками, какъ это встрѣчаешь въ зданіяхъ Арабскихъ. Внутри представляется обширная зала съ полукруглымъ возвышеніемъ, которая однако не обращена къ востоку; ближе ко входу двѣ пристроенныя палаты подъ куполами давали крестообразную форму всему зданію, но устройства церкви въ немъ не замѣтно; дѣйствительно, это могла быть царская трапеза по сосѣдству дворца, такъ какъ все ближайшее пространство земли покрыто его обломками, и говорятъ, что досель обширныя камеры сокрыты подъ ихъ грудой. Но какое же нынѣ назначеніе сей царственной трапезы? пастухи Никейскіе загоняютъ туда свои стада! — о суета суетъ и всяческая суета! Не далеко отъ бывшихъ царскихъ палатъ возвышаются еще однѣ пышныя врата опустѣвшаго города, изъ которыхъ направлялся путь во внутреннюю Азію: онъ носятъ названіе ближайшаго селенія Левки и подлѣ нихъ, сквозь городскую стѣну, пробито от-

верстіе для живительной струи водопровода, идущаго изъ сосѣднихъ горъ. Шумно стремятся падающія воды въ опустѣвшую столицу Кесарей и Султановъ, и оживляютъ безмолвіе ихъ обрушенныхъ чертоговъ, поросшихъ дикими травами. На бойницѣ сихъ великолѣпныхъ вратъ опять громкая надпись Римская: «Парѣянскаго божественнаго Нервы внуку Траяну (вѣроятно, Адріану)», и тутъ же имена вождей воинскихъ и гражданскихъ, соорудившихъ врата въ честь Императора. Чего еще болѣе славнаго, болѣе громкаго, желать для роскоши такихъ развалинъ? Съ этой стороны стоялъ и станъ Готфрида.

Мы прошли обратно весь городъ и, чрезъ развалины западной стѣны, вышли къ озеру. Священникъ и старшина хотѣли показать мнѣ мнѣмое мѣсто перваго Собора, какимъ слыветъ оно и у Турковъ; они привели меня въ довольно обширную палестру, прилегавшую къ древнимъ стѣнамъ и обнесенную низкою оградой. Тутъ показали мнѣ три мраморныя каѣдры съ опрокинутыми столбиками, на трехъ оконечностяхъ палестры, увѣряя, что одна изъ сихъ каѣдръ, ознаменованная крестомъ, была Константинова, а двѣ другія служили амвонами, на которые будто восходили попеременно Епископы для пренія о вѣрѣ, вслухъ предъ всѣмъ народомъ. Чрезвычайно изумило обзихъ, когда я рѣшительно отвергъ всѣ ихъ предположенія и сказалъ имъ, что это мѣсто было ни что иное, какъ народное игрище; ибо на

такомъ большомъ разстояніи не могли бы даже слышать другъ друга состязавшіеся. Къ тому же благочестивый Константинъ, какъ видно изъ исторіи, собралъ Епископовъ не подь открытымъ небомъ, а въ своей палатѣ, чтобы совѣщаться о высокомъ таинствѣ, не свойственномъ для общенароднаго пренія. Я указалъ имъ на Св. Софію, какъ на единственное мѣсто Соборовъ, но они, кажется, остались оба при своемъ мнѣніи.

Пробираясь съ трудомъ сквозь колючіе кустарники и травы, которыя вмѣстѣ съ соседнимъ озеромъ испаряють болѣзненный воздухъ для Никеи, мы возвратились въ городъ и посѣтили еще обломки одного исполинскаго ристалища, на подобіе Римскаго Колизея. Въ его обширныхъ подземельяхъ, гдѣ еще видно много костей, вѣроятно содержались звѣри и готовились къ побойцу гладіаторы; колоссальны своды зданія и мѣстами еще его стѣны возвышаются изъ массы развалинъ, но уже утрачена самая форма; а въ нѣсколькихъ шагахъ, какъ бы для того, чтобы смягчить жестокія воспоминанія язычества, струится подь малымъ сводомъ чистая вода Христіанской агіазмы, гдѣ многіе доселѣ обрѣтають изцѣленіе. Вотъ все, что успѣлъ я видѣть въ Никее, не смотря на томленіе зноя и болѣзни. Я спѣшилъ оставить городъ, чтобы подышать свѣжимъ воздухомъ въ горахъ, на пути къ заливу Никомидійскому; было уже за полдень, когда я выѣхалъ изъ Никеи, чрезъ третьи великолѣпныя врата, носящія названіе Цариград-

скихъ, потому что ими въѣзжали Императоры изъ своей столицы; еще есть на нихъ триумфальная надпись Льва Премудраго, надъ кою теперь посмѣялись и люди и время: «здесь конечный трофей надъ полчищемъ безстыдныхъ Сарацинъ, здесь Христолюбивые Императоры наши Левъ и Константинъ обновили градъ, возобновивъ сію башню, цѣною кентарія злата и семилѣтнихъ трудовъ.»

Но другое священное преданіе сохранилось о сихъ вратахъ, хотя оно не имѣетъ вѣрности исторической; самые Турки однако его повторяютъ. Сторожъ, присланный мнѣ для почести отъ аяна, или градоначальника, показалъ намъ, въ одной изъ громадныхъ бойницъ, съ правой стороны торжественныхъ воротъ, такъ называемую темницу Св. Николая Чудотворца: по мѣстному преданію, здесь онъ былъ заключенъ за то, что поразилъ на Соборѣ Арія, защищая догматы вѣры, и содержался въ узахъ, доколѣ не былъ оправданъ свыше по небесному суду, который ознаменовался явленіемъ евангелія и омофора, какъ это пишется на его иконахъ. Глубокое уваженіе къ Святителю, можно по истинѣ сказать вселенскому, обнаруживается даже и въ Магометанахъ; какъ объяснить это счастливое вліяніе, которое сей Угодникъ Божій, преимущественно предъ всѣми, имѣетъ на всѣ племена и языки?

Предъ захожденіемъ солнца достигли мы за 5 часовъ отъ Никеи, въ ущеліяхъ горъ, селенія

Кизь-дербентъ, населеннаго Куцовлахами, или ссыльными Волохами, издавна сюда удаленными; я радовался провести ночь въ болѣе свѣжемъ воздухѣ, но меня озаботила неприятная вѣсть, что наканунѣ зарѣзанъ былъ, по частной враждѣ, священникъ сего селенія. Другой священникъ, приглашенный для служенія воскресной литургіи, разсказалъ мнѣ печальныя подробности сего убійства, и признаться не совсѣмъ было пріятно оставаться на ночь въ такомъ разбойническомъ мѣстѣ; но невозможно было продолжать дороги. Поднявшись съ разсвѣтомъ, мы спустились на берегъ морской, близъ мѣстечка Кара-мусаль, и по счастью успѣли еще захватить парходъ, шедшій изъ Никомидіи.

Одинъ изъ Греческихъ жителей сего города разсказалъ мнѣ на парходѣ, что подлѣ стѣнъ на берегу моря находится знаменитый въ древности монастырь Св. Великомученика Пантелеймона, гдѣ еще доселѣ хранится въ мраморной ракъ большая часть его мощей, и многіе притекаютъ туда за изцѣленіемъ. Недавно одна женщина, исповѣданія Римскаго, онѣмѣвшая получила опять владѣніе языка. Но до такой степени скудна сія обитель, что не можетъ даже содержать особаго священника и, если кто желаетъ слушать тамъ литургію, долженъ пригласить іеромонаха изъ митрополіи, которая внутри Никомидіи и также очень убога. Обитель Пантелеймонская служитъ почетнымъ кладбищемъ для жителей. Когда ихъ несутъ туда на смертномъ одрѣ, всегда останавливаются дорогою

посреди поля, ознаменованнаго воспоминаніемъ историческимъ; это мѣсто всеожженія Святителя Никомидійскаго Анонма и съ нимъ двухъ темъ мучениковъ, при жестокомъ гоненіи Діоклитіана. Такъ свято соблюдаетъ Церковь память своихъ подвижниковъ и такъ живы они доселѣ въ сердцѣ народа. Не забыты въ Никомидіи и восемьдесятъ мужей священнаго чина, которыхъ велѣлъ посадить неустовый Валентъ на зазженный корабль и пустить на средину залива; память ихъ совершается ежегодно. Съ любопытствомъ слушалъ я всѣ сіи церковныя свѣденія о Никомидіи, которую уже не надѣялся болѣе увидѣть, и поспѣшаю сообщить ихъ вмѣстѣ съ моимъ описаніемъ Никеи, зная какъ васъ занимаетъ все, что только относится до древностей Православія.

ПИСЬМО VI.

СВ. ГОРА АЕОНСКАЯ, ЛАВРА, ИВИРЪ.

Келлія Серайская 10 Августа 1849.

Пишу вамъ изъ глубины Аэона, изъ нашего Русскаго скита, прозваннаго Сераемъ или дворцемъ, по его счастливому положенію на лучшемъ мѣстѣ Св. горы, близъ ея монашеской столицы, Кареи. Изъ высокаго окна моей уединенной келліи, предъ которою стоитъ, какъ бы на стражѣ, стройный кипарисъ, открывается пространное море Эгейское, съ тремя островами: Тассо, Самоераки и Лемносомъ; близкимъ кажется море, хотя оно на разстояніи болѣе часа прямаго пути. Чудно это зрѣлище, когда послѣ утренняго бдѣнія постепенно алѣетъ востокъ и заревомъ его румянится вершина Аэона, и солнце вытекаетъ багря-

нымъ щитомъ изъ раскаленныхъ волнъ, близъ самаго Лемноса, баснословнаго жилища Вулканова. А мнѣ, чтобы любоваться столь великолѣпною картиной, не нужно даже и приподыматься съ моей постели, и кипарисъ мой защищаетъ меня отъ слишкомъ яркихъ лучей возстающаго светила. По склону горы разсыяны посреди садовъ бѣлыя келліи и каливы шноковъ, живущихъ по-два и по-три вмѣстѣ въ окрестностяхъ Карей, на участкахъ различныхъ монастырей, съ тѣхъ поръ, какъ она сама престола быть лаврою келлій. Далѣе горный хребетъ Аеона покрытъ густымъ лѣсомъ, ибо восточный берегъ славится своею растительностію, и надъ всею массою зелени подымается голая гряда утесовъ, съ остроконечною главою, которую подобострастіе Эллиновъ хотѣло изсѣчь въ образъ Македонскаго ихъ героя. Усердіе Христіанское уввичало ее малою церковью, во имя преображенія Господня, когда языческій Аеонъ преобразился въ гору святую, удѣлъ Матери Божіей, спасительный для многихъ народовъ.

Вотъ гдѣ я теперь и что предо мною, и вы можете себя представить, какъ усладительно для меня такое зрѣлище, хотя и тутъ отъ времени до времени посѣщаетъ сердце мое невольное чувство сиротства на чужбинѣ. Что касается до воздуха, то ни гдѣ на всей Св. горѣ, нельзя найдти болѣе благоараствореннаго, какъ по морской прохладѣ, такъ и по свѣжести горной. Особенно вечеромъ пріятно и даже длительно дышать имъ,

потому что нѣтъ здѣсь ни малѣйшей сырости, ни духоты, свойственной южнымъ климатамъ. Когда же при глубокомъ безмолвіи ночи, которое прерываютъ только журчаніе текущихъ водъ и жужжаніе тысячи насѣкомыхъ, или позвонки бродящихъ по садамъ муловъ, надъ вами разстилается необычайно яркій звездный покровъ, и вы созерцаете весь сіи тайные міры, въ промежуткѣ псалмопѣній всенощныхъ, — невыразимый восторгъ наполнить вашу душу, увлекая ее за предѣлы видимаго.

Я упомянулъ о псалмопѣніяхъ: отраднѣе здѣсь въ скитѣ слышать всю божественную службу на родномъ языкѣ, въ томъ порядкѣ, въ какомъ мы привыкли внимать ей на родинѣ, потому что, не смотря на совершенное единство вѣры, трудно привыкнуть къ богослуженію Греческому. Когда стою въ малой Серайской церкви Великаго Антонія, я забываю гдѣ нахожусь, и только выходя на балконъ моей келліи, вспоминаю опять, что я на Аѳонѣ. Скитъ, или точнѣе сказать келлія Серайская, была какъ бы предназначена для обители Русской двумя своими основателями, потому что оба они нашли себѣ послѣдній пріютъ въ Россіи. Святѣйшій Патріархъ Цареградскій Аѳанасій Пателарій, нетлѣнно почивающій въ Лубнахъ, сидя на своей каедрѣ, первый избралъ себѣ жилищемъ Серай, какъ по здоровому его мѣстоположенію, такъ и по соседству Кареи, и Патріархъ Серафимъ, погребенный у ногъ его въ той же обители Лубенской, окончательно устроилъ себѣ келлію на участкѣ;

принадлежащемъ лавръ Ватопедской. Келлія его пришла въ совершенное запустѣніе во время общаго упадка горы Аѳонской, послѣ возстанія Греческаго; но въ 1841 году два выходца Русскіе, изъ Брянской пустыни Бѣлыхъ береговъ, Виссаріонъ и Варсануфій, взяли за себя полуобрушенные келліи патріаршія отъ обители Ватопедской, и мало по малу образовалась около нихъ община монашеская, которая хотя и не имѣетъ еще самостоятельныхъ правъ отдѣльнаго скита, однако не уступаетъ другимъ въ благочиніи церковномъ. Впрочемъ такихъ келлій, большихъ или меньшихъ, какъ я уже вамъ сказалъ, здѣсь множество въ Карен, до двухъ-сотъ; только Серай господствуетъ надъ всеми и вѣроятно со временемъ будетъ обителью, когда получитъ собственную печать отъ Ватопеда, подобно какъ другой скитъ нашъ Іліи Пророка получилъ ее отъ Пантократора; но Серай можетъ намъ быть ближе къ сердцу, потому что въ немъ нѣтъ никакой примѣси Греческой или Болгарской.

Каждая келлія имѣетъ здѣсь свое преданіе, священное или историческое. Такъ напримѣръ та, что ближе къ Сераю на маломъ холмѣ, принадлежитъ монастырю Ставреникитъ, была устроена обновителемъ его, Патріархомъ Константинопольскимъ первымъ Іереміею. Здѣсь обиталъ онъ на покояхъ, уже въ схимѣ, подъ именемъ Іоанна, и теперь тутъ поселился на покой бывший Епископъ Московскійскихъ острововъ, Каллиникъ, мужъ ученый и благочестивый. Одинокую келлію славнаго

своимъ учениемъ Святогорца Никодима, который оставилъ по себѣ столько душеполезныхъ сочиненій, показывающихъ за глубокимъ врагомъ Капсола, или погорьлымъ, и въ томъ же направленіи есть келлія, служившая долгое время убъжищемъ Св. Саввъ, сыну Царя Сербскаго Симеона, столь именитому въ лѣтописяхъ своей Церкви и на Аѳонѣ. Я ходилъ туда искать старыхъ книгъ и нашелъ въ малой церкви преображенія, имъ основанной при келліи, патерицу его, которую заповѣдалъ всегда тамъ хранить, отъ чего и самая келлія прозвалась Патерицею. Умилительно преданіе объ этой патерицѣ: Св. Савва освященный, Палестинскій, употреблялъ ее вмѣсто пастырскаго жезла и умирая завѣщалъ ученикамъ своимъ, отдать ее только сомненному ему пришельцу, который по прошествіи многихъ лѣтъ посѣтитъ плачевную юдоль. Прошло семь столѣтій, и не являлся достойный понести посохъ Освященнаго; и вотъ, однажды приходитъ въ лавру инокъ, убогій съ виду хотя и царскаго рода, и къ его ногамъ сама собою падаетъ патерица. Изумленная братія спрашиваетъ о его имени и узнаетъ въ немъ того Савву, коему искони предопредѣленъ былъ посохъ блаженнаго ихъ отца. Царевичъ Сербскій унесъ его съ собою на Аѳонъ и, отходя самъ на святительскую кафедру своей родины, хотѣлъ чтобы пустынный посохъ всегда оставался въ его пустынной келліи. И что же?— не смотря на частыя заустынія горы Аѳонской, патерица сія доселѣ остается въ убогой

церкви, гдѣ даже рѣдко бываетъ богослуженіе, потому что два старца Греческіе, нанимающіе себѣ келлію Св. Саввы для жительства, уже не въ силахъ совершать литургіи; а между тѣмъ основанная имъ лавра Хиландарская, не смѣетъ нарушить его заповѣди и взять посохъ. Еще одна его заповѣдь свято соблюдается въ другой келліи Карейской. Когда, вытѣсненный набѣгами Сарацинскими изъ своего мирнаго жилища, Св. Савва принужденъ былъ на время поселиться въ башнѣ на Кареи, онъ устроилъ себѣ и тамъ церковь и оставилъ строгій уставъ или типикъ, повелывая подѣ клятвою исполнять оный всѣмъ грядущимъ жильцамъ сего убѣжища. Сверхъ обычнаго правила, они обязаны ежедневно прочесть еще псалтирь и евангеліе, пищу же вкушать только однажды въ день, и обитель Хиландарская съ тѣхъ поръ всегда содержитъ двухъ старцевъ, строго исполняющихъ тамъ типикъ Св. Саввы; оттого и самая келлія прозвалась Типижарницей, подобно какъ первая Патерицею. Не достойна ли уваженія такая въковая ненарушимость преданій отеческихъ!

Есть еще одна именитая келлія по священному ея воспоминанію, не далеко отъ Серайской мельницы, въ самой глубинѣ паленаго оврага, слывущаго тутъ адомъ, вѣроятно отъ жаровъ. Келлію зовутъ донынѣ: «достойно есть» *ἀξιον ἔστί*, потому что на этомъ мѣстѣ, какъ гласитъ преданіе, явился некогда Архангелъ смиренному послушнику, который воспевалъ, по древнему обычаю отцевъ пустынныхъ и

заповѣди отца своего духовнаго, высокій гимнъ въ честь пресвятыя Дѣвы: «честнѣйшую Херувимъ» безъ приложенія: «достойно есть.» Безплотный повелѣлъ ему оттолъ всегда прилагать сей первый стихъ небснаго гимна къ гимну земному, и это досель свято соблюдается Церковію. Самая икона Богоматери, при которой совершилось знаменіе, находится теперь въ Протатѣ, т. е. въ соборномъ храмѣ бывшей лавры Карейской. Не достаю бы времени и я бы увлекся слишкомъ далеко, если бы захотѣлъ рассказать вамъ всѣ драгоцѣнныя преданія о сей знаменитой пустыни келій, которой это названіе столь же свойственно, какъ и Египетской великаго Макарія. Но прежде нежели буду описывать первенствовавшій ея скитъ Протатъ и Карею, я долженъ сказать какимъ образомъ достигъ до Аона.

Не мало затрудненій стоило мнѣ это странствіе. Я не хотѣлъ вхатъ обычною дорогою чрезъ Салонику, потому что, кромѣ продолжительнаго плаванія, предстояло еще оттолъ четыре дня труднаго пути по горамъ, и непріятно было бы мнѣ плыть мимо самага Аона, не имѣя возможности выйдти на священный берегъ. Пароходы не останавливаются у Св. горы, по недостатку хорошей пристани, а плаваніе на купеческомъ суднѣ изъ Царьграда бываетъ продолжительно при неблагоприятномъ вѣтрѣ. Нашелся наконецъ, щастливый для меня и чрезвычайно пріятный случай: Посланникъ нашъ пожелалъ посѣтить Св. гору и Русскій пароходъ

повезъ вмѣстѣ съ нимъ Архимандрита и многихъ членовъ нашего посольства на Аѳонъ; но и тутъ встрѣтились препятствія. Мы оставили Царьградъ въ одну изъ торжественныхъ ночей рамазана, и зрѣлище освѣщенной столицы Оттоманской было великолѣпно, въ сумракъ и тишинѣ лѣтней ночи. Предмѣстія Скутари и Галата, на обоихъ берегахъ Босфора, и прямо противъ пролива мысъ Серая, горѣли своенравными огнями минаретовъ, украшенныхъ въ два и три яруса пламенными вѣнцами; между ними повѣшены были, на главныхъ мечетяхъ, лучезарныя цѣпи и сіяли стихи корана, написанныя огнемъ по темному небу, или колебались въ воздухѣ пламенныя пальмы, а гербъ Оттоманскій съ его звѣздою высоко парилъ надъ минаретами. Казалось новыя яркія созвѣздія унизали весь обширный небосклонъ, съ которыми соединился другой болѣе свѣтлый хоръ свѣтилъ небесныхъ. Только впереди насъ перестѣкались радостные огни, мрачнымъ устьемъ Мраморнаго моря: оно зіяло, какъ темная таинственная дверь вѣчности. На канувъ было еще очаровательнѣе зрѣлище Царьграда и Босфора, потому что Турки праздновали такъ называемую священную ночь свою или странствованіе ихъ пророка въ седьмое небо: Султанъ торжественно переплывалъ проливъ, изъ Азіатскаго дворца своего Бейлербей въ мечеть Топхане, окруженный факелами безчисленныхъ лодокъ; весь флотъ, стоящій въ проливѣ, былъ освѣщенъ и бенгальскіе голубые огни безпрестанно за-

горались на кипарисовомъ мысу Серая, далеко озаря море, такъ что зарево было видно въ Буюкъ-дере. По зареву узнали мы, но слишкомъ поздно о торжествѣ, которое всѣ ожидали на будущую ночь, потому что сами Турки сбиваются въ исчисленіи сего праздника. Признаюсь, грустно было въ самомъ Царьградѣ пропустить такое зрѣлище; но сожалѣніе было не своевременно и, можетъ быть, вы сами меня осуждаете теперь за то, что начавъ говорить вамъ о Аѳонѣ, отвлекся отъ своего предмета, для описанія Магометанскаго праздника.

На разсвѣтъ мы уже плыли около Мраморнаго острова гдѣ, по преданію мѣстному, потонули всѣ сокровища Св. Софіи съ Венеціанскимъ кораблемъ; предъ вечеромъ достигли устья Дарданеллъ. Древній Лампсакъ, уже не существующій нынѣ, и противъ него веселый городокъ Галлиполи и замокъ Дарданелльскій, со всеми укрѣпленіями обоехъ береговъ, мысъ Сигейскій, прославленный поприщемъ Иліады, съ холмами Ахилла и Патрокла и дальнимъ курганомъ Гектора, на томъ мѣстѣ гдѣ былъ Иліонъ, и высокая Ида, гора боговъ Омировыхъ, — все это какъ призракъ мелькнуло предъ нами, увлекая воображеніе въ вѣка давно минувшіе. Тогда вдали изъ-за острововъ Архипелага, въ лучахъ заходящаго солнца, предстала намъ священная вершина Аѳона и, воспоминаніями Христіанскими, заглушила языческія. Но она, издали насъ къ себѣ манившая, какъ будто отталкивала вблизи и защищалась отъ насъ, по выраженію мореплавателей.

Едва только вышли мы въ открытое море, какъ вѣтеръ, дотоль легкій и попутный, началъ все больше связъть; подъ бурнымъ его дыханіемъ взволновалось море; малый нашъ пароходъ не могъ противостоять напору волнъ и, пройдя островъ Имбросъ, уже на половинѣ дороги къ Аеону, мы принуждены были опять возвратиться къ Дарданелламъ. Тогда намъ пришло на мысль воспользоваться попутною бурею на парусномъ суднѣ, которое уже давно стояло въ устьи пролива и еще долго должно было ожидать южнаго благоприятнаго вѣтра, весьма рѣдкаго лѣтомъ. Мы перешли съ парохода на фрегатъ нашъ Андромаху, возвращавшійся изъ Греціи; но лишь только распустилъ онъ всѣ паруса, въ полной надеждѣ до разсвѣта достигнуть Св. горы, какъ вдругъ при захожденіи солнца, вѣтеръ началъ стихать и къ утру сдѣлалась совершенная тишина, благоприятная только для пароходовъ. Мы подвигались медленно, а между тѣмъ Св. гора издали подымалась предъ нами во всемъ своемъ великолѣпнн, и лавра Св. Аѳанасія бѣлѣла посреди густой зелени садовъ, маня къ себѣ утомленныхъ плователей. День склонился къ вечеру; мы рѣшились воспользоваться послѣдними его часами для достиженія желанной цѣли; весла замѣнили намъ паруса и на двухъ быстрыхъ ладьяхъ достигли мы благополучно пристани лаврской. Мнѣ весьма хотѣлось прѣхать въ лавру наканунѣ праздника преображенія Господня, чтобы съ вечера подняться на священную

вершину Аэона и тамъ отслушать горнюю литургію въ самый день праздника, какъ бы на высотахъ Эавора; но буря насъ задержала и только 7 Августа вышелъ я на берегъ Св. горы.

Отрадно было ступить на землю Аэонскую и сказать себѣ, что я уже подъ сѣнію той дивной горы, которая прославилась столькими подвижниками, въ теченіи многихъ вѣковъ, и лѣтопись коей тѣсно связана съ иноческою лѣтописью нашего отечества. Малая пристань, окруженная утесами, куда взошли наши лодки, была охраняема зубчатою башней и переносила воображеніе во времена Византійскія. Казалось мы вступили въ иной давно забытый міръ, отголосокъ коего еще слышится только подъ сводами нашихъ древнихъ храмовъ. Въ самой башнѣ, отдѣленной отъ утеса глубокимъ ровомъ съ подъемнымъ мостомъ, были два придела: преображенія Господня и Григорія Просвѣтителя Арменія; и такъ, если не въ самый праздникъ и не на верху горы, то хотя у подошвы Аэона встрѣтила насъ церковь преображенія. Крутая стезя, живописно извивавшаяся промежъ виноградниковъ и маслинъ, привела насъ къ лаврѣ; она возвышалась въ полугорь на площадкѣ, у подножія главнаго хребта, какъ гранитный замокъ, увѣнчанный башнями. На верху высокихъ стѣнъ устроены были кругомъ деревянныя келліи и легкостію своей противорѣчили каменной массѣ, надъ кою висѣли. Все зданіе представляло нѣчто особое, чего дотолъ не встрѣчали наши взоры и къ

чему впоследствии привыкли до сытости, потому что лавра послужила образцемъ зодчества для всѣхъ обитателей Святогорскихъ.

Нѣсколько старцевъ инокъ сидѣли у святыхъ воротъ; давно уже видѣлся имъ въ морѣ фрегатъ нашъ и они любопытствовали о проѣзжихъ. Увидѣвъ Архимандрита нашего посольства, всѣ встали и дружелюбно его привѣтствовали, равно какъ и всѣхъ насъ, хотя замѣтно было на ихъ лицахъ нѣкоторое недоумѣніе. Ударили въ колоколъ и какъ только взошли мы, сквозь тройныя врата на первый дворъ лавры, раздался звонъ всѣхъ колоколовъ, столь отраднѣй для слуха на чужбинѣ, потому что въ Турціи отвыкли отъ роднаго благоговѣста. Внутренній дворъ или площадка съ крещальнею, между соборомъ и трапезою, съ мраморною колоннадою портика соборнаго, поразили насъ своимъ классическимъ великолѣпіемъ. Два девятисотлѣтнихъ кипариса, посаженные Св. Аеанасіемъ, возбудили въ сердцѣ глубокое благоговѣніе: послѣдніе лучи солнца золотили ихъ пирамидальную вершину, какъ бы вѣнчики на древнихъ иконахъ. Между ними, въ кругу современныхъ имъ столбовъ, журчала прохладная струя колоссальной чаши или фѣала крещальни, изсѣченной изъ одного куска драгоценнаго мрамора, а за нею открывалась намъ священная внутренность собора съ роскошнымъ мраморомъ его помоста. «Достойно есть, яко во истину» обычный привѣтственный гимнъ огласилъ въ-

ковые своды храма, покаместъ Архимандритъ и вслѣдъ за нимъ мы всѣ прикладывались къ древнимъ иконамъ Палеологовъ; но уже нельзя было, ради поздняго времени, разсматривать археологическія сокровища собора.

Мы поспѣшили поклониться, въ боковомъ придѣлѣ сорока мучениковъ, гробу Св. Аѳанасія, и я вспомнилъ о васъ надъ сею священной дскою, потому что праздникъ отшельника аввы Аѳонскаго совпадаетъ въ одинъ день съ нашимъ роднымъ праздникомъ аввы Радонежскаго 5 Іюля: мысль о настоятель лавры Сергіевой не отлучна была отъ меня въ лавръ Аѳанасіеой. Потомъ мы заглянули и въ чудную трапезу, расписанную лучшею кистью среднихъ вѣковъ: трапеза эта мнѣ напомнила Никейскую. Нельзя было въ темнотѣ распознавать лики; я не тужилъ о бѣгломъ обзорѣ лавры, имѣя въ виду еще однажды ее посѣтить, совершивъ обхождение всѣхъ обителей Аѳона, но для моихъ спутниковъ потеря сія была невозвратима. Эпитропы пригласили насъ въ архондарикъ, или гостинную келлію. Мы воспользовались однако остаткомъ вечера, чтобы обойти вокругъ живописныхъ бойницъ лавры и полюбоваться чудными видами на море и на горы; посѣтили и усыпальницу братіи, гдѣ по чину принятому на всей горѣ Аѳонской, чрезъ три года вынимаются кости, чтобы сложить ихъ въ общую грудю подъ погребальною церковію, — не утѣшительный обычай, о которомъ въ послѣдствіи я много бесѣ-

давалъ съ святогорцами. Рано утромъ, отслушавъ литургію въ предѣлѣ, гдѣ почиваетъ Св. Аѳанасій, и приложившись къ святынь драгоцѣнныхъ мощей, мы продолжали путь нашъ въ обитель Иверскую, отстоящую за шесть часовъ.

Дорога изъ лавры живописна видами и богата растительностію, но чрезвычайно утомительна, по каменистымъ спускамъ въ глубокіе овраги и столь же крутымъ подъемамъ. Одни только мулы въ состояніи вѣрной ногою ступать надъ ужасными пропастями, и надобно вполне доверяться осторожному животному. Кое-гдѣ источники проложили себѣ глубокое русло въ сердцѣ горы, и около нихъ стоятъ пустынные келліи и малыя церкви, принадлежащія лаврѣ, потому что владѣнія ея простираются на четыре часа въ эту сторону. На разстояніи двухъ часовъ есть агіасма при церкви Богоматери. Вода стремится изъ-подъ каменныхъ сводовъ и путникъ, утоляя жажду свою, благословляетъ изведшаго живыя струи изъ бесплоднаго камня. Авва Аѳанасій былъ здѣсь вторымъ Моисеемъ; ему, озабоченному устройствомъ новой своей обители, предстала на этомъ мѣстѣ Богоматерь въ образѣ свѣтлой жены. Бѣжалъ пустыжникъ женскаго зрака, не виданнаго на всей святой горѣ, и услышалъ въ слѣдъ себѣ глаголь: «куда стремишься, авва, и что сомнѣваешься? ударь посохомъ скалу и потекутъ воды, во свидѣтельство моего явленія. Отсель уже не заботься о лаврѣ, я сама буду въ ней икономиссой»;

дѣйствительно, съ тѣхъ поръ не поставляются никогда экономы въ лавръ, а только подзэкономъ завѣдываетъ ея хозяйствомъ подъ покровомъ Божественной икономиссы.

Не умилительно ли такое преданіе? подобными исполнена вся Св. гора, въ которой проявляется особенная любовь Матери Божіей къ избранному своему удѣлу! — Исторія Аеона есть какъ бы лѣтопись посмертнаго жительства на землѣ Пречистой Дѣвы, сходно съ словами церковной пѣсни: «въ рождествѣ дѣвство сохранила еси, во усненіи міра не оставила еси, Богородице». На каждомъ шагу, въ каждой обители, есть чудотворная ея икона и какое-либо преданіе о видимомъ ея предстательствѣ. Въ лавръ она хочетъ быть икономиссой, въ Хиландарѣ не велитъ ставить игумена, сама заступая его мѣсто; въ Иверской обители смиренно дѣлается вратарницею, предпочитая малую привратную церковь великому собору, и тамъ Божественная вратарница многихъ приводитъ ко спасенію чрезъ хранимыя ею врата. И у насъ на Руси, Мать Божія, стала также на стражъ Иверскихъ вратъ внутри столицы, осѣняя своимъ благословеніемъ входы и исходы святыни Московской.

Часомъ далѣе, отъ источника Аеанасіева, есть развалины башни на приморскомъ холмѣ и видна, высоко на скалѣ, обитель Амальфитанская, которую тутъ основали православные выходцы сей республики, во дни своихъ торговыхъ сношеній съ Востокомъ и вѣроятно, силою своихъ Италій-

скихъ согражданъ, присвоили себѣ исключительное право держать суда на Аеонѣ. Обитель западная, хотя и православная, на горѣ святой — замѣчательное явленіе, свидѣтельствующее о долгомъ мирѣ Запада и Востока, даже и послѣ Патріарха Кируларія; крестовые походы его нарушили, а не Фотій и Михаилъ. Два малые участка небольшихъ обителей, Каракаллы и Филоея, прилегаютъ къ морю далѣе обширныхъ владѣній лавры, и одинокая башня свидѣлствуетъ о мѣстѣ прежняго монастыря Каракаллы, который перенесенъ былъ на гору уже въ позднѣйшее время ради удобства. Онъ видѣнъ былъ не-вдалекѣ посреди зелени, но монастырь Филоея высоко на горахъ закрытъ чащею лѣса; мы оставили ихъ въ сторонѣ, по незначительности обоихъ. Далѣе еще одна башня, бывшая обителью, но упраздненная по несостоятельности иноковъ, принадлежитъ опять лаврѣ. Уже два другихъ монастыря, Ставроникита и Пантократоръ, видѣлись вдали на прибрежныхъ скалахъ, ограждающихъ заливъ Иверскій, но еще укрывалась во глубинѣ его сія знаменитая обитель, и вотъ она внезапно явилась во всемъ своемъ великолѣпїи, также въ видѣ замка, воздвигнутаго на отлогомъ скатѣ горы близъ моря; высокій пиргъ или башня, необходимое условіе всѣхъ обителей Аеонскихъ, сторожилъ ее со стороны земли, возвышаясь изъ массивныхъ стѣнъ, увѣнчанныхъ келліями. Другой, столь же высокій стражъ, уединенно стоялъ на самомъ берегу, охраняя пристань.

Зеленое ущелье позади Ивира и горы, покрытыя келліями и садами, дополняли красоту этой картины.

И тутъ встрѣтила насъ въ святыхъ вратахъ вся братія, при звонѣ колоколовъ. Икона успенія написана искусной кистью на сихъ первыхъ вратахъ, а на вторыхъ Иверская за стекломъ и съ лампадою, какъ это бываетъ въ нашихъ обителяхъ; но болѣе утѣшительная встрѣча ожидала насъ въ малой привратной церкви: сама Вратарница! — Я забылся на минуту, мнѣ казалось, я стою въ нашей Иверской часовнѣ, и вотъ сейчасъ раздастся вечерній звонъ Ивана великаго; икона Богоматери Иверской, искони намъ родная, сіяла предо мной въ иконостасѣ, въ великолѣпной ризѣ, пожертвованной усердіемъ гражданъ Московскихъ; предъ нею горитъ многолиственный серебряный подсвѣчникъ, также даръ боголюбивой Москвы, какъ гласитъ его надпись. Я узналъ на ланитѣ Пречистой Дѣвы ту завѣтную рану, которую нанесть ей варваръ, покаявшійся отъ ужаса при видѣ истекшей крови и прозванный здѣсь святымъ варваромъ, ибо окончилъ дни свои въ молитвѣ и постѣ. Обратились къ Богу истинному и другіе хищники Сарацинскіе, нѣкогда ограбившіе обитель Вратарницы, и не только покаялись, но и все свои сокровища отдали для обновленія опустошенныхъ ими храмовъ. Вамъ извѣстно преданіе: какъ икона сія; еще въ IX вѣкѣ, при иконоборномъ Императорѣ Теофілѣ, брошена была въ море одною благочестивою стари-

цей Никейскою, чтобы спасти ее отъ поруганія. Пробывши многіе годы во глубинѣ пучины, сна приплыла наконецъ на берегъ Аеонскій къ новой обители, гдѣ извлекъ ее изъ волнъ благочестивый Иверецъ Гавріилъ. Малая церковь съ агіазмою и теперь знаменуетъ на берегу мѣсто явленія иконы, но Владычица избрала себѣ пристанище при вратахъ обители Иверской и тамъ соорудили ей малую церковь, какъ нѣкій священный кивотъ: однако изъ актовъ монастырскихъ не могъ я узнать времени ея чуднаго явленія, которое должно было быть не ранѣе исхода X вѣка, ибо тогда только основана обитель.

Три блаженные ея ктитора, всѣ три Иверцы,— Іаоннъ, Евонмій сынъ его и родственникъ ихъ Георгій, происходили отъ царственного рода Багратіоновъ, изъ области Таосской, гдѣ сосредоточилась въ то время вся сила династіи Грузинской, ибо оттолкъ восшелъ великій Багратъ Куропалатъ на тронъ всея Иверіи. Іоанну, воеводу и ближайшему совѣтнику своихъ Царей, пришло пламенное желаніе безмолвія и, по заповѣди евангельской, оставивъ все красное міра, ради креста Господня, онъ началъ сперва испытывать силы свои въ одной изъ пустынныхъ обителей родины, потомъ переселился на гору Олимпійскую, прославленную подвигами великаго аввы Іоаннікія, и услышавъ наконецъ, о пустынномъ аввѣ Аеанасіѣ, происходившемъ изъ сосѣдняго ему Трапезунта, къ нему устремился на Аеонъ, чтобы довершить подъ руководствомъ столь

славнаго вождя подвигъ, не менше славно имъ самимъ начатый. Съ любовію принялъ великій Аѳанасій ратоборца духовнаго, не какъ новоначальнаго, но какъ равнаго себѣ, и съ нимъ раздѣлялъ заботы о возникавшей тогда лаврѣ; его посылалъ онъ къ Императорамъ Греческимъ, по дѣламъ церковнымъ, потому что Іоаннъ былъ извѣстенъ Кесарямъ, по своему высокому роду и доблестямъ воинскимъ, и ему заблаговременно хотѣлъ поручить авва устройство лавры послѣ своей кончины. Въ одно изъ сихъ страствованій, сердце отшельника Іоанна было утѣшено нечаяннымъ свиданіемъ съ близкими, и новый подвижникъ пріобрѣтенъ имъ Аѳону въ лицѣ сына.

Младенецъ Евѳимій оставленъ былъ въ Грузіи отцемъ своимъ, на рукахъ у дѣда, который не щадилъ денегъ и трудовъ для его образованія свѣтскаго и духовнаго. Провидѣніе готовило въ немъ опытнаго дѣлателя вертограда Господня, и чуднымъ образомъ направило стопы его по слѣдамъ великаго отца. Случилось Царю Иверскому Баграту имѣть нужду послать именитаго мужа къ Императору Греческому Никифору Фокъ, другу Аѳанасія, и онъ избралъ посланникомъ отца Слаженнаго Іоанна; юный внукъ послѣдовалъ за нимъ въ столицу Кесарей. Случилось и великому Аѳанасію послать въ тоже время друга своего къ Императору: въ палатахъ царскихъ неожиданно встрѣтили и познали одинъ другаго пришельцы Иверскіе и Аѳонскіе. Іоаннъ палъ на выю старца родителя, отрокъ Ев-

емій къ ногамъ своего отца и уже не хотѣлъ его болѣе оставить. Умилился строгій отшельникъ и воздалъ хвалу Господу, даровавшему ему такого сына; подобно Аврааму онъ пожелалъ его принести въ жертву Богу, посвятивъ жизни иноческой, ибо замѣтилъ въ немъ разумъ духовный не по лѣтамъ. Съ горькими слезами, но и съ должною покорностію къ судьбамъ Божиимъ, согласился отецъ Іоанновъ отпустить отъ себя любимаго внука; на одно лишь краткое мгновеніе обрадованный свиданіемъ съ сыномъ и внезапно лишаясь обонхъ, сирымъ возвратился онъ въ Иверію. — Между тѣмъ, Іоаннъ отдалъ отрока въ лучшее училище Царьграда, дабы съ духовнымъ совершенствомъ соединялъ онъ и просвѣщеніе, полезное ко спасенію другихъ. Отъ чрезвычайной ревности къ наукамъ юный Евемій впалъ въ тяжкій недугъ, изцѣлился же только предстательствомъ явившейся ему Матери Божіей, и это еще болѣе побудило его къ подвигамъ иноческимъ. Когда окончилъ свое ученіе, устремился къ родителю въ лавру Св. Аванасія, и великій авва, предвидя его духовныя доблести, не укоснилъ постричь его безъ предварительнаго искуса.

Тогда просіяло въ полномъ блескъ духовное образованіе Евемія и отшельникъ Афонскій, изъ глубины своей келліи, сдѣлался Златоустомъ дальней родины Иверской, написавъ для нее много душеполезныхъ книгъ; досель, чрезъ восемь столѣтій, еще ими восхищаются его соотечествен-

никъ. Но лучшею по себѣ памятью оставилъ онъ драгоценный переводъ Св. писанія и тѣмъ не только восполнилъ духовный недостатокъ роднаго нарѣчя, но даже образовалъ его совершенно. — Утѣшались своимъ благодатнымъ чадомъ оба его родителя, плотской и духовный, и убѣдили принять на себя санъ священства для назиданія братьей; но съ возвышеніемъ степени духовной возвысились и подвиги юнаго старца, который весь былъ въ горнихъ, какъ бы уже отрѣшившись отъ земныхъ узъ.—Однажды, въ духовной бесѣдѣ родителя съ сыномъ, имъ проявилось взаимно давно таившееся на сердцахъ обоихъ желаніе, искать еще большаго уединенія, и они вмѣстѣ пошли сообщить его великому Аѳанасію. Огорчился авва, видя что ему предстоитъ тяжкое лишеніе двухъ такихъ подвижниковъ, но убѣждая ихъ при себѣ остаться, не смѣлъ и слишкомъ удерживать отъ исполненія благаго помысла, потому что зналъ ту пользу, какую могутъ принести многимъ душамъ. Они поселились за шесть часовъ отъ лавры на берегу моря, при малой церкви, давно уже основанной нѣкимъ монахомъ Климентомъ.

Молва о ихъ святой жизни распространилась быстро по всему Аѳону и въ дальніе предѣлы Грузіи, екликая къ нимъ учениковъ, такъ что людно и тѣсно стало при убогой церкви Климента любителямъ безмолвія; но уже они не хотѣли оставить избраннаго ими мѣста и соорудили малый храмъ во имя Претечи. Въ числѣ подвижниковъ при-

шелъ къ нимъ знаменитый воевода Иверскій, Георгій Торникій, прославленный побѣдами и въ Греческомъ царствѣ. Вдова Императора Романа младшаго, Теофанія, угрожаемая Сарацинами, вскорѣ вызвала его изъ уединенія Аѳонскаго, чрезъ просительную грамоту къ великому Аѳанасію, и принудила снова облечься въ броню воинскую для отраженія сопостатовъ. Побѣдителемъ возвратился Торникій и, щедро одаренный Царицею, отошелъ опять въ обитель, которая прозвалась Иверскою отъ своихъ ктиторовъ; онъ употребилъ щедрыя даванія Кесарей на ея расширеніе и укрѣпленіе башнями, по случаю частыхъ набѣговъ вражескихъ, и соорудилъ въ послѣдствіи новый великолѣпный соборъ успенія.

Между тѣмъ дивный Евѳимій восходилъ отъ силы въ силу, и уже благодатствованъ былъ даромъ чудесъ, какъ и великій авва его Аѳанасій. Посланный однажды всѣми иноками Святогорскими въ Солунь, по дѣлу церковному, онъ принятъ былъ тамъ съ великою честью Архіепископомъ, и упрошенъ имъ состязаться съ однимъ упорнымъ Евреемъ, хулившимъ вѣру Христову. Краснорѣчивый Евѳимій долго старался доводами священнаго Писанія убѣдить своего соперника. Когда же силою слова принудилъ его къ молчанію, ненавистникъ Христіанства излилъ ярость свою въ хульныхъ словахъ противъ Господа Иисуса. «Нѣмы да будутъ уста лъстивыя!» воскликнулъ въ порывѣ Апостольской ревности авва, и внезапно не толь-

ко умолкли уста, но и самъ Еврей палъ предъ нимъ мертвый, какъ нѣкогда Ананія и Сафירה предъ стопами верховнаго Апостола Петра. Просиулось состраданіе въ кроткомъ сердцѣ отшельника; взявъ за руку мертваго, онъ возвратилъ его къ жизни, и воскресшій просилъ святаго крещенія съ чувствами искренней вѣры, предлагая ему всю свои сокровища для обители; но Евѣимій приказалъ раздать ихъ убогимъ и самъ облагодатствовалъ его даромъ вѣчной жизни, въ спасительныхъ водахъ купели. — И другое знаменіе явилъ авва: гора Аѣонская степала вся отъ бездождія; помолился Евѣимій и, какъ нѣкогда по гласу Пророка Іліи, разверзлось раскаленное небо обильными потоками дождя. Вся братія Аѣонская издавна имѣла обычай собираться на вершину горы, для празднованія тамъ свѣтлаго дня преображенія Господня. Евѣимій избранъ былъ всѣми, какъ болѣе достойный, для совершенія Божественной службы, и когда возгласилъ онъ побѣдную пѣснь: «святъ, святъ, святъ Господь Саваоѣ!» внезапный свѣтъ объялъ святую гору и ницъ пали всѣ иноки Аѣонскіе, какъ нѣкогда ученики Спасовы; одинъ только Евѣимій, непричастный страху, спокойно довершилъ литургію посреди труса и огня.

Старець Іоаннъ уже скончался и благоговѣйный сынъ заступилъ его мѣсто въ обители Иверской. Но по наущенію демона, не терпящаго мира между братією, одинъ изъ, нихъ обезумѣвшій отъ ярости, рѣшился покуситься на жизнь святаго;

ночью искалъ онъ проникнуть въ его келлію, всегда заключенную на верху башни и, не достигнувъ цѣли, ранилъ смертельно двухъ келейниковъ, самъ же въ порывъ бѣшенства наложилъ на себя руки. Авва едва только успѣлъ напутствовать и постричь въ ангельскій образъ пострадавшихъ ради него. Нѣсколько времени спустя другой инокъ, движимый тою же діавольскою враждою, ударилъ пожегъ святаго Евѣмія, но не могъ нанести ему раны; рука убійцы мгновенно изсохла; раскаянный повергся къ ногамъ старца, умоляя о прощеніи, и кроткій служитель алтаря разрѣшилъ его болѣзнь. Однако не тихая кончина ожгдала угодника Божія, какъ нѣкогда и самаго Аѳанасія; ему суждено было довершить дни свои страдальческимъ образомъ. — По смутамъ, возникшимъ на Аѳонской горѣ, былъ онъ опять умоленъ братією идти въ Царьградъ, для устройства дѣлъ церковныхъ. Тамъ однажды, проѣзжая на мулъ по улицамъ столицы, увидѣлъ лежащаго нищаго, который просилъ у него милостыни. Остановился авва, чтобы удовлетворить его просьбу; нищій же быстро вскочилъ съ своего мѣста и тѣмъ испугалъ мула, который опрокинулъ старца; разбитый почти до смерти, онъ прожилъ еще нѣсколько дней и преставился къ лучшей жизни, посреди общаго плача столицы; священные его останки перенесли въ лавру. Георгій остался одинъ, преемникомъ обоихъ великихъ мужей, и былъ ихъ достоинъ. Чрезвычайно умножилась братія при его добромъ

и мудромъ правленіи, и малая лавра сдѣлалась какъ бы цѣлымъ градомъ иноковъ; съ помощію Царей Греческихъ и Иверскихъ, соорудилъ онъ великолѣпный соборъ успенія, подлѣ малой церкви Предтечи, и трапезу съ колокольной. «Азъ утвердихъ столпы сіи и не подвижутся: Георгій иннокъ Ивиръ;» такъ начерталъ ктиторъ на хоросѣ собора, во свидѣтельство своего подвига, и слова его исполнились.

Если вамъ угодно знать о позднѣйшихъ событіяхъ лавры Иверской, то вотъ что успѣлъ я извлечь изъ записокъ, найденныхъ мною у одного изъ старѣйшихъ архимандритовъ, добраго и почтеннаго старца Аѳанасія. Трудно пріобрѣтать теперь какія-либо историческія свѣдѣнія о обителяхъ Аѳонскихъ, потому что послѣ ихъ запустѣнія, во время возстанія Греческаго, истребились большею частію библіотеки, а между тѣмъ утратилось устное преданіе, которое передавалось отъ старца къ старцу. Съ послѣдними, доживающими вѣкъ свой, многое совершенно исчезнетъ, а между тѣмъ, въ послѣдніе цвѣтушіе годы Аѳона, никому не пришло на мысль, составить полную его исторію. Записки нѣкоторыхъ ученыхъ отшельниковъ исчезли, теперь же никто и не думаетъ составить цѣлаго изъ отрывковъ или устныхъ сказаній.

Въ крестовые походы обитель Иверская много пострадала отъ суровыхъ выходцевъ Запада, которые опустошили ее въ 1260 году, разграбили ея святыню и умертвили иноковъ; вѣроятно это бы-

ли страшныя дружины Каталашцевъ, грабившія все поморіе. Преданіе мѣстное гласитъ, что Императоръ Михаилъ Палеологъ, нѣсколько лѣтъ спустя, довершилъ раззореніе Ивира, за то, что братія православной сей обители не хотѣли подражать лаврѣ Аеонасіевой и принять Унію, которую насильно на нихъ навязывалъ Палеологъ вмѣстѣ съ Патріархомъ Веккомъ; но этотъ губительный походъ Михаила, по всему Аеону ознаменованный кровопролитіями, едва ли былъ совершенъ имъ самимъ, потому что лѣтопись о томъ молчитъ. Какъ только начали собираться разсѣянные иноки, жестокое нашествіе Турковъ повергло лавру въ окончательное запустѣніе и, при безсиліи имперіи Греческой, она уже не могла востать собственными средствами; такое бѣдственное состояніе продолжалось до 1500 года. Тогда нѣсколько иноковъ Святгорскихъ пошли въ землю Иверскую и представили горькую судьбу именитой нѣкогда лавры сильному Царю, Георгію свѣтлому, властвовавшему еще до раздѣленія Грузіи на три царства. Онъ и его сынъ Кай - Хозрой оказали дѣйствительно помощь, и ихъ даяніемъ воздвигнуты были изъ развалинъ всѣ башни и келліи; западная главная бойница сооружена вновь, новый притворъ пристроенъ былъ къ древнему собору и возобновлены три его падшіе купола. Опять процвѣла лавра Иверская, какъ во дни великаго Евеміа, добродѣтелями пустынныхъ своихъ иноковъ: о томъ свидѣтельствуеть раздѣлявшій ихъ подвиги,

пришлецъ Палестинскій Феодосій , въ 1511 году, который занимался перепискою церковныхъ книгъ.

Но въ исходъ XVI столѣтїя, отъ нестерпимыхъ притѣсненій Турецкаго правительства, лавра впала въ неоплатные долги и пришла бы въ конечное запустѣніе, если бы братія не прибѣгли снова къ великодушнѣе властителей Иверскихъ; имъ поднесли иноки и ключи монастырскіе въ 1592 году. Александръ, Царь Кахетинскій, немедленно пожертвовалъ двѣнадцать тысячъ червонныхъ на уплату долговъ, и въ теченіи десяти лѣтъ, при благоразумномъ управленіи, очищены были всѣ долги. Между настоятелями того времени Пареевнѣе Морейскій и Гавріилъ Аѣинскій оставили по себѣ благую память, и возвели въ прежнее цвѣтущее состояніе лавру, которая была тогда общежительною, какъ явствуетъ изъ одной древней Славянсконъ книги. Они соорудили крѣпкую башню на пристани, возстановили всѣ келліи и трапезу, пришедшую въ ветхость, помощію Радула, воеводы Унговлахійскаго, который пожертвовалъ имъ до шестидесяти тысячъ червонныхъ, въ 1614 году, на обновленіе лавры. Окончателенъе ея устройство довершено было въ 1674 году, содѣйствіемъ владѣтельнаго Князя Мухранскаго, Асетана, изъ рода Багратионовъ Грузинскихъ тогда расписаны были стѣны собора и трапезы, живописью весьма изящною, которая уничтожена теперь при последнемъ обновленіи; уцѣлели только портреты ктиторовъ, Радула и Асетана, въ привратной церкви.

Если вамъ любопытна надпись Грузинская, сохранившаяся на нижней иконной ризѣ Богоматери Иверскія, подъ великолѣпнымъ окладомъ Московскимъ, то вотъ ея переводъ, свидѣтельствующій о древнемъ благочестіи властителей Грузинъ: «о Владычице, мать челоѡколюбиваго Бога, всенепорочная неѡста Марія! спаси душу господина моего Кварквара, сына Кай Хозроя. Я же рабъ твой, вѣрный опекунъ... благодарю тебя, что удостоила меня недостойнаго, позлатить и украсить святую икону твою вратарницу. Се приношу тебѣ малый даръ, прими оный отъ меня грѣшнаго и въ жизни сей сохрани меня непорочнымъ, и въ день исхода души моей заступи, и невидимымъ сотвори рукописаніе грѣхъ моихъ, поставляя и меня грѣшнаго одесную Сына твоего и Бога, яко ему подобаетъ слава со безначальнымъ его Отцемъ и все-святымъ, благимъ и животворящимъ его Духомъ, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ, аминь».

Остатки прежней живописи еще видны въ преддверіи малой церкви Вратарницы, куда досель не достигла рука обновителей, стирающихъ все старое какъ бы недостойное ихъ новѣйшаго вкуса. Большая икона Богоматери съ Младенцемъ написана во весь ростъ на дскѣ, во вѣншемъ притворѣ, и почитается чудотворною. Надъ нимъ возвышается пиргъ или башня, гдѣ была келлія преподобнаго Евоніи, а подлѣ нея келліи новаго мученика, Патріарха Григорія; тутъ онъ обиталъ долго, во время двукратнаго своего удаленія съ кафедры

Вселенской. Четыре зеленых мраморных столба, на коихъ лежитъ сводъ, вотъ все что осталось древняго въ церкви Предтечи. Пострадалъ и соборъ отъ неумѣстной ревности эпитроповъ, расширившихъ его окна и ярко расписавшихъ стѣны. Одно преддверіе еще осталось неприкосновеннымъ, и теперь это самый замѣчательный остатокъ прошедшихъ вѣковъ; своды его расписаны дѣянiями вселенскихъ Соборовъ и картинами Апокалипсиса Триморфома, или образъ Спасителя во весь ростъ съ Богоматерію и Предтечею, поражаетъ взоры входящаго въ сію паперть; мѣстное преданіе гласитъ, что одному отшельнику пришло тайное желаніе видѣть ликъ Господа такимъ, какимъ онъ жительствоваъ на землѣ: тогда было ему откровеніе идти въ лавру Иверскую, дабы тамъ созерцать сей священный ликъ Спасителей. Царственные ктиторы изображены также на стѣнахъ паперти, но утрачены ихъ подписи и надобно угадывать великаго Константина, Романа младшаго, супругу его Теофанію съ сыномъ, отрокомъ Василюемъ, и воеводу ихъ Торникія. Должно предполагать, что стоящіе по правую руку Константина, въ одеждѣ царской, были Грузинскіе властители Багратъ Куропалатъ, Георгій Свѣтлый и Александръ Кахетинскій, обновлявшіе лавру, если только это не Греческіе Императоры. Два боковые придела Архангеловъ и Святителя Николая, соединенные стѣнами, составляютъ вторую внутреннюю паперть собора; въ западной ея стѣнѣ находится луч-

шее сокровище лавры—мраморная гробница трех святыхъ ктиторовъ: Іоанна, Евѣмія и Георгія, но она не всѣмъ извѣстна.

По описанію обители Иверской, вы можете себѣ составить понятіе и о прочихъ, такъ какъ всѣ онѣ строены по единому образцу, съ большимъ или меньшимъ великолѣпіемъ. Соборъ не весьма обширный имѣетъ крестообразную форму, по обычаю всѣхъ Аѳонскихъ обителей. Съ обѣихъ сторонъ выдаются полукружіемъ два хора или клироса, а для народа остается только одна нижняя часть креста; видно, что на Св. горѣ, по малому числу посѣтителей, храмы строены единственно для братіи. На четырехъ мраморныхъ слоббахъ лежитъ арка сводовъ и куполь. Это же повторяется во всѣхъ храмахъ св. горы, даже новѣйшихъ, и придаетъ довольно легкости ихъ архитектуръ: въ притворѣ большею частію по-два столба поддерживаютъ сводъ, и притворовъ всегда бываетъ по-два, внутренній и внѣшній. Узкія окна стараго собора расширены были при обновленіи, и уничтожены мраморные столбы прежняго иконостаса, на которыхъ вѣроятно висѣла завѣса, потому что во прочихъ древнихъ храмахъ Аѳона еще уцѣлѣли колонны и мраморное ихъ основаніе, позади новыхъ, высокихъ, богато раззолоченныхъ иконостасовъ. Въ исходѣ минувшаго столѣтія произошли всѣ сіи перемѣны, потому что тогда наипаче, въ самое цвѣтущее время для Грековъ, подѣ сѣнію Государей обоихъ княжествъ и великихъ Драгомановъ Порты,

избираемыхъ изъ Фанара, рука обновителей тягѣла на древностяхъ Аѳонскихъ, и истребила памятники минувшаго. Живопись въ соборъ совершенно новая, непріятно поражаетъ взоры своею яркою пестротою, которою однако восхищаются Иверцы. Они хотятъ распространить такое обновленіе на паперть и, разрушивъ трапезу, отъ коей осталась часть стѣны съ прекрасною живописью, намѣреваются еще сломать подлѣ нея древнюю колокольню временъ Св. Евѳимія, не смотря на то, что на ней есть замѣчательная икона Матери Божіей: Ангелъ подаетъ Божественному Младенцу орудія будущей его страсти. Услышавъ о предстоящемъ разрушеніи, я умолялъ Епитроповъ и самаго обновителя, старца Аѳанасія, пощадить древнюю колокольню, на коей сохранился даже гербъ имперіи Греческой, и снять по крайней мѣрѣ богатые фрески съ остатковъ трапезы. Они обѣщали исполнить мое желаніе, но сомнѣваюсь, сдержатъ ли данное слово? потому что не понимаютъ достоинства древности. Каждый Епитропъ, послѣ долгаго управленія, почитаетъ долгомъ оставить по себѣ какую-либо память, обновленіемъ древнихъ зданій, и такъ разрушается старина. Я просилъ также сохранить прекрасныя иконы на вратахъ: успенія и покрова, и уцѣлѣвшую живопись притвора церкви Вратарницы.

Одно только переходитъ въ цѣлости изъ рода въ родъ, во всѣхъ обителяхъ Аѳонскихъ: это мощи Святыхъ большею частію дарованныя при

хрисовулахъ царскихъ, вмѣстѣ съ богатымъ достояніемъ, которое жертвовали Императоры Греческіе; досель съ благоговѣніемъ сохраняютъ ихъ монастыри въ драгоценныхъ кивотахъ первыхъ временъ. Въ лавръ Иверской имѣлъ я утѣшеніе поклониться честному древу и орудіямъ страстей Господнихъ, части мощей жены Самарянской, бесѣдовавшей съ Господомъ при кладезѣ, главамъ великаго Василія, мучениковъ Тирона и Стратилата, и части руки Златоуста; святыня сія прошла чрезъ всѣ бури гражданскія и церковныя, возмущавшія Аеонъ, и увезена была въ Грецію при послѣднемъ его запусътніи отъ возстанія Греческаго. Горькіе слѣды оставило оно по всему Аеону: большая часть братіи разбѣжалась; Иверцы и Ватопедцы, хотя и не оставляли своихъ обителей, но были подъ непрестаннымъ страхомъ смерти, потому что Султанъ Махмутъ хотѣлъ казнить всѣхъ за возмущеніе. Рожденіе нынѣшняго Султана Абдулъ-Меджида измѣнило гнѣвъ на милость: но гарнизоны Турецкіе, поставленные внутри монастырей, для охраненія ихъ отъ морскихъ разбойниковъ, были хуже пиратовъ. Они требовали себѣ денегъ и братія принуждена была продать и заложить лучшія вещи, снять ризы съ иконъ, чтобы удовлетворить ихъ жадности; а между тѣмъ не лзя было выйти за ограду, потому что разбойники грабили по всему полуострову, и такое бѣдственное состояніе продолжалось девять лѣтъ, до заключенія мира между Россією и

Портою; тогда лишь, мало по малу, началъ водворяться порядокъ и возвратилась братія.

Множество келлій разсыяно по лѣсистому ущелію лавры Иверской, и тамъ живутъ отшельники по-два и по-три вмѣстѣ; но не всѣ изъ нихъ подвижники; большая часть занимается воздѣльваніемъ садовъ. Къ чести обители должно сказать, что съ незапамятныхъ временъ она содержитъ больницу для прокаженныхъ, и это есть единственное ихъ прибѣжище на цѣломъ Аѳонѣ. Теперь ихъ не болѣе семи человекъ, они живутъ всѣ вмѣстѣ, и не сообщаются ни съ кѣмъ, но получаютъ пищу отъ монастыря. Однажды въ годъ іеромонахъ приобщаетъ ихъ запасными дарами, изъ особеннаго сосуда длинною лжицею. Ближе къ Иверу, стоятъ на холмѣ пространныя больницы для своихъ и для странныхъ; это заведеніе достойно также похвалы. Спутники мои спѣшили въ Ватопедъ, а я на слѣдующее утро направился ближайшимъ путемъ въ Карею, которая отстоитъ только на одинъ часъ отъ Ивира, на вершинѣ живописнаго лѣсистаго ущелія, подымающагося отъ моря ко хребту горы. Не вдалекѣ увидѣлъ я на горѣ уединенный крестъ и спросилъ провожавшаго меня монаха о его значеніи. Онъ отвѣчалъ, что тутъ однажды явилась Матерь Божія страннику, который не былъ принятъ въ обитель ради убожества, и горько жаловался на жестокосердіе братій, пренебрегшихъ его рублище. Милостивая вратарница велѣла ему слѣдовать за собою и ввела въ ограду.

Тамъ, когда онъ просилъ записывать имена для поминовенія, иноки не хотѣли ихъ писать, потому что не надѣялись получить за каждое по пятидесяти левовъ, цѣну установленную для поманника; но мнимый нищій записалъ ихъ тысячу и заплатилъ щедро за всѣ, пристыдивъ лицепріятіе иноковъ; какъ поучительны такія повѣсти! Я не опускалъ ни единого случая уловить ихъ изъ устъ мѣстныхъ жителей, потому что они нигдѣ не записаны, а между тѣмъ, отъ времени до времени, все это постепенно забывается, и многое уносятъ съ собою въ могилу старцы Аеонекіе.

ПИСЬМО VII.

КАРЕЯ.

Келлія Серайская, 13 Августа 1849.

Послѣ монастырей, скитовъ и отдѣльныхъ келлій, которыя непрестанно мнѣ встрѣчались съ тѣхъ поръ, какъ я ступилъ на землю Аѳонскую, чрезвычайно изумился я при видѣ Кареи, сего торжища Св. горы съ базаромъ, какой встрѣчаешь въ каждомъ Турецкомъ городѣ, хотя и съ монашескими издѣліями въ открытыхъ его лавкахъ. Тамъ кипитъ вся внѣшняя дѣятельность Аѳонская, и каждую субботу со всѣхъ сторонъ собираются туда убогіе келліоты, живущіе по дальнимъ и близкимъ келліямъ, и скитники, для продажи выработываемыхъ ими въ теченіи недѣли рукодѣлій, которыми особенно славится Св. гора. Кромѣ ба-

зара сосредоточены еще въ Каревъ двадцать кунаковъ, или подворій всѣхъ обителѣй, имѣющихъ своихъ депутатовъ на постоянномъ соборѣ Протата. Около разсыяны по горамъ, между садовъ, множество келлій или домиковъ, съ малыми церквами внутри ихъ, которыя составляли некогда знаменитую лавру Карейскую, или пустыню келлій, вокругъ главнаго скига Протатскаго. Я поспѣшилъ проѣхать Карею во всю ея длину, начиная отъ кунака Иверскаго, мимо Протата, обнесеннаго базаромъ, и до кунака Св. Павла, прямо въ Серай, въ родную семью Русскихъ, не смотря на приглашенія различныхъ метоховъ Греческихъ.

Вечеромъ прѣехали изъ Ватопеда, Посланникъ съ его свитою, хотя и въ строгомъ incognito, и въ то же время пришла къ намъ вся Карея, т. е. Назиры или Еписматы, съ представителями всѣхъ Аеоискихъ монастырей, при почетной стражѣ Албанцевъ, и Ага Турецкій живущій въ Протатѣ для наблюденія за тишиною горы Аеоиской. Давно уже со время Патріарховъ, своихъ основателей, смиренная келлія Серайская не видала у себя столь блистательнаго собранія; довольно затруднительно было принимать вмѣстѣ власти Христіанскія и Магометавскія. Мы общали на слѣдующее утро, въ свою очередь, посѣтить Протатъ и начали съ училища Карейскаго, гдѣ опять весьма почетно встрѣтили насъ всѣ представители. Ученики, которыхъ числомъ не болѣе сорока, изъ клириковъ монастырскихъ, были распущены, по случаю вака-

ціи; за те дидаскаль или учитель произнесъ намъ высокопарное привѣтствіе, на которое пришлось мнѣ отвѣчать на языкъ Греческомъ, какъ могъ. Потомъ насъ провели торжественно чрезъ базаръ въ величественную церковь Протата, которая основана была, въ десятомъ вѣкѣ, Императоромъ Никифоромъ, по просьбѣ Св. Аванасія, и расписана кистью знаменитаго живописца Панселіина. Мы не имѣли времени въ ту минуту рассмотреть его гениальныя творенія, потому что насъ поставили, съ большимъ церемоніаломъ, въ такъ называемыя формы или стоялица вдоль стѣнъ, а хоръ запѣлъ: «достойно есть». Мы вошли и въ древній алтарь, гдѣ находится, на горнемъ мѣстѣ, икона Богоматери, богато украшенная, предъ кою возгласилъ некогда Архангелъ: «достойно есть», заповѣдая всегда прилагать сію пѣснь къ пѣсни: «честнѣйшую Херувимъ». Торжественно было это старческое собраніе Аонское, по святости мѣста и воспоминаній. Изъ соборнаго храма пригласили насъ для обычнаго угощенія въ синодальную залу Протата, гдѣ подъ защитою древняго пирга, или башни, собираются на совѣщанія всѣ представители Св. горы; на сей разъ оно было полное, потому что около праздника успенія бываетъ всегда повѣрка годовыхъ отчетовъ.

Архимандрита нашего посольства и меня посадили во главѣ дивана, подъ свѣію иконы Богоматери и всѣхъ Святыхъ Аонскихъ. Подлѣ насъ сѣли по старшинству Антивросопы, или предста-

вители лавры Св. Аѳанасія и Ватопеда, Ивира, Хиландаря и прочихъ обителей, каждый протнть иконы своего монастыря. Мѣсто старшаго Епистата, или Назира, и его трехъ сотоварищей было на противоположномъ концѣ залы у входныхъ дверей; но они обыкновенно сидятъ въ отдельной прилегающей комнатѣ, не входя въ совѣщанія депутатовъ, а только наблюдая за ними. Высшее управление горы Аѳонской утверждено было не позже 1769 года, Патріархомъ Вселенскимъ Паисіемъ, для водворенія порядка въ дѣлахъ духовныхъ, послѣ уничтоженія Прота, или перваго игумена Карейской лавры, господствовавшей надъ прочими. Теперь каждый изъ двадцати монастырей, между коими раздѣлена вся земля Аѳонская и которые не имѣютъ права ее отъ себя кому либо продать, а только отдають въ ваймы подъ келліи и скиты, посылаетъ отъ себя въ Карею по одному Антипросопу, или представителю. Но между ними всегда почти господствуютъ представители Лавры, Ватопеда и Ивира, какъ старшихъ монастырей. Надъ двѣнадцатю Антипросопами, которые мѣняются всякій годъ, есть еще четыре такъ называемые Назиры или Епистаты, избираемые ежегодно по одному изъ каждыхъ пяти монастырей, потому что они раздѣлены на четыре пятерницы; по уваженію къ ихъ старшинству, первымъ Епистатомъ, носящимъ посохъ и имѣющимъ почетную стражу, бываютъ только иногда пяти главныхъ обителей: Лавры, Ватопеда,

Ивира, Хиландаря и Діонисиата, которые чередуются между собою каждый годъ, а прочіе Назиры состоятъ при нихъ уже какъ помещики. Они собираются только въ извѣстныя времена въ Кареъ, для нужнѣйшихъ совѣщаній, или для поѣрки дѣлъ и отчетовъ, около праздника успенія, и прикладываютъ свою четверную печать къ каждому акту; но не смотря на это общее управленіе всѣ обители, даже скиты и келліи, пользуются у себя неограниченною свободою.

Протатомъ называется это постоянное сборище на Кареъ, отъ бывшей соборной лавры; простолюдины же сбивчиво называютъ оное Портатомъ, по сходству сего имени съ вышнимъ правительствомъ Турецкимъ, или Портою. При Протатѣ постоянно живетъ Ага Турецкій, въ видѣ полицеймейстера, для охраненія Св. горы своими пятидесятью Албанцами и для наблюденія за порядкомъ, посреди произвола каждаго изъ жителей; онъ получаетъ по шестнадцати тысячъ левовъ жалованья отъ Протата, кромѣ частныхъ сборовъ при объѣздѣ монастырей; за то участь его вполне зависитъ отъ старѣйшинъ. Цыргъ, или башня соборная, служитъ темницею для нѣкоторыхъ непокорныхъ, и страшлищемъ Аюну. Преданіе древняго порядка нѣсколько утратилось въ послѣдніе годы, послѣ бѣдственныхъ опустошеній, которымъ подвергалась Св. гора отъ возстанія Греческаго. Старые иноки бѣжали или погибли въ темницахъ, а

новые не въ силахъ вполне возстановить минувшаго.

Если спросите меня: какъ было прежде? Я буду отвѣчать, что еще нѣтъ и полутора ста лѣтъ, какъ измѣнился древнѣйшій порядокъ управленія Аѳонскаго, восходившій до начала Св. горы, и утратилось общежитіе. Такъ какъ Карея была центральнымъ мѣстомъ, великою срединною или каедрою старцевъ какъ ее звали, то и весьма естественно, что изъ нея истекало управленіе; но во главѣ Карей стоялъ Протъ, т. е. игумень надъ игумнами, какъ и самый Протатъ былъ скитъ надъ скитами, отъ котораго завистли вначалѣ все сто восемьдесятъ малыхъ обителей Аѳонскихъ. Карея и доселѣ представляется образомъ того, чѣмъ была Св. гора до временъ Св. Аѳанасія, т. е. собраніемъ отдѣльныхъ келлій около главной церкви, что называется скитомъ. Хотя преданіе говоритъ о древнихъ обителяхъ, основанныхъ на Аѳонѣ первыми Христіанскими Императорами, но это вѣроятно были только небольшія церкви, подобно какъ та, которую соорудилъ Константинъ великій въ Каревъ. — Онѣ были отчасти разорены непрестанными вторженіями племенъ Славянскихъ и прибрежными грабежами Сарациновъ, такъ что поселеніе иноческое должно было подняться въ горы: это еще болѣе объясняетъ мѣстную важность Карей. Если же кто изъ болѣе отважныхъ хотѣлъ селиться на берегу, какъ на примѣръ Царевичъ Павелъ, отшельникъ Ксиропотамскій, то необходимо долженъ былъ со-

орудить прежде башню, дабы всегда имѣть готовый приютъ, и теперь такія башни видны на каждой пристани; но уже это было не ранѣе IX вѣка, когда оскудѣла сила Сарацинская и оружіе Греческое обезопасило предѣлы имперіи. Славное царствованіе Василія Македонянина и Льва Премудраго, усмирившихъ Болгаръ, и побѣды на Востокъ Никифора Фоки и Цимисхіа даровали на время совершенную безопасность столицѣ и смежной горѣ Аѳонской; тогда процвѣла она полнымъ цвѣтомъ иночества, до послѣднихъ временъ имперіи Греческой, хотя и были горькіе промежутки отъ оружія крестоносцевъ.

Аѳанасій, въ исходѣ X вѣка, началъ вторую эпоху иночества на Аѳонѣ, потому что, по его примѣру и еще при его жизни, стали сооружаться обширныя обители и совокупляться въ киновіи многочисленная братія, разсыпанная по келліямъ и скитамъ. Ивиръ и Ватопедъ возникли въ одно время съ Лаврою, которую соорудилъ онъ по волю друга своего, Императора Никифора, и даже собственно для него, когда самъ былъ обрѣтенъ въ пещерѣ Карейской, гдѣ долго укрывался отъ мольвы. Сооруженіе Лавры возбудило до такой степени общее негодованіе всей горы противъ Аѳанасія, что даже всѣ обители подали на него жалобу Императору, и Цимисхій принужденъ былъ составить особый уставъ для горы Аѳонской, который доселѣ цѣлъ въ книгѣ Протата, именуемой трагосъ, отъ кожи козлиной, для нее послужившей. Святость

Азвасія и его учениковъ примирила съ нимъ Св. гору, а между тѣмъ первенство Прота надъ всею горою сохранилось въ ея главномъ скятѣ. Около полувѣка спустя новыя смуты, возникшія на Аео-нѣ по множеству иноковъ, туда нахлынувшихъ съ Востока, отъ гоненій Сарацинскихъ, принудили Императора Константина Мономаха издать новое уложеніе для многочисленныхъ обитателей Св. горы, которыя уже всѣ возникли до того времени, и опредѣлить ихъ взаимныя отношенія; также подъ предсѣдательствомъ Прота: и это положеніе находится въ трагосѣ съ хрисовулами царскими. Весьма жаль, что никто изъ ученыхъ Святогорцевъ минувшаго столѣтія не составилъ общей исторіи Аео-на, гдѣ бы видна была вся сія постепенность событій; никто лучше Никодима, написавшаго житія и службу Святымъ Аеонскимъ, не могъ бы сего исполнить.

Такого рода управленіе продолжалось, съ нѣкоторыми малыми оттънками, во все время имперіи, потому что Императоры и Патріархи, проникнутые глубокимъ уваженіемъ къ Св. горѣ, не смѣли касаться ея уставовъ или подчинить ее какому либо Архіерею.—Убогій Епископъ сосѣдняго города Эриссо, на перешейкѣ Аеонскомъ, почитался какъ бы епархіальнымъ только для рукоположенія, но и въ немъ не предстояло надобности отъ множества Святителей, избравшихъ себѣ Св. гору мѣстомъ убъжища. По льготамъ, даннымъ ей отъ Императора Андроника Палеолога въ XIII вѣкѣ, Протъ

имѣлъ право носить небедренникъ и поставлѣтъ иподіаконовъ, въ качествѣ Хорепископа.

Во время Турецкаго правительства никто не касался правъ и преимуществъ Св. горы, а только власти Магометанскія обременяли налогами обителѣ; особенно въ продолженіе XIII вѣка, отъ частыхъ войнъ Турціи съ Россією и Австрією, Св. гора должна была платитъ ежегодно до ста двадцати тысячъ рублей Порты. Тогда закрылись многія обители отъ непомерныхъ налоговъ и только благочестіе Господарей Молдавіи и Валахіи поддерживало нѣкоторыя изъ нихъ. Въ началѣ сего вѣдственнаго столѣтія закрыта была и лавра Карейская, потому что Протъ не въ силахъ былъ уплатитъ проценты по своимъ долгамъ; онъ началъ продавать по частямъ отдѣльныя келліи и участки земли различнымъ монастырямъ, которые сдѣлались около сего времени почти все изъ общины самоуправными и рады были избавитъся отъ центрального правленія одного старшаго игумена. Они учредили однако соборное засѣданіе двадцати своихъ Антипросоповъ, гдѣ первенствовали болѣе опытные иногда по нѣсколько лѣтъ сряду, доколь наконецъ Патріархъ Паисій окончательно опредѣлилъ порядокъ сего управленія.

Какое по истинѣ чудное и занимательное явленіе въ мірѣ эта область иноческая, со всеми отъѣнками временъ Комниновъ и Палеологовъ, какъ бы забытая на своемъ пустынномъ полуостровѣ, посреди бурь морскихъ и житейскихъ, вотще бу-

шевавшихъ около Аеонской скалы! Если только выкинуть въ этотъ совершенно отдѣльный міръ, ни мало не сходствующій съ тѣмъ, что мы привыкли видѣть въ прочихъ обителяхъ монашества,—много откроется вмѣстѣ и страннаго и любопытнаго: съ одной стороны строгость преданія въ канонахъ и обычаяхъ, свято соблюдаемая внутри и снаружи; съ другой полная независимость и такая, какую едва ли можно гдѣ либо встрѣтить. На Св. горѣ вамъ не придетъ на мысль, что вы находитесь посреди Турецкой державы; ибо ничтожный Ага не представляетъ собою никакой власти, и что даже смѣшно, просить себя порученій у Отцевъ соборныхъ, во дни рамазана, чтобы имѣть право путешествуя по ихъ дѣламъ не соблюдать своего поста. Паша Солунскій не заботится о горѣ Аеонской, и если бы иноки не прибѣгали къ Турецкимъ судамъ въ своихъ тяжбахъ, можно сказать, что кромѣ платежа обычной дани или харача, не было бы у нихъ и слѣда владычества Оттоманскаго. Должно однако замѣтить, что такимъ неограниченнымъ спокойствіемъ пользуются они со стороны Турокъ, только со времени Адрианопольскаго мира, прошедши сквозъ страшное десятилѣтнее испытаніе, во дни Греческаго возстанія, которое многое разрушило на Св. горѣ.

Патріарха Вселенскаго признаютъ иноки Аеонскіе своимъ Архіепископомъ и такъ поминаютъ его въ церквахъ; но если бы не обращались къ нему въ тяжбныхъ дѣлахъ и по управле-

лію своими имуществами, то власть Патріаршая имѣла бы на нихъ мало вліянія; для сношеній съ метохами въ княжествахъ, необходимо свидѣтельство Патріарха, избираемымъ на то лицамъ, и въ случаѣ новыхъ учрежденій или вопросовъ догматическихъ, должно необходимо искать у него разрѣшенія духовнаго: таковы отношенія между первосвятительскимъ престоломъ Церкви Восточной и хранилищемъ православнаго иночества.

Санъ Архимандрита и Каѳигумена, (т. е. дѣйствительнаго игумена въ противоположность бывшимъ или проигуменамъ), иногда дается на Св. горѣ и сборщикамъ милостыни; но настоящее управление обителей ввѣрено Прѣостосамъ и Епитропамъ. Прѣостосами или предстоятелями называются самыя почетныя изъ членовъ каждой обители, въ ней живущіе или находящіеся гдѣ либо по управленію дальнихъ метоховъ, которые пріобрѣли общее уваженіе, по обилію собранной ими милостыни и по какимъ либо заслугамъ Св. горѣ. Имѣніе ихъ по смерти принадлежитъ обители; изъ числа ихъ избираются ежегодно по два Епитропа, для управленія дѣлами монастырскими, и по одному Дикею, для исполнительной власти, и на нихъ лежитъ вся отвѣтственность до слѣдующаго года. Посему непостоянству управленія, въ сихъ такъ называемыхъ идиоріемахъ или монастыряхъ неподчиненныхъ одному игумену, встрѣчается неустройство.

Лѣвая сторона Аѳона почти вся состоитъ изъ

таковыхъ , и въ числѣ ихъ три главные : Лавра, Ватопедъ и Ивиръ , которыхъ голосъ господствуетъ въ Протатѣ : Лавра, какъ старшая и владѣющая половиною Св. горы, хотя убогая по недостатку метоховъ , а два другихъ , по своему богатству , происходящему отъ обширныхъ владѣній въ княжествахъ и Бессарабін. Но весь сіи богатства какъ бы не замѣтны въ стѣнахъ монастырскихъ , гдѣ подлѣ нѣсколькихъ богатыхъ проѣзжихъ вы видите прочію братію въ убожествѣ , безъ общей трапезы ; благолѣпіе же церковное обнаруживается только во дни празднествъ , богатствомъ утвари, обыкновенно скрытой , а капиталы денежные никому не полезны. Какая разница въ киновіяхъ , равно богатыхъ и бѣдныхъ , гдѣ действительно всѣ одинаково пользуются достояніемъ общимъ , если есть богатство , а почетные проѣзжие только составляютъ совѣтъ полномасштабнаго игумена , не имѣя никакихъ особыхъ правъ.

Соборное управленіе Св. горы очень замысловато и могло бы быть удовлетворительно, если бы люди , посылаемые засѣдать на Карею были опытные ; тогда бы и Протатъ имѣлъ свое прежнее значеніе. Въ смутную эпоху Греческаго возстанія лучшіе иноки разбѣжались или погибли. Теперь старшій депутатъ Лавры, по дальнему ея разстоянію отъ Карен постоянно тамъ живущій, уже въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, можно сказать, управляетъ всѣми и возстановилъ, хотя и неправильнымъ образомъ, лице древняго Прота, или началь-

ника всѣхъ монастырей, котораго старались низложить. Должно сказать правду: прежній порядокъ былъ лучше и если бы надъ всеми двадцатью монастырями, которые теперь не зависмы, потому что Протать есть только судебное мѣсто, повелѣвалъ одинъ старшій Архимандритъ, то гораздо болѣе порядка можно бы ожидать отъ такого подначалія.

Послѣ монастырей вторую степень занимаютъ на Афонѣ скиты, зависящія на извѣстныхъ правахъ отъ некоторыхъ изъ сихъ обителей, потому что не всѣ ихъ имѣютъ. Св. Анна и Капсокалава, на южной оконечности святой горы принадлежащія Лавръ, суть самыя древнѣе и знаменитыя; но и Св. Павелъ имѣетъ ихъ два, а Ватопедъ, Ивиръ и Русикъ по одному, и даже убогій Кутлумушъ близъ Кареи. Монастыри платятъ за свои скиты поголовную дань или харачъ Портъ, а скиты обязаны вносить въ обители деньги за своихъ жильцевъ или келліотовъ, которыхъ число означается произвольно въ условіи монастырскомъ, а живетъ ихъ обыкновенно больше. Дикей, избираемый изъ числа братства и утверждаемый ежегодно отъ монастыря, управляетъ скитомъ, который имѣетъ впрочемъ свою печать и дѣйствуетъ совершенно независимо отъ монастыря. — Внутренній образъ скитской жизни напоминаетъ древній типъ монашества, и тутъ можно найти подвижниковъ. Кириаконъ или воскресная церковь, гдѣ собираются по праздникамъ, служить мѣстомъ общенія братіи; кто ли-

бо изъ присутствующихъ іеромонаховъ совершается въ ней служба; прочіе живутъ по калізамъ и келліямъ, имѣющимъ также иногда свои малыя параклисы для утренняго и вечерняго псалма. Воздѣлываніе виноградниковъ и малыя огородовъ и ручодѣлье, т. е. деревянныя ложки, сосуды, составляютъ ежедневное занятіе скитниковъ промежду молитвъ.

Еще родъ подвижничества встрѣчаемъ на Аео-нѣ въ такъ называемыхъ келліютахъ, которыхъ очень много разсыяно по лицу Св. горы; здѣсь должно отличать съ большою разборчивостію истинныхъ подвижниковъ, спасающихся въ безмолвіи, въ какомъ либо дикомъ уединеніи, отъ простыхъ хозяевъ, которые наняли себѣ келліи для доходовъ отъ сбора ореховъ или винограда. Такъ называемыя келліюты, толпящіяся по праздникамъ на базарахъ, не всегда народъ хорошій. Есть между ними выходцы изъ Россіи и Молдавіи, которые нашли себѣ удобство въ поселеніи Аеоискомъ и такимъ образомъ сдѣлались порядочными хозяевами; въ числѣ ихъ обрѣтаются однако и дѣйствительныя рабы Божіи. Хотя же, по немощи человѣческой, нѣкоторые изъ келліютовъ пришли искать не столько спасенія сколько удобства жизни, посреди приволья Аеоискаго, болѣе заботясь о нуждахъ житейскихъ нежели о духовныхъ, во всемъ тѣмъ глубокая тишина царствуетъ по всей горѣ; не слышно тамъ о разбояхъ и даже весьма рѣдко о кражахъ, хотя дикая мѣстность и неограни-

денная жизнь много бы имъ благопріятствовала. Нѣтъ и соблазновъ, потому что не только женщины не допускаются на Св. гору, но даже и всякое животное женскаго пола; самая нетрезвость, если случается, то никогда не слышно о грубомъ законсѣломъ пьянствѣ. Можетъ показаться страннымъ такое общественное благочиніе, при столь безотчетной независимости и при частныхъ разумѣется случаяхъ человѣческаго несовершенства: но должно взять во вниманіе, что много дѣйствуетъ на входящихъ святость самаго мѣста, и древность преданія, строго соблюдаемаго; чинъ обители невольнo пріучаетъ къ порядку, молитвеннымъ раздѣленіемъ часовъ; отдаленіе отъ прелестей міра довершается страхомъ изгнанія, если кто либо слишкомъ предосудительнымъ поступкомъ навлечетъ негодованіе братства; къ тому же иноческій родъ жизни вовсе не кажется принужденнымъ и какъ бы сроднился со Св. горою, гдѣ считается до пяти тысячъ иноковъ.

Замѣчательно, что семейство Аеонское неоскудѣваетъ: тамъ усыновленіе замѣняетъ рожденіе плотскихъ чадъ. Каждый старецъ, геронта какъ ихъ называютъ на Аеонѣ, содержа келлію имѣетъ при себѣ двухъ и трехъ учениковъ, которыхъ онъ самъ постригъ, если іеромонахъ, или былъ ихъ восприемникомъ въ иночество; съ той поры онъ почитаетъ уже ихъ собственными дѣтьми и они наследуютъ ему во всемъ, на правахъ законныхъ сыновей. Старшій изъ нихъ опять дѣлается главою

домашняго быта и глубокое уваженіе, которое питають духовные дѣти къ своему старцу по истинѣ трогательно: это особенное родство, какое едва ли гдѣ еще извѣстно. Каряя, какъ бывшая лавра келлій, особенно наполнена такими монашескими семьями и нигдѣ не видалъ я столько столѣтнихъ старцевъ, въ мирѣ доживающихъ вѣкъ свой при попеченіи о нихъ учениковъ. Келліи сіи, которыми владѣють пожизненно старцы, даются имъ отъ монастырей на особыхъ правахъ: они подписываются обыкновенно на два и на три имени, и за каждое изъ нихъ вносятъ обители двѣсти левовъ, полагая при началѣ довольно значительную сумму, какъ бы въ обезпеченіе монастыря, судя по важности келлій. Если умретъ одинъ изъ двухъ или трехъ хозяевъ, то остальные келліоты должны еще внести нѣкоторую сумму, и потомъ вписать третье имя въ свое условіе съ монастыремъ, который впрочемъ имѣетъ право и совершенно удалить ихъ; посему келліи не такъ прочны какъ скиты. Это и было причиною, почему Русскіе, собравшіеся числомъ до двадцати въ келліи Серайской, столь пламенно желаютъ учрежденія скита для ихъ общества и просятъ меня о томъ ходатайствовать въ Ватопедѣ, отъ коего зависать.

Не полагаю излишнимъ сказать здѣсь: отчего нѣкоторые изъ нихъ удалились на Афонъ изъ отечества, гдѣ по видимому могли бы обрести себѣ достаточно обителей, для удовлетворенія жажды духовной.

Совершенное удаленіе женскаго пола, которому запрещенъ входъ на Св. гору, есть одна изъ главнѣйшихъ, ибо на Аеоизъ нѣтъ никогда сей опасности. Мнѣ говорилъ одинъ изъ Русскихъ что не прошло года, какъ онъ вступилъ въ монастырь, когда настоятель, замѣтивъ въ немъ дѣятельность, хотѣлъ непременно заставить его идти за сборомъ въ столицу. Напрасно отговаривался молодею труженникъ, представляя, что нарочно оставилъ міръ для избѣжанія соблазновъ и еще не укрѣпился въ подвигъ; настоятель не хотѣлъ слушать его просьбы и онъ предпочелъ удалиться на Аеоизъ, по совѣту одного опытнаго старца.

Вы желаете знать, есть ли созерцатели на Аеоизѣ? Доселѣ я видѣлъ одного, который славится по всей горѣ: Венедиктъ, родомъ изъ Грузинъ, долго былъ стражемъ Св. иконы Иверской въ ея обители, и теперь уединился въ виду монастыря на одинокомъ холмѣ, гдѣ Патріархъ Григорій, пострадавшій въ Царьградѣ, устроилъ себѣ малую келлію съ церковію Св. Пророка Іліи. Онъ сходить въ монастырь весьма рѣдко, въ большіе праздники, и потому я долженъ былъ испросить позволеніе его посѣтить. Жизнь его самая строгая, пища хлѣбъ и вода, но лице его такъ румяно, какъ будто бы онъ былъ во цвѣтѣ лѣтъ, хотя уже ему есть около семидесяти. При немъ одинъ ученикъ, также изъ Грузинъ, который приноситъ ему пищу, иногда же онъ оставляетъ его и живетъ въ монастырѣ. Есть другой отшельникъ

аго родичъ и пріятель Иларіонъ, который живетъ на высокой горѣ близъ Діонисіатской обители, и я надѣюсь его тамъ видѣть. И такъ, представителями святости Аѳонской два Грузина: это замѣчательно! Такой родъ жизни въ дикомъ уединеніи, съ однимъ лишь ученикомъ, у насъ рѣдкій, вовсе не кажется чѣмъ либо важнымъ для Святогорцевъ. Строгость въ соблюденіи поста есть добродѣтель весьма обыкновенная на Аѳонѣ и развѣ только не многіе изъ Прозостосовъ, скитавшихся въ міръ, разрѣшаютъ на мясо и то въ тайнѣ, не въ постъ и не въ монастырѣ; прочіе же всѣ строгіе соблюдаемы отеческихъ правилъ. Въ скитѣ Св. Анны и въ Капсокаливахъ, какъ я слышалъ, особенно есть много тружениковъ.

Отецъ Виссаріонъ сказывалъ мнѣ, что его старецъ, умершій не давно, лѣтъ около ста, родомъ изъ Болгаръ, проживалъ долго въ такъ называемомъ Лакѣ или въ ущелии, въ скиту принадлежащемъ обители Св. Павла. Онъ сподобился получить власть надъ духами нечистыми; однажды привели къ нему бѣсноватаго мальчкѣ, но, чтобы не искусить его смиренія, впустили тайно въ келлію, во время его отсутствія, по совѣту однако опытнаго отшельника. Старецъ, возвратясь, съ негодованіемъ увидѣлъ мальчкѣ у себя въ келліи и закричалъ на него: «вонъ отсюда лукавый!» — съ этимъ словомъ вышелъ изъ него лукавый духъ; но пустышникъ, чтобы скрыть свое чудное дѣло, сталъ укорять отца отрока за то, что осмѣлился привести съ собою ребенка на свя-

тую гору, вопреки строгихъ уставовъ Аѳонскихъ, и выгналъ его отъ себя. «Именемъ моимъ бѣсы ижденуть» говорилъ Спаситель ученикамъ своимъ (Марка XVI, 17) и, по милости Божіей, даръ сей доселѣ не оскудѣваетъ въ истинныхъ его послѣдователяхъ. Вотъ то, что могу вамъ сказать теперь о подвижникахъ Аѳонскихъ, которыхъ вѣроятно есть больше: истинные рабы Божіи не охотно показываются людямъ грѣшнымъ; быть можетъ я и видѣлъ ихъ, но не позналъ по грѣхамъ моимъ.

Соборная церковь Протата, которую часто посѣщалъ я, осталась памятникомъ древняго величія лавры Карейской и благочестія Императора Никифора Фоки, друга Аѳанасіева, любителя иноковъ. Она совершенно отлична отъ прочихъ храмовъ Аѳонскихъ, имѣя продолговатую форму древнихъ базиликъ, съ четырьмя массивными четверугольными столбами, которые поддерживаютъ ея арки, но въ ней нѣтъ ни одной колонны, тогда какъ, по обычаю архитектуры Аѳонской, не иначе какъ на колоннахъ лежатъ арки куполовъ: только въ лаврѣ Аѳанасіевой, современной Протату, также нѣтъ сихъ основныхъ колоннъ. Соборъ Протата гораздо ея пространѣе и въ немъ остроконечная крыша, съ деревяннымъ потолкомъ замѣняетъ куполь, какъ это бываетъ только въ древнихъ трапезахъ святой горы, что также весьма замѣчательно. Отъ дѣйствія времени и частыхъ запустѣній, соборный храмъ сей прищелъ въ ветхость: въ немъ однако сохранилось чрезвы-

чайное сокровище, фрески знаменитаго живописца Панселина, которымъ можетъ славиться Востокъ и особенно Св. гора, наравнѣ съ Италіею, превозносящеюся своими Рафаэлями и Микель-Анжелами. Фрески Панселина имъ не уступятъ колоритомъ и скромнѣе ихъ осанкою фигуръ, которая вполнѣ соотвѣтствуетъ живописи церковной, а между тѣмъ они имѣютъ четыреста лѣтъ старшинства надъ всеми произведеніями художниковъ Италіи. Сюда а не въ Римъ, должны ѣхать учиться жив. писцы наши, если хотятъ постигнуть, что такое есть настоящая зографія церковная? и обрѣсти подлинники священныхъ изображеній Спасителя и Святыхъ. Въ Италіи многое искажено языческою примѣсью, здѣсь же сохранился настоящій типъ и я не понимаю, какъ до сихъ поръ никто не срисовалъ сіи чудные лики, которые ежедневно разрушаетъ время и рука обновителей, сбивающихъ фрески для новой неискусной живописи.

Долго старался я узнать: кто былъ сей знаменитый Панселинъ и когда онъ жилъ? потому что на всѣ мои вопросы отвѣчали только: что онъ давно, давно писалъ. Ученость Аѳинская, а не Аѳонская, намѣреваясь издать книгу, о правилахъ древней живописи церковной, помѣстила Панселина во дни Θεодосія младшаго. Наконецъ я узналъ, что три Панселипа славились на Востокъ: одинъ, почти баспословный, жилъ дѣйствительно въ V вѣкѣ, въ царствованіе Императора Θεодосія младшаго, но

отъ него едва ли остались какіе либо памятники. Второй, самый именитый, былъ воспитанникъ Аполоніевой школы живописи, на островъ Архипелага Симиъ, что близъ Родоса; оттолъ перешель въ Царьградъ, гдѣ сдѣлался учителемъ школы Византійской, и наконецъ постригся на Св. горѣ въ монастырь Ватопедскомъ, гдѣ скончался въ 1070 году; онъ написалъ обитель Ватопедскую и Протать, или соборную церковь Кареи, и лавру Св. Аѳанасія, съ помощію ученика своего Теофана. Стъ него осталось много иконъ, которыя слывутъ Панселиновыми, хотя нѣкоторыя были поновлены. Третій Панселинъ былъ уроженецъ Солунскій и процвѣталъ въ долгое царствованіе сына Михаила Палеолога, Андроника старшаго, въ XIII и XIV вѣкахъ; а такъ какъ сей Государь обновилъ Ватопедъ, гдѣ самъ скончался инокомъ, Протать и другія обители, опустошенныя набѣгами Каталанцевъ, то Панселинъ, по геніальнымъ очеркамъ сомненнаго ему живописца, обновилъ ихъ стѣнную живопись.

Въ XV и XVI вѣкѣ процвѣла новая школа живописи иконой, на островъ Кандіи, вѣроятно по сношенію съ Западными художниками, во время владычества Венеціанскаго, и художники Критскіе прославились на Св. горѣ, когда Господари Молдавіи и Валахіи начали ревновать о обновленіи обветшавшихъ ея обителей. Они старались однако подражать Панселинамъ и удерживать ихъ очерки, гдѣ случалось обновлять письмо древнее. Памятниками ихъ художества осталась трапеза въ лаврѣ

Св. Аванасія и нѣсколько уцѣлѣвшихъ сводовъ недавно сломанной трапезы Иверской. Говорятъ есть въ Русскомъ монастырѣ Св. Пантелеймона пергаменная книга, о древней живописи церковной, и ее хотѣли издать въ Аоннахъ. Она писана въ 1453 году, ученикомъ Панселина Діонисіемъ, который хвалится, что въ дѣтствѣ научился подражать великому художнику Мануилу Панселину, происходившему изъ Солуня. Никто, какъ онъ, не умѣлъ составлять краски и дѣлать очерки, говоритъ Діонисій, называетъ его по справедливости полнолуніемъ живописи, отъ значенія его имени Панселинъ. Дѣйствительно, это не только полнолуніе, но и солнце живописи, которому не много подобнаго на Западѣ. Хотя Діонисій не называетъ себя прямо ученикомъ Панселина, но мѣсто его рожденія въ Солунѣ и дѣйствованія на Аеонѣ совершенно соотвѣтствуетъ царствованію Андроника, обновившаго собственно тѣ храмы, гдѣ видна кисть Панселина.

Весьма любопытно, что въ Карѣ доселѣ существуетъ школа Панселинова: нѣсколько живописцевъ иноковъ, вмѣстѣ съ постриженіемъ, передаютъ ученикамъ своимъ, ими усыновляемымъ, тайну фресковъ, или стѣнной живописи на свѣжей извести, которая утратилась въ Европѣ. Все искусство состоитъ въ приготовленіи сей извести, по которой пишутъ водяными красками, пока еще не застыла, такъ что къ вечеру должно уже быть готово начатое утромъ; книга Діонисіева служить

имъ руководствомъ для составленія красокъ и облика фигуръ. Я изумлялся свѣжести фресковъ, писанныхъ ими за пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ. Англійскіе путешественники заставляли сихъ живописцевъ нарочно при себѣ работать и дивились искусству, оставленному теперь въ Европѣ; но нынѣшніе живописцы Карен, хотя имѣютъ предъ собою образцы Панселина, потеряли однако красоту его очерковъ. Одинъ изъ нихъ, молодой челоуѣкъ съ дарованіемъ, просилъ меня, нельзя ли будетъ послать его поучиться въ Россію? Это было бы полезно и для насъ, потому что здѣсь многіе жаловались мнѣ на новѣйшія живописныя иконы, привозимыя изъ Россіи, которыя они находятъ не церковными.

Вообще обнаженныя формы и напряженное положеніе Св. угодниковъ Божіихъ, заимствованныя нами съ Запада, не соответствуютъ тому высокому понятію, о духовной чистотѣ и безстрастіи вѣчнаго покоя, въ какомъ привыкла Восточная Церковь представлять себѣ избранныхъ Божіихъ; по сей причинѣ всѣ они, какого бы возраста и званія ни были, воины или мученики, старцы, юноши или дѣвы, изображаются на древнихъ иконахъ въ спокойномъ видѣ, съ орудіями только своихъ мученій, а не въ минуту страданія, какъ пишутъ на Западѣ для эффекта. Нѣтъ собственно картинъ на Востокѣ въ церковной живописи; большею частію пишутся одинокія фигуры, не составляющія картины, хотя иногда и нѣсколько лицъ вмѣстѣ,

исключая только двенадцатыхъ праздниковъ; но тутъ условлены напередъ все очерки и нѣтъ ни малѣйшаго отступленія отъ древнихъ подлинниковъ; лица Апостоловъ и нѣкоторыхъ Святыхъ сохранились по преданію, даже въ видѣ портретовъ, подобно какъ у насъ лики Святителей Митрофана и Дмитрія Ростовскаго.

Но возвратимся къ живописи Панселиновой въ соборномъ храмѣ Протата. Иконостасъ уже новый, а древнія его иконы, писанныя еще прежде Панселина на холстѣ натянутомъ на доску, стоятъ теперь внутри алтаря позади иконостаса; тамъ Спаситель, Богоматерь, Предтеча и два верховные Апостола. Икону Св. Апостола Андрея, такой же живописи и того же времени, даровали мнѣ въ благословеніе Отцы соборные Протата; это великое сокровище по древности и красотѣ письма; съ тѣхъ поръ уже не пишутъ на холстѣ въ Греціи а все на дскахъ. На сводахъ алтаря все потемнѣло или обновлено; къ сожалѣнію въ самой церкви, по обѣимъ сторонамъ иконостаса, новая кисть коснулась, на двухъ основныхъ столбахъ, великолѣпныхъ фигуръ письма Панселинова, Спасителя и Богоматери, сидящихъ на престолахъ; лики еще превосходны, На двухъ западныхъ столбахъ, у входа на аркахъ и кругомъ на всѣхъ стѣнахъ, вполне сохранилась еще великолѣпная живопись Панселина, достойная удивленія. Я назову только главные лики, болѣе другихъ меня поразившіе: таковы Великомученики Георгій и Ди-

митрій, два Θεодора Тиронъ и Стратилать, Артемій и Меркурій въ его воинственной одеждѣ, по которой можно изучить все оружіе того вѣка; странно, что пернатый шлемъ напоминаетъ наши шляпы треугольныя. Панселинъ писалъ почти всегда колоссальныя, одинокія фигуры. Между ними еще особенно хорошъ инокескій ликъ мученика Прокопія и Св. Пантелеймона съ двумя Безсребренниками, въ сѣверовосточномъ углу храма; тутъ же и лики пустынножителей Аѳонскихъ: Петра, Аѳанасія, Павла и другихъ, которые всѣ свидѣтельствуютъ что Панселинъ жилъ послѣ нихъ и слѣдственно позже X вѣка. Съ западной стороны, по обычаю Аѳонской горы, во всю стѣну написана величественная картина Успенія, и надъ нею спящій младенецъ Христосъ, «почи яко левъ, кто возбудить его»? два чудные Архангела стоятъ по сторонамъ. Я снялъ съ нихъ вѣрные копии для подражанія въ Россіи. Услышавъ, что старцы Протата хотятъ обновлять свой великолѣпный храмъ и уничтожить живопись Панселина, чтобы замѣнить древнія сокровища новою неопытною кистью, какъ это случилось уже во многихъ обителяхъ, я умолялъ ихъ о сохраненіи лучшаго ихъ сокровища, которое дороже всякаго металла, ибо другаго Панселина нѣтъ въ Европѣ. Они благодарили меня за усердіе къ ихъ святынѣ и обѣщали пощадить ее; надобно однако пользоваться остатками и не терять времени.

14 Августа 1849.

Между тѣмъ Посланникъ и спутники его возвратились въ Царьградъ; я остался одинъ для говѣнія въ Серайской келліи. Сегодня, въ самое предпразднество успенія, насъ потревожила непріятная вѣсть о страшномъ разбоѣ, который случился за 6 часовъ отъ крайней обители Аѳонской, Хвландарь, въ окрестностяхъ Эриссо. Извѣстный морской разбойникъ, изгнанный изъ Греціи и поселившійся близъ залива Воло въ Фессалии, собралъ шайку изъ шестидесяти человекъ; ограбивъ сперва два неосторожныхъ судна, Англійское и Французское, у острова Тассо, подплылъ онъ къ узкому перешейку Аѳонскому и тамъ напалъ на цѣлый караванъ Греческій и Болгарскій, шедшій изъ Солуня на праздникъ Иверскій. Больше ста человекъ лишились всего имущества, и въ числѣ ограбленныхъ былъ драгоманъ нашего Консула Солунскаго, потерявшій до двадцати тысячъ левовъ. Разбойники подстерегли ихъ почти въ виду безопаснаго караула Турецкаго, стоявшаго на горѣ и связали, одного за другимъ, всѣхъ спускавшихся въ ихъ ущеліе по узкой тропѣ. Они никого однако не убили; капитанъ, обобравъ своеручно одного діакона Ватопедскаго, совѣстился снять съ него золотой крестъ и просилъ чтобы онъ самъ его благословилъ; бѣдный діаконъ долженъ былъ надѣть крестъ свой на шею разбойнику. Ограбленные прибѣжали въ

Карею и распространили общій страхъ на Св. горы, потому что уже давно не слышно было о такихъ разбояхъ. Ага послалъ караулить ночью мою келлію и велѣлъ вооружить въ каждомъ монастырѣ по десяти человекъ. Съ такими впечатлѣніями непріятно начинать путешествіе кругомъ Св. горы; однако время не позволяетъ медлить, и мы отправляемся изъ Кареи въ обитель Иверскую на праздникъ.

ПИСЬМО VIII.

**ИВИРЪ, СТАВРОНИКИТА, ПАНТОКРАТОРЪ,
СКИТЪ ПРОРОКА НЛИИ.**

Ватопедъ 19-го Августа, 1849.

Ночь, и самая роскошная Восточная ночь! — Подъ окнами моей выпрерней келліи плещется море въ мирномъ заливѣ; мѣсяцъ серебрить воды, факелы рыбаей скользятъ по нимъ, пользуясь тишиною моря и ночи: ароматами вѣетъ мнѣ изъ малаго сада, заслонившаго обитель со стороны водъ. — Я въ Ватопедъ, въ лавръ Кесарей Θεодосія и Аркадія, Комниновъ и Палеологовъ; всѣ зданія здѣсь носятъ еще ихъ отпечатокъ, какъ будто остановилось для нихъ самое время, и чернѣй бронзовый Сарацинъ, приставленный къ сторожевой башнѣ, не подвигаетъ его урочными ударами молота въ боевые часы! — Отраднo забыться въ лунную ночь,

въ области минувшаго, забыть всю послѣдовательность событій, какъ бы уже въ объятіяхъ вѣчности, дышать воздухомъ, который, по сильному выраженію Данта, не окрашенъ временемъ, т. е. безъ утра и безъ вечера! И такъ, по этимъ водамъ, сама собою приплыла къ берегу колыбель младенца царскаго Аркадія, и тутъ обрѣли полъ кустомъ спасеннаго отъ бури: отсель имена отрока и куста соединились въ одно звучное названіе Ватопеда, когда въ залогъ благодарности основалъ тутъ обитель великій Θεодосій. Не по симъ ли водамъ дивно притекла сама Владычица Аѳона, избравшая его какъ бы вторымъ небомъ, когда, отъ прикосновенія дѣвственной стопы ея, внезапно пали всѣ идолы Аѳонскіе и гора святая сдѣлалась ея избраннымъ удѣломъ! Когда это?—вчера или сегодня, или за тысячи лѣтъ? или это только безвременное событіе, напечатлѣнное въ сердцахъ Святогорцевъ, которые непрестанно видятъ, мысленными очами какъ бы чувственными, свою Божественную Покровительницу? — Сладостны всѣ сіи воспоминанія въ такой упокоительной, для сердца и духа, тишинѣ природы.

Не давно только оставилъ меня соборъ инокскій въ гостинной келли, поверхъ бойницъ, одного съ ихъ давно минувшимъ: два Эпитропа, старшины монастырскіе и старецъ Митрополитъ Григорій, бывшій Адрианопольскій, братъ мученика Θεодора, пострадавшаго за вѣру отцевъ и нетлѣнно почившаго въ Хіосѣ; бесѣда ихъ наполнила сердце мое

впечатлѣніями глубокими. Все, что меня окружаетъ, до такой степени проникнуто минувшимъ, что я еще никакъ не могу собраться съ мыслями; мнѣ кажется, я живу въ вѣка Византійскіе, ибо здѣсь все носитъ отпечатокъ тѣхъ временъ и мнѣ легче вообразить себя въ быломъ, нежели въ настоящемъ. — Поймите меня, если только можно принудить свое воображеніе къ такому анахронизму, который однако представляется здѣсь весьма естественнымъ.

Посреди сего чуднаго міра Аѳонскаго, не сходнаго ни съ чѣмъ инымъ, по сліянію очаровательныхъ красотъ своей природы съ образомъ жизни во всемъ ей противорѣчащимъ, я еще пораженъ былъ нечаянною встрѣчею, при входѣ въ обитель Ватопеда, которая сама уже, всею своей громадою, выходила изъ предѣловъ обыкновеннаго! — Едва взошелъ я подъ древніе своды тройной ограды, какъ раздался звукъ колокола и во вратахъ увидѣлъ я священный сонмъ служителей Церкви, съ мастистымъ ихъ Архипастыремъ. Всѣ они, принявъ гимновъ, повели изумленнаго путника въ древній соборъ, современный Аѳанасію Аѳонскому, если не Кесарю Феодосію. По сторонамъ, зданія тѣхъ вѣковъ возставали, одно за другимъ, предъ мои глаза, отрывая мысли отъ настоящаго, чтобы погрузить въ минувшее, которому соответствовало вполне церковное шествіе. Такъ ввели меня внутрь святилища, въ алтарь, къ храмовой иконѣ Богоматери, освящающей обитель съ горняго мѣста, гдѣ

водворили ее первые ктиторы; мнѣ дали цѣловать животворящей крестъ Царя Константина и складную икону Императрицы Θεодоры, которою она закрыла уста супругу иконоборцу; предо мною разложили благоговѣнно, по всему сопрестолію, обиліе священныхъ мощей, коими похваляется Ватопедъ, всѣхъ превосходящей своею лѣтописною древностію; но еще болѣе изумился я когда услышалъ, что Святитель, меня осѣнявшій сею святынею, самъ имѣлъ брата мученика, прославленнаго Великою Церковію, за его страданія Христа ради! Когда разоблачилось священное отъ блеска церковнаго, Митрополитъ Григорій рассказывалъ мнѣ о братѣ, какъ о первыхъ мученикахъ Христіанства; самъ онъ проникнуть былъ въ высшей степени духомъ вѣры и молитвы и какъ бы разгарался огнемъ внутреннимъ; и вотъ, послѣ гостепріимной трапезы, остался я одинъ съ своими впечатлѣніями, которыхъ не могу совмѣстить! Не стану описывать Ватопеда, доколѣ еще не соберусь мыслями; скажу вамъ прежде путь мой отъ Ивира въ сію обитель.

Все готовилось къ торжеству въ лаврѣ Иверской, и ударили уже въ колоколъ къ малой вечерни, когда мы туда прибыли. Изъ лавры Св. Аѳанасія вызванъ былъ, живущій тамъ на покой Архіепископъ Варнскій Іосифъ, уважаемый по своимъ добродѣтелямъ, но богомольцевъ было не много; они разбѣжались по Св. горѣ, потому что пронеслась молва, будто большая шайка раз-

бойниковъ сторожить всѣ береговья стези къ обители; приплыли только нѣсколько жителей съ сосѣднихъ острововъ; оттого на сей разъ праздникъ не былъ оживленъ толпою народной и не составилось обычнаго базара педь стѣнами Ивира. Въ два часа по полудни, по нашему счету, и въ восемь по восточному, ибо считаютъ тамъ часы съ восхожденія солнца, Архіерей въ мантии и Эпитропы въ рясахъ, съ немногими пресвитерами въ ризахъ, подняли икону чудотворную Иверскую изъ малой привратной церкви въ соборъ, при пѣніи стихиръ. Я просилъ дозволенія нести одинъ изъ большихъ подсвѣчниковъ предъ иконою, чтобы участвовать въ торжествѣ, старшій Эпитропъ несъ другой подсвѣчникъ; мнѣ утѣшительно было воображать, будто я присутствую на родномъ нашемъ праздникѣ, когда шествуетъ Иверская кругомъ стѣнъ Кремлевскихъ; такъ и странствуя по чужбинѣ, мыслию всегда переносился я на родину: «душа на Волховъ, сердце на Великой», говорила древняя пословица Новгородская.

Послѣ малой вечерни разошлись для краткаго отдыха, часа на два до всенощной, и уже въ пять часовъ опять ударилъ колоколъ; я поспѣшилъ въ церковь. Опытные между иноками останавливали меня, говоря, что это еще предначинательный исаломъ, *сваѣарис*, и что я могу придти позже, когда начнется настоящая вечерня, потому что служба продлится, съ безрасходною литургією, семнадцать часовъ сряду. Мнѣ это показалось весьма стран-

нымъ; я хотѣлъ однако повѣрить на опытѣ самое дѣло и не дать повода Грекамъ сказать, что мы Русскіе не въ силахъ вынести ихъ долгой службы. Не много было народа въ церкви: Архіерей стоялъ въ мантии на кафедрѣ и прочелъ начальный псаломъ: «благослови душе моя Господа,» который въ слѣдъ за тѣмъ стали пѣть постепенно на крилось, и пѣли ровно часъ и три четверти. Это можетъ показаться, для разумѣющихъ крилосное пѣніе страшнымъ, во на Востокъ свое. Лучшій пѣвецъ всего Аѳона, родомъ Молдаванъ, вызванный изъ монастыря Ватопедскаго, пѣлъ одинъ, голосомъ довольно приятнымъ въ нѣкоторыхъ тонахъ, но такимъ образомъ, что каждый слогъ, не только каждое слово, тянулъ по нѣсколько минутъ, а когда не доставало словъ, то дополнялъ звуками; нѣкоторые Греки, защищая такого рода пѣніе, крюками старыхъ нотъ, увѣряютъ будто есть таинственное значеніе въ сихъ звукахъ; скажу только, что пѣніе было для меня чрезвычайно утомительнымъ, хотя оно не утомляло пѣвца, потому что они передавали другъ другу книгу и выходили для отдыха. Разумѣется были и такіе старцы, которые достояли или лучше сказать досидѣли службу безвыходно.

Между тѣмъ, послѣ долгаго пѣнія псалма, діаконъ произнесъ эктению слышно и потомъ опять продолжались, на обоихъ клиросахъ, стихирны праздника; много было монотоннаго въ этой службѣ; ее оживляли отъ времени до времени діаконны, выхо-

дившіе съ кадилаицами и каціями, или Сіонами, которыя держали у плеча. Около полночи, послѣ литіи въ преддверіи храма, которой предшествовало долгое пѣніе стихиръ въ похвалу Богоматери, совершилось наконецъ благословеніе хлѣбовъ. Я вышелъ на одинъ только часъ, чтобы подышать свѣжимъ воздухомъ и, когда возвратился, засталъ поученіе послѣ первой каѳисмы утренней. Нѣскольکو народа стояло около читающаго инокѣ, но многіе спали на помостѣ. Опять сталъ я на свое мѣсто: не скрою, что и садился и дремалъ, потому что свѣше силъ человѣческихъ такое напряженіе. Послѣ шестнадцати — часовой всенощной, должно бы ожидать продолжительной обѣдни, напротивъ того архіерейская служба отошла въ теченіи одного часа, какъ бы краткая священническая литургія. Часы опустили, по обычаю Аѳонскому въ праздничные дни; послѣ «слава въ вышнихъ Богу», тотчасъ возгласиши «благословенно царство»; діаконъ и клиросы вмѣстѣ произнесли слова эктении и «Господи помилуй»: такъ было не только на эктенияхъ, но и во второй половинѣ обѣдни, при возгласахъ Архіерея и совершеніи даровъ. Несоразмѣрность всенощной съ литургіею показалась мнѣ странною, потому что предуготовительная часть богослуженія представлялась, въ самомъ дѣйстви, какъ бы важнѣе существенной.

Пришедши въ соборную келлію, гдѣ уже собраны были Эпитропы и старшая братія монастыря, я не могъ умолчать о томъ, что мнѣ казалось

не удобопонятнымъ. Эпитропы начали было похвалять мое благочестіе, оттого что я выстоялъ такую службу, и говорили, что никакъ не могли ожидать столько усердія отъ пришельца. Я отвѣчалъ имъ откровенно, что выстоялъ службу, хотя и съ трудомъ, для того чтобы въ лицѣ моемъ не осудили моихъ соотчичей: что же касается до насъ Русскихъ, то и въ нашихъ пустынныхъ обителяхъ, всеобщныя службы продолжаются шесть и восемь часовъ, но не болѣе, потому что ни чтецы, ни клиросные поющіе хоромъ, не въ силахъ были бы вынести долѣе. Если бы и на Аѳонѣ пѣли такимъ образомъ вкупѣ, а не порознь по одному человѣку, то и здѣшняя братія отказалась бы отъ продолжительныхъ службъ; такимъ же образомъ, какъ онѣ совершаются здѣсь, можно бы продлить ихъ и до сутокъ, какъ бывало въ обители Неусыпаемыхъ Царьграда, гдѣ одинъ ликъ монаховъ смѣнялъ другой, и какъ бываетъ у насъ при чтеніи неусыпаемаго псалтыря. — Недумаю, чтобы пріятно было мое сужденіе, но я почелъ долгомъ сказать истину, выполнивъ однако все по уставу, дабы видѣли, что и мы не чуждаемся долгихъ служеній.

Онѣ произошли оттого, что первобытные иноки желали, молитвеннымъ бдѣніемъ, въ точномъ смыслѣ выполнить слово всеобщная, которая дѣйствительно начиналась въ лѣтніе дни при заходѣннн солнца и кончалась на разсвѣтъ, по Студитскому уставу. Въ зимнее же время, когда не-

чи слишкомъ продолжительны, то для сокращенія бдѣнія всенощнаго, оно начиналось около полночи, и этотъ обычай сохраняется у насъ досель въ чиноположеніи церковномъ: всенощныя съ вечера прекращаются послѣ праздника воздвиженія честнаго креста, такъ какъ послѣ осенняго равноденствія умяются дни; бдѣніе же начинается съ полуночи, и этотъ порядокъ продолжается до Анти-пасхи, т. е. далѣе весенняго равноденствія, когда опять начинаются всенощныя съ вечера, ибо дни увеличиваются.

Я остался еще до другаго дня въ Ивирѣ, и простоялъ вечерню, которая продолжалась не болѣе часа, и утренню съ обѣднейю на праздникъ нерукотвореннаго образа Спасова; торжественная панихида, за упокой ктиторовъ и благодѣтелей обители, совершалась по обычаю на слѣдующій день храмоваго праздника. Потомъ перенесли опять чудотворную икону въ ея привратную церковь, и я простился съ братіею, потому что многолюдство начинало дѣлаться утомительнымъ. Мнѣ хотѣлось поспѣть до вечера въ скитъ Русскій, или лучше сѣзать Малороссійскій, Пророка Іліи, гдѣ надѣялся найти себѣ успокоеніе, и нашелъ его въ прекрасныхъ вновь устроенныхъ келліяхъ игумена Паисія, извѣстнаго по всей Св. горѣ своею добродѣтелью и домостроительствомъ. Но дорогою я хотѣлъ еще посѣтить двѣ обители Аѳонскія, Ставро-Никиты и Папнократора, которыя обѣ приле-

гли къ поморію на утесахъ , на разстояніи часа и двухъ отъ лавры Иверской.

Что сказать вамъ о сихъ обителяхъ? Онѣ младшія изъ двадцати, не по степени а по времени ихъ строенія , хотя и пользуются одинакими правами съ болѣе древними. Бѣгло осмотрѣлъ я ихъ и потому кратко будетъ мое слово , впрочемъ въ обитель Пантократора общалъ еще возвратиться. Намѣсть, гдѣ теперъ Ставро-Никита, существовала прежде малая обитель Предтечи и потомъ вѣроятно крестъ, знаменіе побѣды , которыхъ соединенное имя Ставрокъ и Ники сохранилось новой обители, хотя она сооружена въ честь Святителя Николая. Основателемъ ея былъ Патріархъ Царьградскій Іеремія I, потому и моги онъ внести ее въ число первенствовавшихъ на Св. гортъ; въ надписи, начертанной надъ входомъ въ церковь, выставленъ 1553 годъ. Виною основанія было обрѣтеніе древней мозаической иконы Святителя Николая, къ которой чуднымъ образомъ приросла перламутровая раковина. Рыбари, въ присутствіи Патріарха, извлекли чудотворную икону сію изъ глубины морской, и когда стали отдирать раковину, показалась какъ бы кровь на ликъ Святителя. Патріархъ съѣлъ изъ одной половины раковины малое блюдо , на коемъ возносятъ часть просфоры Богородичной, а изъ другой панагію, которою Патріархъ Іеремія II благословилъ нашего Первосвятителя Іова ; она доселъ хранится въ Патріаршей Московской риз-

ницѣ: такъ свято перешли къ намъ и соблюдаютъ преданія священной старины Греческой.

Соборная церковь высока, но тѣсна, и мало заключаетъ предметовъ замѣчательныхъ, въ сравненіи съ прочими обителями: чрезвычайно тѣсны и братскія келліи, висящія надъ моремъ. Видно что послѣ великаго мужа, соорудившаго обитель уже во времена ига Турецкаго, не было кому его замѣнить. Теперь добротствуетъ ей Малороссійскій престарѣлый инокъ Игнатій, собравшій много денегъ въ Россіи, который почитается и ктиторомъ скита Св. Пророка Іліи. Самъ онъ живетъ у Ставро-Никиты, гдѣ устроилъ особый придѣлъ довольно изящный; тамъ совершаютъ богослуженіе на Славянскомъ. При немъ есть Іеромонахъ Русскій Прокопій уже весьма ветхій, который находился нѣкогда при блаженномъ Князѣ Аникитѣ Шихматовѣ, но не вполне оправдалъ его довѣренности по управленію Русскаго монастыря. Оба старца житія неукоризненнаго и я доволенъ былъ; встрѣтивъ соотчичей въ Ставро-Никитѣ; пусть и тутъ будетъ разсадникъ Русскій.

Монастырь Пантократора, или Вседержителя, открылся намъ издали весьма живописно, на отдельномъ утесистомъ холмѣ, во всемъ величій Византійскаго своего зодчества, съ арсепаломъ или башнею для прикрытія лодокъ и крѣпкими бойницами. Долина, надъ которою возстаетъ этотъ каменный холмъ, вся поросла зеленью и по ней струится вода въ обитель чрезъ каменные арки. Два

могущественные брата, хотя и не царскаго рода, но бывшіе потомъ властителями народовъ, Алексій Стратопедархъ т. е. воевода и Іоаннъ великій Примикирій или первбій сановникъ двора Византійскаго, положили основаніе сей обители въ 1361 году, и сами легли въ ней на покой, послѣ того какъ первый временно возсѣлъ на престолъ царскій, а второй на княжескій Молло-Влахіи; по крайней мѣрѣ преданіе монастырское называетъ Алексія Императоромъ. Но заботясь о величіи своихъ ктиторовъ, для славы обители, братія не убоялась потревожить ихъ тлѣнныхъ останковъ; не болѣе трехъ лѣтъ какъ разломали гробницу ихъ, чтобы продѣлать на ея мѣствѣ окно въ трапезу, а кости перенесли въ саркофагъ въ углубленіе сей трапезы; но чрезъ то утратились надпись и самый ликъ ихъ, начертанный фресками на гробницѣ. Показалось что темна трапеза, хотя уже около четырехъ столѣтій протекло надъ нею: до такой степени сильна несчастная страсть все перестраивать и обновлять!

Но еще болѣе горькую и невозвратимую ошибку сдѣлалъ въ тоже время настоятель съ епитропами! Вся трапеза и соборная церковь, во имя преображенія, расписаны были чудною кистию Панселина, не того, который скончался инокомъ въ Ватопедѣ въ XI вѣкѣ и расписалъ Протать, но другаго, или лучше сказать третьяго Панселина, уроженца Солунскаго, жившаго въ XIII и XIV вѣкахъ, ученикъ коего Діони-

сій написалъ цѣлую книгу о иконной живописи. Фрески Пантократорскіе были верховъ искусства Византійскаго; имъ не было равныхъ на всей Святой горѣ. Послѣ возстанія Греческаго, во время коего опустѣла обитель и повредился куполъ, испортились отчасти и фрески, потому что дождевая вода лилась безпрепятственно внутрь храма; однако не смотря на то они уцѣлѣли. Но вотъ недавно приходятъ два живописца Молдавскіе и предлагаютъ услуги свои Архимандриту, обещая всю церковь расписать золотомъ и яркими красками, вмѣсто сихъ безобразныхъ остатковъ, какъ они называли Панселищовы. Повѣрилъ имъ настоятель и позволилъ забѣлить поврежденное письмо на стѣнахъ, сохранивъ только уцѣлѣвшіе лики, а въ трапезѣ, гдѣ ничего не пострадало отъ непогоды, ему пришла несчастная мысль поднять тройныя двери входа, и отъ того повредилась великолѣпная колоссальная картина Спасителя, сѣдящаго на престолѣ, между двухъ Архангеловъ, Богоматери и Предтечи; ноги ихъ обѣзчены по колѣна, лики же Ангельскіе совсѣмъ исчезли. И вся бы чудная картина погибла, если бы по счастію, одинъ Архимандритъ Греческій, посѣтившій обитель, и потомъ Англійскіе путешественники, не убѣдили настоятеля оставить дѣло разрушенія, оцѣнивъ ему все великолѣпіе сего произведенія истинно художественнаго. Дѣйствительно ликъ Спасителя, сѣдящаго съ евангеліемъ въ рукахъ, и лики Пречистой Дѣвы и Предтечи достой-

ны того, чтобы ихъ списали для сохраненія будущимъ родамъ, какъ лучшей образецъ живописи Византійской, не уступающей Римской. Внутри храма замѣчательны еще: усненіе надъ западными вратами и лѣки Предтечи, Богослова, двухъ великомучениковъ Феодоровъ и отшельниковъ Саввы и Антонія. Я выразилъ настоятелю и братіи мое сожалѣніе, о такомъ истребленіи ихъ лучшихъ сокровищъ, и просилъ сохранить хотя то, что уцѣлѣло.

На лѣвомъ столпѣ соборнаго храма чудотворная икона Матери Божіей, во весь ростъ, была однажды брошена въ кладезь, во время разоренія обители Сарацинами, и тамъ же обрѣтена; она одѣта богатою серебряною ризой, но и ея ликъ недавно обновленъ ради ветхости. Утѣшительно было, когда разложили предо мною святыню мощей, для благоговѣйнаго цѣлованія, приложиться къ части мощей Ангела моего первозваннаго Апостола, котораго обрѣтаются только тутъ и въ зависящемъ отъ Пантократора скитѣ Пророка Іліи. Съ любопытствомъ разсматривалъ я и драгоценный сборникъ мелкаго письма, разобранный отчетливо Барскимъ, который напрасно называютъ евангеліемъ Св. Іоанна Кущника, увѣряя, будтобы это самое то, что онъ носилъ всегда на себѣ, и по которому узнали его родители.

Эпитропы монастыря, видя съ какимъ вниманіемъ осматривалъ я древность и святыню, просили меня въ другой разъ посѣтить ихъ оби-

тель, обѣщая все приготовить къ моему прїѣзду и собрать для меня остатки фресковъ, если нѣкія либо еще уцѣлѣли. Игуменъ Паисій скитскій уже ожидалъ меня для сопровожденія въ свой скитъ, отстоявшій не болѣе какъ на полчаса хода отъ монастыря, но дорога была крутая и каменистая. Красиво возвышался издали, на скатъ горы между овраговъ, бѣлый скитъ съ своими кипарисами, весь окруженный зеленью, потому что здѣсь особенно растительна природа Аѳонская. Рачительный старецъ, получившій образованіе въ Россіи и бывшій долго духовникомъ при архіерейскомъ домѣ въ Бессарабіи, своей родиной, заботливо устроилъ скитъ, расширилъ дворъ и обнесъ со всѣхъ сторонъ келліями, соорудилъ еще церковь Святителя Митрофана и колокольню надъ вратами; теперь сія малая обитель въ цвѣтущемъ состояніи, хотя не болѣе десяти лѣтъ, какъ представляла горькую картину, если не запустѣнія то крайняго упадка. Здѣсь однако обиталъ нѣкогда знаменитый Паисій Нямецкій, доколѣ не былъ вынужденъ удалиться въ Молдавію, отъ множества собравшихся около него учениковъ; по странному стеченію обстоятельствъ, подобало другому Паисію, выходцу изъ Молдавіи, довершить начатое первымъ и устроить порядокъ сей пустыни.

Есть мѣста, какъ бы предназначенныя свыше, для жительства собственно тѣхъ а не другихъ племенъ, и это особенно замѣтно на Аѳонѣ, вселенскомъ соборѣ иноковъ, какъ его можно на-

звать. Когда Патріархъ Серафимъ, жившій на покое въ келліи Сарайской, со слезами отпускалъ блаженнаго игумена Паисія и шестьдесятъ его спутниковъ въ Молдавію, могъ ли онъ ожидать, что опять населится скитъ его выходцами Русскими? — его собственная келлія наполнилась ими, какъ бы въ залогъ того, что самъ онъ положилъ кости свои въ Россіи, въ обители Лубенской, близъ нетлнннхъ мощей Святителя Аѳанасія Пателарія, которій обиталъ также въ его келліи Сарайской. Но какъ первый Паисій былъ родомъ изъ Малороссіи, то и скитъ его можно скорѣе назвать Малороссійскимъ, потому что онъ населенъ большею частію его соотчичами, въ числѣ коихъ есть выходцы Запорожской съчи, основавшейся на Дунаѣ; настоятели до нынѣшняго Паисія почти все избирались изъ Малороссіянъ. Отраднo было слышать Русское пѣніе и родной языкъ въ храмъ Пророка Іліи, и облобызать мощи Первозваннаго просвѣтителя Россіи, часть лѣвой стопы его, которая стояла пѣкогда на горахъ Кіевскихъ, и поклониться иконѣ новаго чудотворца Русскаго Святителя Митрофана, въ церкви сооруженной во имя его, по усердію незабвеннаго Князя Аникиты: кости его, перенесенныя по завѣщанію изъ Аѳинъ, хранятся доселѣ въ ризницѣ скитской въ ожиданіи надгробнаго памятника: я просилъ чтобы отслужили панихиду за почившаго въ Бозѣ труженика.

Тѣлесно и душевно отдохнулъ я въ скиту, въ пріятной бесѣдѣ съ старцемъ Паисіемъ, послѣ уто-

нительнаго праздника Иверской обители, и въ его сопровожденіи собрался съ свѣжими силами въ Ватопедъ. Въ полудень разстоянія отъ скита ожидало насъ другое мирное уединеніе, близкое Русскому сердцу, по начальному его основанію нашими соотечественниками. Это былъ Болгарскій нынѣ скитъ, именуемый простодушно но умиленно «Богородица» безъ всякаго прибавленія; въ XI и XII вѣкахъ тутъ существовалъ знаменитый монастырь Руссовъ Ксилурги или Древодѣль, такъ названный, быть можетъ, по имени основателя, который вѣрно было Св. горы отдать собственно во владѣніе инокамъ Русскимъ, по указу Царя Алексія Комнина, въ 1080 году, т. е. во время крестовыхъ походовъ. Кто просилъ о томъ и кто былъ первый его ктиторъ? — не вѣдомо; въ Русской же землѣ княжилъ тогда Мономахъ: не онъ ли испросилъ у Царя поселеніе на Аеонъ иночеству Русскому, возникшему на Руси чрезъ выходца Аеонскаго? Любопытно было бы дознаться до начальнаго корня, хотя не сохранилось актовъ; вѣрно лишь преданіе, что обитель съ тѣхъ поръ всегда слыла Русскою, и даже перенесла это наименованіе новому монастырю Солунскому Св. Пантелеймона, который все общество горы Аеонской уступило игумену Русскому Лаврентію въ 1168 году, когда онъ, по тѣснотѣ мѣста, просилъ себѣ болѣе просторной обители; не захотѣла однако братія оставить совершенно основной церкви своей Ксилурги, и съ тѣхъ поръ, въ видѣ скита, зависитъ она отъ мо-

настыря Русскаго, хотя опять измѣнившаго свою мѣстность.

«Богородица» видна была чрезъ глубокой оврагъ отъ Пророка Иліи, на скатъ горы, въ дремучей дубравѣ, гдѣ доселѣ много есть надѣ чѣмъ потрудиться всякому древодѣлю Ксилургу. Недавно только привали ее Болгаре изъ рукъ новаго монастыря Русскаго и почтенный игумень Никифоръ, труженикъ въ полномъ смыслѣ этого слова, съ немногими братіями, достойные представители сроднаго намъ племени Славянскаго. Мѣсто убого, трудовъ множество и въ виноградникъ и въ огородъ, для насущнаго пропитанія, кромѣ ежедневнаго богослуженія; такъ-то подвизаются истинные отцы Аеонскіе, въ потѣ лица снѣдая скудный хлѣбъ свой, не уступая въ трудолюбіи ни одному земледѣльцу.—Опять встрѣтило насъ родное нарѣчіе Славянское, въ древнемъ храмѣ успенія Ксилурги, который свидѣтельствуетъ, низкими сводами и тѣсными размѣрами, о своей глубокой древности. Неприятно было бы слышать другіе звуки въ сей колыбели нашего иночества, на Аеонѣ, и видѣть тутъ иное населеніе или другіе нравы и обычаи болѣе утонченные. Отецъ Никифоръ могъ бы равно принадлежать и XI вѣку какъ нынѣшнему, безъ всякихъ перемѣнъ внутреннихъ и внѣшнихъ; такова же и прочая братія, числомъ до десяти, разделяющая усердно труды его. Мы поклонились древней иконѣ успенія и святымъ мощамъ, которыми, какъ лучшимъ богатствомъ, надѣленъ не

только каждый монастырь, но и каждый скитъ Аѳонскій, и простившись съ отцемъ Паисіемъ, продолжали путь къ Ватопеду, по живописнымъ лѣсистымъ горамъ.

Между нихъ, въ глубокой чащѣ, мелькнулъ вдали уединенный скитъ Великомученика Димитрія, зависящій отъ Ватопеда; вправо на вершинѣ горы представилась, въ видѣ замка, ограда бывшаго училища Эллинскаго, не долго процвѣтаващаго здѣсь подъ руководствомъ знаменитаго Архіепископа Евгенія Булгара, который искалъ себѣ пріюта въ Россіи. Теперь это печальная развалина, но зубчатая стѣна и водопроводъ, къ ней идущій съ горъ, даютъ ей издали готическій видъ. Я думалъ сперва, что это самый Ватопедъ, но при спускѣ съ горы открылась чудная обитель во всемъ своемъ великолѣпнѣ, вся обнесенная бойницами и теремами, по подобію лавры Аѳанасіевой и Иверской; еще болѣе зданій и пространства внутри ея треугольныхъ стѣнъ, обнесенныхъ садомъ, на берегу широко шумящаго моря, по роскошному выраженію Омира; этому плеску я теперь внимаю въ тишинѣ ночи, и онъ увлекаетъ меня въ давно минувшее, глубокое море событій. До завтраго: — теперь уже за полночь, а до разсвѣта надобно быть уже на утрени, въ соборъ благовѣщенія. Завтра допишу что видѣлъ въ обители, и краткую ея повѣсть и поэтическія сказанія; шумъ моря навѣваетъ сонъ, серебристый мѣсяцъ смѣжаетъ вѣжды.

ПИСЬМО IX.

В А Т О П Е Д Ъ.

20 Августа 1849.

Съ чего начать описаніе Ватопедской обители? Я успѣлъ уже осмотрѣть сегодня всѣ ея святилища и древности, и остался до завтраго только для того, чтобы слушать воскресную службу; начну съ лѣтописи, дабы связать минувшее съ настоящимъ. Далеко, въ вѣка давно протекшіе, относятся истоки Ватопеда начальное основаніе своей обители; они хотятъ имѣть ктиторомъ великаго Константина, подвигнутаго къ основанію здѣсь перваго храма, памятью благодатнаго пришествія Владычицы; по ихъ же преданію храмъ сей былъ разрушенъ отступникомъ Іуліаномъ и вновь сооруженъ болѣе великолѣпный, Императоромъ Θεодосіемъ, по случаю спасенія здѣсь его царственна-

го отрока Аркадія. Увѣряють что этотъ самый храмъ существуетъ до нынѣ, и что даже четыре порфиновые столба, поддерживающіе его арки, присланы изъ Рима Царевною Плакидією, дочерью великаго Феодосія. Хотѣлъ бы повѣрить, но столбы сіи, съ лежащими на нихъ арками, обличаютъ зодчество временъ Аѳанасія Аѳонскаго, т. е. X вѣка, когда, по словамъ летописи, три благородные мужа, пришедшіе изъ Адрианополя, Аѳанасій, Николай и Антоній, братья по плоти, предложили великому аввѣ свои сокровища, для основанія новой обители, а онъ имъ указалъ развалины Ватопеда, для ихъ обновленія. И такъ вотъ третія обитель, которую основалъ при жизни своей великій подвижникъ, Лавра, Ивиръ и Ватопедъ. Церковь Ватопедская обширнѣе всѣхъ на Св. горѣ; видно что не пожалѣли на нее своихъ сокровищъ пришельцы Адрианопольскіе; весьма вѣроятно, что они воспользовались остатками зданія Феодосіева, разореннаго Арабами въ 862 году, при ихъ частыхъ нападеніяхъ на ослабѣвающую имперію.

Трогательное событіе, ознаменованное чудомъ, сохранилось въ устномъ и письменномъ преданіи Ватопеда. Когда нахлынули Арабы и разбѣжались иноки, одинъ понамарь, имѣвшій надзоръ за святынею алтаря, предвидя гибель всего священнаго, укрылъ животворящій крестъ Царя Константина и ктиторскую икону Богоматери, которая стояла на горнемъ мѣстѣ, вмѣстѣ съ горѣвшею предъ нею лампадою, въ кладезь ископанной

подъ престоломъ. Самъ онъ былъ взятъ въ плѣнъ Сарацинами и увлеченъ на островъ Критъ, гдѣ пребывалъ въ узакъ до счастливаго похода Императора Никифора Фоки, смирившаго дерзость Агарянскую.

Мало по малу собрались разбѣжавшіеся иноки, въ запустѣвшую обитель; обнажены были ея стѣны, закоптѣвшія отъ дыма, потому что варвары, принявъ блескъ мозаиконъ за чистое золото, старались добыть ихъ желѣзомъ и огнемъ; сохранился только образъ благовѣщенія, на царской аркѣ, и такъ какъ утрачена была основная икона Владычицы, то, ради сей уцѣлѣвшей мозаики, первоначальный праздникъ успенія замѣнили благовѣщеніемъ. И вотъ является нектодомый инокъ къ игумену Николаю, быть можетъ одному изъ трехъ братьевъ, и проситъ остаться въ его обители, въ залогъ благодарности за спасеніе отъ долгаго плѣна Агарянскаго. Съ любовію приѣмлетъ его настоятель, но нѣкоторые изъ братіи ропшутъ, видя что старецъ, какъ тѣнь, скитается день и ночь около святилища и что то тайно шепчетъ про себя; онъ же, въ умиленіи сердца и глубокой скорби, непрестанно повторялъ: «гдѣ твоя икона Владычица, предъ коею каждый день читалъ я твой акаѣистъ и възывалъ: о тебѣ радуется всякая тварь»? Однажды во время вечерни, открылъ онъ свою заповѣдную тайну игумену, и сверхъ всякаго чаянія обрѣли подъ престоломъ ктиторскую икону и животворящій крестъ, даже съ неугасшею предъ ними лампадой.

Съ тѣхъ поръ всякій понедѣльникъ за вечерней, на память счастливаго событія, совершившагося въ понедѣльникъ, бываетъ торжественный молебенъ Богоматери въ соборѣ, а на слѣдующій вторникъ торжественная литургія, также въ соборѣ съ коливомъ, и за трапезой возносится часть Божіей Матери. Такое постоянное празднованіе, въ продолженіи IX столѣтій, свидѣтельствуетъ однако истину событія, глубоко запечатлѣннаго въ преданіяхъ обителя Ватопедской. Что касается до литургіи, совершаемой по вторникамъ въ соборѣ, то вамъ можетъ быть не извѣстны обычаи Св. горы; тамъ служится обѣдня въ соборахъ только по воскресеньямъ и праздничнымъ днямъ, въ будни же всегда въ придѣльныхъ церквахъ или параклисахъ, и то не болѣе одной, но утреня и вечерня постоянно бывають въ соборѣ. Особенная важность соборнаго храма, весьма знаменательна и онъ дѣйствительно служитъ Господскимъ или Кириаконъ, а по нашему воскреснымъ, по чину древнихъ обителей пустынныхъ.

Благодѣтелями Ватопеда явили себя въ XIII вѣкѣ державные Сербскіе, Царь-инокъ Симеонъ и Савва сынъ его Архіепископъ, основатели Хиландарской лавры, ради того что юный Савва, бѣжавшій изъ дома родительскаго на Св. гору, обрѣлъ себя временно пристанище въ стѣнахъ Ватопеда. Когда же достигъ онъ желаемаго, и не только самъ посвятилъ себя житію иноческому, но и родителя своего Царя убѣдилъ на тотъ же подвигъ:

тогда царскою рукою потекли щедроты ихъ на Аѳонскую гору, преимущественно же на Ватопедъ, коего сдѣлались ктиторами. Семь придѣльныхъ церквей сооружено было ими въ стѣнахъ обители, во имя Спаса и Предтечи, Великомучениковъ Георгія и двухъ Θεодоровъ, Безсребренныхъ и Святителя Николая, и церковь во имя Богоматери, въ саду монастырскомъ, погребальная. Всякое лѣтописное или чудотворное дѣяніе напечатлѣвается, вѣчно на Аѳонъ, какимъ либо церковнымъ обрядомъ: такъ и память призрѣнія Ватопеда Сербскими Царями, сохранилась въ братскомъ союзѣ, между сею обителью и Хиландаремъ. Ежегодно, въ храмовой праздникъ благовѣщенія, Эпитропъ Хиландарскій, какъ бы представляя лице Саввы и Симеона, своихъ царственныхъ ктиторовъ, обязанъ посѣщать Ватопедъ и принимать участіе въ его торжествѣ; а равномѣрно въ день введенія Богоматери, основной праздникъ Хиландаря, Эпитропы Ватопедскіе взаимно посѣщаютъ братій Хиландарскихъ; столь священно сіе преданіе взаимной любви, что никогда небывало ни какихъ ссоръ или тяжбъ между двумя обителями, хотя онѣ имѣютъ ихъ съ другими.

Послѣ воспоминаній утѣшительныхъ вотъ одно тяжкое для Ватопеда. Страшною годиною для всей Аѳонской горы была эпоха первой уніи Императора Михайла Палеолога, когда изъ видовъ политическихъ рѣшился онъ пожертвовать православіемъ. Былъ ли онъ самъ дѣйствительно на Св. горѣ съ Патріархомъ Іоанномъ Веккомъ, раздѣляв-

шимъ его суемудріе, не знаю: но память о ихъ гоненіяхъ, кровавыми строками записана во всѣхъ главныхъ обителяхъ, особенно въ Ивирѣ, Ватопедѣ, Зографѣ, Протатѣ и Ксиропотамѣ. Мужественный игумень Ватопеда Евѡимій хотѣлъ лучше подражать инокамъ Иверскимъ со всею братіею, нежели Лаврскимъ, оказавшимъ малодушіе, недостойное ихъ великаго основателя. Ватопедъ устоялъ въ вѣрѣ, не принялъ общенія Римскаго, и тяжело пала на него рука притѣснителя; большая часть братіи разбѣжалась; двѣнадцать іеромонаховъ, составлявшіе соборъ духовный, (что чрезвычайно много для обители на Востоку, гдѣ обыкновенно мало пресвитеровъ, и доказываетъ ея тогдашнее многолюдство), были избіены мучительски. Игумена связаннаго увезли на скалу, одиноко стоявшую посреди моря, въ виду обители, и тамъ утопили: отъ сего и донынѣ слыветъ она скалою игуменскою; монастырь разграбили. Тогда вѣроятно похищена была опять ктиторская икона Богоматери, потому что уже гораздо позже, въ XVI вѣкѣ, иноки Ватопедскіе обрѣли ее, не извѣстно по какому случаю, въ городѣ Каллиполи на Дарданельскомъ проливѣ, и получили обратно въ свой монастырь, по ходатайству воеводы Молдавскаго, могущественнаго Стефана, соперника Султана Солимана; Стефанъ облекъ ее въ тотъ богатый окладъ, въ какомъ донынѣ стоитъ она на своемъ прежнемъ мѣстѣ, въ горней части алтаря. Такова была странническая судьба сей иконы.

Не понятно однако, какимъ образомъ, вскоре послѣ опустошеній Палеолога, возвратившіеся иноки не упростили благочестиваго сына его, Императора Андроника старшаго, возвратить имъ сіе сокровище, если только знали, гдѣ оно находится, тѣмъ болѣе, что Андроникъ былъ обвинителемъ всѣхъ обителей разоренныхъ отцемъ его, и самъ, послѣ долголѣтняго многотруднаго царствования, скончался въ Ватопедѣ инокомъ. Его тронъ долго оставался въ обители, памятью царскаго благочестія, доколь и сей священный залогъ не истребила рука новѣйшихъ обвинителей, сохранивъ одну сѣнь со крестомъ отъ всей каеэдры. Не только тронъ его, но и кости съ остатками первыхъ трехъ ктиторовъ обители, Аѳанасія, Николая и Антонія и двухъ царственныхъ иноковъ, искавшихъ спасенія душевнаго въ сей обители, не были оставлены на своемъ мѣстѣ. Всѣ они собраны въ общій саркофагъ и лежатъ подъ спудомъ, во второмъ внутреннемъ преддверіи собора съ правой стороны; лики царскіе полустерты надъ ними.

Кто же были царственные иноки, избравшіе Ватопедъ своимъ послѣднимъ пріютомъ? Это сынъ старшаго Андроника, Палеологъ Мануилъ, царствовавшій именовъ только въ Константинополѣ и основавшійся въ Солунѣ; въ стѣнахъ монастырскихъ нашелъ онъ себѣ успокоеніе подъ именемъ старца Акакія; это зять его, царственный летописецъ Іоаннъ Кантакузинъ, описавшій тяжелую эпоху своего шести-лѣтняго правленія, болѣе счастливый

подъ рисою смиреннаго инока, нежели въ багрянницѣ. Вотъ какими иноками могъ хвалиться Ватопедъ, благодѣтельствованный ими во время ихъ царствованія; ибо на ихъ хрисовулахъ основаны его богатая владѣнія и метохи. Последнимъ благодѣтелемъ, уже въ позднѣйшее время, былъ воевода Валахїи, Неангъ; онъ щедро осыпалъ его своею милостью въ 1526 году, покрылъ оловомъ обветшавшія крыши, обновилъ башню Панагіи и соорудилъ новую церковь, въ честь священнаго пояса Богоматери, которымъ славится Ватопедъ, съ тѣхъ поръ какъ Сербскій Князь Лазарь даровалъ ему, въ 1151 году, сокровище сіе отнятое у Грековъ, во время войнъ ихъ съ Болгарами. Позднѣйшее обновленіе обителя, въ исходѣ минувшаго столѣтія, къ сожалѣнію истребило много древнихъ памятниковъ, невозвратимыхъ по утратѣ самыхъ преданій; недавно чья то жестокая рука коснулась кипарисовъ, живописно осѣнявшихъ храмъ и келліи, со времени ихъ основанія, и это по несчастному совѣту одного врача, будто бы вреденъ ихъ запахъ.

Вспомнивъ о кипарисахъ, расскажу забавный анекдотъ, слышанный мною отъ старцевъ Ватопедскихъ. Проходя однажды сквозь единственныя врата обителя, укрѣпленныя тройными затворами подъ крытою излучистою галлереею, какъ бываетъ въ крѣпостяхъ, я спросилъ: для чего такіе извороты, и не величественнѣе ли были бы тройныя врата сіи въ прямомъ направленіи? Сидѣвшій

при нихъ, какъ лунь съдой вратарь, отвѣчалъ мнѣ: «не вѣдаете случаевъ Аѳонскихъ; давно уже правда, но вотъ какое у насъ было происшествіе, побудившее сдѣлать излучистымъ входъ въ обитель. Однажды причалили къ берегу морскіе разбойники и двое изъ нихъ, по неосмотрительности нашего брата вратаря, проникли внутрь ограды. Испуганная братія узнала хищниковъ, но они представили себя какъ бы проникнутыми благоговѣніемъ къ святому мѣсту и, удовольствовавшись пищею съ немногими дарами, просили только, чтобы имъ пожертвовали одинъ кипарисъ для мачты, которая у нихъ сломалась. Обрадовалась братія столь легкому подавнiю и срубивъ любовью кипарисъ, вмѣстѣ съ пришельцами, повлекла его за ограду; но какъ только огромное дерево стало во вратахъ, такъ что нельзя уже было ихъ закрыть, внезапно нахлынула вся шайка разбойниковъ и ограбила монастырь; съ тѣхъ поръ перемѣнили прямое направленіе воротъ, чтобы не повторялась таже хитрость. Въ другой разъ спасена была обитель отъ разбойниковъ промысловъ Матери Божіей, которой честная икона стояла въ преддверіи храма; отъ нея былъ гласъ игумену, послѣ утренни, не открывать воротъ монастырскихъ ради предстоящей опасности; дѣйствительно хищники притаились подъ стѣнами. Въ залогъ сего чуда икона сія, виновница нашего избавленія, перенесена въ особый придѣлъ на хорахъ, гдѣ обыкновенно совершается литургія въ будни, и тамъ вы конечно ее видѣли».

Не время ли однако и мнѣ ввести васъ, хотя мысленно, внутрь святилища Ватопедскаго, о которомъ столько вамъ говорилъ? Къ сожалѣнію измѣнѣнъ наружный видъ величественнаго преддверія, при последнемъ обновленіи, и пострадала живопись Панселина, скончавшагося здѣсь инокомъ въ 1070 году. Однако есть еще нѣкоторые слѣды ея во внѣшнемъ притворѣ; всѣ ктиторы и святые лавры Ватопедской, какъ бы привѣтствующіе входящаго, уже кисти новѣйшей и довольно грубой. Есть и остатки древней мозаики въ обоихъ притворахъ: икона Николая чудотворца, надъ внѣшними дверями его придѣла, и еще деисусъ надъ главными вратами собора, во внутреннемъ притворѣ; по сторонамъ ихъ Ангелъ и пречистая Дѣва; отъ сей последней мозаики и храмъ празднуетъ благовѣщенія. Самыя врата изящно украшены перламутромъ, по усердію одного изъ царственныхъ иноковъ, почиющаго въ семъ притворѣ.

Тутъ же съ лѣвой стороны, предъ входомъ въ придѣлъ Великомученика Димитрія, чудотворная икона Богоматери, которая обличила святотатство поразившаго ее инока, мгновеннымъ изсушеніемъ руки его; рука хранится доселѣ во свидѣтельство чуда. За нѣсколько шаговъ далѣе, въ трапезной части собора, есть другая чудотворная икона Богоматери, предъ которою остановилась дочь великаго Θεодосія, Царевна Плакидія, пришедшая изъ Рима поклониться святынь Аѳонской; тутъ внезапно услышала она гласъ отъ сей иконы, запрещающей ей

какъ женщины идти далѣе, ибо женская нога не должна ступать на священную землю Аѳона: повиновалась Царевна, и съ тѣхъ поръ свято соблюдается строгое запрещеніе. Драгоценныя всѣ таковыя преданія, охраняемыя вѣрованіемъ столькихъ вѣковъ.

Достоинъ вниманія соборъ, какъ я уже сказалъ самый обширный изъ всѣхъ Аѳонскихъ; но и его коснулась рука обновителя Архимандрита Теофила въ 1715 году. Не постигаю, за чѣмъ передѣлалъ онъ Византійскія окна, которыя раздѣлялись мраморными колоннами, расширивъ ихъ безъ всякаго вкуса? Не уцѣлѣло в царское мѣсто Палеолога, а отъ древней стѣнной живописи Панселина, сохранились только два мученика Θεодора, Георгій и Димитрій, напоминающіе фрески Протата, прочее все обновлено, хотя и по старымъ очеркамъ.

Есть еще три иконы на аналогіяхъ, которыя слывутъ, не знаю по чему Софійскими, Св. Троицы, Богоматери и благовѣщенія, письма дѣйствительно весьма древняго и особаго пошиба; вѣроятно ихъ перенесли изъ Софійскаго собора. Что касается до иконостаса, то позади нынѣшняго, двухъяруснаго и раззолоченнаго въ новомъ вкусѣ, сохранились еще столбы мраморные древняго, открытаго какъ нѣкогда въ Св. Софій; такъ были устроены прежде всѣ иконостасы Аѳонскіе, въ Лаврѣ, Ивирѣ и другихъ знаменитѣйшихъ обителяхъ; часть этихъ столбовъ перенесена теперь въ наружный притворъ. Замѣчательна перламутровая каедрa архіе-

рейская, по изящности своихъ украшеній, одного вкуса со святыми вратами. Внутри алтаря, я пожелалъ еще однажды поклониться святынь иконъ и мощей, и разсмотрѣлъ съ большимъ вниманіемъ складную икону Императрицы Θεодоры; какъ вся древнѣйшія она писана на холстѣ, натянутомъ поверхъ дерева, и можетъ принадлежать VI или даже V вѣку, потому что я видѣлъ точно такую же въ Грузіи, въ городѣ Гори, присланную Императоромъ Іустиніаномъ. Живопись весьма изящна и сохранилась хорошо: на правой складни Младенецъ Божественный объмлетъ Пречистую Дѣву; на левой Спаситель, благословляющій и перстосложеніе понравилось бы мнимымъ старовѣрамъ; но тутъ же въ алтарѣ, на ктиторской иконѣ Императора Θεодосія, слѣдовательно IV вѣка, и на другихъ чудотворныхъ иконахъ того же времени, благословеніе сходно съ православнымъ. Это означаетъ только, что благочестивая древность, проникнутая благоговѣніемъ искреннимъ къ знаменію креста и благословенію Господа нашего, не разбирала съ легкою пытливостію человѣческою, такъ или иначе сложены были персты его спасительной десницы? да и живописцы не столь внимательны были къ предмету, который не возбуждалъ суетныхъ словопреній; посему и Церковь Православная, слѣдуя сему мудрому примѣру истинной старины, снисходительно разрѣшаетъ ревнителямъ мнимой, ихъ перстосложеніе, не почитая ихъ отъ того чуждыми православію. Какое богатство мощей, на Св. горѣ

въ каждой обители! Не называя всѣ , которымъ поклонился я въ Ватопедѣ , скажу только , что приложился тамъ къ ногъ Апостола Варѣоломея и главамъ Григорія Богослова и Андрея Критскаго , сихъ двухъ духовныхъ цѣвницъ Церкви , которая восхваляетъ ихъ пастырскую свирѣль. — Изъ Ватопеда поступило и къ намъ въ Успенскій соборъ великое сокровище , съ которымъ не охотно разсталась обитель: честная глава Златоуста , присланная къ намъ во дни Царя Алексія Михайловича. Я полагаю , что послѣ Аѳона нѣтъ другой сокровищницы мощей столь богатой , какъ наши Московскіе соборы , но не многіе ее знаютъ.

Я приложился и къ священному поясу Богоматери , чрезвычайно ветхому , сотканному изъ золота и шелка и запечатанному двумя царскими печатями , вѣроятно Императоровъ Аркадія и Льва премудраго ; первый , получилъ его изъ святой земли , а второй открылъ кивотъ , въ коемъ хранился , для исцѣленія супруги своей Зои. Сокровище сіе , сопутствовавшее въ походахъ Императорамъ , взято было побѣдоноснымъ Царемъ Болгарскимъ Каломаномъ и принесено въ даръ обители Княземъ Сербскимъ Лазаремъ . Оно раздѣлено на двѣ части , изъ коихъ одна пребываетъ постоянно въ обители , а другая носится по селеніямъ Румелии , и во время страшной холеры , опустошавшей Адрианополь , спасительно было тамъ ея появленіе . Еще одна часть драгоценнаго пояса въ предѣлахъ нашихъ , въ домово́й церкви Владытелей Мингрель-

скихъ, куда пожертвовалъ ее Императоръ Романъ, выдавшій дочь свою за одного изъ Багратовъ Иверскихъ. Въ алтарь Ватопедскомъ, показали мнѣ кости новоявленнаго, хотя и невѣдомаго угодника Божія, котораго обрѣли недавно сидящимъ, съ иконою въ окостенѣвшихъ рукахъ, въ общей усыпальницѣ, изливающимъ вокругъ благовоніе. Не зная его имени, братія Ватопедская рѣшилась дать ему, съ разрѣшенія Патріаршаго, символическое имя Евдокима, т. е. благославнаго и такъ онъ чествуется на Св. горѣ и Великою Церковью.

Я воспользовался этимъ случаемъ и замѣтилъ отцамъ Ватопедскимъ, что не знаніе имени новоявленнаго угодника Божія произошло оттого, что они не оставляютъ cadaго погребеннаго, въ его отдельной могилѣ, и напрасно касаются памятниковъ. Такъ исчезли гробы царственныхъ ктиторовъ, Палеологовъ и Кантакузина; такъ, уже въ нынѣшнемъ столѣтіи, безъ всякой причины уничтожены были прилегавшія къ собору три гробницы Вселенскихъ Патріарховъ, Кипріана, Софонія и Кирилла, скончавшихся на покое въ обители Ватопедской, и сколько утрачено еще другихъ, о коихъ молчитъ преданіе, не обновляемое памятниками? Не стану описывать вамъ прочихъ зданій Ватопеда, менѣ замѣчательныхъ, нежели соборъ, потому что это могло бы утомить ваше вниманіе; они также во большей части обновлены, какъ напримѣръ трапеза, отнесенная очень недавно отъ собора, чтобы разширить между иими пю-

щадку. Въ ризницѣ есть еще много древнихъ вещей и хрисовулль, которыя не охотно показываютъ; библіотека богаче нежели въ другихъ монастыряхъ; но порядка въ ней нѣтъ, и безъ каталога нужно рыться цѣлые дни, чтобы найти любопытныя книги и рукописи, заставленные менѣе занимательными, на тѣсныхъ полкахъ подъ густой пылью.

Вамъ извѣстно, что я не съ ученою цѣлью путешествую, хотя и старался добыть, гдѣ было можно, древнія рукописи: но ихъ легче находить въ отдѣльныхъ келліяхъ, которыя принадлежали знаменитымъ отшельникамъ, нежели въ большихъ обителяхъ. Мнѣ случилось видѣть въ Ватопедѣ, слова или стихи Льва премудраго; ему современные, прекраснаго письма, и нѣкоторыя сочиненія Митрополита Марка Ефесскаго противъ Латинъ, толкованіе его на евангеліе Матѳея; тутъ и соборъ бывшій противъ Фотія Патріарха. Любопытно было бы пріобрѣсти творенія Марка для ихъ изданія. Библіотека, принадлежавшая училищу Ватопедскому, которая нѣкогда здѣсь процвѣтала, находится теперь на Принцевыхъ островахъ, и я уже вамъ объ ней писалъ. Самое училище, основанное въ 1754 году, славилось знаменитыми наставниками, каковы были Евгенийъ Булгаръ, Никифоръ Θεотоки, Григорій Кидошійскій, и Аеанасій Парійскій; они получили тутъ начальное образованіе, подъ сѣнію мудраго Евгенія, который однако принужденъ былъ оставить училище, по неудоволь-

ствіямъ съ Кирилломъ, бывшимъ Патріархомъ Царьградскимъ, который поселился въ зданіяхъ училища; скромный Евгений удалился въ Россію, написавъ ему краснорѣчивое посланіе.

Съ тѣхъ поръ начало упадать сіе общественное заведеніе Аѳона и вмѣстѣ Царьграда, гдѣ воспитывалось до восьмидесяти учениковъ; около 1810 года оно было совершенно упразднено, потому что своеволие учащихся и ихъ богатыхъ родственниковъ начинало нарушать строгіе уставы Аѳонскіе. Я посѣтилъ печальныя его развалины на вершинѣ горы надъ Ватопедомъ, и проходилъ всѣ обвалившіяся келліи, гдѣ еще старцы, со мною бывшіе, помнили какъ онѣ кипѣли жизнію. Мы указали начатую церковь надъ вратами, трапезу и келліи Евгения Булгара и Патріарха Кирилла; еще тянется къ разбитымъ воротамъ полуобрушенный водопроводъ, какъ будто все это разрушено дѣломъ многихъ вѣковъ, когда тутъ едва можно насчитать нѣсколько десятилѣтій. Такъ все скоро приходитъ въ запустѣніе, какъ только рука человѣческая оставляетъ свои созданія на произволъ дикой природы. Отъ времени до времени только оживаетъ сія пустыня, когда братія обители, на память милушаго, подымается крестнымъ ходомъ къ развалинамъ съ иконою Богоматери, освящая путь свой литіями на источникахъ, бьющихъ изъ нѣдра горы, и торжественнымъ молебномъ на вершинѣ горы.

Видѣлъ я и другую пустыню, по сосѣдству Ватопеда, но еще населенную, въ самомъ глубокомъ

и отрадною уединеніи, какое можно себя представить. Это скитъ Великомученика Дмитрія, зависящій отъ обители, около церкви, основанной по преданію самимъ Великомученикомъ, которую поддерживали въ послѣдствіи его Солунскіе родственники. Около кириакона, или воскреснаго храма, разсыяно нѣсколько келлій отшельниковъ, съ малыми огородами надъ глубокимъ оврагомъ, подъ свнію въковыхъ яворовъ; растительность вокругъ самая роскошная, Аѳонская въ полномъ смыслѣ: малый ручей шумитъ по оврагу; все дышетъ миромъ и зоветъ къ безмолвію. Не много скитниковъ изъ ближайшихъ каливъ были въ сборѣ, прочіе разсыялись по дальнимъ или работами въ виноградникъ, а иныя понесли продавать свои издѣлія, деревянныя ложки и сосуды на торжище Кареи, такъ какъ это была суббота и, этимъ спискиваютъ они убогое пропитаніе. Скитъ Св. Дмитрія одинъ изъ замѣчательныхъ на Аѳонѣ, по своему древнему устройству, сообразно съ основными правилами такого рода пустынножительства. Но не слишкомъ ли долго занялъ я вниманіе ваше однимъ Ватопедомъ, когда предстоитъ еще много любопытнаго въ прочихъ монастыряхъ Св. горы?

Время свободное отъ осмотра обители и обычной службы, проводилъ я въ бесѣдѣ съ почтеннымъ старцемъ Митрополитомъ Григоріемъ, котораго любовь къ памяти брата и усердіе въ Церкви чрезвычайно утѣшительны. Онъ подарилъ мнѣ житіе и службу новоявленному мученику Θεодору; умили-

тельно было получить ихъ изъ рукъ роднаго его брата, который цѣлуя съ благоговѣніемъ его образъ, просилъ меня, буде можно, перевести службу сію на Русскій языкъ. — И другое обстоятельство занимало меня въ Ватопедѣ: я старался, по просьбѣ Русской братіи келліи Серайской, убѣдить власти монастырскія, возвести эту келлію на степень скита, по примѣру прочихъ Аѳонскихъ, съ собственною печатію и правомъ избирать своего игумена, что дастъ ей самостоятельность и упрочитъ существованіе; иначе, по смерти нынѣшняго усерднаго настоятеля, разсѣется братія Русская и келлія можетъ быть отдана въ наймы Грекамъ; они уже имѣютъ на нее виды, по ея счастливому положенію въ центрѣ Св. горы, близъ Карей. Давно и безъ успѣха домогались Русскіе иноки такой самостоятельности и, пользуясь моимъ пребываніемъ на Аѳонѣ, надѣются ее получить. Не знаю, будетъ ли успѣхъ, потому что власти колеблются, опасаясь, совершенно напрасно, потерять келлію, если будетъ она скитомъ Русскимъ; но все это однѣ лишь притязанія, и я просилъ старшинъ Ватопедскихъ, дать мнѣ отвѣтъ окончательный въ первыхъ числахъ Сентября, чтобы я могъ испросить согласіе всей Св. горы. Остаюсь здѣсь до завтра, чтобы не опустить всенощной службы, которая всегда бываетъ съ утра, или лучше сказать до разсвѣта, вмѣстѣ съ обѣднею, а потомъ ѣду далѣе въ сосѣдній Есфигменъ.

ПИСЬМО X.

ЕСФИГМЕНЪ.

Есфигменъ, 21 Августа 1849.

Мнѣ хотѣлось непременно написать вамъ, хотя нѣсколько строкъ изъ обители Есфигменской, потому что здѣсь спасался Св. Антоній, и какъ будто еще вѣетъ отсель, благословеніемъ Св. горы, на дальнюю родину. — Теперь уже ночь; море съ шумомъ ударяетъ о берегъ и въ стѣны угловой башни, гдѣ я поселился. Полная луна, только что освободившаяся отъ затмѣнія, освѣщаетъ передо мною узкій заливъ и гору Самарскую, на коей спасался великій Антоній; его пещера и новая церковь видны въ лѣво отъ обители, на верженіе камня, и серебрянными кажутся голые ихъ утесы. Гора названа Самарскою, не отъ библейскаго име-

ни Самаріи, но отъ наружнаго ея сходства съ самаромъ, т. е., вьюкомъ муловъ; ихъ колокольчики слышны въ саду монастырскомъ, сквозь шумъ набъгающихъ валовъ. Столько нечаяннаго встрѣтилось мнѣ въ этой малой обители, гдѣ я не надѣялся найати что либо любопытное послѣ огромной лавры Ватопедской, что я даже колебался, провести ли здѣсь ночь и не ити ли лучше въ сосѣдній Хиландарь? Но вечеръ засталъ меня у подошвы горы Антоніевой, куда ходилъ я на молитву, и великолѣпная восточная ночь заключила меня въ крѣпкія стѣны Есфигмена.

Самыя зданія мало замѣчательны послѣ великолѣвія Ватопедскаго; это обыкновенный приморскій замокъ, съ келліями и параклисами на башняхъ и главнымъ соборомъ посреди двора: соборъ совершенно новый; но Есфигмень болѣе другихъ для насъ любопытенъ своими историческими лицами. Удивительно что никто изъ нашихъ доселѣ объ немъ не писалъ. Помните ли, какъ я нечаянно услышалъ отъ васъ о томъ, что Св. Антоній тутъ спасался?—Вы сами это узнали только изъ письма Владыки Кіевскаго, а онъ отъ игумена Агаѳангела, собиравшаго милостыню для своей обители. Даже Барскій, любознательный Барскій, описавшій съ такою отчетливостію всѣ обители Аѳона, безмолвствуетъ о Св. Антоніѣ, при посѣщеніи Есфигмена, хотя онъ самъ уроженецъ Кіевскій. Какое непонятное забвеніе преданій, столь для насъ священныхъ, и какое равнодушіе здѣшнихъ инокѣвъ,

которые могли бы извлечь изъ сего много для себя пользы! Патриархъ, бывшій Вселенскій, Аноимъ, подтвердилъ мнѣ въ Царьградѣ преданіе, близкое нашему сердцу о Св. Антоніѣ, потому что самъ былъ постриженникомъ Есфигмена; но только здѣсь я повѣрилъ истинѣ его на самомъ дѣлѣ. Я спросилъ иноковъ, почему до сихъ поръ ни въ какихъ описаніяхъ Аэона, и даже въ недавно напечатанномъ каталогѣ всѣхъ Святыхъ Аэонскихъ, ни слова не упомянуто о Св. Антоніѣ?—Тамъ помѣщенъ однако невѣдомый пресвитеръ нашего посольства, Константіѣ, который въ 1748 году, по неудовольствію съ Посланникомъ, бѣжалъ и потурчился, а потомъ удалился на Св. гору въ лавру, и покаившись возвратился въ Царьградъ, для исповѣданія имени Христова и вѣнца мученическаго. Это для васъ новость, и для меня была также, пока я съ изумленіемъ не увидѣлъ сего Константія, на общей иконѣ всѣхъ Святыхъ Аэонскихъ въ Синодальной залѣ Протата, и не прочелъ его имени въ ликѣ угодниковъ Божіихъ, коими хвалится лавра; но между ними нѣтъ Св. Антонія Печерскаго.

При безмолвіи иноковъ Есфигменскихъ, одинъ изъ нихъ, весь съдой какъ лунь, котораго я было принялъ за живущаго здѣсь на покоѣ Архіерея Меленинскаго, разрѣшилъ мое недоумѣніе. «Когда блаженной памяти Никодимъ Святогорець, сказалъ онъ, въ исходѣ минушаго столѣтія, составлялъ жизнеописаніе Святыхъ Аэонскихъ, онъ обращался ко всемъ обителямъ, прося ихъ доставить, въ

его келлію Карейскую, всѣ свѣдѣнія о ихъ великихъ мужахъ; но, по несчастію, не было тогда кому собрать желанныя свѣдѣнія въ Есфигмень. Обитель была въ совершенномъ упадкѣ и едва ли оставалось въ ней болѣе трехъ иноковъ. Въ послѣднихъ годахъ минувшаго столѣтія, Преосвященный Солунскій Даниилъ, удалившись сюда на покой, учредилъ общину и возстановилъ Есфигмень, вызвавъ изъ скита Св. Анны игумена Евиміа съ братією. Съ помощію Архіепископа Касандрскаго Игнатія, онъ создалъ и новую церковь: теперь же вся надежда на игумена Агаангела, дабы помощію преподобнаго Антонія обновить обитель, гдѣ спасагся вашъ великій авва».

Я взглянулъ на умное, выразительное лице старца, отличавшагося бесѣдой отъ прочихъ убогихъ братій общины, и спросилъ о немъ; мнѣ отвѣчали, что это бывшій дидаскалъ и іерокириксъ, а такъ какъ много можно встрѣтить подобныхъ дидаскаловъ на Аеонѣ, я не обратилъ на него вниманія. Это было въ полдень, въ томъ архондарикѣ, на вершинѣ башни, отколѣ вамъ теперь пишу, уже ночью. Я имѣлъ нужду въ покой, послѣ всеобщаго бдѣнія Ватопедскаго, которое продолжалось шесть часовъ, по случаю воскреснаго дня, но увлекся невольнo бесѣдою съ любопытнымъ старцемъ и спрашивалъ его о Св. Антоніѣ. Онъ увѣрялъ что съ давнихъ лѣтъ, будучи здѣшнимъ постриженникомъ, всегда ходилъ молиться въ пещеру нашего аввы, гдѣ теперь построена церковь во имя его, но преж-

няя праздновала Святителю Николаю, и ему памятен один только ее развалины. Архимандритъ, провожавшій меня изъ Ватопеда, сказалъ, что есть здѣсь житіе и новая служба аввъ Антонію, составленная другимъ дидакаломъ, старцемъ Іаковомъ, котораго мы наканунѣ видѣли въ убогомъ скитѣ Великомученика Дмитрія. Я поспышалъ Архимандриту, какъ онъ ни слова мнѣ не упомянулъ о томъ, будучи въ скитѣ, и спросилъ себя эту службу. Если вамъ любопытно, какъ прославляютъ нашихъ Святыхъ на Аѳонѣ, вотъ ее начало: «Монашествующихъ лики, обители Есфигменскія и Россійскія лавры Печерскія, днесь соберитесь вкупѣ, праздновать священную память Антонія блаженнаго, сей бо удостоился, по исходу своемъ, источать обильное миро». Вотъ и кондакъ: «Рожденіе Россійское, всеблагодатнаго Антонія, подвижавшагося на горы Аѳонской и просвѣтившаго ликъ иноческій Кіева, и тамъ славную лавру Печерскую создавшаго, прїидите купно восхвалимъ въ пѣсняхъ взывая: радуйся отче Антоніе». Утѣшительно видѣть прославленіе нашего великаго аввы и на горахъ Аѳонской, которую теперь обратно озаряетъ онъ, лучами своей славы, и укрѣпляетъ помощію своихъ Россійскихъ чадъ; но драгоценны и свѣдѣнія, какими можно дополнить начало житія угодника Божія. Скитскій дидакалъ Іаковъ, изъ мѣстныхъ источниковъ, почерпнулъ: что близъ обители Есфигменской была основана другая, также во имя вознесенія, не задолго до пришествія Ан-

тонія , святымъ Архіепископомъ Василюмъ Солунскимъ , на память своего блаженнаго учителя, Евѣммія новаго , который недалеко отъ нее спасался. Остатки первой обители Есфигменской и скита Евѣмміева и теперъ видны по близости новой. Тогда еще не существовала Иверская знаменитая лавра. Ватопедская была разрушена Арабами , и только что основалась лавра Аѳанасіева, Игуменомъ Есфигменскимъ , по списку ста восьмидесяти предстоятелей различныхъ обителей Аѳонскихъ , которые скрѣпили общую грамату въ Протатъ , былъ нѣкто Теооктистъ въ 973 году , и къ нему пришелъ инокъ Антоній ; съ его благословенія поселился онъ въ пещерь , на разстояніи одного поприща отъ обители , и не одинъ разъ а дважды , былъ посылаемъ въ Россію отцемъ своимъ духовнымъ , потому что возвращался опять на Аѳонъ , по случаю возникшихъ смуть .

Я просилъ , чтобы для меня списали службу и житіе , и удалился для отдыха въ келлію отсутствующаго настоятеля Агаѳангела ; но шумъ моря , ударявшаго въ основанія башни , не далъ мнѣ сомкнуть глазъ . Между тѣмъ Архимандритъ Ватопедскій пришелъ со мною проститься и съ нимъ вмѣстѣ опять старецъ дидаскалъ . Разговоръ зашелъ о древностяхъ монастырскихъ , и онъ со вздохомъ сказалъ , что всѣ лучшія сокровища пропали , во дни возстанія Греческаго , и книги продавались на вѣсъ по пятнадцати паръ (денежекъ) за око , т. е. три фунта ; тогда исчезло и описаніе монастыря .

«Эта башня, гдѣ мы сидимъ, продолжалъ онъ, памятна и потому, что въ ней жилъ новый мученикъ Агаангель, котораго мошамъ вы поклонялись въ храмѣ». Мнѣ любопытно было узнать, кто былъ этотъ новый подвижникъ? потому что и въ Ватопедѣ, живущій тамъ на покоѣ Митрополитъ Адрианопольскій, Григорій, далъ мнѣ житіе своего роднаго брата Феодора, пострадавшаго Христа ради въ исходѣ минувшаго столѣтія.

«Послѣдніе годы до возстанія Греческаго, сказаль старецъ, породили много мучениковъ, не щадившихъ своей крови, для омовенія невольнаго отпаденія отъ вѣры Христовой; Господь допустилъ меня недостойнаго быть духовнымъ отцемъ двухъ изъ нихъ, Тимоея и Агаангела, которыхъ память мы совершаемъ здѣсь по разрѣшенію великой Церкви. Мнѣ поручилъ настоятель Евѳимій девятнадцати-лѣтняго Агаангела, бѣжавшаго къ намъ въ обитель, чтобы оплакать свое невольное отреченіе, въ лѣтахъ еще отроческихъ. Онъ возлагалъ на себя самыя тяжкіе подвиги, принималъ схиму и пребывалъ постоянно въ постѣ и молитвѣ; но ничто не могло успокоить его совѣсти, и даже многія видѣнія призывали его къ мученичеству. Наконецъ, рѣшительно объявилъ онъ настоятелю, что идетъ въ Смирну, исповѣдать гласно Христа на томъ мѣстѣ, гдѣ отъ него отрекся. Съ нимъ вмѣстѣ отпустили и меня, чтобы я могъ утѣшить его послѣднимъ напутствованіемъ, и дѣйствительно юноша мужественно исповѣдалъ Господа Иисуса

предъ цѣлымъ судилищемъ. Сбросивъ съ себя одежду Турецкую, онъ попралъ чалму и громко возгласилъ, что силою креста сокрушатся все враги Христовы. Напрасно, ласками и угрозами, искали пристыженные и разгнѣванные имамы склонить его ко вторичному отреченію; мученикъ, вверженный въ темницу, повторялъ до послѣдней минуты: «Христіанинъ есмь», и въ присутствіи цѣлаго города отсѣчена была честная глава его. Христіане и самые Турки омочили кровію его платки свои, какъ бывало въ первыя времена мученическія, и св. мощи были тайно увезены въ Хіосъ.

Другой мученикъ, Тимоѳей, былъ родомъ изъ Фракіи и женатъ. Одинъ изъ Магометанскихъ жителей похитилъ его жену, которая измѣнила не только мужу, но и вѣрѣ; однако любовь супружеская сохранилась въ сердцѣ Тимоѳея и вовлекла его въ горькое паденіе. Услышавъ, что жена его несчастна съ своимъ похитителемъ, онъ искалъ добыть ее обратно; но не было иного средства для ея освобожденія, какъ объявить себя Магометаниномъ. Тимоѳей не пощадилъ собственной души, чтобы спасти душу жены, и, отрекшись отъ Христа, получилъ ее обратно; оба немедленно бѣжали въ Анатолю гдѣ, съ общаго согласія, постриглись для искупленія своего грѣха. Тимоѳей поселился на Авопѣ и семь лѣтъ провелъ въ лаврѣ Св. Аванасія въ величайшихъ подвигахъ. Но какъ скоро услышалъ о мученичествѣ Агаангела, пришелъ въ обитель Есфигменскую и объявилъ игумену Евѣн-

мію, что непременно хочеть слѣдовать примѣру юноши, который пострадалъ за невольное отреченіе, когда самъ онъ, напротивъ того, волею хотя и не искренно, отрекся отъ Христа. Игумень, видя рѣшимость мужественнаго воина Христова, прислалъ его ко мнѣ въ Румелію, гдѣ я тогда находился, будучи назначенъ проповѣдникомъ отъ Великой Церкви. Вмѣстѣ мы пришли въ Адрианополь и Тимоѳеи исповѣдалъ Христа предъ Пашею; жестокія біенія и узы темничныя были слѣдствіемъ смѣлаго исповѣданія; но ничто не могло поколебать сильнаго мученика. Нѣсколько клириковъ были заключены съ Тимоѳеемъ, но пострадалъ онъ одинъ. Ночь, наканунѣ его мученія, мы провели вмѣстѣ въ непрестанныхъ молитвахъ; утромъ, приобщившись св. таинъ и еще однажды исповѣдавъ Господа Иисуса, былъ онъ усъченъ мечемъ. Я написалъ житіе и службу обоихъ мучениковъ, Агаангела и Тимоѳея, которыхъ память совершается 19 апрѣля и 29 октября; обитель Есфигменская причла ихъ къ лику своихъ ктиторовъ и заступниковъ, вмѣстѣ съ Св. Григоріемъ Паламою, Святителемъ Солунскимъ, и блаженными Царями Θεодосіемъ младшимъ и дѣвственною сестрою его Пулхеріею». Внимая сему мученическому синаксарию, изъ устъ самаго свидѣтеля и духовнаго отца подвижниковъ, я переносился мысленно въ первые вѣка Христіанства.—Какіе люди процвѣли въ бѣдственной Греціи, въ исходѣ минувшаго и въ началѣ нынѣшняго столѣтія, на каедряхъ святитель-

скихъ, въ ея училищахъ и въ обителяхъ, и какъ чувствуется ихъ оскудѣнiе!

22 Августа.

Теперь уже утро, море утихло и вода такъ прозрачна подъ моими окнами, что видна плавающая въ ней рыба. Гора Самарская, церковь Св. Антонiя въ розовомъ свѣтѣ зари; я только что возвратился отъ обѣдни, и пока готовятъ монастырскую трапезу и муловъ, для дальнѣйшаго пути въ Хиландарь, хочу досказать вамъ о Есфигменѣ.

Вчера послѣ вечера мы посѣтили на горѣ развалины бывшей обители временъ Св. Антонiя, и нашли только одинъ обломокъ стѣны алтарной, живописно обросшій густымъ плющемъ, какъ бы для ознаменованiя мѣста благоговѣйныхъ молитвъ. Потомъ, узкой каменною тропой, поднялись къ новой церкви Св. Антонiя, только что оконченной, на самомъ обрывѣ скалы, надъ двойною пещерою Преподобнаго. Мы спустились и въ пещеру, предъ которою видны остатки бывшей церкви съ тремя алтарными окнами. «Чувствуете ли благовоиe, сказалъ мнѣ старецъ, внутри пещеры Антонiевой?— это память его благодатнаго тутъ жительства». Дѣйствительно, благовоиный запахъ по временамъ будто исходилъ, отъ камней низкаго свода, и бывшiе со мною всѣ его почувствовали. Пещера сiя такъ тѣсна, что едва могла служить жилищемъ

одному человѣку. Другая, рядомъ съ нею, съ малымъ отверстіемъ для окна, недавно только обновлена однимъ Русскимъ пустынноикомъ Саввою, который прожилъ здѣсь 15 лѣтъ, и скончался въ глубокой старости, въ Русскомъ монастырѣ Св. Пантеленмона; но въ этой пещерѣ не было запаха. Я взялъ изъ первой малый камень и доску, вѣроятно бывшей старой иконы, чтобы написать на ней новую въ Россіи. «Не дивитесь благовонию запаху, сказалъ мнѣ старецъ, я расскажу вамъ еще чудо Св. Антонія, случившееся въ прошломъ году, когда строили церковь, и все здѣсь стоящія вамъ подтвердятъ истину. Одинъ изъ мастеровъ, молодой человѣкъ, очищая мѣсто отъ груды камней, сорвался вмѣстѣ съ камнемъ, который хотѣлъ бросить съ утеса, гдѣ мы стоимъ; но падая, онъ призвалъ имя Св. Антонія, и что же? — какъ бы Ангелы Божіи взяли его, дабы не преткнулъ о камень ногу свою, по словамъ псалма. Онъ вышелъ цѣль и невредимъ изъ этой пропасти и продолжалъ строить». Я посмотрѣлъ на стремнину и ужаснулся; до десяти инокъ, бывшихъ со мною, все единогласно засвидѣтельствовали истину событія. — Что скажутъ невѣрующіе противъ столь яснаго знаменія?

Когда я былъ въ послѣдній разъ въ Кіевѣ, Владыка благословилъ меня за обѣденою въ лаврѣ, образомъ преподобныхъ Печерскихъ Антонія и Феодосія. Мнѣ пришло на мысль оставить сію икону въ новой церкви Св. Антонія, и я просилъ отслу-

жить предъ нею молебень. Братія принесли съ собою священную утварь, потому что въ ожиданіи иконостаса не освящена еще церковь. И такъ это было первое молитвенное призываніе аввы въ будущемъ святилищѣ. Оно было умиленно до слезъ, при лучахъ заходящаго солнца, при шумѣ волнъ морскихъ, надъ самою пещерою Преподобнаго, какъ сказано въ таинственной пѣсни: «свѣте тихій»—«пришедше на западъ солнца, видѣвше свѣтъ вечерній, поемъ Отца, и Сына и Св. Духа Бога». Пѣли канонъ Божіей Матери, ибо это было наканунѣ отданія праздника успенія, что также совпало съ памятью Св. Антонія, и канонъ нашему великому аввѣ, составленный на Св. гору, усладившій душу, созвучіемъ Кіева и Аѳона го славу общаго ихъ Отца. Молились о великомъ Государѣ нашемъ и всемъ Августѣйшемъ его домъ, помолились и о нынѣшнемъ настоятелѣ лавры Печерской, какъ въ обители Иверской молились торжественно за васъ.

Уже солнце сѣло, когда по обрывамъ скалъ спустились мы въ обитель Есфигменскую; часть вечера протекла опять въ бесѣдѣ съ занимательнымъ старцемъ. Я спросилъ его о имени, и онъ назвалъ себя Германомъ; но тогда только это имя привлекло мое вниманіе, когда онъ, въ свою очередь, началъ спрашивать меня о своихъ Русскихъ знакомцахъ: бывшемъ Посланникѣ въ Греціи Г. Катакази и другихъ членахъ нашей миссіи. — «Откуда вы

ихъ знаете?» спросилъ я Геряна. — «Какъ же мнѣ не знать ихъ, когда вмѣстѣ съ ними много лѣтъ подвизался я въ Аѳонахъ за православіе, издавая Греческій журналъ: евангельская труба». Тогда только я узналъ, въ моемъ собесѣдникѣ, одного изъ знаменитѣйшихъ проповѣдниковъ Греціи, того Германа, сподвижника отца Икономо-са, который опровергъ нововведенія монаха Вам-вы и еретика Каириса и обличилъ первыя покуше-нія Протестантовъ противъ Православія. Съ благоговѣніемъ смотрѣлъ я на семидесятилѣтняго стар-ца, теперь сдѣлавшагося скитникомъ Аѳонскимъ, и извинялся, что не узналъ его прежде, по мудрымъ рѣчамъ. Много рассказалъ онъ мнѣ, какъ при самомъ началѣ миссіонеры Американскіе выманили у пра-вителя, Графа Каподистрія, позволеніе строить свои училища, гдѣ проповѣдовали клеветы на Церковь православную, и какъ онъ записался самъ въ ихъ училище, на островъ Сиръ, чтобы изучить и потомъ обличить ихъ ересь. Только послѣ трехъ мѣся-цовъ разгадали они, кто былъ этотъ Германъ? а между тѣмъ онъ успѣлъ открыть глаза учени-камъ и правительству, и началъ издавать свой журналъ, въ которомъ окончательно опровергъ враговъ Православія. Король Оттонъ ему благо-пріятствовалъ, но въ его отсутствіе Германъ под-вергся изгнанію отъ министра Армансперга, и сно-ва былъ вызванъ возвратившимся Королемъ. Ста-рецъ желалъ себѣ покоя и, съ трудомъ выпросивъ увольненіе, посѣтилъ сперва Св. гробъ, и нако-

нецъ поселился на Афонъ, чтобы тутъ окончить дни свои въ безмолвіи.

И такъ, здѣсь ваша мирная обитель? спросилъ я Германа. «Нѣтъ, отвѣчалъ старецъ, я провелъ здѣсь шесть лѣтъ до возстанія Греческаго, когда оставилъ училище Кидонійское и блаженнаго нашего учителя Григорія, а теперь живу въ скиту обители Ксенофа, не далеко отъ монастыря Русскаго, въ отдѣльной келліи. Сюда же пришелъ, чтобы достать нужную утварь для освященія малой моей церкви, во имя мучениковъ Агаѳангела и Тимофея.—«Вы будете сами освящать ее»? спросилъ я; «нѣтъ, отвѣчалъ старецъ, я уже не служу самъ, но приглашу другихъ іереевъ». «Отъ чего же вы сами лишили себя утѣшенія духовнаго приобщаться часто»? спросилъ я еще Германа, и, помолчавъ нѣсколько, онъ сказалъ: «простите; приобщаюсь я часто, иногда по-два и по-три раза въ недѣлю, какъ іерей въ алтарѣ, только въ эпитрахили; но я наложилъ на себя заповѣдь, не служить болѣе литургіи, потому что, во дни возстанія Греческаго, былъ однимъ изъ его двигателей, и хотя самъ не носилъ оружія, но многихъ возбуждалъ къ битвѣ, а быть можетъ нѣкоторые изъ нихъ и не были готовы къ исходу». Старецъ умолкъ, и я также, дивясь его смиренію Христіанскому. Въ эту минуту нѣсколько братій взошли поспѣшно въ келлію, чтобы извѣстить насъ о затмѣніи луны;—не доставало еще этого событія, для дополненія замѣчательныхъ для меня впечатлѣній Есфигмена. Мы

вышли на галерею, посмотреть на умаление круга луны, ... и, какъ вчера прервали нашу словесную бесѣду съ отцемъ Германомъ, вѣстью о затмѣніи лунномъ, такъ и теперь опять прерываютъ письменную съ вами, извѣстіемъ, что все уже готово для дальнѣйшаго пути въ Хиландарь.

Простите, радуюсь, что все это успѣлъ написать, не выходя изъ обители Есфигменской.

ПИСЬМО XI.

Х И Л А Н Д А Р Ъ .

Хиландарь 22 Августа 1849.

Старецъ Германъ хотѣлъ непременно проводить меня до Хиландаря, потому что обычаи Аеонскіе требуютъ, чтобы самые почетные изъ братіи сопутствовали гостю до ближайшей обители. Не много болѣе получаса отъ Есфигмена до Хиландаря; но тутъ совершенно измѣняется природа, съ удаленіемъ отъ моря; вмѣсто голыхъ скалъ, которыя такъ утомительны между Ватопедомъ и Есфигменомъ, здѣсь напротивъ того богатѣйшая растительность оживляетъ ровную веселую дорогу, гдѣ бы можно катиться въ повозкѣ. Вдали, на берегу моря, видѣлась башня стараго Хиландаря, которая служить теперь пристанью, или терсане, для

новаго. Величественная твердыня Сербовъ, духовная вмѣсть и воинская¹, по своимъ бойницамъ, предстала намъ въ густой чащѣ живописнаго ущелья, которое она пересѣкаетъ своими громадными зданіями; вѣковая дубрава высоко колебалась со всѣхъ сторонъ поверхъ обители, по крутому скату овраговъ, оперя свѣжею зеленью дикія ея башни. Ни одна изъ обителей Аѳонскихъ не показалась мнѣ столь живописною, хотя всѣ замѣчательны мѣстностью и наружнымъ видомъ. Хиландарь одна изъ самыхъ обширныхъ, уступаетъ только Ватопеду и Лавръ, и могло ли быть иначе? — здѣсь былъ корень духовнаго просвѣщенія Сербской земли; сюда стекались всѣ ея сокровища и, во время благосостоянія царства, временно возвысившагося на степень имперіи, при славныхъ Неманичахъ, отсель возобладала она почти всѣмъ Аѳономъ. Многія изъ его обителей обратились тогда въ Славянскія, патали совершать богослуженіе, на языкъ нашемъ, даже въ коренныхъ Греческихъ; отъ того и встрѣчается въ нихъ такъ много служебниковъ Славянскихъ, скрываемыхъ теперь или истребляемыхъ. Но какъ все измѣнилось съ тѣхъ поръ послѣ кратковременнаго величія племени Славянскаго! — Тяжко пала и самая лавра Саввы и Симеона, Царей Сербскихъ, господствовавшая на Св. горѣ и овладѣвшая лучшими ея землями, въ силу хрисовуль царскихъ, такъ что и до нынѣ одна только лавра Аѳанасіева можетъ въ нею сравниться, на другомъ краю Св. горы, обширностью владѣній. Отсель

до перешейка, и глубоко внутрь священной области иноковъ, все еще Сербское. Отраднo мнѣ было, послѣ столькихъ дней проведенныхъ въ обителяхъ Греческихъ, чувствовать себя опять среди родной стихіи Славянской и слышать звукъ роднаго языка, хотя и съ чуждымъ выговоромъ, что заставляло меня прибѣгать иногда къ Греческому для объясненій; но по крайней мѣрѣ богослуженіе совершалось на Славянскомъ. Братія Хиландарская, хотя и предварена была о нашемъ приходѣ, однако не приняла насъ такъ ласково какъ тѣ обители, которыя мы уже посѣтили прежде нее. Епитропы, вышедшіе ко вратамъ, съ живущимъ у нихъ въ заточеніи Архіереемъ епархіи Софійской, какъ-то дико смотрѣли на пришельца, хотя и родича.

Неустройство внутреннее въ обители Хиландарской происходитъ отъ того, что она утратила въ последнее время свою исключительную народность Сербскую и сдѣлалась сборищемъ разныхъ племенъ, въ которыхъ Сербы господствуютъ только по имени и старой памяти; большая часть Болгаре, есть Русскіе, Греки и Влахи; одинъ изъ Епитроповъ, Ниль, болѣе другихъ сметливый, былъ природный Молдаванъ и объяснялся со мною по Гречески. Всѣхъ почтеннѣе показался мнѣ осьмидесятилѣтній старецъ Никифоръ, доживающій на покоѣ трудовые дни долгаго поприща, посвященнаго на служеніе родной своей обители; но уже онъ былъ такъ ветхъ, что не могъ самъ показы-

вать мнѣ древности Хиландаря; на мое несчастье отсутствовалъ ученый Иеромонахъ Болгарскій Иларіонъ, который, какъ я слышалъ, получивъ нѣкоторое образованіе въ Царьградѣ, сосланъ былъ на Св. гору, по зависти; потому что сограждане не пожелали имѣть его Митрополитомъ въ первопрестольномъ Тырновѣ. Такимъ образомъ я не могъ осмотрѣть обители съ тою тщательностію, какъ бы желалъ, и представляю вамъ только нѣкоторыя свѣдѣнія, которыя заимствовалъ изъ разговоровъ старшей братіи, особенно старца-проигумена, и изъ Славянскихъ рукописныхъ книгъ, найденныхъ мною въ библіотекѣ; не требуйте болѣе отъ краткаго обзора; быть можетъ подробное описаніе каждой изъ двадцати обителей Аеонскихъ было бы и утомительно.

Треугольникомъ обстроены Хиландарь, какъ бы по образцу Ватопеда, гдѣ нѣкогда нашелъ себѣ пристанище царственный его основатель; въ самомъ углу открываются святыя врата, отъ коихъ живописно представляются всѣ зданія монастырскія, внутри обширнаго двора, осыяннаго кипарисами. Особенно величественъ соборный храмъ введенія Богоматери, который хотя и обновляли Цари Сербскіе и позднѣйшіе строители Хиландаря, однако не лишили первобытной красоты. Первая церковь, основанная ктиторами, Царемъ Стефаномъ и сыномъ его Саввою, Архіепископомъ Сербскимъ, вся была разобрана въ исходѣ XIII вѣка, однимъ изъ именитыхъ и святыхъ Кралей, Милутиномъ;

ныишняя сооружена имъ изъ большихъ тесаныхъ камней, съ мраморными внутри столпами, на коихъ лежать своды и арки; царственный храмоздатель ничего не щадишь для украшенія своей лавры; богатство столбовъ ея и мозаического помоста славится по всей горѣ Аеонской. Обширное преддверіе также съ колоннами, по нашему трапеза, пристроена еще позже Княземъ Сербскимъ Лазаремъ, и стѣны расписаны священною лѣтописью его родины; ибо тутъ предстоятъ въ лицахъ Цари и Святители благочестиваго рода Неманичей, который съ такою славою управлялъ землями Славянскими и считаетъ у себя столько Святыхъ, вписанныхъ въ небесные лики.

Съ благоговѣніемъ взшелъ я внутрь святилища Сербскаго и прежде всего поклонился гробу основателя, Царя инока Симеона, который избралъ себя мѣсто покоя съ правой стороны клироса. На каменныхъ плитахъ его гробницы еще уцѣлели двѣ древнія большія иконы Спаса и Богоматери, которыхъ не коснулась рука обновителей. Упразднено царственное ложе, нѣкогда источавшее миро, потому что нетлѣнные останки унесены были на родину сыномъ Святителемъ; но, какъ бы въ залогъ ихъ пребыванія на этомъ мѣстѣ, изъ гроба выросла лоза виноградная въ видѣ дерева, съ наружной стороны храма, и осьнила кладезь монастырскій, цѣлѣбная по своимъ плодамъ: — явленіе замѣчательное! Тутъ же на клиросѣ воздалъ я подобающее чествованіе той, которая воспріяла на

себя всегдашнее игуменство Хиландаря, чудотворной иконы Матери Божией. Однажды, въ тяжкую годину для лавры, успокоила она братію своимъ явленіемъ и сказала: что не иноки должны помышлять о ея храненіи, внутри алтаря, но сама она будетъ охранять ихъ съ кафедръ настоятельской; съ тѣхъ поръ не избирается болѣе игуменъ въ Хиландарь; настоятель занимаетъ только второе мѣсто близъ кафедръ, на коей поставлена икона Владычицы, и отъ нее принимаютъ благословеніе на все церковныя службы, какъ бы отъ присутствующаго игумена, цѣлуя ея десницу. Умилительно это слышать, тѣмъ болѣе видѣть, съ какою вѣрою соблюдается давнее преданіе, освященное вѣками. Самая икона принесена была Св. Архіепископомъ Саввою, изъ лавры Палестинской освященнаго Саввы, изъ келліи дивнаго пѣснопisca Іоанна Дамаскина, которому принадлежала; она слыветъ троеручицею, потому что на ней изображена съ-низу рука Іоанна, отсѣченная Халифомъ Дамасскимъ по кознямъ Льва Исавра иконоборца, и чудно исцѣлительная Матерію Божіей: вотъ какимъ сокровищемъ владѣетъ Хиландарь! Достояна столь священной иконы великолѣпная кафедра, вся испещренная перламутромъ, съ эмалевыми изображеніями весьма изящными, поверхъ ея сѣми, страстей Господнихъ и дванадцати праздниковъ. При завоеваніи Босніи Турками она принесена была тамошнимъ Митрополитомъ, искавшимъ себѣ убѣжища въ Хиландарь. Мѣстное преданіе говоритъ, что и образъ

Троеручицы, взятый Св. Саввою въ свое отечество, во время страшнаго разоренія Сербіи, подчищамы Турецкими Султана Мурата, чудеснымъ образомъ явился опять близъ обители, на томъ мѣстѣ, гдѣ иъкогда латинствующіе Императоръ Михайлъ и Патріархъ Веккъ удержаны были небесною силою отъ вторженія въ лавру; тутъ объаты были внезапно мглою ихъ дружины и бѣжали, поражая другъ друга. Даже названіе Хиландаря производятъ отъ соединенныхъ именъ тысячи и мглы, на память событія, и къ сему мѣсту ежегодно совершается крестный ходъ, ради явленія иконы. Такъ глубоко вкоренилось, на всей Св. горѣ Аѳонской, преданіе о походѣ Палеолога, который многіе даже называютъ Папскимъ.

Еще двѣ иконы Богоматери особенно чествуются въ соборѣ, по древней памяти совершившихся предъ ними обличеній, въ ереси и въ святотатной кражи: драгоценны такія преданія для обителей, переходящія изъ рода въ родъ. — Внутри святилища предложили мнѣ, для благоговѣйнаго поклоненія, всю святыню лавры Славяно-Сербской, тщательно сохраниемую отъ ея начала, ибо все это приобрѣлъ великій ктиторъ ея Савва, во время странствія своего по Востоку. — Уже тогда Латины овладѣли Царьградомъ и Императоръ Іоаннъ Ватцесъ державствовалъ въ Анатолиі; онъ даровалъ царетвенному иноку, своему родичу и Комниныхъ, большую часть животворящаго древа, которое теиерь раздѣлено на два креста, орудія страстей Го-

споднихъ и евангеліе отъ Іоанна, великолѣпно писанное золотыми буквами по багряному пергамену; вѣроятно отъ него же получены три священныя главы: Пророка Исаіи, Великомученика Прокопія и Патріарха Евтихія Царьградскаго, съ иными частицами Св. мощей. Тутъ и жезлъ игуменскій, данный Св. Саввъ, еще до раззоренія Царьграда Крестоносцами, съ хрисовуллой на свободное избраніе игумена изъ среды братіи, Царевичемъ Алексіемъ послѣднимъ Комнинымъ, сыномъ слѣпца Исаака Ангела, съ подписью его имени. — Есть и Русскія иконы въ ризницѣ, и драгоценная для насъ утварь: ветхая завѣса, уже не употребляемая, съ изображеннымъ на ней Господомъ и святыми Русскими, которую пожертвовалъ Царь Іоаннъ Васильевичъ лавръ Славяно-Сербской; ибо онъ ее принялъ подъ особое покровительство, какъ единоплеменную; на завѣсѣ доселѣ сохранились имена Царя и супруги его Анастасіи и Царевича Іоанна, лѣта 1556.

По выходѣ изъ храма я сорвалъ висѣвшій гроздь съ лозы виноградной Царя Симеона, чтобы быть участникомъ его благословеній, осѣнившихъ лавру, и осмотрѣлъ бывшія его келліи, или лучше сказать мѣсто ихъ подлѣ кладезя, осѣненного виноградомъ: теперь тутъ кладовыя монастыря, а сверху придѣльная церковь въ башнѣ и библіотека, не весьма богатая, въ которой болѣе всего служебныхъ Славянскихъ книгъ и сборниковъ, съ житіями Святыхъ Сербскихъ. Любопытна историческая книга событій лавры, Давила ея игумена,

жившаго въ XIV вѣкѣ. Хрисовуль мнѣ не показывали, но ихъ довольно, какъ я слышалъ, Греческихъ и Сербскихъ, ибо, по родственнымъ отношеніямъ двухъ державныхъ домовъ. Императоры подтверждали даянія Кралей. На той же восточной сторонѣ, гдѣ были келліи Симеона и библіотека, возвышается величественный пиргъ, или башня Краля Милютина, втораго ктитора Хиландаря, которою защитилъ онъ лавру отъ нападений хищниковъ, и тутъ же довольно обширная церковь Архангеловъ, въ честь коихъ преимущественно любили созидать свои храмы Крали Сербскіе. Я посетилъ и древнюю, обширную трапезу, примыкающую къ преддверію собора съ западной стороны; наружная галлерейя ея на низкихъ столбахъ съ мозаическимъ помостомъ. Отъ древней живописи Панселиновой удѣлялъ на стѣнахъ только соборъ Архангеловъ богатой кисти; прочее все было обновлено въ 1748 году, какъ явствуетъ изъ надписи надъ дверями, однако вновь, по прежнимъ очеркамъ, написаны были кругомъ всей стѣны лики Святыхъ Аѳонскихъ и царственныхъ благодѣтелей лавры.

Тутъ можно изучить всю лѣтопись Сербіи въ лицахъ, по степенямъ царственной ея династіи, которая ведетъ свое начало отъ Ликинія Кесаря и сестры великаго Константина, какъ гласятъ преданія. Стефанъ пресвитеръ былъ вторымъ родоначальникомъ славнаго дома Неманичей или Неemanовъ, который уже непрерывно отъ него ведетъ

ся съ большею достовѣрностію ; правнукомъ его былъ знаменитый Стефанъ Неманя , въ инокахъ Симеонъ , ктиторъ обители Хиландарской . Онъ и Св. Савва Архіепископъ стоятъ во главѣ царственныхъ ликовъ , и съ ними братъ Саввы , Стефанъ первовѣчаннѣйшій Краль Сербіи , облагодѣтельствовавшій Хиландарь своими давніями . Далѣе , мимо другихъ Кралей , не оказавшихъ особой милости своей лавръ , т. е. третьяго , четвертаго и пятаго Стефановъ и Уроша , отца Милутина , предстоить второй великій ктиторъ ея Милутинъ , соединившій въ себя имена отца и дѣда , Уроша и Стефана , причтенный Церковію къ лику Святыхъ , и сынъ его мученикъ Урошъ или Стефанъ Дечанскій ; рядомъ съ нимъ величайшій изъ Кралей Сербскихъ , принявшій даже титулъ и вѣнецъ императорскій , Стефанъ Душанъ сильный , осьмой и послѣдній сего славнаго имени , ибо съ нимъ кончилась слава его царства ; юный сынъ его Урошъ V , мученически убитый своимъ родичемъ Вулкашинымъ , былъ Царевичемъ Димитріемъ Сербіи : имъ заключился родъ Неманичей и на престолѣ и въ ликахъ Хиландарскихъ . Не забыты между ними и Святители того же царскаго племени : второй Савва Архіепископъ , сынъ первовѣчаннаго Краля , и Св. Арсеній проемникъ перваго Саввы , и незабвенный Князь Лазарь , временно собравшій во едино Сербскія племена и погибшій на Коссовомъ полѣ , въ битвѣ противъ Султана Амурата .

Покаместъ осматривалъ я замѣчательныя зда-

нія и древности монастырскія, ударили въ колоколь къ вечерни: я взшелъ въ притворъ, или трапезу Князя Лазаря, отслушать тамъ сперва девятой часть; по общепринятому обычаю на Афонской горѣ и на всемъ Востоку, часы, какъ предъ обѣденою, такъ и предъ вечернею и послѣ утренни, читаютъ только въ преддверіи; обычай сей придаетъ болѣе торжественности совершенію самой литургіи и прочихъ службъ, изъ коихъ утрення и вечерня читаются всегда въ соборномъ храмѣ, литургія же совершается въ ономъ только по праздникамъ; но я ожидалъ болѣе отъ Славянскаго пѣнія и признаюсь непріятно былъ удивленъ, когда, при монотонномъ напѣвѣ въ носъ, нельзя было даже различать словъ Славянскихъ отъ Греческихъ; самое чтеніе, съ выговоромъ южныхъ Славянъ, не родилось съ нашимъ слухомъ, привыкшимъ къ полному Русскому произношенію.

Теперь все тихо вокругъ меня и въ обители, потому что уже глубокой вечеръ; вся братія разошлась по келліямъ; я одинъ заключился въ своей, но безпрестанно выхожу на смѣжную галерею, полюбоваться чуднымъ зрѣлищемъ монастыря, освѣщеннаго луною.—Отсюда видѣнъ онъ весь, съ расходящимися въ обѣ стороны стѣнами и зданіями, въ видѣ треугольника, съ пиргами и бойницами; прямо впереди меня, во глубинѣ монастырскаго двора, возвышается величественный соборъ; предъ нимъ крещальня, въ кругломъ вѣнцѣ колоннъ, и еще нѣсколько отдѣльныхъ куноловъ малыхъ церк-

вей. Столѣтніе кипарисы, какъ въковая мрачная стража, разставлены тамъ и здѣсь промежду святилищъ, черною своею массою отражая серебрястое сіяніе мѣсяца, которое тѣмъ ярче обливааетъ бѣлыя зданія, а изъ оконъ собора мелькаютъ неугасимыя ночныя лампы, какъ бы въ Кремлѣ Московскомъ, когда свѣтъ небесный и свѣтъ земной состязуются, въ лѣтнюю лунную ночь, вокругъ и внутри сего святилища, для полноты его очарованій.—Въ эту тихую, отрадную минуту, Хиландарь Славянскій дѣйствительно казался мнѣ роднымъ моимъ Кремлемъ и, быть можетъ отъ того, былъ еще ближе моему сердцу, проникнутому любовію къ дальней отчизнѣ. Но вотъ чего нѣтъ въ Кремлѣ, — широкаго вѣянія густой дубравы, съ окрестныхъ горъ, свѣсившихся надъ Хиландаремъ всю тѣнию своихъ лѣсовъ. Этотъ дубравный вѣнокъ, осеребренный мѣсяцемъ, придаетъ много прелести уединенной твердынѣ Сербской; но вмѣстѣ съ тѣмъ вѣетъ ночной сыростью, изъ нагорной чащи, и отъ того воздухъ Хиландаря почитается самымъ вреднымъ на Св. горѣ. Жители Аѳона ничего столько не боятся, какъ вечерняго запаха отъ каштановыхъ деревъ; открывая окна свои на всю ночь къ морю, спокойно дремлютъ они подъ шумъ его волнъ, но тщательно закрываютъ всѣ малѣйшія отверстія къ горамъ, чтобы не обдало ихъ лихорадочное вѣянiе каштановъ. И я, слѣдуя ихъ примѣру, полюбовавшись очаровательнымъ зрѣлищемъ лавры, возвращаюсь опять въ

свою келлію, чтобы побесѣдовать съ вами о кти-
торахъ и лѣтописныхъ событіяхъ.

Умилительно въ высшей степени житіе Св. Сав-
вы, перваго Архіепископа Сербскаго, котораго
мірское имя было Растко, или Руссикъ, по Гре-
ческому произношенію, и едва ли не просто Рус-
скій, по нашему: такъ одно уже его названіе вы-
ражало цѣлую народность! — Сынъ великаго Жу-
пана Сербіи, Стефана Неманича, долженствовав-
шій наследовать его державу, онъ устремилъ
взоры свои, отъ земнаго къ иному нескончаемо-
му царству, и увлеченный бесѣдою двухъ ино-
ковъ, пришельцевъ Аеонскихъ, тайно бѣжалъ съ
ними, среди шумныхъ увеселеній ловли на Св.
гору. Пораженный лишеніемъ сына, скорбный ро-
дитель, сердцемъ отеческимъ разгадалъ тайный
путь его и послалъ дружину воинскую въ слѣдъ
его, чтобы силою возвратить царственнаго бѣгле-
ца. Они обрѣли юношу въ монастырь ему соимен-
номъ Руссикъ, въ мірской еще одеждѣ; еще бы-
ло время увести его изъ обители, но скоро мино-
валось. — Избѣгая силы воинской и какихъ либо
бѣдъ для обители, Царевичъ представился какъ бы
остывшимъ къ первому пламенному желанію ино-
чества, угостилъ роскошною трапезою дружину
Сербскую и когда, упоенные виномъ, задремали во
время всенощнаго бдѣнія, тайно поднялся на пиргъ
монастырскій съ однимъ іеромонахомъ; тамъ, сло-
живъ съ себя одежды княжескія, облекся въ ино-
ческія и остригъ власы свои, въ залогъ послушанія

Богу. Проснувшись шумные отъ вина, и не обрѣтая Царевича, гнѣвно требовали его отъ настоятеля и братіи, угрожая раззореніемъ. Тогда, на вершинѣ пирга, явился новопостриженный инокъ Савва; онъ бросилъ имъ съ башни свои мірскія одежды и остриженные власы, и велѣлъ сказать родителю, что сынъ его Растко уже умеръ ему и міру, да не тревожитъ братіи.

Смятенные столь печальнымъ событіемъ, возвратились посланные къ пославшему ихъ, и смиренна державный подъ высокую руку Промыслителя Бога. И онъ и супруга его приняли сыновній примѣръ за указаніе собственнаго пути. Собравъ весь свой синклитъ и народъ, въ основанную имъ обитель Студеницу, великій Стефанъ отречеся престола въ пользу втораго сына, ему соименнаго, и самъ постригся тутъ же вмѣстѣ съ супругою: смиренныя инокъ и инокиня, Симеонъ и Анастасія, вышли изъ храма, вмѣсто державныхъ Стефана и Анны. Но, при отреченіи отъ мірскаго величія, не отречеся отъ любви отеческой новый инокъ; влекомый желаніемъ обнять виновника происшедшей въ немъ внезапно перемѣны, онъ устремился съ щедрыми даяніями на Св. гору Аѳонскую. Уже Савва, по совѣту Прота, первенствовавшаго игумена Св. горы, обиталъ въ царственной обители Ватопеда, болѣе свойственной его высокому роду и вѣроятно представлявшей болѣе удобствъ новоначальному. Но онъ успѣлъ обойти прежде всѣ обители, скиты и уединенныя келліи отшельниковъ,

изумля всѣхъ строгимъ подвижничествомъ , и даже умилить сердца напавшихъ на него разбойниковъ , когда узнали они , что смиренный скиталець , разносящій во власяницъ хлѣбы по братіи Аеонской , есть царскій сынъ и вольный страдалецъ : разбойники послѣдовали его примѣру . Въ Ватопедѣ произошло трогательное свиданіе престарѣлаго Симеона съ сыномъ ; тамъ потекли вмѣстѣ ихъ слезы и молитвы , и благодареніями ихъ процвѣла обитель , въ которой соорудили они семь церквей ; процвѣла и Святая гора , потому что всю ее обещали они , повсюду оставляя за собою царственный слѣдъ благодареній .

Тогда , видя ихъ усердіе , Протъ и прочіе настоятели Аеонскіе предложили имъ основать собственную обитель , въ какомъ либо упраздненномъ монастырѣ , и предложили лѣсистое удоліе Хиландаря , гдѣ прежде существовала церковь . Обрадовались предложенію старцы Сербскіе и авва Симеонъ послалъ сына къ родственному Императору Греческому въ Царьградъ , Алексію Комнину , сыну слѣпца Исаака Ангела , испросить себѣ хрисовулу на владѣніе мѣстомъ . Милостиво приняли оба Кесаря родича своего Сербскаго и даровали ему не только грамату , но и утвердили на будущія времена обитель сію исключительно за племенемъ Славянскимъ . Другой Самодержецъ , Стефанъ Сербскій , послалъ щедрую милостыню на Аеонъ , въ новоучреждаемую лавру отца своего и царства . Такимъ образомъ , общими силами , быстро сооруди-

дидась обитель, и даже древнѣйшее населеніе иноковъ Аеонскихъ, называемое ту-Зигу, отъ хребта горнаго, гдѣ спасался первоначально и нашъ Антоній, взошло въ область новой лавры Сербской. Но царственные ктиторы продолжали жить простыми иноками въ созданной ими обители, вызвавши для игуменства въ нее настоятеля изъ Ватопеда: такъ высоко было ихъ смиреніе! Не долго наслаждался Симеонъ своимъ созданіемъ; чрезъ два года подвижничества на Св. горѣ преставился онъ на рукахъ сына, обѣщая не оставлять и по исходу души своей обители, но завѣщавалъ отнести кости въ землю отцевъ, въ сооруженную имъ обитель Студеницу. Приготовивъ родителя къ исходу, Савва инокъ, самъ читалъ надъ нимъ всю ночь псалтырь, и уже издыхающаго принесъ, своими руками, въ притворъ церковный, къ образу Богоматери, предъ коимъ испустилъ духъ, возгласивъ: «всякое дыханіе да хвалить Господа».

Скорбь о преставившемся родителѣ извела Савву, на безмолвіе пустынное, въ лавру келлій Карейскую; тамъ испросилъ онъ себѣ у Прота Дометія особую келлію, и въ ней подвизался необычайнымъ постомъ, преданіе коего осталось по нынѣ въ его типикѣ; поему и келлія слыветъ типикарницею. Тамъ явился ему въ небесной славы авва Симеонъ, далеко превосходящей царскую великаго Стефана, и утѣшая предсказалъ будущее святительство и странствіе по Св. мѣстамъ. Но любящему сыну хотѣлось, чтобы слава отеческая проявилась ка-

кимъ либо знаменіемъ и на землѣ; однажды, собравъ настоятелей Аѳонскихъ въ Хиландарь, самъ онъ заключился въ пиргъ, не отступно умоляя отца, явить о себѣ знаменіе въ назиданіе братіи, — и вотъ внезапно къ утру вся церковь исполнилась благовопія; ибо мура потокомъ воскипѣло изъ гроба Царева, и мраморное его ложе и помость умастились пролітіемъ сего мұра, цѣлебнаго для болящихъ. Утѣшился Савва и съ нимъ вся братія Аѳонская; вскорѣ, повинувъсь небесному гласу родителя и земному внушенію Прота, принявъ омъ рукоположеніе священническое отъ Архіерея Іерискаго, въ области котораго была Св. гора, и санъ Архимандрита въ Солунѣ отъ Митрополита: тогда наконецъ поставленъ былъ настоятелемъ Хиландаря. Но это было только началомъ священно-служебныхъ подвиговъ.

Вскорѣ возникла семейная крамола въ царствѣ Сербскомъ: Вулканъ возсталъ на брата своего, Самодержца Стефана, и потекла кровь присныхъ въ междоусобіи. Жалобнымъ посланіемъ молилъ Стефанъ брата своего Савву, придти съ мощами родительскими, въ родную землю, чтобы возстановить миръ между единокровными. Подвигся Савва на моленіе братнее и какъ новый Іосифъ, возвращающій кости Іаковли въ землю отеческую, понесъ родительскіе останки въ его лавру Студеницу, гдѣ положилъ съ честію въ мраморномъ гробѣ. Опять просіяла небесная слава Симеонова, тѣмъ же чуднымъ явленіемъ мұра, въ созданной имъ

обители , гдѣ нѣкогда отрекся отъ славы земной ,
измѣнивъ державу на житіе иноческое ; многія изъ-
цѣленія ознаменовали возвращеніе усопшаго въ его
бывшее царство . Смирися , предъ неглубинными остан-
ками родителя и увѣщательнымъ словомъ братнимъ ,
гордый Вулканъ , покорившись законному владѣте-
лю . Савва сталъ уже собираться въ свое уединеніе
Аѳонское , когда державный братъ , ради пользы
общественной , убѣждалъ его остаться до времени
въ землѣ родной , чтобы утвердить въ ней благи-
ми обычаями вѣру Христіанскую . Послушался сми-
ренный и , обходя грады и веси , повсюду водво-
рялъ благочестіе , изцѣляя болящихъ муромъ , ис-
текшимъ отъ мощей родительскихъ . Временно оста-
вался онъ въ лаврѣ Студеницы , но началъ воздви-
гать и собственную обитель вознесенія въ Жид-
чахъ , которая въ послѣдствіи сдѣлалась каедрю
независимой Архіепископїи Сербской . Слово его
смирало суровыя сердца сопредѣльныхъ власти-
телей Болгарїи , а непокорныхъ сражалъ онъ ду-
хомъ устъ своихъ , какъ нѣкогда верховный Апо-
столь . Одинъ изъ Князей Болгарскихъ , славившій-
ся своею жестокостію , не захотѣлъ внять убѣжде-
ніямъ Святаго ; когда же удалился онъ , отрясши
прахъ отъ ногъ своихъ , въ ту же ночь скончался
Властитель , съ воплями но уже тщетно , призывая
имя его ; спасительный страхъ прошелъ по всей
землѣ Болгарской ,

Умиротворивъ землю отеческую , любитель без-
молвіи Савва возвратился опять на Св. гору , но

уже не въ прославленный имъ Хиландарь, а въ удивительную келлію на Кареи, гдѣ строго соблюдалъ восточескій уставъ свой. Между тѣмъ милостыня его сыпалась на обители Аѳонскія; услышавъ, что малде братство Каракальской обители подпало въ зависимость великой лавры Аѳанасіевой, потому что она искупила его изъ плѣна морскихъ хищниковъ, Савва уплатилъ долгъ лаврѣ и возвратилъ независимость Каракаллѣ; онъ подалъ руку помощи и для сооруженія новой обители Филоея, благочестивому иноку Діонисію, и обновилъ въ Ксиропотамской обители, ограбленную разбойниками церковь сорока мучениковъ. Потомъ имѣя нужду, для дѣль собственной лавры Сербской, идти къ Императору и Патріарху, обитавшимъ уже въ Никее послѣ раззоренія Латинскаго, онъ воспользовался милостию родственнаго ему Кесаря Теодора Ласкаря, чтобы устроить полезное и для своего отечества. Савва испросилъ, хотя и съ большими усиліями, у престола Константинопольскаго, независимаго Архіепископа Сербской землѣ, съ правомъ рукоположенія отъ собственныхъ Епископовъ, по смутнымъ обстоятельствамъ времени и трудности пути. Самъ онъ, противъ своего желанія, былъ избранъ и посвященъ въ перваго Архіепископа Пекскаго, на правахъ бывшей самобытной кафедры новой Иустиніани, которую основалъ въ Ахридѣ великій Императоръ, дабы прославить мѣсто своего рожденія. Возвращаясь на родину, гдѣ надлежало ему святительствовать, чрезъ Аѳонскую свою

лавру, съ великою скорбію оставилъ онъ пустыню, бывшую свидѣтельницею его духовныхъ подвиговъ; со слезами провожали его Протъ и настоятели Аѳонскіе на пути въ Солунь, гдѣ остановился на время въ своей обители.

Радостно встрѣтили Савву сыновья Властителя Сербскаго, на предѣлахъ своей земли, самъ же Властитель лежалъ на одрѣ болѣзненномъ; но возложеніе освященныхъ рукъ братнихъ исцѣляло его. Вскорь, утвердившись на своей каедрѣ, помыслилъ новый Архіепископъ вѣнчать на царство брата, для возвеличенія его державы, и помазавъ его мромъ, возложилъ на главу вѣнецъ принесенный имъ изъ Царьграда; посему сохранилось Стефану названіе первовѣнчаннаго Краля, въ отличіе отъ его предковъ и потомковъ. Возбудилась зависть Краля Угорскаго, вѣстію о нечаянномъ возвеличеніи сосѣдняго ему Властителя; онъ уже хотѣлъ воздвигнуть противъ него оружіе, но Савва явился миротворцемъ въ станъ царскій, и утолилъ Христіанскими рѣчами гнѣвъ державнаго; самъ же обошелъ опять всѣ предѣлы своей архіепископіи, повсюду исправляя нравы и водворяя благочестіе. Спасительно было пришествіе его для родной земли, потому что Стефанъ братъ его вскорь преставился, не успѣвъ назначить по себѣ преемника, и могли возникнуть крамолы семейныя. Скорбѣлъ духомъ Савва, когда достигла до него вѣсть о преждевременной кончинѣ братней, тѣмъ болѣе что не исполнилъ желанія его, во время послѣдней бо-

лвѣши, постричь его въ иноческій образъ; но, исполненный вѣры въ Господа мертвыхъ и живыхъ, Савва облекъ усопшаго въ желанную скину и далъ, именемъ его, благословеніе на царство старшему сыну Радиславу. Онъ положилъ новаго Симеона близъ аввы отца ихъ, въ обители Студеницъ, и вѣнчалъ племянника Кралемъ Сербскимъ.

Тогда пожелалъ Святитель исполнить давнее желаніе своего сердца, возникшее еще въ пустынь Аѳонской, поклониться святымъ мѣстамъ Палестинскимъ и гробу Искупителя. Изъ пристани Далматской отплылъ онъ и благополучно совершилъ морской путь до Акры. Съ любовію принялъ его Патріархъ Іерусалимскій Аѳанасій и благословилъ святынею многихъ мощей; въ лавръ же соименнаго ему Саввы, братія вручила ему жезлъ пастырскій своего аввы, по древнему завѣщанію, переходившему у нихъ изъ рода въ родъ, дабы жезлъ сей отданъ былъ никому иному кромѣ Святителя, носящаго имя Саввы: до сихъ поръ посохъ хранится въ одной пустынной келліи Аѳона, называемой Патерица. На обратномъ пути святыи паломникъ посетилъ Императора Греческаго Іоанна Ватацеса, въ Никеи, и получилъ отъ него драгоценные дары, для обители Хиландарской: евангеліе харатейное отъ Іоанна и большую часть животворящаго древа, которые положилъ тамъ, проходя чрезъ Св. гору въ свое отечество. — Опять присутствіе его оказалось необходимымъ для Сербіи, потому что Савва былъ жизненнымъ сою-

зомъ, связывавшимъ во едине не только всѣ части родной земли, но и сопредѣльныя съ нею державы; отъ того и все житіе его есть лѣтописный отрывокъ исторіи Славянской.

Краль Радиславъ внезапно, не спрося его совѣта, постригся въ монашество, предоставивъ царство брату младшему Владиславу. Святитель, хотя и недовольный такимъ безвременнымъ отреченіемъ, вначалѣ другаго племянника сперва на царство, а потомъ ввиду брачнымъ, съ избранною имъ для него невестою, дочерью могущественнаго Асена, Краля Болгарскаго: такимъ образомъ трехъ властителей возвелъ онъ торжественно на престолъ Сербіи и, обойдя въ послѣдній разъ всѣ предѣлы отечественные, пожелалъ окончить дни свои, странствуя по святымъ мѣстамъ. Онъ поставилъ на свое мѣсто Архіепископомъ Пекскимъ ученика своего Арсенія, причисленнаго Церковію также къ лику Святыхъ, а самъ отплылъ опять изъ Далматіи, съ большою милостынею для Востока. Морскіе разбойники, слышавшіе о его плаваніи, хотѣли подстеречь его въ заливѣ, но внезапная мгла осѣнила корабль и спасла Савву отъ ихъ рукъ, ихъ же самихъ отъ вѣчной смерти; ибо тронутые симъ чудомъ обратились къ покаянію, испросивъ себѣ разрѣшенія у Святителя. — Тотъ же Патріархъ Аванасій встрѣтилъ съ любовію знакомаго ему путника во Св. градѣ; Савва обошелъ всѣ окрестныя пустыни, посѣтилъ гору Синайскую и два другихъ Патріаршихъ престоловъ, Александріи и Антиохіи, всюду сопровождаемый благословеніями,

при глубокомъ уваженіи Султановъ Сарацинскихъ, Египта и Дамаска, къ державному Святителю мощнаго племени Славянскаго. Онъ возвратился чрезъ великую Арменію и Трапезунтъ, гдѣ царствовали родственные ему Комнины, и уже болящій приплылъ въ Царьградъ, обладаемый тогда Франками, въ свой монастырь Богоматери Евергетисы, или благотельницы.—Спустя краткое время, оправившись отъ недуга, поѣхалъ въ Тырновъ къ свату своему, Кралю Асену Болгарскому и Патріарху Іоакиму, гдѣ постигла его кончина.

Труженикъ разболѣлся вскорѣ послѣ праздника Богоявленія, на коемъ уступилъ ему Болгарскій Патріархъ старѣйшинство для освященія воды. Асенъ былъ въ отсутствіи на ловль; не велѣлъ тревожить его умирающій Савва, осѣнивъ заочно благословеніемъ, равно какъ и племянника своего, Краля Владислава, и Архіепископа Арсенія. Самъ Патріархъ омылъ тѣло святителя Сербскаго и положилъ во гробъ; возвратившійся Асенъ скорбѣлъ, что уже не засталъ его въ живыхъ, и велѣлъ погребсти съ чрезвычайнымъ великолѣпіемъ, въ царской обители Тырновской сорока мучениковъ. Общій плачъ распространился по всей землѣ Сербской, при горькой вѣсти о кончинѣ ея великаго пастыря. Краля Владиславъ умолялъ тестя своего Асена уступить ему нетлѣнныя мощи родственнаго Архіепископа, но не хотѣлъ внимать мольбамъ его Асенъ, доколь въ сонномъ видѣніи не предсталъ ему самъ усопшій, и не велѣлъ исполнить желанія зятя. Под-

выглась вся земля Сербская, съ Кралемъ своимъ и Архіепископомъ, для торжественнаго перенесенія мощей святаго. Владиславъ положилъ его во вновь устроенной имъ обители Милошевѣ; непрестанныя исцѣленія ознаменовали святость угодника Божія; но и въ Тырновѣ, надъ бывшимъ его гробомъ, многія знаменія утѣшили землю Болгарскую, уступившую такое сокровище. Савва и отецъ его, царственный инокъ Симеонъ, часто являлись предъ полками ратныхъ, осѣняя дружины Славянскія противъ полчищъ Агарянскихъ, и досель усердно притекають къ ихъ заступленію современники Сербы и Болгаре: вотъ краткій очеркъ ихъ земнаго подвига.

Скажу нѣсколько словъ о событіяхъ лавры Хиландарской, какія записаны въ книгѣ ея знаменитаго игумена Данила, и что слышалъ отъ ея старцевъ. — Замѣчательно, что самъ первоствовавшій Протъ и прочіе настоятели Аѳонскіе убѣдили Сербскихъ державныхъ иноковъ, устроить обитель собственно Славянскую, гдѣ бы прославлялось имя Божіе на ихъ родномъ языкѣ, по примѣру двухъ другихъ Аѳонскихъ обителей, Ивира и Амалфійскаго, гдѣ служба совершалась на Грузинскомъ и Латинскомъ языкахъ. И такъ въ 1196 году, не смотря на разрывъ Легатовъ папскихъ съ Патріархомъ Кируларіемъ, существовала обитель, собственно Латинская на Св. горѣ, ввѣроятно со всеми обрядами западными; и она теряется изъ вида только послѣ крестовыхъ похо-

довъ и нашествія Каталанцевъ, разорившихъ Аеоны. Вотъ какая была терпимость на Востокъ и какъ несправедливо обвиняютъ Римляне, въ разрывъ съ ними, Патріарховъ Фотія и Кируларія! Комнинъ младшій укрѣпилъ хрисовулами основное учрежденіе обители, Императоръ Андроникъ Палеологъ подтвердилъ ихъ новыми, ради зятя своего Краля Стефана Уроша Милутина, который былъ вторымъ игиторомъ лавры, сто лѣтъ послѣ Симеона, въ 1300 году. Царственный благодѣтель какъ бы почувствовалъ страшныя бѣдствія, которыми долженствовала подвергнуться въ эту годину вся Св. гора отъ морскихъ грабежей Каталанцевъ, которые три года и три мѣсяца владѣли ею, разоряя всѣ обители; одна только Хиландарская была имъ недоступна, крѣпостію своихъ башенъ и мужествомъ своего настоятеля Архіепископа Сербскаго Данила: ибо онъ выдержалъ въ ней, съ малою дружиною, трехлѣтнюю осаду и не только спасъ лавру, но и разбилъ нѣсколькихъ именитыхъ вождей Каталанскихъ и доспѣхи ихъ послалъ въ Сербію. Видя однако запустѣніе всѣхъ обителей и опасаясь голода, такъ какъ въ Хиландаръ заключились многія семейства отъ меча варваровъ, Данилъ отважился пройти сквозь непріятельскія шайки, разсѣянная по окрестностямъ, чрезъ перешеекъ Аеоискій и Македонію въ свою землю, и возвратился оттоль съ новыми запасами хлѣба, оружія и ратныхъ. Въ его отсутствіе едва не овладѣли лаврою Каталанцы. Мужественный настоятель одушевилъ опять

воиновъ и отразилъ нападенія, такъ что враги принуждены были отступить. Однако великій мужъ едва не сдѣлался жертвою своей отважности, когда воспользовался краткою тишиною, чтобы посетить обитель Русскую на верху Св. горы. Два измѣнника иноки донесли о его тайномъ странствіи, и сами проникли въ Русикъ, чтобы выдать его врагамъ и открыть врата монастырскія. Но пронипательный Давидъ понялъ ихъ коварство; когда они подвигались вмѣстѣ съ нимъ на пиргъ преподобнаго Саввы, самъ онъ заключилъ ихъ въ церкви и, возбудилъ братію къ защитѣ, показавъ имъ враговъ тайно подступившихъ къ монастырю. Послѣ кровопролитной сѣчи бѣжали Каталанцы, уступивъ доблести иноческой, предводимой такимъ вождемъ. Давидъ успѣшилъ удалиться чрезъ Ксиропотамъ, облагодѣтельствованный Саввою, и невредимо возвратился въ Хиландарь, гдѣ уже оставался безвыходно, доколь Сербскіе полки, соединенные съ Греческими, не принудили варваровъ Каталанскихъ бѣжать съ горы Аѳонской.

Самымъ цвѣтущимъ временемъ для лавры Сербской было пришествіе, въ 1348 году, славнаго Царя Стефана Душана, который именовался Самодержцемъ Грековъ, Сербовъ и Болгаръ. Опъ оставался въ ней болѣе четырехъ мѣсяцевъ, обошелъ все ея предѣлы, съ Протомъ и игуменами Аѳона, и утвердилъ все ея достояніе хрисовуллами, коихъ сохранилось тамъ до двадцати. Можно сказать, что Стефанъ далъ на время перевѣсъ народности Сла-

вижской предъ Греками на Св. горы, потому что во всѣхъ монастыряхъ настаивалъ, дабы богослуженіе было на языкъ Славянскомъ, а нѣкоторые изъ нихъ, какъ напримѣръ Ксепофъ и Св. Павла, сдѣлали совершенно Славянскими. Но вскоре все это исчезло съ могуществомъ династіи Цезаричей, прекратившейся въ сынъ его Урошъ, и особенно послѣ конечнаго раззоренія земли Сербской, на Косовъ полъ, при Князѣ Лазарѣ. Обитель лишилась почти всѣхъ достояній въ Македоніи, разхищенныхъ Турками, какъ это явствуетъ изъ милостынныхъ грамотъ, послѣдовавшихъ Деспотсвъ или Князей, бѣдственныхъ останковъ славнаго царства Стефановъ. Тогда лавра Хиландарская обратилась къ новому свѣтилу, возсіявшему на сѣверѣ; она прибѣгла къ защитѣ Царя Іоанна Васильевича, и Царь нашъ, какъ великій благъдѣтель единоплеменниковъ, принялъ ихъ подъ свою высокую руку, ибо уже не имѣли ни отколѣ помощи съ паденіемъ Сербскаго государства. Онъ даровалъ имъ въ вѣчный поминокъ, подворье въ Москвѣ въ 1576 году, на прокормленіе и вспоможеніе во всякихъ скорбяхъ, по словамъ его грамоты.

Замѣчательна отвѣтная грамота Хиландарская, въ которой вспоминая все милости и даванія царскія, иноки молятъ еще укрѣпить стѣны обители и испросить у Султана Мурата позволеніе перенести изъ Сербіи мощи втораго ктитора Краля Милутина въ созданную имъ церковь, заключаютъ же пламенными мольбами, дабы Богъ покорившій ему

царства Казанское и Астраханское, ради его благодаренія къ единовѣрнымъ, покерялъ бы и весь дымъ Агарянской подъ ноги его. Грамата Царя Іоанна подтверждена была въ свое время, Царями Феодоромъ Іоанновичемъ, Борисомъ Годуновымъ и благословеннымъ домомъ Романовыхъ, начиная отъ Патріарха Филарета. Царь Алексій Михайловичъ занесалъ, въ поманникъ лавры, всѣхъ своихъ предковъ и присныхъ, которые и доселѣ тамъ поминуются. Но въ малолѣтство Царей Іоанна и Петра, при Патріархѣ Іоакимѣ, отобрано было сіе подворье, для Патріаршихъ пчелъ, и въ замѣнъ положено отпускать по сту рублей милостыни, что и донныиъ производится. Положеніе обители убого, несмотря на большіе участки земли на самой горѣ Аеоновской, такъ какъ она не владѣетъ никакимъ имуществомъ въ княжествахъ, отколѣ истекаютъ всѣ доходы для обителей Св. горы.

Въ послѣднихъ годахъ XVII столѣтія до такого изнеможенія дошелъ Хиландарь, по умноженію долга, что даже временно опустѣлъ и затворены были его врата, доколѣ не нашелся благочестивый купецъ Венеціанскій, родомъ Сербъ, который вызвался торжественно въ Карси, уплатить всѣ долги обители, и дѣйствительно заплатилъ всѣмъ займамъ. Самъ онъ постригся въ монахи, въ искупленной имъ обители, и доселѣ священна память усерднаго инока Никанора, совершаемая ежегодно соборною панихидой. Но хотя былъ уплаченъ долгъ, нечѣмъ было содержать братіи, и ей сдѣла-

лось необходимою ходить за милостынею по
всѣмъ предѣламъ Сербіи и Болгаріи: отъ сего
нарушился уставъ общежитія, такъ какъ иноки,
привыкнуши къ жизни скитальческой, не могли
уже на старости лѣтъ возвратившись въ обитель,
подчиняться строгому уставу Св. Саввы. — Въ
1722 году страшный пожаръ опустошилъ полови-
ну обители; сгорѣли келліи восточныя, западныя
и южныя, но сохранился соборъ, хотя многія се-
кровища церковныя и хрисовуалы погибли въ
ризницѣ монастырской. Лавра обновилась мило-
стынею Болгарскою, и это дало рѣшительный пе-
ревѣсъ народности Болгаровъ противъ Сербовъ; но
не возстановилось ея прежнее величіе, потому что
усердіе Сербовъ къ ней охладѣло и она какъ бы
престала быть ихъ народнымъ святилищемъ. —
Вотъ тѣ свѣдѣнія, какія я могъ собрать для васъ
о сей знаменитой обители, которую грустно видѣть
въ такомъ упадкѣ. Но уже глухая полночь, и
завтра надобно думать о дальнѣйшемъ пути, послѣ
ранней литургіи.

ПИСЬМО XII.

ЗОГРАФЪ.

Зографъ 24-го Августа, 1849.

Сегодня праздникъ Святителя Петра, первопрестольника Московскаго, и я пишу къ вамъ изъ обители Болгарской Зографа, гдѣ отнынѣ будетъ также праздноваться день сей, навсегда для нихъ памятный. Нынѣ, совершенно нечаянно и единодушно, устроилось здѣсь общежитіе, котораго безъ успѣха домогались болѣе двухъ лѣтъ, несмотря на всѣ старанія знакома нашего Архимандрита Анатолія, недано усопшаго. Промыслъ Божій устроилъ въ свое время то, чему надлежало быть, и мнѣ желательно, чтобы икона предстателя нашего осынила благословеніемъ, отъ мощей его, соплеменную намъ обитель, утѣшенную радостнымъ со-

бытіемъ въ день его памяти. Расскажу случившееся и вы подивитесь, но и конечно порадуетесь вмѣстѣ съ нами.

Я оставилъ Хиландарь съ благословіемъ Епитроповъ для меня драгоценнымъ, иконою ихъ царственныхъ ктиторовъ Саввы и Симеона, которую утѣшительно было мнѣ получить на мѣстѣ ихъ подвига, какъ бы отъ лица ихъ самихъ. Два инока Сербскіе меня провожали, на крѣпкихъ мулахъ монастырскихъ, по трудной стезѣ, потому что тутъ надобно было перевалиться черезъ хребетъ Аѳона на западную его сторону; круты были подъемы и спуски, поросшіе вѣковыми соснами. Въ лѣво, на вершинѣ горной, указали мнѣ скитъ Троицкій, теперь уже заустѣвшій, по оскуднѣнію иночествующихъ въ Хиландарь; но обширность его владній меня изумила, свидѣтельствующая о царскихъ щедротахъ Стефана Душана сильнаго. Почти до самой долины Зографской все принадлежитъ облагодѣтельствованной имъ лаврѣ Сербской, такъ что и воды западнаго залива уже намъ открылись съ высотъ, а мы еще все ѣхали по землѣ Хиландарской; не малое это искушеніе для сосѣднихъ обителей, которыя были обрѣзаны для возвеличенія одной и уже теперь не въ силахъ возратить прежняго достоянія; иные однако еще спорятъ за прежнія права. По мѣрѣ приближенія къ Зографу мѣстность становилась болѣе дикою, но растительность была самая роскошная; живописно раскинулись вѣковые дубы, яворы и липы, по обрывамъ овра-

говъ. Мы спустились въ ущелье и мнѣ указали на противоположной сторонѣ, въ густой чащѣ, дикій вертепъ пустытника Космы, здѣсь снасавшагося въ XIV столѣтіи. Далѣе, на вершинѣ отдѣльнаго холма, какъ призракъ блеснула малая церковь, знаменующая мѣсто, гдѣ остановилась чудотворная икона Великомученика; когда же, переѣхавъ глубокое ущелье, мы стали подыматься по насыщенной въ камняхъ дорогѣ, звукъ колокола возвѣстилъ намъ близость обители, прежде нежели сама она показалась изъ чащи надъ пропастью, осыпанная благоуханною зеленью своей дубравы.

Съ крестомъ и иконами встрѣтила меня вся братія Зографская и повела торжественно въ храмъ Св. Георгія, для соборнаго молебна Великомученику. Не удивитесь такимъ необычайнымъ почестямъ, не подобающимъ мирянамъ. На Востоцѣ, при оскуднѣніи болѣе или менѣе почетныхъ посѣтителей, чрезмерно радуются прѣшествію Русскихъ епископовъ и стараются всеми средствами доказать свою любовь къ ихъ великой державѣ; здѣсь, по каноническому выраженію, почеть воздаваемая лицу, восходить къ первообразу, и это я вамъ объясняю для того, чтобы послѣдующее не показалось вамъ страннымъ, такъ какъ я долженъ вамъ сказать о событіи, которое необходимо запишется въ церковныхъ актахъ Афонскихъ и даже Патріаршихъ. Была и другая причина, почему приняло меня съ особенною почестью братство Зографское, кромѣ благодарности Россіи за возвраще-

ніе игуществъ Бессарабскихъ. Нѣскольکو дней предъ тѣмъ, Посланникъ нашъ, поестившій вмѣстѣ со мною нѣкоторыя обители Святой горы, какъ бы въ числѣ моихъ спутниковъ, потому что хотѣлъ скрыть свое имя, пріѣхалъ сюда съ прочими членами миссiи, уже безъ меня, и объявилъ о моемъ скоромъ прибытіи. Немогло однако здѣсь утаиться лице его, слишкомъ извѣстное въ Царьградѣ, но его узнали слишкомъ поздно чтобы воздать ему подобающую почесть. Совершенно смерклось, когда онъ возвращался, такъ что съ факелами провожали его до пристани, гдѣ ожидалъ его военный корветъ, и весьма естественно, что братія хотѣла вознаграить въ лицѣ моемъ то, чего не успѣла для него сдѣлать: вотъ почему я могъ имѣть нѣкоторое вліяніе на рѣшеніе братства Зографскаго.

Во вратахъ обители, привѣтствовалъ меня маститый девяносто-лѣтній старецъ, отецъ Викентій, который сдѣлался моимъ руководителемъ по знанію имъ Русскаго языка, и такъ какъ въ церкви онъ занималъ всегда первое мѣсто, то сперва я даже принялъ его за игумена. На слѣдующее утро, хотя и въ будни, литургія совершалась для большей торжественности въ соборѣ, по доброму ко мнѣ расположенію братiи; но грустно было слышать здѣсь, какъ и въ Хиландарѣ, подражаніе Грекамъ въ напѣвѣ, съ носовыми удареніями голоса, которыя искажали красоту Славянскаго языка до того, что и самыя слова дѣлались непонятными.

Я замѣтилъ это еще въ храмѣ отцу Викентію, зна-
комому съ красотою нашего церковнаго пѣнія, и
спросилъ: какъ можетъ ухо его переносить такіе
несвойственные Славянскому языку звуки, тѣмъ
болѣе, что есть собственно Болгарскіе напѣвы,
весьма пріятные? Онъ отвѣчалъ, что давно о томъ
сокрушается и старался ввести въ своей обители,
но не въ силахъ, потому что нѣтъ у нихъ настоя-
щаго управленія, по неимѣнію общежитія; долго
объ немъ старались и уже потеряли надежду со
смертію отца архимандрита Анатолія. Однако онъ
просилъ меня поговорить о пѣніи и о желанномъ
общежитіи, съ старшею братію послѣ литургіи, и
дѣйствительно собралъ для сего въ пріемную залу
весь соборъ обители Зографской.

Поговоривъ съ ними о напѣвѣ церковномъ, я
спросилъ: какого игумна Дамаскина поминали на
эктеніяхъ? Тогда одинъ изъ нихъ, смиренно си-
дѣвшій третьимъ въ кругу братій, всталъ и ска-
залъ: «Я Дамаскинъ, только по имени игу-
менъ, временно принялъ на себя это званіе». —
«Но развѣ не вы настоятель обители?» спросилъ я
сидѣвшаго подлѣ меня отца Викентія? «Нѣтъ от-
вѣчалъ старецъ, я простой монахъ и пользуюсь
здѣсь только старшинствомъ по моимъ лѣтамъ,
оттого что много хлопоталъ о дѣлахъ монастыр-
скихъ». — «А мнѣ казалось, что вы по крайней мѣ-
рѣ эпитропъ, возразилъ я, такъ какъ они изби-
раются въ штатныхъ монастыряхъ изъ не посвя-
щенныхъ монаховъ; но кто же у васъ настоящій

игумень»? Тогда съ прискорбіемъ отвѣчалъ мнѣ Дамаскинъ: «есть у насъ настоящій игумень, котораго всѣ единодушно избрали и желаютъ имѣть, какъ единственнаго чловѣка, могущаго возстановить порядокъ, но онъ уже два года отрекается отъ сего званія, подъ предлогомъ болѣзни, и меня убѣдила братія на время заступитъ его мѣсто, надѣясь еще склонить его мольбами. Мы хотѣли завести общежитіе, по древнему чину, которое разстроилось во время оскуднѣнія обители и теперь можетъ опять возстановиться при новыхъ ея средствахъ; есть еще и опытные старцы съ голосомъ, которые того желаютъ; но боимся несогласія Грековъ, въ общемъ собраніи на Кареи, и какъ бы не воспротивился Патріархъ дать намъ благословенную грамоту, потому что мы хотимъ исключить изъ нашего устава страшныя анаѣмы, падающія на несоблюдающихъ каждой его іоты; это невозможно для нѣкоторыхъ изъ нашихъ старцевъ, привыкшихъ къ иному образу жизни, и вотъ причина замедленія. Безъ главы что можемъ мы сдѣлать? едва лишь, и то съ трудомъ, учредили общую трапезу. Отецъ Иларіонъ одинъ въ состояніи все это устроить». — Тоже подтвердила и вся братія.

Пока мы бесѣдовали, взошелъ въ гостинную келлію старецъ почтеннаго вида, съ ангельскимъ спокойствіемъ на лицѣ, въ грубой одеждѣ, и послѣ обычнаго привѣтствія сѣлъ подлѣ меня; замѣтно было общее къ нему уваженіе. Отецъ Викен-

тій назвавъ его Иларіономъ , и когда онъ началъ извиняться предо мною , что не встрѣтилъ меня макануть съ братією , я спросилъ его: «для чего отказывается отъ настоятельства обители , когда отъ этого зависитъ ея благосостояніе и не можетъ иначе устроиться въ ней общежитіе?» Отецъ Иларіонъ сталъ оправдываться своею немощію , но я старался убѣдить его : «что въ случаѣ болѣзни можетъ отказаться , если дѣло будетъ уже устроено , или по крайней мѣрѣ положено ему начало.» Тогда видя , что все зависитъ отъ одной благоприятной минуты , обратился я къ братіи и спросилъ : «кого желаютъ они имѣть у себя игуменомъ?»— Всѣ единогласно воскликнули : «отца Иларіона!» и бросились къ нему въ ноги : эта минута была умилительна до слезъ. Иларіонъ хотѣлъ еще отрезаться , но ему не дали времени ; ударили въ колоколъ , чтобы всѣ собрались въ церковь . Какъ только послышался звонъ , отовсюду братія устремилась въ храмъ . вмѣстѣ съ отцемъ Викентіемъ , мы взяли подъ руки отца Иларіона и повели его въ церковь ; бывшій игумень Дамаскинъ и писмоходитель Анеимъ вынесли изъ алтаря посохъ и мантию архіерейскую , которую по обычаю Аѳонскому носятъ всѣ настоятели обителей ; вся братія превозгласила его игуменомъ и , поставивъ на игуменское мѣсто , начала подходить къ благословенію.—Не забудьте , что здѣсь не былъ нарушенъ порядокъ церковный , потому что на Святой горѣ избраніе и поставленіе настоятеля предоставляемо

отъ Патріарха власти каждаго монастыря. Все совершилось въ нѣсколько минутъ и такъ неожиданно, что самъ Иларіонъ, не опомнившись еще отъ изумленія, стоялъ безответный на своей каедрѣ.

«Что вы со мною сдѣдали»? спросилъ меня наконецъ старецъ, когда кончилось краткое молитвословіе и онъ, уже сложивъ съ себя мантию, выходилъ изъ церкви.—«То что давно надлежало вамъ самимъ сдѣлать, отвѣчалъ я, потому что теперь обитель ваша можетъ надѣяться на общежитіе, безъ котораго она разорилась бы въ конецъ, по смерти опытныхъ вашихъ старцевъ; посмотрите на бѣдствующій Хиландарь.»— «Это правда, возразилъ Иларіонъ, но въ Протатъ не согласится на общежитіе и мы встрѣтимъ много препятствій. Вы убѣдили меня принять настоятельство, окончите начатое дѣло и пособите намъ на Кареи и у Патріарха въ Царьградѣ». Я обѣщалъ ему содѣйствовать сколько могу, и надѣюсь на успѣхъ, потому что нѣтъ никакой благовидной причины къ отстраненію желанія столь благочестиваго; просилъ только поспѣшить написать правила общежитія и привести ихъ въ Карею, ко времени моего возвращенія, послѣ обзора остальныхъ обителей Св. горы, такъ чтобы я могъ лично ходатайствовать объ утвержденіи устава. Утѣшенный Иларіонъ пригласилъ меня къ себѣ въ келію и благословилъ, въ память событія, взявшею складною иконой, лучшей рѣзьбы Аѳонской, такъ какъ этимъ искусствомъ искони славится Св. гора; а я, въ свою очередь, обѣщалъ ему, также на память

сего дня, празднующаго Святителю Петру Митрополиту Московскому, испросить и доставить икону Чудотворца, дабы праздникъ его ежегодно совершался въ Зографъ.

Вотъ я рассказалъ вамъ все бывшее чистосердечно. Теперь опишу нѣсколько и самую обитель, коснувшись слегка ея исторіи, которая однако менѣе известна нежели лѣтопись Хиландарская, потому что съ лаврою Сербскою тѣсно связана судьба царства и династіи Неманичей. Преданіе мѣстное приписываетъ основаніе Зографа тремъ именитымъ братіямъ, изъ Ахриды Болгарской, отъ рода Царя Іустиніана, во дни Льва премудраго Императора Греческаго, то есть въ IX вѣкѣ, которые тутъ поселились на трехъ отдѣльныхъ столпахъ. Они хотѣли соорудить храмъ, во имя Святителя Николая или Климента Ахридскаго, Апостола Славянъ, но еще не могли согласиться между собою, хотя уже приготовили доску для начертанія лика угодника Божія, когда однажды увидали, что на ней чудно написанъ образъ Великомученика Георгія. Утѣшенные столь радостнымъ явленіемъ братья, соорудили во имя его обитель, которая прозвалась отъ сей иконы Зографъ, т. е. живописная. Въ то же время исчезла въ Лидѣ Палестинской, надъ гробомъ Великомученика икона его, къ которой притекали все окрестныя страны, и монашествующіе той обители, тѣснимые Сарацинами, оставили родную страну для сѣвернымъ болѣе мирныхъ предѣловъ; но сколь велико было ихъ изу-

мленіе, когда внезапно обрѣли на Св горѣ ту самую икону ихъ покровителя, которая какъ бы нарочно скрылась въ Палестинѣ, чтобы привлечь ихъ самихъ въ иное мирное пристанище. Я вамъ рассказываю преданіе обители, записанное впрочемъ въ ея актахъ; оно гласитъ также, что услышавъ о чудѣ, Императоръ Левъ премудрый и Царь Болгарскій Іоаннъ, пришли поклониться Св. иконѣ и утвердили своими грамотами монастырь. Но истиннымъ благодѣтелемъ Зографа былъ другой Іоаннъ Царь Болгарскій, Каломанъ Асень, отъ котораго есть нѣсколько хрисовуль XIII вѣка, потому что онъ принималъ живое участіе въ соплеменной его царству обители Аѳонской. Въ XV столѣтіи явился еще благодѣтель Зографу, Стефанъ, знаменитый воевода Молдовлахійскій, много ратовавшій противъ Турковъ и всегда побѣдоносный. Однажды только, когда окружили его несмѣтныя полчища цевѣрныхъ, онъ думалъ искать спасенія въ стѣнахъ крѣпости; но на стѣнѣ предстала ему мать и сказала: «не велю отворять тебѣ вѣрты, доколь не побѣдишь враговъ, потому что если не можешь устоять противъ нихъ въ полѣ, мало отъ тебя надежды и за стѣнами». Въ ту же ночь явился смятенному во снѣ Великомученикъ и обѣщалъ побѣду, но велѣлъ послать ту свою икону, которую всегда носилъ при себѣ Стефанъ, въ обитель Зографскую, и обновить ее послѣ запустѣнія. Какъ и когда она запустѣла неизвѣстно. Побѣда дѣйствительно увѣнчала оружіе Воеводы и онъ испол-

нилъ завѣтъ Великомученика, обновивъ великолѣпно его монастырь.

Та и другая икона висятъ до нынѣ на столбахъ предъ иконостасомъ, привлекая множество богомольцевъ; но правая, т. е. древнѣйшая, чувствуется болѣе, хотя обѣ лишены были своихъ великолѣпныхъ окладовъ въ 1821 году, при послѣднемъ опустошеніи Турками. Онѣ теперь облечены новыми, не столь драгоценными однако какъ первыя; помню, что Архимандритъ Анатолій собиралъ въ Россіи на ризы сихъ чудотворныхъ иконъ. Я съ утѣшеніемъ поклонился обимъ въ соборномъ храмѣ, который впрочемъ не представляетъ ничего особенно замѣчательнаго, потому что сооруженъ вновь въ 1801 году, по обыкновенной формѣ всѣхъ Аѳонскихъ. Вообще нѣтъ древнихъ храмовъ въ Зографѣ, и другая малая церковь успенія не старше 1764 года. Это та эпоха, когда обновлялись всѣ зданія на святой горѣ, а съ тѣхъ поръ монастырь пришелъ въ большой упадокъ, потому что значительное его имущество въ Бессарабіи, по слабому управленію, приносило малые доходы. По вступленіи Бессарабіи въ Россійское подданство, оно взято было въ вѣдѣніе епархіальнаго начальства, съ платою въ Зографѣ двойнаго противъ прежняго дохода; но монастырь не былъ тѣмъ доволенъ. Возвращеніе сего имѣнія опять въ полное распоряженіе Зографской обители поставило ее на ряду первостепенныхъ на Аѳонѣ, что весьма полезно для народно-

сти Болгарской. Многие изъ иноковъ Зографскихъ, часто посещая Россію по дѣлу объ имущество, получали въ ней образованіе и ознакомились съ нашимъ стройнымъ богослуженіемъ. Оттого есть въ этой обители люди, изъ которыхъ можно устроить твердое общежитіе и надѣяться на успѣхъ въ будущемъ, чего къ сожалѣнію нельзя ожидать въ Хиландарѣ, отъ оскудѣнія такого рода людей.

Преданіе, о нашествіи Императора Михаила Палеолога и Патріарха Векка на Аѳонъ, еще живѣе въ Зографѣ нежели гдѣ-либо: тутъ у Св. воротъ показываютъ даже мѣсто башни, гдѣ мученически сгорѣли двадцать пять иноковъ и пятеро мірянъ, которые предпочли огненную смерть отреченію отъ православія; объятые пламенемъ предали души Богу, во исповѣданіи вѣры отеческой, обличая до послѣдней минуты заблужденіе отступниковъ. Имена ихъ бывшаго настоятеля, Варсанофія, и прочихъ, записаны въ синодикъ и память ихъ совершается ежегодно 10 Октября; но, какъ я уже говорилъ прежде, здѣсь должно разумѣть опустошительный набѣгъ Каталандцевъ на Св. гору, а если гоненіе Палеолога, то не личное, такъ какъ самъ онъ не былъ на Аѳонѣ. На вратахъ обители изображенъ, къ крайнему огорченію Латинскихъ посѣтителей, самъ Папа, въ полномъ облаченіи, съ своею стражею въ Австрійскихъ мундирахъ, разжигающихъ пламень около башни, съ вершины коей мужественные исповѣдники ихъ обличаютъ; это оттого что есть, въ библіотекахъ Аѳонскихъ, сти-

хотворная книга одного безименнаго автора, которая пользуется большою довѣренностію. Тамъ написано, будто, послѣ Флорентинскаго собора, за годъ до взятія Турками Царьграда, Папа Николай V самъ приплылъ съ галерами къ столицѣ, для побужденія къ уніи, но не принятый народомъ, долженъ былъ со стыдомъ отплыть къ островамъ Принцевымъ, въ ожиданіи рѣшительнаго отзыва отъ правительства. Когда же не получилъ желаемого, опустошилъ ради мщенія островъ Халки и на обратномъ пути, захвавъ на Св. гору, совершилъ тамъ все, что приписываютъ Императору Михаилу Палеологу и Патріарху Векку, и тогда же выжегъ Зографъ, за упорство его иноковъ.

Въ тотъ же вечеръ посѣтилъ я съ старшею братіею новую церковь, сооружаемую на противоположной сторонѣ оврага, на высокомъ холмѣ, гдѣ по преданію остановилась третія икона Великомученика. Она принесена была, волною морскою, къ берегу у Ватопеда и, какъ всѣ обители желали имѣть ее у себя, то по общему совѣту рѣшено было возложить ее на необузданнаго мула, пустивъ его на свободу, дабы видѣть гдѣ назначено ей будетъ мѣсто упокоенія. Замѣчательно, что всѣ три иконы Св. Георгія, такъ какъ вообще всѣ древнѣйшія его изображенія, никогда не представляютъ Великомученика на конѣ, въ видѣ рыцаря среднихъ вѣковъ, а просто съ копьемъ въ рукахъ въ брочѣ воинской, въ совершенно спокойномъ положеніи, какъ подобаетъ изображать угодниковъ

Божіихъ, наслаждающихся вѣчнымъ покоемъ. Мы чтимъ Великомученика, не какъ побѣдоноснаго всадника, но какъ подвижника Христова, побѣдившаго міръ вѣрою. Священная старина быда внимательнѣе къ такимъ предметамъ, по видимому малымъ, но въ сущности довольно важнымъ. Обширный очаровательный видъ открывается съ вершины холма на всю лѣсистую окрестность, на глубокую долину Зографа и на дальнее море, которое тихо и величаво качалось на горизонтѣ, какъ бы проблескъ другаго міра, а вечернее солнце ярко румянило весь этотъ чудный небосклонъ. — Здѣсь хотятъ устроить малое училище для юношей Болгарскихъ, приходящихъ въ обитель, и это весьма будетъ полезно для Зографа, если изъ-подъ его сѣни будетъ проливаться просвѣщеніе духовное на родную ему страну, жаждущую сего свѣта.

ПИСЬМО XIII.

ДОХІАРЪ, КСЕНОФЪ, РУССИКЪ.

Руссикъ 29 Августа 1849.

Вотъ наконецъ я въ Русской обители Св. Пантелеймона или Руссикъ, какъ ее искони называютъ Греки, о которой такъ давно и много слышалъ, потому что это было первое гнѣздо Русскихъ иноковъ на Св. горѣ.—Для меня пріятно и то, что уже нѣсколько дней сряду не выхожу изъ родственной намъ стихіи Славянской, начиная отъ Хиландаря, и безпрестанно слышу богослуженіе на языкъ нашемъ, а это большое утѣшеніе на чужбинѣ; въ Русскомъ же монастырѣ еще отраднѣе внимать не только словамъ, но даже и напѣву собственно нашему. Когда, послѣ братской встрѣчи во вратахъ обители и Греческаго цнїя, «достойно

есть» въ соборъ Св. Пантелеймона, меня ввели въ новую церковь Святителя Митрофана, и тамъ раздалось стройное пѣніе ликовъ, какъ бы на святой Руси,—я заплакалъ: такъ живо проникли звуки сіи во глубину души! — да и можно ли быть не тронутымъ, встрѣтивъ этотъ Русскій оазисъ въ пустыни Аеонской? — Пятьдесятъ иноковъ собственно Русскихъ собрались въ монастырь, издавна носящемъ наше имя, в даже при церкви, посвященной новоявленному Чудотворцу нашего времени, въ честь коего еще и въ Россіи не много храмовъ, а уже на Аеонъ есть два. Я отдохнулъ душою въ Русскія и остался тутъ на три дня, чтобы отдохнуть тѣлесно, прежде нежели продолжать странствіе кругомъ Аеона.

Скажу вамъ о пути моемъ сюда изъ Зографа. Съ любовію проводила меня вся братія Болгарская, при пѣніи церковныхъ стиховъ, до креста, гдѣ совершаются обыкновенно литіи на выходахъ изъ монастыря: тутъ мы разстались, съ обѣщаніемъ встрѣтиться опять въ Карен. Прекрасная дорога, изсѣченная въ скалахъ усердіемъ отца Викентія, но обрыву живописнаго оврага, привела меня къ пристани или арсеналу, гдѣ покойный Архимандритъ Анатолій хотѣлъ устроить новую обитель. Въ келліяхъ арсенала, любимомъ его жилищѣ, онъ и скончался, оставя по себѣ незабвенную память въ Зографѣ, для котораго много потрудился. Назидателенъ на Св. горѣ обычай старцевъ, еще при жизни устроить, изъ частнаго своего имуще-

ства, что либо на пользу обителя: такъ отецъ Викентіи отдымалъ дорогу къ морю, дотоль непроходимую, и собралъ близъ обители чистыя струи въ водопроводъ: лодка приготовлена была у пристани, чтобы плыть вдоль берега къ Руссику, но волненіе помъшало и мы продолжали путь, довольно трудный, по прибрежнымъ утесамъ. Башня Кастамонитская стояла рядомъ съ Зографомъ на поморіи, потому что тутъ начинается владѣніе сей обители, углубившейся далеко въ горы. Имя ея производять нѣкоторые отъ каштановой рощи, ее осѣняющей, другіе же отъ сына Царя Константина, будто бы соорудившаго ея соборный храмъ во имя первомученика Стефана, и этимъ хвалятся инокіи обители, оскудѣвшей отъ продолжительной поземельной тяжбы съ сосѣднимъ Дохіаромъ; было время, что она совершенно находилась въ рукахъ Русскихъ пришельцевъ, которые были однако вытѣснены по неудовольствію Грековъ. Я не посѣтилъ ее, чтобы не подыматься далеко въ горы, предпочитая береговую кратчайшую стезю.

Не много далѣе башни Кастамонитской показался монахъ и быстро исчезъ между утесовъ: это былъ посланный изъ Дохіара, чтобы провѣдать о нашемъ пришествіи. Черезъ два часа достигли мы обители, лежащей на песчаномъ поморіи подъ сѣнію густыхъ садовъ; зданія довольно обширныя и величественныя, перемѣшаны съ стройными кипарисами. Епитропы ввели насъ въ соборный храмъ Архангеловъ, прославленный чудотворною иконою

Святителя Николая. Мраморъ колоннъ и помоста, съ изваяннымъ на немъ орломъ, обличаетъ царственныхъ храмоздателей; особенно изящны стоялица кругомъ церкви и перламутровые налон. Мы поклонились и прославленной чудесами иконъ Богоматери, скоровнемлющей, какъ ее здѣсь на зываютъ, въ обширномъ преддверіи, которое соединяетъ трапезу съ соборомъ; лики трехъ ктиторовъ. Евѳимія, Николая и Варнавы, соорудившихъ и украсившихъ обитель, начертаны на стѣнахъ. Первый былъ сперва келаремъ въ лавръ великаго Аѳанасія Аѳонскаго и уединился близь пристани Дафны; по его вытѣснили изъ мирнаго убѣжища набѣги Сарацынскіе и онъ здѣсь основалъ, по указанію промысла Божія, новую обитель, которая прозвалась Келарскою или Дохіаръ, отъ занимаемой имъ должности въ лавръ. Сюда пришелъ къ нему именитый сотрудникъ, Николай, великій Патрикій двора царскаго Никифора Фоки, воспріявшій въ схимѣ имя Неофита. Третій, бывший по нимъ игумномъ Варнава, находился долгое время послушникомъ въ обители и чудно спасенъ Архангелами отъ потопленія, когда два преступные внока бросили его въ море, чтобы овладѣть сокровищемъ, которое обрѣлъ по указанію настоятеля. Явленіе Архангеловъ извело и живую струю для обители, нуждавшейся въ водѣ. Послѣ разоренія Сарацынскаго, она была долго въ запустѣніи, обновлена же въ половинѣ XVI вѣка, Воеводою Молдовахійскимъ Александромъ; съ тѣхъ поръ

постоянно пользовалась милостями Господарей обонихъ княжествъ. Но къ сожалѣнію здѣсь не киновія; монастырь управляется Епитропами, что невольно бросается въ глаза, посреди столичныхъ общежительныхъ монастырей западнаго ската Аеонскаго. Дохіаръ стоитъ во главѣ второй пятерницы монастырей Аеонскихъ и уважается какъ одинъ изъ древнѣйшихъ. Не успѣлъ я осмотрѣть его во всей подробности, потому что поспѣшалъ въ Руссикъ, а мнѣ еще предстояла на пути киновія Ксенофонтова.

Не осудите столь бѣлаго моего обзора; кромѣ того, что всѣ монастыри болѣе или менѣе однообразны и не всѣ имѣютъ одинакую занимательность, но еще, скажу вамъ откровенно, посѣщеніе каждаго сопряжено съ большими издержками. Двадцать таковыхъ обителей на Аеонѣ, какъ вамъ извѣстно, и каждая почитаетъ себя единственнымъ предметомъ усердія посѣтителей, нѣсколько почетныхъ: принять ласково, пригласить остаться на нѣсколько дней, но тогда необходимо будетъ оказать щедрость свою монастырю, если не хочешь по себѣ оставить неприятную молву скупости или нерасположенія къ церкви; а согласитесь, что на одномъ Аеонѣ удовлетворить двадцать монастырей и десять скитовъ довольно трудно, имѣя въ виду еще цѣлое путешествіе по Востоку. Вотъ почему я останавливался только въ самыхъ замѣчательныхъ, которые заблаговременно себя предназначилъ, а прочіе обозрѣвалъ бѣгло или вовсе оставлялъ.

Хотѣлъ я миновать такимъ образомъ Ксенофонтскую обитель, за полчаса отъ Дохіара, которая основана была нѣкимъ благочестивымъ старцемъ Ксенофонтомъ, и съ XV вѣка долго находилась въ рукахъ Болгарскихъ, но это было невозможно. Обитель лежала нѣсколько въ сторонѣ отъ дороги; палилъ знойный полдень и я полагалъ, что братія по обычаю отдыхаютъ, такъ что пройду незамѣтно: однако только что поровнялся я съ Ксенофонтомъ, раздался звукъ его колоколовъ. Врата монастырскія обращены къ морю; но чтобы не пропустить путника, игумень и вся братія вышли на встрѣчу и стали поперегъ дороги, приглашая къ себѣ въ обитель. Я долженъ былъ следовать за ними въ новую ихъ церковь Св. Георгія, великолѣпно сооруженную изъ мрамора; древняя однако показалась мнѣ гораздо занимательнѣе, собственно по ея старинѣ. Замѣчательны въ ней двѣ мозаическія иконы Св. Георгія и Димитрія; помостъ и западныя врата складены изъ драгоцѣннаго порфира; на вѣншей стѣнѣ увидѣлъ я фрески, съ подписью Жупанъ Преда. Не онъ ли соорудилъ храмъ сей и не его ли это ликъ? Впрочемъ я остался доволенъ, что посѣтилъ сію киновію, одну изъ самыхъ строгихъ по образу жизни: благочестіе братіи выражалось въ чрезвычайномъ приличіи, при большомъ ихъ числѣ; прежній настоятель столѣтній старецъ, съдой какъ лунь, при которомъ учредилось общежитіе, доселѣ служитъ образцемъ для всѣхъ.

И здѣсь приглашали меня погостить, скорбя, что не удалось мнѣ видѣть въ стѣнахъ своихъ нашего Посланника, на пути его изъ Русска въ Зографъ; но я извинился краткостію времени для посѣщенія всѣхъ обителей Аѳонскихъ, и посѣщилъ въ Русикъ, мимо скита Ксенофскаго. Туда звалъ меня старецъ Германъ еще въ Есфигменъ; скитъ оставался далеко въ лѣво на горѣ, долго служившей предметомъ тяжбы между обителями Ксенофонтовою и Русскою, и если бы новые пришельцы наши не заставили Грековъ бросить бесполезный споръ, послѣдняя истощилась бы до конца. Изъ Ксенофонтовой однако перешло общежитіе къ Св. Пантелеймону, въ лицѣ благоговѣйнаго игумена Саввы, котораго насильно вызвалъ оттолѣ жившій тогда въ Ивирѣ Патріархъ Григорій, будущій мученикъ, по просьбѣ другаго Патріарха Царьградскаго Калиника. Это случилось въ 1803 году и Савва, будучи духовникомъ великаго драгомана Порты Калимахи, убѣдилъ его излить щедроты свои на древнюю обитель Св. Пантелеймона. Уничтоживъ прежнія небольшія зданія монастыря, съ церковію вознесенія, Савва началъ строить подлѣ новый соборъ во имя Великомученика Пантелеймона, въ память того, который запустѣлъ на горѣ въ исходѣ минувшаго столѣтія, и съ помощію своего благодѣтеля, сдѣлавшагося Господаремъ Молдавіи, соорудилъ двѣ церкви, трапезу, келліи и стѣны, въ томъ видѣ какъ онѣ теперь. Онѣ скончались въ 1821 году, почти въ одно время съ дву-

мя своими покровителями, Патріархомъ Григоріемъ и Княземъ Каллимахи, котораго удавили въ заточеніи, въ смутную эпоху возстанія Греческаго. Обновленная имъ обитель опять запустѣла, иноки ея разбѣжались; войска Турецкія, вызванныя возмущеніемъ, стали содержать стражу въ его обителяхъ; только послѣ славнаго мира Адрианопольскаго возвратившаяся братія избрала себѣ въ настоятели ученика Саввы, почтеннаго старца Герасима, который донынѣ ею править, подавая собою благодѣтельный примѣръ святой жизни.

Онъ принялъ меня съ любовію въ своей обители и не завистливо смотрѣлъ, какъ утѣшались моимъ пришествіемъ соотечественники, потому что умѣетъ содержать во взаимной любви общество Греческое и Русское и пользуется ихъ уваженіемъ. Не знаю, что будетъ далѣе, но теперь это рѣдкій примѣръ согласія между двумя разнородными началами. Весьма замѣчательное и достойное уваженія лице между Русскими есть духовникъ ихъ Іеронимъ, строгій подвижникъ и вмѣстѣ благоразумный споспѣшникъ отцу игумену Герасиму; общество Русское возрасло до пятидесяти человѣкъ при полутора ста Грекахъ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ усердіемъ одного изъ братій, довершилось строеніе церкви Святителя Митрофана, предположенное благочестивымъ старцемъ Аникитою, изъ рода Князей Шихматовыхъ, и Русскіе имѣютъ свое богослуженіе при особомъ помѣщеніи. Не удалось это устроить отцу Аникитѣ, хотя внача-

лъ отдавали весь монастырь въ его распоряженіе, чтобы онъ только избавилъ его отъ тяготившаго на немъ долга и укрѣпилъ на прочномъ основаніи. Долгое его отсутствіе въ Св. землѣ разстроило любовь между Русскими и Греками, потому что оставленный имъ блюститель не оправдалъ выбора и, желая распоряжаться властно, возбудилъ подозрѣніе въ Грекахъ. Возвратившись изъ Іерусалима отецъ Аникита принужденъ былъ, хотя съ большою скорбію, оставить монастырь со всеми Русскими, и удалиться въ скитъ Пророка Іліи, гдѣ основалъ предположенную имъ церковь Святителя Митрофана. Скоро почувствовали свою ошибку Греческіе монахи, когда тяжба съ Ксенофомъ довела ихъ до крайняго раззоренія, по предсказанію изгнаннаго ими праведнаго мужа. Они желали къ нему обратиться и умолить его придти опять въ среду ихъ, но уже было поздно: подвижникъ только что скончался въ Аѳипахъ, гдѣ назидалъ всѣхъ своимъ благочестіемъ; только кости его были перенесены по завѣщанію на Св. гору, однако не въ обитель Пантелеймонскую, а въ любимый скитъ его Пророка Іліи. Тогда братія Греческая, видя что безъ Русскаго общества, искони давшаго имя свое ихъ обители, она лишена какъ бы благословенія свыше, и, чтобы загладить вину свою предъ усопшимъ, рѣшилась вызвать, изъ обновленнаго имъ скита, игумена Русскаго Павла съ тремя иноками; съ тѣхъ поръ процвѣла мало по малу ихъ обитель, хотя и не освободилась совершенно

отъ долга; новые пришельцы, прекративъ немедленно тяжбу, привлекли за собою обильную милостыню изъ Россіи, да и въ Греческомъ братствѣ водворилось, ихъ примѣромъ, болѣе порядка.

Странная судьба Руссика, новаго и древняго, который не можетъ существовать безъ Русскихъ!— Я говорилъ вамъ о его настоящемъ, скажу и о прошедшемъ. Основаніе его теряется въ глубокой древности, но уже при самомъ началѣ онъ носитъ заветное названіе Русскаго, такъ что нѣкоторые почитаютъ ктиторомъ его великаго Ярослава. Ни одна обитель Аѳонская не измѣняла столько разъ своей мѣстности, удерживая за собою однако прежнее имя. Первое ея начало, какъ я уже вамъ писалъ, въ густой дубравѣ Ксилургу, гдѣ и донынѣ существуетъ, при древней церкви успенія, скитѣ Болгарскій, зависящій отъ Руссика. По просьбѣ игумена Лаврентія въ 1172 году, ради тѣсноты дарованъ былъ, общимъ приговоромъ Прота и всѣхъ настоятелей Аѳонскихъ, Солунскій монастырь Св. Пантелеймона, Русскому братству Ксилургу, и вотъ первое его переселеніе, также на вершинѣ горной, въ чащѣ лѣса за часъ отъ Кареи. Замѣчательно, что въ дарственной грамотѣ, между подписями Греческими и Славянскими, есть одна Грузинская Ивира и одна Латинская Амальфитанской обители, сколько я могъ разобрать: «ego . . . . . abbas sanctae Mariae cenobii Amalfitanorum . . . .». И такъ, въ исходѣ XII вѣка, гораздо послѣ Патріарха Кируларія, еще существуетъ Латинское братство на Аѳонѣ и

пользуется всеми преимуществами наравитъ съ Гре-
ческимъ; не есть ли это ясное свидѣтельство то-
му, что не Патріархи Фотій и Михаилъ, а крес-
товые походы расторгли общеніе Запада съ Восто-
комъ. Если бы западные ревнители по больше вни-
кали въ исторію Церкви, они бы вѣрнѣе видѣли
предметы и не ослаблялись бы Папскою системою
Беллармина, столько противорѣчущею лѣтописнымъ
актамъ.

Тутъ, на новомъ мѣстѣ, процвѣла въ полномъ
блескѣ обитель Русская и принесла обильный
плодъ; сюда пришелъ, какъ въ соплеменную, цар-
ственный юноша Русикъ и, постригшись подъ
именемъ Саввы, осыпалъ ее въ послѣдствіи свои-
ми щедротами, которыя не преставали отъ всей
династіи Неманичей Сербскихъ. Царь Стефанъ Ду-
шанъ-сильный ограждалъ ее своими хрисовулами.
Воеводы Сербскіе, послѣ паденія царства, и за ними
Господари Валахскіе, Владъ и Радуль, продолжали
благодѣтельствовать обители, доколѣ не перешла
она, въ XVI вѣкѣ, подъ покровительство Государей
Русскихъ. Царь Іоаннъ Васильевичъ первый про-
славилъ имя свое на Святой горѣ, щедрыми дая-
ніями ея монастырямъ, особенно же Руссику,
Хиландару и Пантократору; съ тѣхъ поръ, до
Петра Великаго, подтверждались для нихъ ми-
лостынные дачи и въ Русикѣ постоянно держались
Русскіе. Есть однако печальное преданіе у на-
шего знаменитаго паломника, Барскаго, будто бы
однажды, по возникшей непріязни, Греки извели

всѣхъ Русскихъ и овладѣли совершенно монастыремъ; но справедливо ли это?—Достойно вниманія, что во время перваго своего посвященія Св. горы, въ 1726 году, Барскій засталъ еще тамъ Русскихъ монаховъ, крайне нуждавшихся, и убѣждалъ ихъ Христа ради терпѣть свое убожество, а во второе путешествіе, въ 1744 году, уже не засталъ; Греки одни исключительно владѣли монастыремъ, но на долго ли?

Въ исходъ минувшаго столѣтія, т. е. въ семидесятыхъ годахъ, онъ пришелъ въ такой упадокъ отъ обременявшаго его долга, что братія должна была оставить монастырь и навсегда закрылись гостепріимныя врата его; я говорю навсегда, потому что малая обитель съ храмомъ вознесенія, которая подъ именемъ Руссика еще существовала на берегу моря, была не что иное въ началѣ, какъ пристань большаго нагорнаго монастыря; но и ее перенесъ игуменъ Савва на то мѣсто, гдѣ она теперь, обновивъ соборнымъ храмомъ память Великомученика Пантелеймона, коего честную главу выкупилъ изъ чужихъ рукъ, помощію благодѣтеля Князя Каллимахи. Однако сто-пяти-лѣтній старецъ, живописецъ Дамаскинъ на Кареи, говорилъ мнѣ, что онъ еще хаживалъ въ молодые годы, на праздники Великомученика, въ бывшую его обитель и весьма хорошо помнитъ ея стѣнное писаніе, знаменитой кисти Панселина. Какъ драгоценно-такое живое преданіе!

Мнѣ желательно было посѣтить развалины дре-

вняго монастыря и добрый игумень Герасимъ, не смотря на свои старческіе годы, поѣхамъ на смирномъ мулъ провожать меня, сколько я ни убѣждалъ его остаться. Мы подымались болѣе часа крутыми извилинами, по мощенной дорогѣ, на лѣсистыя высоты Аѳона; показались остатки садовъ на малой полянѣ, оживленной ручьемъ, и вотъ, подъ сѣнію вѣковыхъ платановъ, предстали намъ горькія развалины знаменитой нѣкогда обители Русской: сердце невольно стѣснилось при такомъ зрѣлищѣ Южная стѣна ограды, болѣе крѣпкая, еще стояла и на восточной оконечности возвышалась та неприступная башня или пиргъ, гдѣ спасался отъ хищныхъ Каталанъ игумень Давидъ Хиландарскій и отколѣ сбросилъ Савва, посланнымъ отца своего, княжескія свои одежды съ юношескими власами, все измѣнивъ на власяницу. Мы взошли, сквозь разбитыя врата и завалившіеся своды, внутрь ограды, и не обрѣли тамъ остатковъ бывшаго храма Великомученика. Изумительно, какъ скоро поѣдаетъ время, этотъ лютый звѣрь, все что только оставлено людьми на его произволь, какъ бы остовы, пожираемыя хищными жильцами лѣсовъ. Давно ли кажется, не болѣе осьмидесяти лѣтъ, тутъ еще совершалось богослуженіе? живъ даже и человекъ на немъ присутствовавшій, и вотъ уже нѣтъ слѣдовъ самаго храма! осталась одна лишь малая церковь успенія, съ не многими обрывками стѣнной живописи, и та грозитъ паденіемъ; у самыхъ воротъ монастырскихъ

разрыта яма, изъ которой бѣблютъ человѣческія кости : вѣроятно тутъ была усыпальница братіи; но на это равнодушно смотрятъ жильцы Аѳонскіе. И такъ вотъ та знаменитая обитель Русская, къ которой искони стремились наши предки! Рука человѣческая предала ее въ руки времени и все исчезло.—Теперь тутъ вой осенней дубравы, или томный ропоть ручья, или откликъ отзывающихся иногда камней, вмѣсто пѣнія ликовъ въ бывшемъ жильѣ иночествующихъ : суета суетствъ и всяческая суета!

Съ грустнымъ чувствомъ возвратился я изъ стараго Руссика въ новый, но здѣсь весьма утѣшительно для меня пребываніе, стройностію богослуженія Русскаго. Это побудило меня остаться на праздникъ усѣкновенія главы Предтечевой, который думалъ сперва встрѣтить въ Діонисіатѣ, гдѣ храмъ во имя его. Продолжительны здѣсь всенощныя бдѣнія, это правда, и разъ въ недѣлю всегда бываетъ бдѣніе, но оно не утомительно, по ясному чтенію и хорошему напѣву. Если нѣтъ храмоваго или дванадесятаго праздника, оно не длится болѣе семи часовъ, и къ тому же много способствуютъ къ отдыху стоялица кругомъ стѣнъ, но уже здѣсь не позволяютъ дремать за службою; провинившійся подвергается эпитиміи, а не мудрено и заснуть, потому что братія, сверхъ долгой службы, измучены различными работами: кто трудится въ огородъ, кто носить камни для отдѣлки пристани; разумѣется священнослужители

облегчены, но можно сказать, что Руссикъ представляетъ самый строгій образецъ житія иноческаго на всей Святой горѣ: есть чему въ немъ поучиться и для нашихъ общинъ.

Сегодня была торжественная трапеза, по случаю праздника, хотя и весьма скудная нишею, но прихвывая по своему порядку. Игуменъ въ мантии занялъ мѣсто въ западномъ волукружїи, съ служившимъ іеромонахомъ, по правую его руку, какъ виновникомъ торжества, старшая братія съла по степенямъ; можно было слышать полеть мухи во время чтенія изъ миней. Увидѣвъ одного инока, который стоялъ посреди трапезы и перебиралъ тяжелыя четки, я спросилъ сидѣвшаго подлѣ меня старца, осмидесятилѣтняго Арсенія, бывшаго казначеемъ Валаамскимъ: что это значить? Онъ отвѣтилъ: «вѣроятно братъ чѣмъ либо провинился, заснулъ въ церкви, или разбилъ посуду». Въ эту минуту, по звуку колокола, разрешено было приступить къ питію: торопливый старецъ, желая налить себѣ не много вина, уронилъ стеклянную крышку въ стаканъ и разбилъ его; надобно было видѣть, какъ онъ испугался: словно малое дитя макрылъ салфеткою свой грѣхъ и смотрѣлъ во всѣ стороны, не примѣтилъ ли кто его не ловкости? Игуменъ сдѣлалъ видъ будто не замѣтилъ, чтобы не взыскивать со старика. Послѣ трапезы всѣ пошли прямо въ церковь, для обычной литїи за здравіе Царской фамилии нашей, что весьма утѣшительно для сердца Русскаго; а между тѣмъ, по

уставу, въ дверяхъ трапезы, лежали ницъ трапезаря, прося прощенія у проходящаго игумна, если въ чемъ согрѣшили; съ ними и провинившійся братъ, который перебиралъ четки во время трапезы, а возлѣ него черепки разбитой имъ посуды, въ обличеніе его вины. Сколько тутъ дѣтской простоты и Христіанскаго смиренія!—за ничтожныя вины взыскивается какъ бы за преступленіе, а мы грѣшныя, въ міръ, не почитаемъ себя ни въ чемъ виновными, потому что, по нашимъ понятіямъ, мы уже весьма хорошіе люди, если не совершили какого либо особаго преступленія. — Это мнѣ напоминаетъ остроумный анекдотъ добраго старца Митрополита Серафима, который не разъ рассказывалъ: какъ однажды встрѣтившійся ему крестьянинъ, на вопросъ «откуда?» отвѣчалъ «изъ безгрѣшнаго города». — «Какъ же ты могъ найти цѣлый городъ безгрѣшнымъ, сказалъ Владыка, когда мы и одного тако-го человека не находимъ?» — «Разумѣется безгрѣшный, когда ему нѣтъ ни въ чемъ грѣха, да и ни въ чемъ не винится». — Вотъ какое обличительное слово въ устахъ поселянина. — Простите, уже время въ путь: мы рѣшились ѣхать на лодкѣ, кругомъ мыса Аѳонскаго, забывая въ прибрежныя обители, потому что сухимъ путемъ дальше и мѣстами не проходима дорога по утесамъ. Это лишитъ меня нѣсколькихъ келлій на дикой оконечности Святой горы, въ страшныхъ ея пропастьяхъ, но дѣлать нечего; что касается до Ксиропотамской великолѣпной обители, то я уви-

жу ее на обратномъ пути въ праздникъ Воздвиженія, такъ какъ тамъ хранится самая большая часть честнаго древа, изъ всѣхъ имѣющихся на Святой горѣ. Уже нѣсколько дней ожидалъ меня здѣсь отецъ игуменъ Пансій, изъ скита Пророка Иліи; онъ вызвался быть моимъ руководителемъ, по знакомымъ ему пустынямъ; вмѣстѣ со мною ѣдетъ изъ Руссика, на монастырской лодкѣ, добрый старецъ Серафимъ, украситель церкви Святителя Митрофана; кормчій и гребцы наши все схимники: вотъ истинно духовное странствіе.

ПИСЬМО XIV.

СИМОНО-ПЕТРА, ГРИГОРИАТЬ, ДІОНИСІАТЬ.

Діонисіать, 30 Августа 1849.

Кратко будетъ на сей разъ письмо мое, по краткости времени и обзора. Доселъ плаваніе наше совершилось благополучно; мы посѣтили двѣ прибрежныя обители Симоно-Петру и Григориать; теперь отдыхаемъ въ Діонисіевой, потому что исполняющій нынѣшнимъ лѣтомъ должность старшаго Назира всей горы Аѳонской, убѣдительно просилъ меня на Кареи, провести хотя одну ночь въ его монастырь, и дѣйствительно онъ заслуживаетъ вниманіе. Первой обители Симоно-Петры почти нельзя назвать прибрежною, хотя она стоитъ на береговой скаль: до такой степени трудно къ ней подыматься, по изсѣченной въ камняхъ дорогѣ; пѣш-

комъ едва ли можно дойти скорѣе часа. Братія была предварена наканунѣ изъ Руссика, о нашемъ прїѣздѣ, и далеко видѣла нашу лодку изъ своихъ выспренныхъ келлій; мы еще дали о себѣ вѣсть выстрѣлами на пристани, гдѣ устроенъ довольно обширный арсеналь. Зданія монастыря чрезвычайно оригинальны; внѣшнія врата открываются подъ аркою водопровода, черезъ которой течетъ горная струя въ обитель; тѣсная галлерей, въ видѣ подѣмнаго моста, перекинутаго черезъ пропасть, соединяетъ орлиное гнѣздо иноковъ съ материкомъ Аюна, если такъ позволено выразиться; надъ бездною висятъ со всѣхъ сторонъ трехъярусныя келліи, съ воздушными балконами.

Братія встрѣтила насъ со крестомъ, у входа въ галлерей, и повела въ соборъ новаго Виелеема, такъ названный потому, что на этомъ утесѣ являлась яркая звезда, по подобію Виелеемской, благочестивому отшельнику Симону, который спасался въ противулежащемъ вертепѣ; звезда сія побудила его соорудить тутъ храмъ во имя рождества Христова; помощникомъ же ему былъ Іоаннъ Углешъ, Деспотъ Сербскій, въ благодарность за исцѣленіе дочери, въ XIII вѣкѣ; онъ и самъ здѣсь опочилъ въ одеждѣ иноческой, послѣ тревоженія мятежнаго царства. Много тутъ высокой и духовной поэзіи:—звезда волхвовъ, и державное смиреніе, и подвиги пустынные, все это соединяется въ основаніе новаго Виелеема. Мы посѣтили и пещеру отшельника по ту сторону пропасти; самая пропасть

не была убійственна для одного изъ инокѣвъ, который недавно упалъ туда съ терасы; молитвами основателя остался онъ невредимъ. Церковь не обширна, но чрезвычайно высока, въ видѣ столпа; кругомъ прилѣплены къ ней келліи, сколько позволяла тѣсная площадка утеса; лучшее сокровище храма—длань Св. Маріи Магдалины, въ драгоценномъ окладѣ; есть и другія царственныя даянія, но обитель скудна братією и средствами, хотя въ исходѣ минувшаго столѣтія заведено въ ней общежитіе. Насладившись очаровательнымъ видомъ на необъятную равнину волнъ и на дикія окрестныя горы, мы спустились опять къ арсеналу и поплыли далѣе къ сосѣднему монастырю Григоріату, который лежитъ уединенно въ маломъ заливѣ, на низменномъ берегу.

Признаюсь, изъ всѣхъ монастырей Аѳонскихъ менѣе занимательнымъ показался мнѣ сей Григоріатъ, основанный въ XIV вѣкѣ преподобнымъ Григоріемъ, во имя Святителя Николая; онъ удержалъ однако за собою имя основателя и взысканъ былъ милостями Господарей Валахскихъ. Ни зданіе, ни самое братство, хотя и общежительное, не произвели на меня пріятнаго впечатлѣнія; одна только святыня мощей близка была моему сердцу, потому что я тутъ нашелъ двѣ большія части Св. Анастасіи Римляныни и Григорія Богослова. Какое обиліе мощей на Аѳонѣ, самыхъ священныхъ и древнихъ! онѣ тѣмъ не сомнительнѣе, что большею частію были вкладами Императоровъ

Греческихъ, во времена славы Византійской, когда еще въ Царьградъ, какъ въ первую Христіанскую столицу, сносили сіи сокровища церковныя со всѣхъ концовъ вселенной.

Діонисіатъ, отколъ вамъ пишу, заимствовавшій также свое названіе отъ основателя, въ высшей степени любопытенъ.—Это отблескъ Трапезундской имперіи, куда укрылась слава великихъ Комниновъ, когда Франки овладѣли Царьградомъ; одна ихъ династія держалась тамъ на престолѣ 250 лѣтъ въ соперничествѣ съ Палеологами Византійскими, до конечнаго паденія обоихъ подъ мечемъ завоевателя Магомета. Трапезундъ былъ долговѣчнѣе только двадцатью годами и его боярскіе роды населили Фанаръ, предмѣстіе Константинополя. Подобало и династіи Комниновъ внести отъ себя новую обитель, какъ бы царственный вкладъ, въ сокровищницу обителей Аѳонскихъ, гдѣ уже столько ихъ процвѣло, созданныхъ Императорами Греческими. Алексій III, Великій Комнинъ, основалъ въ 1375 г. монастырь сей на прибрежной скалѣ, по просьбѣ спасавшагося тутъ долго, въ совершенномъ безмолвіи, отшельника Діонисія. Опъ былъ братомъ Архіепископа Трапезундскаго Θεодосія и тѣмъ удобнѣе могъ имѣть доступъ къ Царю, который говоритъ въ своей хрисовулѣ: что какъ нѣкогда великій Аѳанасій возсіалъ яркимъ свѣтломъ изъ Трапезунда Аѳону, такъ въ свою очередь сей Діонисій возсіалъ изъ Аѳона Трапезунду. Житіе преподобнаго дѣйствительно было образцемъ сво-

его вѣка. Онъ научился подвигамъ иноческимъ въ обители Аѳонской Филовея, гдѣ братъ его былъ сперва игумною; влекомый жаждою уединенія, поселился въ дикой пещерѣ, недалеко отъ того мѣста, гдѣ теперь его обитель, на высокой горѣ за оврагомъ; пещера его досель слыветъ старымъ Предтечею, потому что тамъ устроилась около него киновія въ разсѣлинахъ горныхъ, съ церковію во имя Крестителя. Когда же услышалъ Діонисій, что братъ его игумень, будучи взятъ въ плѣнъ Сарацинами, продашь ими въ Царьградъ и тамъ по своей добродѣтели поставленъ Митрополитомъ въ Трапезундѣ, онъ отплылъ на родину, чтобы ходатайствовать объ устройствѣ новой обители. Ея будущая слава представлялась ему заблаговременно въ огненномъ видѣннн, но не на мѣстѣ его подвига, а тамъ, гдѣ сооруженъ теперь монастырь. Сердце великаго Комнина умилилось, при мысли быть также однимъ изъ царственныхъ ктиторовъ на Святой горѣ; онъ утвердилъ основаніе ея христовулою и снабдилъ старца всѣмъ что нужно для строенія, Діонисія постигла тяжкое искушеніе при второмъ путешествіи въ Трапезундѣ: едва спасся онъ самъ, заступленіемъ Предтечи, отъ гнавшихся за нимъ морскихъ разбойниковъ, начатую же обитель нашелъ опустошенною, а иноковъ своихъ въ рукахъ варваровъ, такъ что всю милостыню царскую долженъ былъ употребить на выкупъ братіи: таково было бѣдственное въ то время положеніе Св. горы. Исполненный скорбію старецъ, отплылъ

еще въ третій разъ въ столицу Комниновъ и тамъ окончилъ дни свои, на рукахъ брата Митрополита, но предъ своею блаженною кончиною утѣшенъ былъ Императоромъ, что не оставлена будетъ имъ и его потомствомъ новая лавра Трапезундская на Аеонъ. Дѣйствительно она довершилась и процвѣтала при ученикѣ его Доментіѣ, когда уже восточалась православная Византія и проливали послѣдніе лучи свои на Св. гору. Двѣ только обители молодежи Діонисіевой, Пантократора и Ставропикиты.

Мѣстность Діонисіата самая живописная, напоминаетъ отчасти Симопо-Петру, потому что монастырь виситъ также на скалѣ, хотя не столь высокой, обнесенный бойницами, какъ бы замокъ среднихъ вѣковъ: это была духовная твердыня Комниновъ, гдѣ и доселѣ возсылается много молитвъ о ихъ славной династіи, давно уже угасшей. Глубокій оврагъ, врѣзавшійся въ сердце горъ съ своимъ воздушнымъ потокомъ, по значеніи имени Аэропотамосъ, огибаетъ скалу, которая послужила основаніемъ обители. Вся она стѣснена на одномъ утесѣ, но келліи не прильплены къ собору и около него есть малая площадка. Величественно зданіе высокаго храма во имя Предтечи, съ двумя его низкими папертями и прилегающею обширной трапезой; стѣны всѣ расписаны кистію художниковъ Критскихъ, которые славились въ XV вѣкѣ на равнѣ съ Панселиномъ, но живопись потускнѣла. Петръ, Воевода Валахскій, былъ тогда благодѣтелемъ обители, которая послѣ паденія Трапезунда

поступила подъ особое покровительство Господарей. Онъ укрѣпилъ ея потрясенныя стѣны, столѣтъ спустя послѣ ихъ основанія, соорудилъ высокій пиргъ или башню для ея защиты и даровалъ величайшее сокровище обители, часть главы Ангела ея Предтечи, въ богатомъ кивотѣ, и руку Святителя Златоуста. Патріархъ Цареградскій Нифонтъ, бывшій духовнымъ отцемъ его и скончавшійся на покоѣ въ обители Діонисіевой, сдѣлался виновникомъ сихъ благодѣяній, истинно царскихъ: мощи его хранятся въ святилищѣ, а могила въ общей усыпальницѣ братій, за оградою. Дочь Петра Воеводы, Роксандра, и зять его Александръ, бывшій также Господаремъ, который окончилъ дни свои въ обители, подъ именемъ смиреннаго инока Пахомія, осыпали его также своими щедротами и памятью ихъ осталась древняя малая икона Предтечи, въ великолѣпномъ окладѣ, съ надписями Славянскими: это свидѣтельствуетъ о прежнемъ употребленіи языка въ обоихъ княжествахъ; теперь стараются тамъ истребить память о томъ и замѣняютъ наши церковныя буквы Латинскими. Храмовая икона Предтечи въ иконостасѣ высокаго письма Византійскаго. Вообще церковь и всѣ зданія вокругъ чрезвычайно любопытны, потому что на нихъ сохранился отпечатокъ послѣднихъ временъ имперіи, до которыхъ, по счастью, еще не успѣли коснуться обновители. На четырехъ мраморныхъ колоннахъ лежатъ высокіе своды столпообразнаго храма; тутъ, въ его Византійскомъ мрамор-

къ, пріятно мнѣ было слышать утреннее и вечернее пѣніе, хотя и не весьма стройное, и литургію, но случаю нашего роднаго праздника Св. Александра Невскаго. Слава минувшаго мирила съ убожествомъ настоящаго, такъ какъ обитель весьма скудна теперь средствами и людьми.

Но есть у нея одно неоцѣненное сокровище — отшельникъ, какихъ мало на Аeonъ, отецъ Иларіонъ Имеретинскій. Я слышалъ многое объ немъ въ Константинополь отъ Иоселіана, который только что возвратился со Св. горы, куда ѣздилъ за рукописями Грузинскими. Старецъ мало доступенъ; другой подвижникъ изъ Грузинъ, Венедиктъ, котораго посѣтилъ я въ Иверскомъ монастырѣ, поручилъ мнѣ отъ имени его постучаться въ дверь отшельника, его родича и друга; я избралъ однако иной путь и просилъ игумена Діонисіатскаго, дать мнѣ благословеніе и спутника, для посѣщенія старца въ его дикомъ уединеніи. Отецъ Иларіонъ былъ духовникомъ послѣдняго Царя Имеретинскаго Соломона, скончавшагося въ Трапезундѣ, потомъ послѣдовалъ за его супругою Анною въ Петербургъ и, вызванный знакомцемъ своимъ Венедиктомъ, уединился сперва вмѣстѣ съ нимъ въ монастырѣ Иверскомъ; оттолъ перешелъ на башню новаго скита близъ обители Св. Павла, гдѣ много пострадалъ отъ холода, и наконецъ избралъ себѣ послѣднее пристанище въ Діонисіатѣ. Замѣчательно, что опять изъ Трапезунда возсіяло это духовное свѣтило въ обители, основанной его Па-

рами. Келліа на вершинѣ оврага, за часъ разстоянія отъ монастыря, куда изрѣдка сходитъ отшельникъ только въ храмовые праздники, пользуясь отъ него скудною пищею; при немъ живетъ священникъ Греческій, совершающій ежедневно литургію въ тѣсной церкви, потому что самъ Иларіонъ, ради крайняго смиренія, отказался отъ священнослуженія.

Рано утромъ, послѣ литургіи, я взялъ съ собою инока и на мулахъ сталъ подыматься вверхъ шумнаго потока Аэропотамоса, скачущаго по камнямъ среди самой роскошной растительности: это обыкновенная дорога въ Карею, круто изсѣченная въ скалахъ подъ навѣсомъ яворовъ; но въ полугорѣ мы ее оставили и, перейдя потокъ, уже пѣшими стали подыматься, по трудной стезѣ, къ самой пустынь, заросшей дикою чащею. По знакомому голосу инока, священникъ отворилъ калитку низкой ограды и изумился, увидя пришельцевъ; онъ поспѣшилъ однако объявить о насъ отшельнику; не смѣлъ послушаться игумена Иларіонъ, не охотно принимающій посѣтителей. Видъ его, не смотря на глубокую старость былъ чрезвычайно свѣжъ, румянецъ игралъ еще на щекахъ, но желтизна волосъ и бороды обличала годы; онъ какъ бы обновлялся юностію орлей въ выпрѣннемъ гнѣздѣ своемъ. Старецъ посадилъ меня возлѣ себя и, узнавъ отъ кого я, спрашивалъ о Россіи. Трудно было, съ нимъ объясняться, потому что онъ почти не знаетъ по Гречески и забылъ Турецкій языкъ, по

Грузински же не зналъ мой переводчикъ; нѣсколько словъ Русскихъ мѣшались съ Греческими и Турецкими, а мнѣ желательно было побесѣдовать съ нимъ духовно. «Что вы пришли смотрѣть въ моей пустыни, сказалъ онъ со вздохомъ, грѣхи мои? или мало въ мѣрѣ подобныхъ мнѣ тунеядцевъ?— Что видѣлъ и зналъ я, то уже давно забылъ; живу здѣсь въ глуши, доколѣ терпитъ меня Богъ. Впрочемъ для смиренія вашего полезно, что посѣщаете святыя обители, ибо всегда есть назиданіе отъ предпринятыхъ съ благою целью трудовъ.»— Мнѣ хотѣлось получить отъ него какой нибудь видимый знакъ его благословенія, на память нашего свиданія. Иларіонъ взошелъ въ свою домовую церковь и вынесъ мнѣ четки, изъ такъ называемаго чернаго янтаря Имеретинскаго. «Если желаете благословенія моего недостойнства, да сопутствуетъ оно вамъ,» сказалъ старецъ и отпустилъ меня съ молитвою. Такимъ образомъ, хотя и не вполне могъ я насладиться его бесѣдою, однако утѣнительное впечатлѣніе оставило въ сердцѣ моемъ самое лицеврѣніе сего знаменитѣйшаго изъ пустынножителей Аеонскихъ, который столь живо напоминаетъ собою прежніе вѣка иноческой славы.

ПИСЬМО XV.

МОНАСТЫРЬ СВ. ПАВЛА, СКИТЬ СВ. АННЫ КАПСОКАЛИВЫ.

Лавра Св. Аванасія, 4-го Септября.

И такъ я опять достигъ первой точки прикосновенія моего къ Св. горѣ. Я опять въ лаврѣ Св. Аванасія, совершивъ по сушѣ и морямъ весь кругъ обитателей Аѳонскихъ: этотъ священный вѣнокъ, обвившій чело Св. горы, постепенно сплетался вокругъ нее предъ моими глазами; по мѣрѣ того, какъ я подвигался впередъ, съ изумленіемъ созерцалъ какъ, одна за другою, возставали сія духовныя твердыни, то выдаваясь въ море на живописной скалѣ, то укрываясь въ лѣсную чашу надъ пропастью. Не вѣрится будто я на томъ же мѣстѣ, откуда началъ путь, а между тѣмъ пріятно распознавать знакомые уже предметы, пріятно опять

дышать воздухомъ лавры, подъ стѣною кипарисовъ Св. Аѳанасія, и черпать живыя струи изъ его крещальни и молиться надъ его священною гробницею. Вы знаете, что память его совершается въ одинъ день съ преподобнымъ Сергіемъ, и тѣмъ ближе она моему сердцу, привязанному къ Радонежской лаврѣ. Въ первое, краткое мое посѣщеніе, не успѣлъ я описать подробно Аѳанасіевой; теперь имѣю больше времени, но прежде доскажу вамъ, по порядку, продолженіе морскаго сюза плаванія около южныхъ пропастей Аѳона.

Отъ Руссика и до Св. Павла, который скоро показался намъ послѣ Діонисіата, на отлогомъ берегу, всѣ обители въ близкомъ разстояніи одна отъ другой; не болѣе двухъ часовъ пути между ними, а есть и часъ и полчаса; но за Св. Павломъ пространство обширное до Лавры, потому что надобно огибать бурный мысъ, и мы не могли это сдѣлать въ одинъ день. Весьма живописно представляется издали монастырь Св. Павла, прислоненный къ дикой скалѣ, по которой идетъ восточная зубчатая стѣна его съ келліями; стѣны и бойницы были необходимою принадлежностію не только среднихъ вѣковъ, но и самой мѣстности Аѳона, который непрестанно подвергался набѣгамъ Сарацыновъ. Довольно долго мы ожидали муловъ на берегу, потому что болѣе получаса ходу отъ поморія до обители по отлогой высотѣ. Тутъ протекалъ самый широкій изъ потоковъ Св. горы, низвергающійся съ малаго Аѳона, который подѣмлетъ болѣе смиренное че-

ло подъ верховною свнію великаго. Игумень съ братією хотя и не ожидалъ насъ, однако слышалъ о моемъ прибытіи на Св. гору, отъ своихъ депутатовъ Карейскихъ, и принялъ ласково, убождая почевать, но я не могъ согласиться, посѣщая на ночь въ дикій скитъ Капсокалвы. Впрочемъ братія Св. Павла имѣли причину быть благосклонными къ Русскимъ, потому что новый великолепный соборъ ихъ Срѣтенія, построенъ отчасти милостынею Русскою; почти все иноки Св. Павла съ острововъ Іоническихъ, и оттого болѣе имѣютъ образованія; игумень говоритъ свободно по Италіански и начитанъ. Не безъ зависти смотритъ на нихъ общество Карейское, такъ какъ они слегка пользуются покровительствомъ Англійскаго консула, въ качествѣ Іонійцевъ, и даже одно время думали избавиться отъ всякой подати и подданства Турецкому правительству; такая самостоятельность была бы опаснымъ нововведеніемъ на Св. горѣ и поколебала бы равновѣсіе прочихъ обитателей и самую подчиненность Карейскому совѣту.

Недавно однако Греки населили сію обитель: паломникъ нашъ Барскій, въ первое свое странствованіе въ 1726 году, засталъ еще тамъ Сербовъ и Болгаръ, какъ и въ Русскіхъ, а въ 1744 году видѣлъ въ обоихъ только однихъ Грековъ. Это событіе замѣчательно, какъ постепенно умалялась и потомъ вдругъ исчезла народность Славянская на Св. горѣ; почти въ то же время, распалась самобытная ихъ Патріархія Пекская въ Албаніи. Кро-

мъ того, что еще въ началѣ минувшаго столѣтія, Хиландарь, Зографъ, Руссикъ и Св. Павелъ были совершенно Славянскіе монастыри, безъ примѣси Греческой, но какъ видно изъ мѣстныхъ преданій, таковыми же были сперва Ксенофъ, Григоріатъ и отчасти Симоно-Петра; они пользовались особеннымъ покровительствомъ Деспотовъ Сербскихъ и Господарей Молдовлахійскихъ, у коихъ тогда еще господствовалъ элементъ Славянскій: грамоты ихъ писаны все на этомъ языкѣ. Даже въ Греческихъ собственно монастыряхъ, исключая Лавры, совершалось богослуженіе въ параклисахъ на Славянскомъ языкѣ для Сербовъ, какъ на примѣръ въ Ватопедѣ и другихъ; можно сказать, что весь почти западный берегъ Аѳона, кромѣ Дохіара, Ксиропотамы и Діонисіата, былъ въ полномъ смыслѣ Славянскій, и все это измѣнилось; остались только для нашего племени Хиландарь, Зографъ и треть Руссика, а между тѣмъ милостыня доселѣ течетъ на Св. гору изъ Болгаріи и Россіи, а не изъ Греціи.

Какое сравненіе между Діонисіатомъ, гдѣ сохранился отпечатокъ среднихъ вѣковъ, во всѣхъ его зданіяхъ, какъ будто еще Трапезундскіе Комнины простираютъ скиптръ свой на дальнее свое зданіе, и совершенно новымъ монастыремъ Св. Павла, гдѣ все, начиная отъ великолѣпнаго собора до пространныхъ келлій настоятельскихъ, уже отзывается пынѣшнимъ образованіемъ. Конечно покойнѣе бы для меня была ночь, подъ гостепріимнымъ кровомъ Ювійцевъ, но сердцу ближе была дикая

пустыня Діонисіева и замокъ ея, висящій надъ бездною, при непрестанномъ шумѣ волнъ, и чудный отшельникъ въ его очаровательномъ уединеніи, живой отрывокъ летописи Трапезундской. Нѣтъ, поэтическое минувшее всегда сильнѣе будетъ говорить, не только воображенію нашему, но и сердцу, нежели прозаическое настоящее. Я полюбовался несовершенно оконченнымъ еще соборомъ Срѣтенія Господня, свѣтлымъ и пространнымъ, но пожалѣлъ о старомъ, который сломали до основанія чтобы воздвигнуть этотъ; полюбобытствовалъ осмотрѣть и малую церковь Св. Георгія, уцѣлѣвшую въ башнѣ, гдѣ еще всѣ надписи Славянскія свидѣтельствуютъ о прежнихъ владѣльцахъ. Послѣдній изъ Деспотовъ Сербскихъ, Георгій Бранкованъ, былъ соорудителемъ разрушеннаго собора и щедрыми милостями осыпалъ обитель, а дочь его Марія, супруга Султана Амурата и мать завоевателя Магомета, покровительствомъ осѣнила всю гору Аѳонскую. Она принесла въ монастырь Св. Павла часть злата, изъ дара волхвовъ Вилеемскому младенцу, обрѣтенное въ сокровищницѣ Императоровъ послѣ паденія Царьграда. Преданіе говоритъ, что сама она хотѣла внести сокровище въ обитель и, уже приближалась къ стѣнамъ, но и ей, подобно какъ некогда Царевнѣ Плакидѣ въ обители Ватопедской, было внушено свыше: не нарушать строгаго устава Аѳонскаго, запрещающаго женщинамъ входъ въ монастыри Св. горы. Марія остановилась, передавъ инокамъ, вышедшимъ къ ней на встрѣчу, дары волх-

вовъ , и мѣсто сіе доселѣ ознаменовано крестомъ Царицы. Между сокровищами монастырскими, самое важное, есть часть животворящаго древа, которое, по преданію, принадлежало основателю Св. Павлу и удѣлено изъ Кеиропотама, гдѣ онъ игуменствовалъ; есть и другой крестъ великаго Константина, въ богатѣйшемъ окладѣ съ живописью на эмали двѣнадцати праздникамъ, и древняя икона Царя Θεофила иконеборца, брошенная имъ въ пламень и уцѣлѣвшая. Мнѣ показали икону Покрова Богоматери, съ Ангелами царскаго семейства Алексѣя Михайловича, письма изящнаго; ей приписывали великую древность, но я отыскалъ подпись и силъ очарованіе старины съ сего богатаго вклада благочестивыхъ Царей нашихъ. Тутъ же честная глава великаго исповѣдника Максема, пострадавшаго за иконы, и лѣвая нога Григорія Богослова, котораго пастырская свирѣль заглушила трубы риторовъ, по выраженію церковныхъ пѣсней. О какъ близокъ всегда моему сердцу сей великій Григорій, и съ какимъ благоговѣніемъ я цѣловалъ Св. мощи его на Афонѣ, тамъ гдѣ только могъ ихъ обрѣсти; да едва ли есть иное мѣсто во вселенной, гдѣ можно ихъ видѣть, кромѣ Рима; тамъ онъ сокрыты подъ однимъ изъ олтарей соборныхъ Св. Петра.

Не вродстой подвижникъ былъ основателемъ обители Св. Павла, которой осталось его имя въ память того, что онъ тутъ въ близлежащей пещерѣ спасался до глубокой старости. Онъ былъ цар-

ственной отрасли Императора Никифора, сынъ его дочери Проконія, супруги другаго Императора Михаила Рангаве. Оскопленный въ дѣтствѣ, похитителемъ его отеческаго престола, преподобный юноша искалъ безмолвія пустыннаго и поселился на Аѳонъ въ прибрежной пещерѣ; но стужаемый здѣсь набѣгами морскихъ разбойниковъ, перешелъ выше на сухой потокъ Ксиропотамскій и основалъ тамъ знаменитую обитель сорока мучениковъ. Слава его добродѣтели и царственный родъ привлекли къ нему вниманіе всего братства Св. горы. Ревнитель Христіанства ходилъ онъ въ Македонію и Сербію къ племенамъ Славянскимъ, проповѣдать имъ слово Божіе, и это было виною, что послѣ его преставленія Славяно-Сербы поселились въ его обители, подъ особеннымъ покровительствомъ своихъ Деспотовъ. Есть преданіе, что Павелъ былъ избранъ Протомъ надъ всеми ея обителями и предсказалъ будущую славу юнаго Аѳанасія, предъ кою должна была поблѣднѣть его собственная; но изъ актовъ Аѳонскихъ видно, что онъ, не будучи Протомъ ходилъ въ Царьградъ, просить о запрещеніи Аѳанасію созидать лавру, дабы не нарушилась жизнь пустынножизненная на Св. горѣ. Остатокъ дней своихъ старецъ провелъ опять въ безмолвіи пустынномъ и, умирая, не хотѣлъ чтобы кости его погребены были на Аѳонъ, но велѣлъ перенести себя, на противулежащій полуостровъ Сикку; однако, промысломъ Божіимъ, тѣло царственнаго пустынножителя принесено было въ столицу его

предковъ и тамъ погребено съ большою честью, въ обители Перивлентосъ, что нынѣ Армянскій Сулу-монастырь; Венеціане, при разгромѣ Царьграда, унесли его съ собою, но къ сожалѣнію я не поклонился мощамъ его въ Венеціи, потому что не зналъ, въ какой церкви они находятся. Какой назидательный Патерикъ можно бы составить изъ житія всѣхъ преподобныхъ Аѳонскихъ, по образцу нашего Печерскаго; есть имъ особая служба, каноны и похвальное слово, но они не собраны воедино; ихъ надобно искать въ мнѣняхъ и въ отдѣльныхъ изданіяхъ, каковы повый Рай, Сборникъ и другія.

Мы не возвратились къ берегу, но велѣли нашей лодкѣ подвигаться мимо скита Новаго, до скитской пристани Св. Анны, а сами поѣхали туда на мулахъ горною дорогою, по которой шелъ самъ преподобный, когда согласился онъ со Св. Аѳанасіемъ, обозначить взаимные ихъ предѣлы на мѣстѣ встрѣчи. Мѣсто это и доселѣ показываютъ тамъ, гдѣ пробита узкая тропа въ неприступномъ утесѣ; но если такое преданіе справедливо, можно сказать, что Аѳанасіи обидѣлъ отшельника, потому что разстояніе отъ сей грани до его лавры въ четверо больше, нежели до обители Павловой. Иногда любятъ великими именами укрѣплять за собою собственность, для большей прочности. Это событіе, вѣрнѣе можно отнести къ другому Аѳанасію, выходцу лавры, который основалъ малую обитель около скита Св. Анны и имѣлъ преніе съ игу-

меномъ Св. Павла о землѣ. Подъ нами, на самомъ поморіи, видѣли мы такъ называемый новый скитъ Св. Павла, съ его башнею, гдѣ долго спасался отшельникъ Иларіонъ, но время не позволяло туда спуститься; видна была и ладья, скользящая вслѣдъ за нами по тихой пучинѣ.

Быль жаркій полдень, когда мы достигли скитской церкви праведной Анны; братія отдыхала по келліямъ и только прелъ тѣмъ, какъ намъ удалиться, собралось нѣсколько старцевъ для угощенія въ соборную палату. Между тѣмъ одинъ изъ клириковъ отворилъ церковь, которая сооружена не болѣе двухъ сотъ лѣтъ Патріархомъ Діонисіемъ Царьградскимъ, благодѣтельствовавшимъ многія обители Св. горы, гдѣ проживалъ на покой; онъ возстановилъ древній скитъ сей, устроенный сперва нѣсколько ниже въ одно время съ лаврою, но опустѣвшій отъ морскихъ разбоевъ, теперь же считается первостепеннымъ на Аѳонѣ; многіе именитые отшельники выходили изъ него настоятелями въ разныя обители и знаменитые пастыри удалялись туда на безмолвіе. Барскій засталъ тамъ Митрополита Тырновскаго Іосифа, и можетъ быть его гробницу видѣли мы при дверяхъ, которую не умѣлъ мнѣ назвать клирикъ. Зная что въ церкви хранится безцѣнное сокровище, часть стопы Св. Анны матери Пречистой Дѣвы, я просилъ вынести ее изъ алтаря, и съ утѣшеніемъ приложился къ сему священному останку Богоотцевъ на земли. Говорятъ, что Патріархъ Діонисій приобрѣлъ сто-

ну сію отъ Христіанъ Малоазійскихъ; а я слышалъ другое преданіе, будто она перенесена изъ лавры Св. Саввы Палестинскаго, братією, бѣжавшею отъ толъ послѣ раззореній Хозроевыхъ, которая однако скоро здѣсь вымерла, потому что не могла вынести суроваго климата, при строгомъ образѣ своей жизни и скудной одеждѣ.

Сожалю, что не могъ оставаться долѣе со старцами скита Св. Анны, которые убѣдительно просили насъ переночевать, но я сѣвши въ другой знаменитый скитъ Капсокаливъ, и не сухимъ путемъ, потому что тутъ непроходимая къ нему дорога, по южнымъ пропастямъ Аѳона. Мы спустились съ крутой горы, обросшей роскошною зеленью; скитъ лежитъ такъ высоко, что мы даже утомились отъ спуска и подгибались у насъ колѣна; каково же братіи подниматься къ нему, почти ежедневно, съ тяжелою ношею необходимыхъ запасовъ. Здѣсь то однажды Патріархъ Діонисій, утомленный подъ бременемъ ноши, воскликнулъ: «Господи, будетъ ли намъ воздаяніе за сей подвигъ»? и внявъ утѣшительному: «будетъ». — Лодка давно ожидала насъ у приетани; вельзя было медлить, потому что вѣтеръ начиналъ свѣжѣть, а намъ надлежало обогнуть всѣ утесы мыса Аѳонскаго, за которыми море представлялось вдали какъ бы волновавшимся; дѣйствительно весьма трудно было огибать утесы, которые выдвигались одинъ за другимъ въ море, обманывая утомленныхъ пловцевъ надеждою, что каждый изъ нихъ есть послѣдній.

Были минуты, когда мы хотели воротиться или пристать къ какой либо скалѣ, чтобы провести подѣею ночь, по тому что день склонялся къ вечеру и вѣтеръ все усиливался: между тѣмъ опасно было и остановиться на этихъ неприютныхъ мѣстахъ, которые еще недавно служили притономъ для морскихъ разбойниковъ. Не болѣе двухъ недѣль какъ ограбленъ былъ караванъ, шедшій на Св. гору, и намъ весьма подозрительнымъ казалось малое парусное судно, которое какъ будто слѣдло за нами по морю.

Кто только могъ, брался попеременно за весло, чтобы облегчить выбившихся изъ силъ гребцовъ; мы сътовали на игумна Паисія, зачѣмъ уговорилъ насъ плыть въ этотъ вечеръ до Капсокаливы, по пристрастію къ сему первоначальному поприщу его подвиговъ. Посреди ужасовъ дикой природы, увидѣли мы спущенную со скалы корзину и мимоходомъ положили въ нее хлѣба и денегъ. «Это Каруля, сказалъ отецъ Паисій, самая дикая келлія на всемъ Аeonѣ, гдѣ живетъ однако подвижникъ изрѣдка посѣщающій нашъ скитъ; при немъ только одинъ ученикъ и они, по давнему обычаю, ежедневно спускаютъ корзину для насущнаго хлѣба. Если бы вы видѣли, какъ страшно спускаться, чтобы потянуть веревку для принятія нашей милостыни, вы бы согласились лучше отъ нее отказаться; я былъ тутъ однажды когда жилъ въ Капсокаливахъ. Повыше есть нѣсколько каливъ, называемыхъ Керасія, гдѣ, подѣею самымъ хребтомъ Аeона, спа-

саются отшельники; между ними одинъ Болгарскій священникъ съ бороною по колѣна, какъ пишутъ Св. Онуфрія; въ память того, что тайная вечера совершалась поздно, онъ служитъ ежедневно литургію только при захожденіи солнца. Далѣе пещера Пр. Нифонта, отшельника Капсокаливскаго, который прославился тамъ вмѣстѣ съ Максимомъ и Акакіемъ, двумя ктиторами сего скита. Вотъ и островъ Св. Христофора съ деревяннымъ крестомъ, поставленнымъ рыбаками на одномъ изъ его остроконечныхъ утесовъ; теперь мы уже недалеко отъ Кавсокаливъ». — И дѣйствительно вскорѣ открылась на берегу долина съ келліями, разбросанными по льсистому скату.

Признаюсь, я очень обрадовался, когда достигли мы этого дикаго пристанища, но еще не мало трудовъ стоило подняться въ темнотѣ на крутую гору, по едва пробитой стезѣ: признаюсь, не разъ вспомнилъ я восклицаніе Патріарха Діонисія, видя съ какимъ напряженіемъ несли наши вещи въ гору добрые иноки Руссика, хотя здѣсь высота горы и въ пятую долю не достигаетъ той, что у Св. Анны. По счастью и мѣстность и братія, все было знакомо отцу Паисію, по девятилѣтнему его здѣсь пребыванію, и онъ старался всячески угостить насъ, чтобы изгладить непріятное впечатлѣніе опасной дороги. Дикей или начальникъ скита, старый Запорожець, съ любовью принялъ соотечественниковъ въ сборной келліи и приготовилъ что могъ для трапезы утомленныхъ; но часть гребцовъ

осталась на поморіи, чтобы стеречь лодку, которую вытащили на берегъ какъ это описано въ странствіяхъ Одиссея; не безъ поэзіи было вечернее наше похождение около Аѳона. Мнѣ же тѣмъ памянше эта была ночь, что едва только сомкнулъ глаза въ моей уединенной келліи, гдѣ казалось я забыть міромъ, какъ вдругъ меня будятъ со свѣчею и подаютъ пакеты; я никакъ не могъ опомниться отъ изумленія. Это были письма изъ Россіи, которыя переслали изъ Царьграда на Аѳонъ, а изъ Карей старческой соборъ Св. горы послалъ отыскивать меня по всѣмъ обителямъ, начиная съ Діонисіата, и у Св. Павла и въ скитъ Св. Анны; наконецъ здѣсь, въ самомъ дикомъ пріютѣ Св. горы, обрѣлъ меня посланецъ, съдой монахъ, ночью съ фонаремъ, пробравшійся чрезъ все пропасти Керасія.

Не странно ли такое приключеніе?—тутъ я получилъ первое отъ васъ письмо, которое долго ожидалъ въ Константинополь; тутъ прочелъ я все подробности о кончинѣ доброй Графини Шереметевой, которую оставилъ совершенно здоровою въ Москвѣ. Поразительно было читать о томъ, и гдѣ же? въ Капсокаливахъ! Господь да успокоитъ ея душу, я же буду молиться о ней и на Св. горѣ, и въ Палестинѣ. Утомленіе мое было однако такъ велико, что не смотря на жажду получить извѣстія, я могъ только раскрыть письма и не въ силахъ былъ читать ихъ: оставалось не много часовъ до утренни и литургіи. Отслушавъ ее вмѣстѣ съ

братією въ соборной церкви Св. Троицы, или кираконъ скитскомъ, я занялся съ наслажденіемъ чтеніемъ писемъ, которыя переносили меня на дальнюю родину, изъ столь дикой пустыни,

Скитъ Капсокаливъ получилъ свое начало и названіе, отъ знаменитаго подвижника XIII вѣка Максима, который, переходя съ мѣста на мѣсто, сожигалъ за собою свои келліи или каливы, чтобы не привязываться ни къ чему земному; посему и самъ прослылъ ихъ сожигателемъ или Капсокаливомъ. Но скитъ процвѣлъ въ началѣ минувшаго вѣка при преподобномъ Акакіѣ, котораго засталъ еще Барскій въ первое свое путешествіе. Слава о его добродѣтели была столь велика, что извѣстный своею ученостію Патріархъ Іерусалимскій Хрисанъ, издатель исторіи Досиѣевой, нарочно ѣздилъ на Аѳонъ для собесѣдованія съ Св. старцемъ. Источникъ воды, испрошенный его молитвами, оживилъ скитъ и далъ возможность тутъ поселиться. Въ память сихъ трехъ преподобныхъ, Максима, Нифонта и Акакія, почитаемыхъ ктиторами, устроенъ прѣдѣлъ въ церкви скитской.

Пользуясь утреннею тишиною, мы продолжали плаваніе къ Лавръ; отецъ Пасійъ объяснялъ мнѣ священную мѣстность, по мѣрѣ того какъ мы подвигались. Высоко, на неприступной скалѣ, мелькнуло устье пещеры преподобнаго Нила, который прославился здѣсь своими подвигами въ среднихъ вѣкахъ; мощи его тутъ почиваютъ подъ спудомъ. Далѣе, гдѣ малый заливъ образовалъ удобное при-

станции для лодокъ, показалась другая пещера съ церковію преподобнаго Петра Аѳонскаго, сего перваго отшельника, обрѣтеннаго ловчими въ пустынь еще необитаемаго тогда Аѳона; они сохранили повѣсть о его чудномъ житіи и погребли старца въ его дикомъ уединеніи, отколѣ надлежало возсіять столькимъ подвижникамъ. Но это мѣсто, въ недавнее время, служило притономъ для разбойниковъ, по удобству пристани и прилежащей дубравы, гдѣ укрывались они въ одной оставленной келліи. Еще нѣсколько пустынныхъ пріютовъ было разсыяно по горамъ вдоль берега; всѣ населены любителями безмолвія, ибо этотъ образъ подвига весьма сроденъ Аѳону, и даже не кажется тамъ необычайнымъ; при нѣкоторыхъ живутъ одинъ или два ученика, но большею частію безмолствуютъ тамъ одинокіе старцы, отъ времени до времени только приходящіе за пищею въ ближайшія обители. Одинъ изъ таковыхъ поселился близъ пещеры, гдѣ снасаяся самъ великій Аѳанасій, за два часа отъ его лавры; ближе къ ней, на берегу морскомъ, преданіе мѣстное сохранило память погребенія иноковъ, отпадшихъ къ Римской Церкви во время гоненій Палеолога; оно слыветъ отверженнымъ у народа и рассказы ваютъ, что тѣла ихъ доселѣ лежатъ черныя какъ уголь. Вотъ наконецъ показалась намъ и пристаць Лавры съ своими бойницами, самая живописная изъ всѣхъ на Св. горѣ; Эпитропы, случившіеся на берегу для работъ монастырскихъ, приняли нея какъ старато знакома.

ПИСЬМО XVI.

ЛАВРА СВ. АѦНАСІЯ.

Лавра, 2 Сентября 1849.

Я поспѣшалъ въ Лавру къ церковному новельтію на 1 Сентября, потому что тамъ, какъ и во всѣхъ обителяхъ АѦонскихъ, совершается водосвятіе каждое первое число мѣсяца, въ мраморныхъ фіалахъ или крещальныхъ, предъ дверьми собора; въ лаврѣ же фіаль сей всѣхъ древнѣе и великолѣпнѣе, и мнѣ хотѣлось встрѣтить новое лѣто подъ свѣію Св. АѦанасія, почерпнувъ священную воду изъ его крещальни. Энтропы, желая сдѣлать мнѣ пріятное, пригласили живущаго въ обители Архіепископа Варнекаго Іосифа, совершить послѣ литургіи торжественное водосвященіе; оно было поистинѣ умилительно, между двухъ вѣковыхъ кн-

парисовъ аввы Аѳанасія предъ дверьми его храма. Животворящій крестъ , погружаемый въ воду, пожертвованъ Аѳанасію монаху, то есть самому ктитору, какъ явствуетъ изъ надписи, другомъ его Императоромъ Никифоромъ, при царской хрисовулль, и хранился въ золотомъ кивотъ, украшенномъ крупными перлами. И такъ, все современное аввъ и началу его лавры, присутствовало тутъ чрезъ девять вѣковъ: не только зданія и священная утварь, но и самыя древа, которыхъ какъ будто не смѣло коснуться время; измѣнились только люди, хотя и въ ихъ устахъ слышались тѣ же молитвы, которыя вѣкогда оглашали здѣсь своды небесъ и своды храма, въ самую цвѣтущую эпоху лавры, когда тутъ молился между братією самъ великій подвижникъ Аѳанасій.

Я обѣщаль вамъ описать лавру подробнѣе, нежели при первомъ моемъ посѣщеніи, ибо она дѣйствительно заслуживаетъ вниманіе болѣе всѣхъ обителей Аѳонскихъ; жаль только, что ее коснулась рука обновителей; и чья же на примѣръ? мученика Патріарха Григорія, который, во время второго междупатріаршества, обиталъ здѣсь въ 1814 году, оставивъ Ивиръ. Не понимаю, почему вздумалось ему перестроить внѣшній притворъ, который былъ совершенно во вкусъ Ватопедскаго, т. е. въ древнемъ Византійскомъ, и замѣнить величественныя его аркады легкою колоннадою. Хотя она пріятна для глазъ, но отъ этого пострадала священная старина и на хорахъ уничтожи-

лась, грустно сказать, келейная церковь Св. Асана-сія, во имя пяти мучениковъ Критскихъ, его би-бліотека и самая келлія, гдѣ еще видны были на мраморѣ глубокіе слѣды его колѣнопреклоненій. Измѣнился оттого и внутренній притворъ или по нашему трапеза, между двухъ придѣловъ Николая Чудотворца и сорока Мучениковъ; (въ послѣднемъ находится гробница Святаго). Однако уцѣлѣла въ сей трапезѣ древняя икона Богоматери, съ Ангела-ми по сторонамъ и съ двумя царственными ктито-рами, Никифоромъ и Іоанномъ Цимисхіемъ. Оба приѣла, украшенные мраморными столбами, со-хранили также свой прежній образъ; по счастью одни только окна и иконостасъ передѣланы были внутри собора.

Я уже говорилъ вамъ прежде, что соборы Лав-ры и Протата отличаются отъ прочихъ, особен-ностію своего зодчества, потому что куполъ ихъ ле-житъ на четырехъ массивныхъ столбахъ, а не на легкихъ колоннахъ, по новѣйшему вкусу Византій-ской архитектуры, съ которымъ соображались на Аѳонѣ всѣ позднѣйшія обители. Церковь кресто-образна, съ округленною оконечностію вѣтвей кре-ста; стѣны ея обложены до половины блестящими плитами голубаго фаянса, въ XVII вѣкѣ, по усер-дію Патріарха Цареградскаго Діонисія и Воеводы Унгро-Влахійскаго Владислава; помостъ испещренъ драгоценными мраморами; стоялица кругомъ всей церкви изящной рѣзьбы и богато украшены перла-мутромъ двери иконостаса и каедрa игуменская;

авва Аѳанасій какъ бы досель предстоитъ на ней, потому что тутъ поставлена во весь ростъ древняя его икона, въ позлащенномъ окладѣ, которую пожертвовалъ Воевода Владиславъ съ супругою Анпою; оба они вычеканены на окладѣ по сторонамъ Аввы. Трехъярусный великолѣпный хоросъ спускается изъ подъ купола и нѣсколько бронзовыхъ крестовъ висятъ, въ видѣ кандиль, на сводахъ храма; освѣщеніе его должно быть величественно во дни торжествъ.

Стѣнная живопись нѣсколько разъ поновлялась, но она хорошей кисти художниковъ Критскихъ, коихъ школа славилась въ средніе вѣка; однако первымъ расписателемъ храма почитается Теофанъ, ученикъ знаменитаго Панселина; досель еще замѣтенъ смѣлый его пошибъ, не смотря на руку времени, если только не истребить еще болѣе рука человѣческая. На западной сторонѣ изображено усупеніе Богоматери, а по сторонамъ царственные ктиторы и преподобные отшельники Аѳонскіе и Палестинскіе, съ именитыми мучениками Георгіемъ, Димитріемъ и двумя Θεодорами, безъ коихъ не обходится ни одна церковь на Св. горѣ. Въ полукружїяхъ обонихъ клиросовъ написаны воскресеніе и преображеніе, съ прочими дванадцатыми праздниками; на передней стѣнѣ, по обѣимъ сторонамъ иконостаса, воздвиженіе честнаго креста и возстановленіе Св. иконъ Императрицею Θεодорою, два событія, прославившія ревность Византійскихъ Императоровъ и поддерживавшія православіе на Востокъ; са-

мая икона, принадлежавшая благочестивой Феодоръ, поставлена надъ южными дверями алтаря. Ръзной, двухъ-ярусной иконостасъ съ позолотою, не отличается отъ прочихъ Святой горы, но мѣстныя его иконы, высокаго письма, пожертвованы великимъ Императоромъ Алексіемъ Комнинымъ; есть еще двѣ Владычнія иконы, столь же изящныя, Андроника Палеолога и двѣ Воеводы Владислава, позади обоихъ клиросовъ; предъ ними горятъ неугасимыя лампы. Жаль однако, что новый деревянный иконостасъ замѣнилъ древній, который былъ совершенно открытъ, какъ некогда у Св. Софїи и досель у насъ въ церкви Пицундской, построенной также Іустиніаномъ: основаніе его изъ зеленого мрамора и на немъ поставлены были только четыре легкія колонны, весьма изящныя; можно еще ихъ видѣть изнутри алтаря, позади деревяннаго иконостаса. Любопытно знать давно ли измѣнилось это устройство?

Преданіе говорить, что сплошные многоярусныя иконостасы вошли въ употребленіе гораздо позже эпохи иконоборства, когда хотѣли представить чествованію Православныхъ всѣ драгоценныя залоги древности, уцѣлѣвшіе отъ сей вѣковой бури. Прежде поставлялись только однѣ мѣстныя иконы между мраморныхъ колоннъ, позади коихъ задергивалась завѣса. Левъ-Исавръ иконоборецъ поднялъ ихъ на высоту колоннъ, для того чтобы не могъ лобызать ихъ народъ; вѣроятно это поддало мысль поставить второй ярусъ иконъ поверхъ карниза,

когда спустились опять мѣстныя иконы. Въ послѣдствіи число ярусовъ умножилось до пяти и семи, по мѣрѣ усердія ктиторовъ; ихъ наполнили дванадцатые праздники и историческія изображенія Церкви новаго и ветхаго завѣтовъ и времянъ Патриархальныхъ, т. е. трехъ ея главныхъ періодовъ. Алтарь, довольно тѣсный, раздѣленъ по древнему чину на три части и рѣзная сѣнь украшаетъ престолъ, что весьма благолѣпно и въ нашихъ древнихъ соборахъ; но горнее мѣсто недоступно для свѣтлнн архіерейскаго, потому что, въ память горькаго событія, оно заслонено мраморною плитою, въ видѣ стола. — Вамъ извѣстно, что Св. Аѳанасій окончилъ страдальчески дни свои, паденіемъ съ крова церковнаго надъ самымъ алтаремъ, когда ходилъ по сводамъ строившагося храма для ускоренія работъ; здѣсь было мѣсто паденія. Подъ грудю развалинъ ученики уже не обрѣли въ живыхъ блаженнаго авву, но они назnamenовали мѣсто и когда онъ прославился, переименовали въ честь его самый соборъ, предназначенный въ началѣ праздновать благовѣщенію.

Ширшая небесъ (платитера) представлена, съ воздѣтыми къ небу руками, на сводѣ горняго мѣста, какъ у насъ въ Кіевѣ, и ниже ее, также какъ въ нашей Св. Софіи, Господь приобщаетъ подѣ обоими видами Св. Апостоловъ. Еще ниже, три Святителя Вселенскіе и три Александрійскіе, Аѳанасій, Кириллъ и милостивый Іоаннъ, Николай Чудотворецъ и Митрофанъ Царьградскій: такимъ об-

разомъ восточная стѣна лаврскаго собора совершенно напоминаетъ своими изображеніями нерушимую Кіевскаго. Поверхъ сопрестолія расположены, кругомъ стѣны, вкладныя иконы ктиторовъ: между ними особенно примѣчательна Матерь Божія, въ богатой ризѣ, древнія складни, на коихъ Спаситель изображенъ младенцемъ между Пречистой Дѣвою и Предтечей; но всѣхъ любопытнѣе икона Іоанна Богослова изъ воскомастики, едва ли не даръ Императора Іоанна Цимисхія, съ семью тезоименитыми ему Іоаннами, которые написаны на эмали вокругъ лѣва Богослова; тутъ Златоустъ и Коловъ, Безрешникъ и Милостивый, Постникъ и Дамаскинъ и Предтеча съ праведными его родителями. Мнѣ показали драгоценное евангеліе, писанное золотомъ, даръ Императрицы Ирины изъ дома Палеологовъ, и по моему прѣзбѣ вынесли изъ алтаря, для чествованія, святыню животворящаго древа и мощей, истина коихъ засвидѣтельствована хрисовулами царскими. Съ какимъ утѣшеніемъ приложился я къ главѣ великаго Василія, которую принесъ сюда ктиторъ Императоръ Никифоръ, по дружбѣ съ аввою Афанасіемъ; въ подлинности ея нельзя сомнѣваться, какъ по грамотѣ такъ и потому, что еще не былъ тогда расхищенъ Царьградъ. Не сладостное ли чувство, прикосаться устами къ священному челу небоявленнаго Василія, начертавшаго намъ литургію и укрѣпившаго Церковь во дни гоненій? Главу другаго исповѣдника, Михаила Синадскаго, и двѣ большія части мощей Златоуста, даровалъ также при

грамотъ, преемникъ Цимисхія, Императоръ Василій Вулгароктонъ. Памятью Константина Мономаха сохранилась глава священномученика Евстратія и часть мощей Феодора Стратилата. Отъ Андроника, старшаго Палеолога, глава мученицы Минодоры и три части, отъ мощей Андрея Первозваннаго, Евангелиста Луки и Варнавы; есть еще много другихъ частицъ, почти всѣхъ именитыхъ угодниковъ Божіихъ первыхъ вѣковъ Христіанства. Не драгоценно ли такое ихъ собраніе, твердо засвидѣтельствованное царскими руками и печатями вкладчиковъ, въ самое цвѣтущее время Византіи? Къ счастью оно было спасено, въ послѣднюю эпоху возстанія Эллинскаго и опустошеній Турецкихъ, иноками бѣжавшими въ Грецію и недавно возвращено лавръ. Но уже нѣтъ въ ней основнаго камня, нетлѣннаго тѣла ктитора ея великаго Аванасія, хотя существуетъ его гробница въ придѣлѣ сорока Мучениковъ; надъ нею лежитъ покровъ, съ вышитымъ его ликомъ, и стоятъ два его желѣзныхъ посоха, пастырскій и тотъ что всегда носилъ, увѣнчанный крестомъ. Преданіе мѣстное гласитъ, что по заповѣди Святаго, ближайшій его преемникъ вынулъ тѣло его изъ гроба и тайно похоронилъ, потому что Св. отшельникъ, какъ нѣкогда великій Антоній, не хотѣлъ, чтобы чествовались его мощи; тайна сія будто бы сохраняется изъ рода въ родъ между старшею братією, но едва ли она не утрачилась.

Чтобы не утомить вниманія вашего, послѣ опи-

санія собора , назову вамъ вкратцѣ самыя любопытныя зданія лавры. Всѣхъ замѣчательнѣе, противъ дверей соборныхъ , обширная крестообразная трапеза, которая напомнила мнѣ Никейскую. Стѣны ея расписаны искусною кистию художниковъ Критскихъ : весь соборъ преподобныхъ Аѳонскихъ какъ бы присутствуетъ при общественной трапезѣ; но къ сожалѣнію, рѣдко собираются здѣсь братія, развѣ только въ храмовые праздники, потому что лавра утратила общежитіе въ смутныя времена минувшихъ столѣтій; не только трапеза, но даже самая обитель была на время закрыта, по тяжести обременявшаго ея долга отъ палоговъ Турецкихъ. Нынѣшніе Эпитропы хотятъ вновь расписать трапезу, но я умолялъ ихъ не касаться произведенія древняго искусства, теперь уже утраченнаго; особенно замѣчателенъ колоссальный ликъ сѣдящаго Пророка Іліи, на лѣво отъ входа. Въ самомъ концѣ трапезы столъ игумна; начиная отъ него двадцать четыре мраморные стола, на шестнадцать человекъ каждый, расположены по стѣнамъ во всю длину трапезы; такимъ образомъ четыреста сорокъ четыре человека братія свободно могли помѣщаться за трапезой; въ правомъ углу крестообразнаго зданія находится кухня, въ лѣвомъ хлѣбня и винохранилище, въ обоихъ кладези съ водою для омовенія посуды; видно, что все было устроено широкою царскою рукою; игумень съ своего мѣста могъ видѣть всю внутренность собора до горней каеэдры алтаря, потому что между зданіями одна

только тѣсная площадка съ фѣаломъ, осыенная вѣковыми кипарисами Св. Аѳанасія.

Позади собора, также подъ тѣнію кипарисовъ, есть малая церковь Михаила Синадскаго, сооруженная усердіемъ Воеводы Валахскаго Матеея, который самъ тутъ изображенъ подносящимъ церковь свою угоднику Божію. Съ правой стороны трапезы, на томъ же внутреннемъ дворѣ, подлѣ обширной больницы, гдѣ скончалось много именитыхъ Святителей Греческихъ, уцѣляли три патріаршія гробницы, благодѣтелей лавры. Тутъ отдыхаетъ, послѣ многихъ трудовъ святительства, Патріархъ Царьградскій Анеимъ, который нашелъ ее пустою въ XVI вѣкѣ, и хотѣлъ уже основаться по близости на иномъ мѣстѣ, но когда мало по малу собрались къ нему иноки, велѣлъ разорить все свои зданія, чтобы не повредить населенію лавры. Одинъ изъ его преемниковъ, Діонисій Патріархъ, много благодѣтельствовавшій обители Аѳона и Востока, и въ особенности лавру, возлегъ на покой подлѣ Анеима; третій подлѣ нихъ Патріархъ Іеремія, но я не знаю который? памятенъ второй и третій для Россіи, при учрежденіи въ ней Патріаршества и Синода.

На второмъ вѣншемъ дворѣ, гдѣ гостинныя келліи, въ оконечности его, стоятъ подлѣ навѣсомъ чудотворная икона Богоматери, проглаголавшая аввѣ Аѳанасію во время голода, по мѣстному преданію, и обещававшая ему пропитать обитель; тутъ же не далеко отъ Св. воротъ, укрѣпленныхъ двумя башнями, малая церковь Пречистой Дѣвы, гдѣ

соблюдается другая ея чудотворная икона, которая слыветь Кукузеліевою, и о ней сохранилось любопытное преданіе: юноша Кукузель, изъ пѣвчихъ царскихъ, особенно любимый при дворѣ по красотѣ своего голоса, бѣжалъ ради смиренія на Аѳонъ, и тамъ вызвался пасти стада, чтобы только укрыться отъ молвы житейской; но его подслушали въ полѣ, сладко поющаго гимны, и настоятель лавры взялъ его для кляроснаго послушанія. Когда дошла о томъ вѣсть до Императора, онъ хотѣлъ возвратитъ въ столицу любимаго пѣвчаго, однако умоленъ былъ игуменомъ, не лишать Матерь Божию столь сладостныхъ гимновъ, потому что особенное усердіе имѣлъ къ ней сладкозвучный юноша и постоянно пѣлъ предъ ея иконою. Однажды случилось ему вздремнуть на кляросѣ, во время всеобщаго бдѣнія, и вотъ ему предстала свѣтлая жена, полагающая въ руку его златницу, какъ бы въ залогъ благодарности за сладкое пѣніе: онъ проснулся съ златницею въ рукѣ.

Есть еще одна отдѣльная церковь Предтечи, кромѣ многочисленныхъ придѣловъ, и подлѣ нея башня Цимисхія, крѣпчайшая изъ всѣхъ, страшная по своимъ воспоминаніямъ, потому что сюда обыкновенно заключало правительство Турецкое и сами Патріархи виновныхъ духовнаго званія; говорятъ, что подвалы ея столько же глубоки, сколь высока самая башня. Изъ всѣхъ обителѣй Аѳонскихъ нѣтъ ни одной крѣпче, по своимъ твердынямъ, и обширнѣе лавры Св. Аѳанасія, по особенному къ

ней вниманію царственныхъ ктиторовъ и пустынному ея положенію на краю Св. горы.

Казалось бы ей надлежало быть и всѣхъ богаче, такъ какъ въ ея владѣніи находится почти половина Св. горы, т. е. вся южная ея оконечность, съ многочисленными виноградниками. Напротивъ того, не только не можетъ она сравниться съ Ивиромъ и Ватопедомъ, но даже находится въ скудномъ положеніи, такъ какъ не владѣетъ имуществами въ княжествахъ, отколы истекають главныя доходы для Аѳона. Внутреннее неустройство много препятствуетъ ея благосостоянію; нѣтъ въ ней ни общежитія, ни прежнихъ знаменитыхъ старцевъ, которые, до возстанія Греческаго, служили образцемъ для всей горы и поддерживали прежнюю ея славу. Изъ двухъ Эпитроповъ, болѣе дѣятельный, даже не іеромонахъ и, какъ мнѣ самъ сознавался, былъ сперва приставникомъ муловъ; онъ участвовалъ въ несчастномъ походѣ противъ Турковъ въ 1821 году, который окончился бѣгствомъ и навлекъ столько бѣдствій всѣмъ обителямъ, потому что лучшіе старцы погибли въ темницахъ Солунскихъ. Два, три человека, тайные участники этеріи Греческой, смутили всю гору и были виною гибели собратій; когда же, послѣ долгаго запустѣнія многихъ обителей, начали возвращаться иноки, уже некого было избирать въ настоятели: бывший блюститель муловъ сдѣлался блюстителемъ лавры, поступивъ въ число смѣняемыхъ ежегодно Эпитроповъ. Странно даже, что во время трапезы, ко-

торую для меня собирали въ бывшихъ келліяхъ Патріарха Григорія, некому было благословить ее, если бы не случилось съ нами игумена Паисія. Много бесѣдовалъ я въ послѣдствіи, о грустномъ положеніи лавры, съ образованнымъ старцемъ Діонисіемъ дидаскаломъ или учителемъ, который также не облеченъ въ санъ священства, но пользуется большимъ вліяніемъ по своей учености и потому что много хлопоталъ по дѣламъ Аѳонскимъ въ Царьградѣ. Почтенный старецъ Іосифъ Митрополитъ Варвскій, съ которымъ я познакомился на праздникъ Иверскомъ, принималъ участіе въ нашей бесѣдѣ, такъ какъ онъ оказывалъ ко мнѣ большую любовь и, вмѣстѣ съ Діонисіемъ, объяснялъ все любопытное въ лаврѣ, гдѣ уже многіе годы живетъ на покоѣ. Я убѣждалъ ихъ непременно устроить у себя общежитіе, какъ въ Зографѣ, доколь есть еще нѣсколько опытныхъ старцевъ, и такъ какъ они затруднялись по разномыслию братій, совѣтовалъ имъ чтобы предложили желающимъ изъявить на то свое согласіе: тогда окажутся ревнители добраго дѣла, а прочіе невольно присоединятся, или по убѣжденію или ради стыда; но время не позволяетъ медлить, если хотятъ предохранить лавру отъ совершеннаго упадка.

Однако, не смотря на нынѣшнее ея положеніе, сохранилось въ ней нѣкоторое чувство прежняго величія и преобладанія, которое дѣлаетъ Лавріотовъ менѣе другихъ общительными и даже отчасти холодными къ пришельцамъ. Быть можетъ уединен-

ное положеніе на самомъ краю Аѳона, тому способствуетъ, но я замѣтилъ тотъ же духъ при обоихъ моихъ посѣщеніяхъ. Лавра господствуетъ и на Кареи, какъ по своему первенству, такъ и потому, что ея представитель старецъ Софроній болѣе другихъ опытный, уже нѣсколько лѣтъ сряду занимается дѣлами общественными, когда другіе депутаты смѣнялись ежегодно: это даетъ ему какъ бы значеніе Прота, хотя давно миновалась власть сихъ первостоятелей Аѳона.—Но если бы общежитіе восстановилось въ лаврѣ и, по ея примѣру, во всѣхъ первостепенныхъ обителяхъ восточнаго берега, въ какое цвѣтущее состояніе пришла бы опять Св. гора.— Можно о томъ судить, по существующимъ образцамъ киновій западнаго берега и особенно Руссика и Ксенофа. Тогда бы опять просіяло, въ полномъ блескѣ, безсмертное дѣло великаго аввы Аѳанасія, собравшаго во едино разбѣянныхъ скитниковъ и облекшаго священную гору въ ту духовную славу, которая и доселѣ, нослѣ столькихъ вѣковъ, какъ призракъ миноваго, носится надъ нею и свѣтитъ Востоку. Надъ его гробомъ часто молился я, хотя и чуждый пришелецъ, объ успѣхъ сего благаго желанія. Не напрасно подвизался сей великій труженикъ, и отъ его гробницы должно опять возсіять то, что временно угасло въ бурю Исламизма.

Можно ли умолчать о подвигахъ Аѳанасія, при посѣщеніи его лавры, молясь надъ тою гробницею, гдѣ положены были священные его остатки? Вос-

хвалия Аѳанасія, восхваляемъ добродѣтель, сказалъ некогда Григорій Богословъ о другомъ великомъ Аѳанасіи, святителѣ Александрійскомъ; то же можно сказать и о великомъ аввѣ Св. горы, которую онъ, если не создалъ, то обновилъ въ томъ видѣ, какъ она теперь. Чтобы лучше постигнуть подвигъ Аѳанасіевъ, надобно знать предыдущее Аѳона и, отложивъ устные благочестивыя преданія различныхъ обителей, о первыхъ временахъ Христіанства на Св. горѣ, представить только то, что засвидѣтельствовано лѣтописью.

Самое древнее, что можемъ почерпнуть письменно о Аѳонѣ, находимъ въ житіи Св. Евѳимія, одного изъ первыхъ его всельниковъ, которое описано ученикомъ его, Архіепископомъ Солуня Василюемъ, причтеннымъ также къ лику святыхъ. Ученый пастырь сей пишетъ, что блаженный его старецъ Евѳимій, проходя первое послушаніе иноческое подъ руководствомъ Св. Іоаннікія на Олимпѣ, что въ Анатолиі, слышалъ тамъ; отъ некоего добродѣтельнаго мужа Феодора, о пустынной горѣ Аѳонской, благопріятной для подвиговъ иноческихъ, и, пришедши на Аѳонъ, обрѣлъ тамъ одного только монаха по имени Іосифа. Это было въ половинѣ девятаго вѣка, уже послѣ всѣхъ бурь иконоборства, во время коихъ не упоминается ни о единомъ отшельникѣ или исповѣдникѣ Аѳонскомъ, и за сто лѣтъ почти до пришествія на гору аввы Аѳанасія.

Евѳимій провелъ два года со старцемъ Іосифомъ

на Св. горы, не видя тамъ никого другаго, и удалился въ Солунь; потомъ опять возвратился въ свое уединеніе, съ однимъ инокомъ Іоанномъ Коловомъ, и нашелъ еще отшельника Симеона; но увидѣвъ причалившіе корабли морскихъ разбойниковъ, всѣ разбѣжались отъ страха: Симеонъ въ Элладу, Евонмій и Іосифъ на полуостровъ Сикки, противулежащій Аѳонскому, и оттоль на мѣсто, называемое Перистери, гдѣ основали обитель Апостола Андрея, а Коловъ Іоаннъ соорудилъ монастырь, ему соименный Колова, близъ перешейка Аѳонскаго; таковы были первые вѣдомые отшельники и подвижники Св. горы. Іосифъ скончался въ своей обители и мощи его источали цѣлебное муро; Евонмій же, опасаясь славы человѣческой, удалился на островъ Лесбось, гдѣ окончилъ дни свои, но нетлѣнные останки его перенесены были въ Солунь ученикомъ его Архіепископомъ. Святитель Василій говоритъ однако въ житіи его, что однажды ученики старца пожелали взойти для молитвы на вершину Аѳонскую, и были застигнуты тамъ непогодою, безъ пищи и огня, такъ что кончяся бы погибли, если бы блаженный авва, видя духовными очами угрожавшую имъ опасность, самъ не водвигся къ нимъ на помощь съ запасами пищи: по этому должно предполагать, что обитель Перистери или голубицы, гдѣ основался, была гдѣ либо близъ Аѳонскаго полуострова, или даже на ономъ.

Извѣстно, что обитель Колова стояла недалеко

отъ крѣпости Эриссо, замыкавшей перешеекъ Аеонскій ; во дни Императора Василія Македонскаго, Іоаннъ Коловъ просилъ державнаго уступить ему всю Аеонскую гору, какъ мѣсто совершенно пустынное, для жительства исключительно монашествующихъ, и просьба его была уважена. Василій выдалъ хрисовуль царскій на обладаніе иноками горы Аеонской, а сынъ его, Левъ премудрый, и два внука, Константинъ и Романъ, укрѣпили подписью грамоту отца и дѣда, упомывая въ ней только о обители Колова, какъ единственной тогда на Аеонѣ. Когда, при Императорѣ Константинѣ Багрянородномъ, произошло нѣкое преніе за землю, между жителями крѣпости Эриссо и монашествующими, то опредѣлены были царскими сановниками, пришедшими нарочно изъ Солуны, взаимные ихъ предѣлы по каналъ Ксерксовъ, отдѣлявшій перешеекъ; мѣсто это называлось Провлакъ, но въ актѣ не упоминается еще ни о какомъ монастырѣ на Св. горѣ, а просто о монашествующихъ.

Въ такомъ положеніи засталъ ихъ великій подвижникъ Аеонасій, когда впервые посѣтилъ Св. гору, какъ сказано въ житіи его. Они разбѣганы были по всей горѣ въ пустынныхъ келліяхъ, въ убогихъ калвахъ, сплетенныхъ изъ деревьевъ, безъ всякаго земледѣлія, безъ домашняго скота или муровъ, способныхъ помогать имъ; терпѣливо переносили холодъ и зной, въ убогой одеждѣ, питаются травами и плодами, уподобляясь безплотнымъ въ пренебреженіи всѣхъ потребностей жизни и стихій-

ныхъ измѣненій; при всемъ томъ еще угрожалъ имъ непрестанный страхъ Сарациновъ, морскихъ разбойниковъ, которые частыми нападеніями опустошали все окрестное поморіе. Изумился Аѳанасій и возблагодарилъ Бога, давшаго ему созерцать такую благодать на землѣ.

Но каковы были подвиги самаго Аѳанасія? — Трапезонтъ, его родина, даровала свѣтильника сего міру иноческому. Оставшійся сиротою, чрезъ нѣсколько дней послѣ рожденія, онъ призрѣнъ былъ благородною старицею, жившею въ обители, и отрокомъ научился при ней посту и молитвѣ; отрокомъ же вторично осиротѣлъ послѣ ея кончины и послѣдовалъ въ Царьградъ, за однимъ изъ сановниковъ царскихъ, чтобы тамъ научиться премудрости книжной; онъ нашелъ родственниковъ знатныхъ въ столицѣ, и сдѣлался ученикомъ знаменитаго по учености мужа Аѳанасія, имя коего воспріялъ въ послѣдствіи, потому что мірское его имя было Аврамій: скоро ученикъ превзошелъ учителя, и оставилъ его, чтобы не возбудить зависти отъ множества къ нему притекавшихъ. Иной, болѣе высокій по духу наставникъ, обрѣлся юношѣ, блаженный Михайлъ Маленнъ, создавшій обитель Кименскую недалеко отъ Аѳона. Тамъ посвятилъ себя совершенному безмолвію Аѳанасіи, подъ руководствомъ великаго аввы; тамъ впервые узналъ его племянникъ Михаила, будущій Царь, тогда же еще воевода Никифоръ Фока, посѣтившій обитель съ братомъ своимъ Львомъ Патрикіемъ. Они пора-

жены были мудростію духовныхъ увѣщаній, истекшихъ изъ устъ юнаго подвижника; Никифоръ, не предвидя будущей свѣтлой своей участи, обещалъ ему оставить міръ для житія иноческаго. Многіе годы провелъ въ такомъ искусь Аѳанасій; когда же узналъ, что состарѣвающійся авва Маленій хочетъ поставить его игуменомъ вмѣсто себя, бѣжалъ въ пустынную гору Аѳонскую, и тамъ спасался въ разсылинахъ горныхъ, съ нѣкоторыми изъ строгихъ отшельниковъ. По смерти блаженнаго Михаила, приходилъ однако помолиться надъ его гробомъ и, услышавъ о приближеніи Воеводы и Патрикія, совершенно утаился на Аѳонъ близъ обителя, называемой ту-Зигу или хребта, что недалеко отъ Хиландаря.

Чтобы никогда не могли отыскать слѣдовъ его на пустынной горѣ, Аѳанасій измѣнилъ имя свое, назвавшись Варнавою, и представился совершеннымъ невѣждою, отдавъ себя въ послушаніе одному старцу: напрасно отшельникъ старался научить его грамотѣ, Аѳанасій едва по складамъ начиналъ читать предъ нимъ псалтирь, къ крайнему искушенію его терпѣнія. Между тѣмъ воевода Никифоръ повсюду искалъ любимаго ученика своего блаженнаго дяди и писалъ въ Солунь Эпарху, чтобы извѣдалъ о немъ на Св. горѣ. Начальникъ области обратился къ Проту, или старшему игумену всѣхъ монашествующихъ на Аѳонъ, описавъ ему примѣты подвижника, искавшаго утаить себя отъ молвы житейской; нравственнымъ же отличіемъ была его высокая ученость и въ ней едва не об-

манулся прозорливый Протъ, наравнъ со старцемъ, воспріявшимъ Аѳанасія. Обычай существовалъ на Св. горѣ, собираться всѣмъ инокамъ, трижды въ годъ, на Карею, въ лавру келлій, такъ называемую по ихъ множеству, для взаимнаго общенія между собою и съ Господомъ Иисусомъ, чрезъ причастіе его тѣла и крови, въ три великіе праздника, Богоявленія, Пасхи и Успенія; ибо со времени Юанна Колова, мало по малу, образовалось тамъ пустынное житіе и отдѣльныя келліи и скиты, изъ нихъ составившіеся, вознмвли свое средоточіе въ Кареи. Этимъ случаемъ воспользовался Протъ, чтобы обличить тайну Аѳанасіеву и, узнавъ его по внѣшнимъ примѣтамъ, заставилъ подъ страхомъ запрещенія, читать въ слухъ псалтирь, къ крайнему изумленію старца наставника, который увѣрялъ Прота въ невѣжествѣ своего мнимаго ученика. Но подвижникъ умолялъ не выдавать его власти мірской, дабы могъ окончить дни свои въ уединеніи, и настоятель Св. горы, не желая лишиться такого сокровища, позволилъ ему безмолствовать въ пещерѣ близъ Кареи, гдѣ пропитывался трудами рукъ своихъ, въ шесть дней переписывая цѣлый псалтирь.

Спустя нѣсколько времени, случилось самому Патрикію Льву, послѣ побѣды надъ Болгарами, посѣтить Св. гору Аѳонскую; услышавъ въ Кареи, что живъ другъ его Аѳанасій, онъ устремился къ нему въ пещеру, дабы насладиться опять его духовною бесѣдою. Братія Аѳонская, видя къ нему

любовь могущественнаго Патрикiя, просили его ходатайствовать о сооружеиіи для нихъ болѣе обширной церкви на Карен, такъ какъ уже не вмѣщала ихъ общества, во дни торжествъ, тѣсная церковь лавры. Съ радостію отпустилъ имъ злата и серебра Патрикiй, умолялъ только Аѳанасiя придти въ Царьградъ посѣтить воеводу Никифора. Между тѣмъ слава о добродѣтели отшельника наполнила всю гору; отовсюду стали къ нему стекаться посѣтители; онъ же, смиренiя ради, удалился бѣгая и водворился въ пустыни, на самомъ краю дикой горы, гдѣ уже не могли нарушать его безмолвія, и основалъ себѣ уединенную кущу, на лѣсистой полянѣ, именуемой черною, или Мелани. Много искушенiй перенесъ тамъ подвижникъ отъ духа лукаваго, хотѣвшаго изгнать его изъ того мѣста, которое долженствовало послужить утверженiемъ всему Аѳону; уже начиналъ колебаться святой, думая возвратиться въ Карею, когда внезапно облиставшій его свѣтъ возвѣстилъ ему будущую славу избраннаго имъ уединенiя. Вскорѣ пришла грамота отъ воеводы Никифора, который поручалъ себя молитвамъ иноковъ, по причинѣ своего похода противъ Сарацынъ; онъ просилъ ихъ прислать къ нему Аѳанасiя для назиданiя духовнаго. Съ трудомъ могли убѣдить авву, исполнить желанiе воеводы и отплыть въ Критъ, куда направился съ воинствомъ Никифоръ. Утѣшенный пришествiемъ друга, вспомнилъ онъ прежнее свое обѣщанiе, оставить мiръ, и предлагалъ ему много

денегъ, дабы устроилъ сперва келліи на Аеоиѣ, для общаго ихъ жительства; но Аѳанасій не принялъ ненавистнаго ему злата и возвратился въ свое уединеніе безъ заботъ житейскихъ.

Не успокоился однако стратигъ, побѣдившій между тѣмъ полчища Сарацинскія, такъ что уже съ тѣхъ поръ не дерзали они опустошать, морскими разбоями, предѣлы имперіи. Онъ послалъ игумена Кименскаго Меѳодія, съ новыми мольбами къ Аѳанасію и съ большими сокровищами, убѣждая соорудить для него обитель въ Меланахъ, спасенія ради душевнаго, и на сей разъ подвигся авва, видя искреннее желаніе своего друга. Аѳанасій построилъ сперва келлію иноческую будущему Царю, съ малою церковью Предтечи, которыя доселѣ существуютъ хотя и въ заустѣннѣ; потомъ началъ сооружать болѣе пространный храмъ благовѣщенія Богоматери, для собиравшагося вокругъ него братства, трапезу, больницу, страннопріимницу и все нужное къ общежитію, коего строгіе уставы взялъ изъ лавры Палестинской освященнаго Саввы, для руководства своихъ иноковъ.

Когда все устроено было, для принятія знаменитаго друга въ число братіи, сердце Аѳанасія поражено было вѣстію, что общавшій раздѣлитъ съ нимъ подвиги иноческіе, избранъ за свои воинскіе подвиги Императоромъ, по смерти слабаго Романа. И такъ всѣ его труды оставались тщетными и цѣль, для которой отступилъ отъ житія безмолвнаго, утрачена: на раменахъ его лежала цѣлая

лавра, а виновникъ столькихъ заботъ ему измѣнилъ, вѣнчавшись на царство! Авва написалъ ему письмо, въ коемъ напоминалъ давнее обѣщаніе, и оставилъ съ тремя иноками Аѳонъ, подѣл предлогомъ странствія въ Царьградъ къ новому Кесарю, но отпутствовалъ ихъ съ дороги, а самъ, съ однимъ лишь спутникомъ, бѣжалъ въ Кипръ.

Проведя тамъ въ уединеніи нѣсколько времени, старецъ имѣлъ божественное откровеніе, возвратиться опять на Аѳонъ, и послѣдовалъ сему тайному гласу; между тѣмъ, опечаленный Императоръ посылалъ искать его во всѣхъ своихъ предѣлахъ, управленіе же созданною имъ лаврою поручилъ лучшему ученику его, именитому Иверцу Евимію. Возрадовалась братія пришествію отца своего, какъ бы солнцу, возсіявшему послѣ бурной ночи. Вскорѣ дѣла церковныя побудили авву идти въ Царьградъ; смущенный Императоръ, хотя съ радостію принялъ его, но не въ царскомъ санѣ, совѣсти ради, за не исполненіе своего обѣта, и осыпалъ щедротами новую обитель, умоля смиренно Аѳанасія дать ему время на покаяніе; не было однако суждено ему скончаться въ тишинѣ лавры: мечъ убійцы застигъ его въ палатахъ царскихъ, по ввроломству супруги Теофаніи; другой именитый воитель Іоаннъ Цимисхій воцарился на мѣсто его, но и онъ сдѣлался ктиторомъ обители Аѳанасіевой, оградивъ ее бойницами отъ нашествія варваровъ.

Между тѣмъ различныя искушенія стали постигать блаженнаго авву, которыя впрочемъ онъ преду-

зналъ въ ночномъ видѣніи, ибо ему представилось полчище бѣсовское, находящее на Аѳонѣ. Сперва трехлѣтняя тяжкая болѣзнь держала его на одрѣ, но и тутъ не оставался празднымъ болящій: въ шесть дней по обычаю переписывалъ онъ цѣлый псалтирь и въ сорокъ патерикъ; когда же исцѣлился, возстала на него вся гора Аѳонская, какъ на разорителя древнихъ уставовъ пустынныхъ и житія безмолвнаго, ибо насадилъ виноградъ, соорудилъ келліи и ограды и великолѣпные храмы, и держалъ работниковъ какъ бы въ мірскомъ селеніи.

Полагая, что со смертію Императора Никифора окончилось покровительство царское надъ великимъ Аѳанасіемъ, все общество Аѳонское послало Прота своего и игумена Павла Ксиропотамскаго, сына Царева, который самъ нѣкогда предсказалъ грядущую славу Аѳанасія, просить новаго Императора, чтобы высланъ былъ со Св. горы нововводитель и сокрушены всѣ горделивыя его зданія. Цимисхій, слышавъ о высокой добродѣтели аввы, не повѣрилъ на скоро мавѣту, вызвалъ обвиняемаго въ столицу и, убѣдившись въ личныхъ его достоинствахъ, послалъ благочестиваго игумена Евстратія Студійскаго монастыря, чтобы примирить на Св. горѣ ея братство съ лаврою великаго Аѳанасія. Созвано было чрезвычайное собраніе всѣхъ настоятелей Аѳонскихъ на Кареѣ, и положено оттолъ уже соединяться имъ, не три раза въ годъ, по умножившемуся ихъ числу, но только единожды, для разсужденія о дѣлахъ церковныхъ; а да-

бы избѣжать безпорядковъ многолюдства, одному только Проту предоставлено имѣть при себѣ трехъ учениковъ, Аеанасію двухъ, по степеніи его царской лавры, и царственному иноку Павлу одного, ради его старости и высокаго рода; прочимъ же приходится безъ всякихъ спутниковъ. — При тщательномъ разсмотрѣніи предмета тяжебнаго оказалось, что излишняя ревность смутила, по зависти демонской, старцевъ противъ праведнаго мужа, который не нарушалъ уставовъ иноческихъ, строгими правилами вводимаго имъ общежитія по древнему же чину, такъ какъ оно было виною спасенія многихъ душъ: всѣ облобызались между собою, въ духѣ Христіанской любви и написали, съ общаго согласія, новыя правила для руководства въ будущемъ всей Св. горы, равно киновій ея и отшельниковъ.

Двадцать восемь такихъ правилъ сохранилъ трагосъ или козія кожа, на коей были они начертаны; во главѣ всѣхъ, первымъ канономъ, определено было строжайшее подчиненіе Проту, или верховному настоятелю всей горы, дабы ничто не дѣлалось безъ его согласія; но и ему внушалось, въ своихъ рѣшеніяхъ, испрашивать предварительно мнѣнія всѣхъ игуменовъ Св. горы. Приходящимъ изъ иныхъ обителей, дабы на ней поселиться, запрещалось пріобрѣтать келлію или поле, безъ разрѣшенія Прота. Приходящимъ же изъ міра, съ желаніемъ постричься въ какой либо изъ обителей Аеонскихъ, надлежало выдержать полный годъ искуса иноческаго, и только по случаю прибли-

жающейся кончины, или по какому либо особому усмотрѣнію, разрѣшалось игуменамъ постригать ихъ до сего срока. Новоначальнымъ предоставлялось однако, для пользы душевной, послѣ полугодичнаго искуса, переходить въ другую обитель, если первая ихъ не удовлетворяла духовно. Тоже дозволялось даже и постриженнымъ, если они могли обрѣсти себѣ игумена болѣе по сердцу, нежели тотъ, кто ихъ постригалъ, но не безъ его вѣдома. Игуменамъ разрѣшено было располагать властно, при жизни или по смерти, своимъ имуществомъ, въ пользу учениковъ или кому пожелаютъ изъ внѣшнихъ. Строго воспрещалось инокамъ, отступившимъ отъ послушанія собственнаго игумена, обходить самовольно гору для свободнаго жительства: таковые подвергались всей строгости канона, по троекратномъ обличеніи, равно и всякій, ктобы дерзнулъ пренебрегать древніе уставы Св. отецъ; но желающимъ, съ дозволенія своихъ игуменовъ, восходить на высшій подвигъ безмолвія, дозволялось уединеніе. Священники принимались извнѣ только съ грамотами Епископовъ. Запрещалось, во дни великаго поста, докучать взаимными посѣщеніями другъ другу, кромѣ нужнаго исповѣданія помысловъ. Воспрещалась всякая продажа и купля, кромѣ субботы, ради необходимости, и употребленіе рыбы во весь постъ, исключая праздника Благовѣщенія. Изгонялись изъ горы тѣ, которые изъ видовъ корыстолюбія, продавъ однажды пакки перепродавали другимъ свои поля, и ни кому

не дозволялось, ради свиданія съ родственниками въ міръ, оставлять Св. гору; употребленіе вина умеренное разрешалось для приходящихъ мирянъ и трудящихся по нуждамъ монастырскимъ; но запрещено продавать его извнѣ, для избѣжанія купли житейской. Строго положено наблюдать, дабы слишкомъ юные не постригались въ обителяхъ, безъ извѣщенія Прота; именующихся игумнами и не имѣющихъ достаточной опытности для воспріятія братіи, положено самихъ поручать назиданію отцевъ духовныхъ, ради ихъ душевной пользы. Созидавшій келлію себѣ гдѣ либо въ обители и потомъ оставлявшій ее по собственному произволу, долженствовалъ получить за нее только половину цѣны; если же оставлялъ по огорченію отъ игумна, то полную: тоже должно было наблюдать и въ расчетъ за службу, если кто нанимался работать игумену. Для разбора взаимныхъ состязаній по такого рода сдѣлкамъ, поставлялся общій экономъ на Св. горѣ, а въ помощь ему назначалось три игумна, въ случаѣ какихъ либо приключившихся соблазновъ. Въ послѣдующихъ правилахъ явствуется исключительное снисхожденіе къ лавръ великаго Аѳанасіа. По причинѣ нападеній внѣшнихъ, нѣкоторыя стада, по примѣру великой обители, загоняемы были на Св. гору: сіе воспрещалось впредь, кромѣ подобныхъ же случаевъ; но никому не дозволялось, исключая великой лавры, ради ея многолюдства, содержать рабочихъ воловъ для земледѣлія; запрещалось также прода-

вать сосновый лѣсъ внѣ Св. горы, но только въ ея предѣлахъ для нуждъ монастырскихъ; строго запрещалось приходящимъ для различныхъ строеній работникамъ имѣть при себѣ дѣтей. Ежегодно положено, при собраніи монашествующихъ на праздникъ Успенія, испытывать дѣйствія эконома Св. горы и общимъ голосомъ утверждать или отставлять его; въ избраніи же Прота слѣдовать прежде установленнымъ канонамъ.

Правила сія, утвержденныя подписью самаго Императора Іоанна Цимискія, скрѣплены рукою сорока восьми игуменовъ и простыхъ монаховъ; — во главѣ стоитъ Протъ Аѳанасій, соименный великому аввъ, который подписался первый по немъ. Замѣчательно, что онъ одинъ названъ игуменомъ съ означеніемъ обители; прочіе же всѣ пользуются однимъ только титуломъ игумена или пресвитера, или просто называютъ себя инокъами. Это служитъ свидѣтельствомъ тому, что во время Св. Аѳанасія не было еще настоящихъ обителей на Св. горѣ, а существовали только разсыянные по мѣстамъ скиты, гдѣ старшій инокъ, какъ и теперь въ скитахъ, принималъ званіе игумена, подъ общимъ начальствомъ единого Прота, и одинъ экономъ избирался для общихъ нуждъ всего разсыяннаго по Св. горѣ братства Аѳонскаго; но уже при жизни Аѳанасія и вскорѣ послѣ него начали возникать большіе монастыри, какъ явствуетъ изъ другаго типика или положенія Императора Констан-

тина Мономаха, составленнаго менѣе ста лѣтъ послѣ кончины великаго Киновіарха.

Возвратимся къ подвигамъ преподобнаго : и внутри своей лавры испыталъ онъ дѣйствіе вражды діавольской, непріязню двухъ иноковъ, которые хотѣли поднять на него руку : но одинъ изъ нихъ, пришедшій съ утаеннымъ оружіемъ уронилъ оное на порогъ, объятый невольнымъ ужасомъ при видѣ старца ; а другой, прибѣгавшій къ волхвованіямъ для изобрѣтенія отравы, самъ покаялся въ винѣ своей, когда услышалъ, что кроткій авва простилъ перваго убійцу. Между тѣмъ братія все болѣе и болѣе умножалась въ лаврѣ, и великіе Святители оставляли свои каедры, чтобы стать въ ряду простыхъ иноковъ Аѳанасія ; въ числѣ ихъ великій Патріархъ Царегграда Николай Хрисоверхъ, смиренно воспріявшій въ схимѣ имя Харитонія, Андрей Хрисополитъ и Агапій, просіявшій въ постничествѣ. Даже отдаленнымъ подвижникамъ было тайное внушеніе ити подѣ руководствомъ великаго Аѳанасія : такъ преподобный Никифоръ, спасавшійся долгое время въ Италіи въ горахъ Калаврійскихъ, пришелъ окончить дни свои подѣ сѣнію лавры Аѳанасіевой ; кости его стали источать цѣлебное муро. Духомъ прозорливства облагодатствованъ былъ великій авва. Однажды, познавъ въ духъ, что три человека выброшены бурею на дикій берегъ Аѳона, онъ послалъ ученика своего Феодора спасти изнемогавшихъ отъ голода и стужи. Въ другой разъ, застигнутый

самъ съ учениками бурею на маломъ чолгѣ, который опрокинулся подъ ними, дивно спасенъ былъ промысломъ Божіимъ; ученики увидѣли его сидящимъ опять въ ладѣ, и онъ извлекъ ихъ всѣхъ изъ морской пучины. Имени его трепетали духи нечистые; при возложеніи рукъ святаго старца исцѣлялись болящіе и призывавшіе его помощь, еще при жизни аввы, избавлялись отъ бѣдъ, ибо и на землѣ уже странствовалъ онъ какъ безплотный Ангелъ. Одинъ изъ учениковъ, прикинувъ тайно къ оконцу его келліи, увидѣлъ старца, разгорѣвшагося внутреннимъ жаромъ молитвы до того, что вѣщій огонь его осіялъ, какъ бы нѣкоего пламеннаго Серафима. Никто какъ онъ не умѣлъ врачевать помысловъ братіи духовною своею бесѣдою, раскрывая имъ тайны собственнаго ихъ сердца, для исправленія нравственнаго, ибо въдалъ врачевать и душу и тѣло.

Казалось мирная кончина предстояла столь великому отшельнику: но Господь, какъ бы вѣнцемъ мученическимъ, хотѣлъ болѣзненною смертію довершить его свѣтлый подвигъ. Видя множество стекшейся братіи, преподобный пожелалъ расширить соборный храмъ, и уже окончены были стѣны, кромѣ сводовъ главнаго алтаря. Авва собирався въ Царьградъ, для ходатайства предъ Императоромъ о нуждахъ монастырскихъ; но сердце предавало ему отшествіе въ общій путь всѣхъ земнородныхъ; онъ предсказалъ одному изъ братіи о скоромъ отшествіи и, сдѣлавъ увѣщаніе братіи,

заклучился въ келліи на долгую молитву ; потомъ вышелъ какъ бы готовый въ путь, однако противъ обычая, облаченный въ кукуль блаженнаго своего учителя Михаила Малейна и въ мантию, что позволялъ себѣ только во дни величайшихъ праздниковъ или при своемъ приобщеніи ; лице его было свѣтло, какъ лице Ангела.

Съ шестью изъ учениковъ своихъ взошелъ Аванасій на верхъ строившагося купола алтарнаго, и вотъ внезапно обрушились его своды ; всѣхъ ихъ засыпало камнями ; пятеро въ ту же минуту вредали души Богу ; но авва и каменьщикъ, по имени Даніилъ, остались живы ; болѣе трехъ часовъ слышался изъ подъ сихъ развалинъ голосъ Аванасія : « Господи Иисусе Христе , помози мнѣ, слава тебѣ, Боже ». Съ плачемъ разрывали братія, сколько могли поспѣшнѣе, кто руками, кто орудіемъ, груды камней ; во когда наконецъ отрыли, обрѣли уже блаженнаго отца своего скончавшимся ; все тѣло его было цѣло, уязвлена одна лишь нога, и при немъ еще находился въ живыхъ каменьщикъ Даніилъ, хотя сильно пострадавшій. Три дня лежало тѣло блаженнаго Аванасія не погребеннымъ, доколѣ не собрались всѣ игумны Св. горы воздать ему послѣдній долгъ ; но усопшій ни въ чемъ не измѣнился и казался спящимъ ; кровь текла изъ раны его, какъ бы у живаго ; отиравшіе кровь сію убрусами, потомъ иецѣляли болящихъ ихъ прикосновеніемъ, какъ некогда убрусами отъ тѣла Апостола Павла. Да-

нішлѣ вскорѣ послѣдовалъ за своимъ блаженнымъ учителемъ и, предъ исходомъ своимъ, видѣлъ во снѣ, что авва и пять его братій взошли, по зову царскому, въ свѣтлую палату; одинъ онъ оставался въ ея, горько плача о такомъ положеніи, доколѣ не исходатайствовалъ и ему входа великій Аѳанасій. Много исцѣленій совершалось надъ тѣми, которые призывали въ молитвахъ имя Святаго и доселѣ дѣйственно упованіе притекающихъ къ его покрову.

ПИСЬМО XVII.

И В И Р Ъ.

Ивиръ, 4 Сентября 1849.

Въ третій и кажется послѣдній разъ, поспѣлъ я Ивиръ, гдѣ окончилось мое плаваніе кругомъ Аэона. Хорошо, что я не медлилъ, потому что едва успѣлъ выдти на берегъ, какъ уже начало волноваться море и теперь совершенная буря, задержавшая нашу лодку въ пристани Иверской. Предъ нашимъ отъездомъ изъ Лавры показался тамъ пароходъ Англійскій и спрашивалъ о морскихъ разбойникахъ, гдѣ они? какъ будто отцы Аэонскіе знаютъ о ихъ пристанищѣ; сами разбойники, совершивъ удачный грабежъ, станутъ ли медлить? они благополучно отправилась къ себѣ обратно въ Фессалию. Недавно заходилъ и

Французскій пароходъ, съ тѣмъ же вопросомъ въ Ивиръ и Ватопедъ. Видно что посольства Англійское и Французское встревожились о судьбѣ своихъ судовъ, ограбленныхъ пиратами, но ихъ должно отыскивать не у Св. горы, а въ заливѣ Волю, откуда едѣлали свой набѣгъ. Греческое правительство хочеть также послать вооруженное судно охранять Архипелагъ и Паша Солунскій приказалъ умножить береговую стражу Албанцевъ. — Это безпокоитъ болѣе старцевъ Аѳонскихъ, нежели самые разбойники, имъ не опасные, за крѣпкими стѣнами и уважающіе ихъ святыню; гораздо страшнѣе для пустынножителей вліяніе иновѣрныхъ державъ, шодъ предлогомъ защиты.

Прозжая мимо развалинъ Амальфитанской обители, я осмотрѣлъ довольно обширную ея пристань въ углубленіи малой долины, что давало возможность содержать суда, по исключительному праву перевозить пассажировъ на Аѳонъ и обратно. Любопытно, какъ долго сохранялся союзъ между братствомъ Латинскимъ и Греческимъ на Св. горѣ, даже послѣ крестовыхъ походовъ, до паденія Царьграда. Послѣ того уже не упоминается, ни въ какихъ актахъ, о монастырѣ Амальфитанскомъ; быть можетъ набѣги Каталанъ были виною его уничтоженія. Мнѣ весьма хотѣлось выдти на берегъ, чтобы подняться на крутую гору, гдѣ вырастала изъ лѣсной чащи полуобрушенная обитель, потому что еще много Латинскихъ надписей сохранилось на ея стѣнахъ; но кормчій внокъ не совѣтовалъ мед-

лечь, предвидя непогоду, и я долженъ былъ повиноваться опытному моряку, который прежде не жели облекся въ рясу, долго служилъ на судахъ Греческихъ, въ славную эпоху народной войны.

Пріятное извѣстіе ожидало меня во вратахъ обители Иверской. Капитанъ Греческаго судна, который за двѣ недѣли предъ тѣмъ объявлялъ мнѣ въ Ватопедѣ, о благопріятныхъ вѣстяхъ, слышанныхъ имъ въ Кавалѣ Румелійской, что дѣла наши въ Венгріи идутъ успѣшно, встрѣтилъ меня съ радостнымъ лицомъ и сказалъ: «теперь все кончено, Русскіе побѣдили и Венгры положили оружіе.» Сильно забилося сердце при сихъ словахъ: надобно быть во глубинѣ пустыни Аѳонской, въ совершенной неизвѣстности о томъ, что происходитъ въ міръ, чтобы оцѣнить такое отрадное слово. Тяжко было на чужбинѣ знать, что проливается Русская кровь, хотя и со славою, и что быть можетъ близкіе сердцу уже сдѣлались жертвою на полѣ брани. Я едва не бросился на шею доброму вѣстнику и, взойдя въ привратную церковь, простерся ницъ предъ чудотворною иконою Пречистой Дѣвы. — Ахъ, мнѣ опять казалось, что я въ часовни Иверской, первопрестольной столицы: такъ обвѣяло меня чѣмъ то роднымъ, внутри сего близкаго нашему сердцу святилища. Тутъ нашли меня Эпитропы и съ ними добрый старецъ Архимандритъ Аѳанасій, который по святости своей жизни пользуется общимъ уваженіемъ Св. горы; онъ былъ очень друженъ съ Русскими во время Турецкаго

похода, пребывая въ Эносъ на подворьѣ монастырскомъ, и зналъ тамъ генерала Шереметева и многихъ офицеровъ, о коихъ съ участіемъ спрашивалъ. Радужный старецъ поздравлялъ меня, какъ бы соотечественникъ, и пригласилъ остановиться у него, въ бывшихъ келліяхъ Патріарха Григорія, что я съ любовію принялъ, видя его любовь. Сегодня просилъ я, чтобы отслужили благодарственный молебенъ предъ иконою Пречистой Дѣвы, Вратарницы Иверской, и я вамъ привезу эту службу на Греческомъ, для сравненія съ нашею ; а такъ какъ мнѣ сказали, что наканунѣ моего пріѣзда, чья то святотатная рука дерзнула похитить малую позлащенную лампаду предъ ликомъ Владычицы, то я обещалъ пожертвовать точно такую же, въ память радостнаго событія. Посему убѣдительно прошу васъ заказать лампаду, съ именемъ приносителя, и прислать ее въ Константинополь ко времени моего возвращенія изъ Іерусалима. Пусть останется она свидѣтельствомъ благодарности Русскихъ, предъ подлинною иконою Иверской, которая съблалась намъ родною, по двумъ ея священнымъ спискамъ, въ нашей древней столицѣ и въ пустынной обители на озерѣ Валдайскомъ: драгоцѣнно это духовное родство Православія Восточнаго съ Сѣвернымъ, и здѣсь вполне можно его оцѣнить. Простите, собираюсь въ путь въ келлію Серайскую, гдѣ еще останусь нѣсколько дней, чтобы окончить свои дѣла; здѣсь же со всеми прощаюсь и едва ли уже не навсегда: — тягостно это слово для сердца.

ПИСЬМО XVIII.

СКИТЬ ПРОРОКА ИЛИИ,

Скитъ, 9 Сентября 1849.

Прежде нежели оставить Афонъ , пишу вамъ еще разъ , изъ скита Пророка Илии , куда мы собрались праздновать рожденіе Великаго Князя, Константина Николаевича, оставившаго по себѣ столь отрадное воспоминаніе на Св. Горѣ. Я пригласилъ изъ Ватопедской обители , для совершенія литургій, живущаго тамъ на покой святаго поистиннѣ старца, бывшаго Митрополитомъ Адрианопольскимъ Григорія, котораго братъ Феодоръ пострадалъ какъ мученикъ. Въ обители Пантократора, которую посетилъ вторично на пути въ скитъ , отыскалъ я драгоценное сокровище : совершенно нечаянно попалась мнѣ въ руки старая икона Вседержителя, съ

такую надпись на оборотъ: «Никиты Романовича Юрѣва». Вы можете себя представить мое изумленіе и радость: я желалъ найти древнюю икону, для знаменитаго гостя Аѳонскаго и обрѣлъ благословеніе перваго родоначальника Царствующаго дома, брата Царицы Анастасіи, отца Патріарха Филарета! Тамъ же въ ризницѣ, куда меня наконецъ допустили, приобрѣлъ я и для себя икону великолѣпнаго письма Панселинова, двѣнадцати Апостолъ, XI вѣка. Они представлены въ томъ порядкѣ, какъ названы у Евангелиста Матѳея, но первые четыре напередѣ, съ сіяніемъ вокругъ ихъ главы: по срединѣ Петръ и Андрей, по бокамъ другіе два брата Зеведеевы, Іаковъ и Іоаннъ; во второмъ же ряду прочіе восемь безъ сіянія, начинающіе съ Филиппа, въ юношескомъ возрастѣ, Варооломей, Ѳома и Матѳея со свѣткомъ евангелія въ рукахъ, Іаковъ Алѣксѣевъ младшій, Леввій, нареченный Ѳаддеемъ, Симонъ Кананитъ и вмѣсто Искаріота новозбранный Матѳей. Выраженіе лицъ и отдѣлка одежды лучшей кисти Византійской; видно, что это былъ царственный вкладъ: я ничего не встрѣчалъ лучше этой живописи. Икона писана на холстѣ, натянутомъ на дерево, но оно по краямъ подгнило и сдѣлалось какъ губка, что свидѣтельствуетъ о глубокой древности.

Ахъ, что сдѣлали въ Пантократорѣ съ чудною древнею живописью! Не могу смотрѣть на это равнодушно, хотя и во второй разъ вижу. Какъ могла показаться темною церковь, когда была до-

статочно свѣтла для царственныхъ ктиторовъ, здѣсь жившихъ и погребенныхъ, которыхъ и кости потревожили при перестройкѣ притвора. Во всю его стѣну было колоссальное изображеніе Господа славы на Херувимахъ, съ четырьмя Архангелами, Богоматерью и Предтечею по сторонамъ; подобныхъ фресковъ не много видалъ я и въ Италіи, замѣчательныхъ правильностію рисунка и свѣжестію колорита; по счастью уцѣлѣли лики, хотя мѣстами и залиты известью. — Я открылъ глаза разорителямъ собственнаго сокровища и теперь они сами сожалеютъ о своемъ дѣлѣ; общали не касаться живописи, пока не пришлютъ къ нимъ изъ Россіи опытнаго художника. Внутри церкви остались еще кое-гдѣ лики мучениковъ и преподобныхъ, но слава Богу сохранился вполнѣ на западной стѣнѣ чудный образъ успенія: ликъ Спасителя чрезвычайно хорошъ; Апостолы окружаютъ одръ Божіей Матери, а сверху они же изображены летящими въ прозрачныхъ облакахъ. Подъ сею картиною былъ спящій младенецъ Христъ, кисти втораго Панселина, XIV вѣка, но его сбили также для поднятія дверей; однако я собралъ части сломаной штукатурки и везу его, хотя кусками, въ Россію.

Я уже писалъ вамъ, что скитъ Пророка Иліи получилъ начало отъ блаженнаго Паисія Нямцевскаго, который принужденъ былъ отсюда удалиться въ Молдавію по умноженію учениковъ; однако его благословеніе осталось мѣсту, потому что послѣ многихъ домашнихъ неустройствъ здѣшнихъ

Малороссовъ и Запорожцевъ, которые безпрестанно смѣняли своихъ игумновъ, нынѣшній настоятель Паисій привелъ все въ порядокъ и въ десять лѣтъ совершенно устроилъ скитъ. Не напрасно былъ онъ крестовымъ и духовникомъ архіерейскаго дома въ Кишиневѣ; полезно бы имѣть такихъ людей и въ Россіи.

Утѣшительно было молиться на Св. горѣ за нашего Великаго Князя, и видѣть съ какимъ усердіемъ Греки и Болгары возносили молитвы, о благосостояніи державныхъ покровителей Православіе на Востокъ. Тутъ случились сряду два праздника церковные, соединенные съ царскими днями, близкими нашему сердцу: Рождество Богоматери, ознаменованное у насъ рожденіемъ первороднаго сына Цесаревича, и слѣдующій день памяти Богоотецъ, рожденіемъ знаменитаго посѣтителя Св. горы. И въ тотъ и въ другой были торжественныя служенія со всеобщими бдѣніями; Эпитропы ближайшихъ обителей Пантократора, Ставроникиты, Ватопеда и Кастамонита, раздѣляли скромную, но гостепріимную трапезу отца Паисія, который утѣшался тѣмъ, что у него вочевалъ дорогой гость. Такъ какъ расширенъ теперь дворъ церковный и снесены бывшія келліи, то мѣсто постели Великокняжеской означено будетъ мраморнымъ камнемъ; вотъ какъ тамъ его помнятъ и любятъ. Изъ Руссика и Хиландаря, изъ сосѣдняго скита Богородицы и келліи Серайской, собрались также молитвенники, на истинно Русское празднество, въ скитъ

Пророка Иліи, и всѣхъ съ любовію принималъ отецъ Пасій, который не забываетъ прежняго своего отечества. Я просилъ Эпитроповъ Пантократорскихъ, отъ конхъ зависить скить его, расширить удѣленный ему участокъ земли, по старымъ межамъ, и покровительствовать доброму старцу.

Не знаю, уважутъ ли они мое ходатайство?— на Аeonъ бывають удачи и неудачи. Такъ напри-мѣръ уснѣшно окончилось дѣло, о утверженіи общины Болгарской въ Зографъ, хотя сперва представители нѣкоторыхъ изъ главныхъ монастырей Греческихъ, хотѣли воспрепятствовать благому дѣлу, можетъ быть потому, что они сами еще не достигли такого усовершенствованія. Услышавъ о томъ, отъ игумена Иларіона и старшей братіи Зографской, которые принесли къ назначенному сроку въ Карею правила своего общежитія, посѣтилъ я старшаго Эпистата Діонисіатскаго, и представилъ ему: какъ грустно будетъ, если, во время его предстоительства на Св. горѣ, воспрепятствуютъ Болгарамъ учредить въ своей обители такое же общежитіе, какимъ давно уже пользуется его собственная. Между прочимъ присовокупилъ, что благочестивая Графиня Анна Орлова оставила по себѣ богатую милостыню для Св. горы, не опредѣливъ кому именно, и конечно будетъ принято въ соображеніе, какія обители, по святости жизни иноковъ и скудному положенію, болѣе другихъ заслуживаютъ сію помощь. Какъ же намъ разумѣть о тѣхъ, которые чувствуя всю пользу, приносимую

общежитіемъ, изъ какихъ либо частныхъ видовъ, противятся благочестивому желанію цѣлаго братства, устроить вновь свою обитель на прочныхъ началахъ иночества? — На другой день, въ общемъ собраніи всѣхъ депутатовъ Аѳонскихъ, было совѣщаніе о признаніи общины Болгарской, и обрадованный Иларіонъ принесъ ко мнѣ грамоту, скрѣпленную всеми двадцатью печатями обителей Св. горы. Теперь остается только испросить утвержденіе Патріаршее въ Царьградъ.

Не такъ удачно идетъ дѣло, о преобразованіи келліи Серайской Св. Антонія, великаго въ Русской скитѣ. — Эпитропы Ватопедскіе, обѣщавшіе мнѣ сперва свое согласіе, принесли сюда непріятное извѣстіе, что такъ какъ они не всѣ въ сборѣ, ибо главные ихъ старцы разсыяны по имуществамъ въ княжествахъ, то не могутъ они рѣшить сами собою этого дѣла, опасаясь будтобы властей Турецкихъ. Это только отговорки и послѣ моего отъѣзда они вовсе оставляютъ мою прозбу. Надобно стараться отклонить препятствіе въ Кареи, потому что старцы Русскіе убѣдительно просятъ не оставлять ихъ на произволъ судьбы. Между тѣмъ, въ благодарность за тѣ двѣнадцать иконъ, которыя вы жертвуете для ихъ иконостаса, они посылаютъ вамъ великолѣпное евангеліе Х вѣка, писанное золотомъ по пергамену, которое принадлежало Патріарху Серафиму; Епископъ Каллиникъ, бывший Москвитинъ, мужъ благочестивый и ученый, для котораго вы дѣлаете облаченія, посылаетъ вамъ че-

резъ меня древнія книги, а именно Апостолъ, того же времени, на пергаменъ съ помянниками Патріарховъ Царьградскихъ, служебникъ Патріарха Филовея, благословившаго крестомъ преподобнаго Сергія, рукопись Анастасія Синаита XV вѣка и что весьма драгоцѣнно, Славянскій переводъ Исаака Сирина XIV вѣка, съ позднѣйшими исправленіями на листахъ. Примите все сіе, какъ память и благословеніе Св. горы въ свою лавру.

ПИСЬМО XIX.

СКИТЬ СВ. АПОСТОЛА АНДРЕЯ, КСИРО- ПОТАМЪ, РУССИКЪ.

Руссикъ, 15 Сентября 1849.

Вотъ наконецъ последнее письмо мое съ Аѳона, время уже оставить Св. гору, для дальнѣйшаго странствія, еще обширнаго и многотруднаго. Я опять на западномъ берегу, въ обители Русской; въ пристани ея уже приготовлена ладья монастырская, та самая, что везла меня кругомъ Аѳона и съ тѣми же схимниками гребцами, чтобы перевезти на край Святогорскаго залива къ перешейку Сякки. Изъ моей келліи видны за двумя полуостровами, которые одинъ за другимъ выбѣгаютъ въ море, подобно Аѳонскому, снѣжные хребты баснословнаго Олимпа, уже дальше Солуни, куда направляется теперь путь мой. Завтра отплываю, но

прежде долженъ дать вамъ отчетъ о послѣднихъ моихъ дѣйствіяхъ на Св. горѣ.

Когда я возвратился изъ скита Пророка Іліи въ келлію Серайскую и Русская братія узнала, о неуспѣшномъ моемъ ходатайствѣ предъ старшинами Ватопеда, отъ коихъ зависѣла ихъ участь, руки у нихъ опустились и они пришли въ совершенное уныніе; особенно скорбѣлъ почтенный старецъ іеромонахъ Нифонтъ, бывшій долгое время гробовымъ при мощахъ Святителя Митрофана, и желавшій найти себѣ успокоеніе на Аѳонѣ. «Вы насъ оставляете, говорилъ онъ, и такъ все теперь кончено и никогда наша убогая келлія не преобразуется въ скитъ. Сколько разъ домогался сего въ Ватопедѣ отецъ Виссаріонъ и всегда возвращался съ одними обещаніями. Не имѣя никакихъ средствъ, не въ силахъ онъ будетъ содержать и самую келлію; а если, какъ пибудь, и дотянетъ до своей смерти, то послѣ него разсѣется Русское братство, единственное на Св. горѣ, потому что въ скитѣ Пророка Іліи, какъ вы сами знаете, болѣе Малороссіане; у Богородицы, въ Хиландарѣ и Зографѣ, Болгары и Сербы, а въ Русикѣ, хотя и есть нашихъ пятьдесятъ челоувѣкъ, но монастырь принадлежитъ Грекамъ. Здѣсь же давно намъ завидуютъ Греки, по удивительной мѣстности Серая, въ срединѣ Св. горы, близъ самой Карен, гдѣ и воздухъ и вода цѣлебны, и никогда бы не уступили келлію сію отцу Виссаріону, если бы она не была въ совершенномъ запустѣніи, послѣ разгромовъ Турец-

кихъ. Ради Бога помогите намъ до вашего отъезда».

Тронутый слезами старца, послужившаго съ честью на полѣ брани, за Царя и отечество, прежде нежели посвятить себя Богу, и мольбами всей братіи, я пошелъ въ Протать, помолиться въ послѣдній разъ въ древнемъ соборѣ Успенія и проститься съ предстоятелями Св. горы, которые оказывали мнѣ всегда много вниманія. Все они были въ сборѣ въ Синодальной залѣ и, съ обычными привѣтствіями, посадили меня между старшими Антипросопами Лавры и Ватопеда. Побесѣдовалъ съ ними о пользѣ, какую принесетъ Зографу учрежденіе тамъ общежитія, послѣ столькихъ колебаній, и о томъ: какъ желательно, чтобы вся Святая гора обратилась опять къ древнему чину общежительному, ею оставленному въ эпоху гоненій, я коснулся и моего предмета. «Мнѣ бы хотѣлось, сказалъ я, оставить по себѣ благую память, въ той мирной келліи, которая приняла меня подъ свой гостепріимный кровъ, и не только меня, но и Посланника нашего со всею Русскою миссіею, дабы утвердилось прочно ея существованіе на Св. горѣ. Окажите вниманіе къ давнему желанію малаго, но добраго братства келліи Серайской, которое извѣстно вамъ съ хорошей стороны многіе годы, и къ моему ходатайству, если обрѣлъ я милость вашу во время жительства моего на Св. горѣ; согласитесь переименовать, по примѣру прочихъ скитовъ Аѳонскихъ, келлію сію въ самобытный скитъ, съ принадлежащими къ не-

му правами, и вы доставите мнѣ истинное утѣшеніе, которое всегда и повсюду буду помнить. Отраднo будетъ моему сердцу знать, что есть одно мѣсто на Св. горѣ, гдѣ и за меня будутъ возносить ежедневно молитвы, какъ за ктитора, и что по исходѣ души моей, не забудется она въ православныхъ молитвахъ, доколѣ будетъ стоять на святой горѣ Аѳонской скитъ Русскій».

Старцы безмолствовали, ожидая отзыва двухъ первенствовавшихъ, Лавріота и Ватопедскаго, потому что ихъ мнѣніемъ всегда руководствуются прочіе, хотя и скучаютъ иногда такимъ вліяніемъ, нарушающимъ общее равенство. Опытный въ дѣлахъ Лавріотъ отвѣчалъ мнѣ осторожно; что желаніе мое весьма благочестиво и просьба уважительна, но что общество Аѳонское не можетъ вмѣшиваться въ частныя дѣла одного монастыря, такъ какъ это зависитъ отъ воли Ватопедскаго, которому подчинена келлія Серайская». Я обратился къ Антипросопу Ватопедскому, чтобы слышать его рѣшеніе, когда внезапно Иверскій, сидѣвшій по лѣвую руку Лаврскаго, вступилъ въ разговоръ, представляя, какія невыгоды послѣдуютъ Ватопеду, если онъ согласится устроить скитъ, ибо можетъ совершенно его утратить, и что едва ли въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ можно учреждать новые скиты.

Я сказалъ ему: «что отзывъ старшаго члена Лавріота предоставилъ рѣшеніе сего вопроса одному Ватопеду, отъ котораго зависитъ теперь келлія,

какъ и впредь будетъ принадлежать ему, и будто мимоходомъ напомнилъ ему: что самая его обитель Иверская имѣетъ не малое подворье, а цѣлый монастырь, въ центрѣ нашей столицы». Смущенный депутатъ умолкъ и болѣе не вступался въ преніе. Тогда Ватопедскій Антипросопъ, хотя расположенный къ учрежденію новаго скита, однако, дабы не обнаружить какого либо пристрастія противъ существенной пользы своего монастыря, началъ также представлять невыгоды, которыя могутъ отъ сего произойти, и что дѣйствительно онъ можетъ лишиться Серая, если келлія поступить окончательно во владѣніе Русскихъ. Съ своей стороны я старался успокоить его тѣмъ: и что соотечественники наши не будутъ владѣть скитомъ иначе, какъ на общихъ правахъ Аѳонскихъ и въ совершенной зависимости отъ Ватопеда, по тому примѣру какъ владѣютъ Малороссіяне скитомъ Пророка Іліи, подъ начальствомъ Пантократора, и Болгары скитомъ Богородицы, принадлежащимъ Руссику. Если же, около пятидесяти лѣтъ, не учреждалось новыхъ скитовъ на Аѳонѣ, то это случилось только по стеченію обстоятельствъ, а тамъ гдѣ уже существуетъ ихъ десять, можетъ возникнуть и одиннадцатый для пользы Св. горы.»

Для того, чтобы найти себѣ опору во мнѣніи прочихъ старцевъ, я обратился къ представителямъ Хиландаря, Руссика и Зографа, и спросилъ ихъ: «будутъ ли они противиться законному утверженію давно уже существующаго поселенія Русскаго на

Аеонъ»?— Они отвѣчали, что не могутъ дѣйствовать противъ своихъ соплеменниковъ; спросилъ я вслѣдъ за тѣмъ у депутатовъ Пантократора и Есфигмена: «помнятъ ли они, что сборщикъ перваго изъ нихъ недавно возвратился съ милостынею изъ Россіи, а настоятель втораго еще доселѣ собираетъ ее у насъ и весьма обильно»?— Они также изъявили свое согласіе на скитъ. Тогда, имѣя на своей сторонѣ пять голосовъ первостепенныхъ обителей Св. горы, я просилъ опять старшаго Антипросопа лаврскаго и все собраніе старческое: не противиться добродѣлю и утѣшить меня, еще до моего отъѣзда вѣстію, что келлія Серайская переименована въ скитъ, съ предоставленіемъ ему всѣхъ правъ; вѣсти же о томъ буду ожидать въ обители Русской, откогда отплыву въ Солунь.— Съ любовію простился я со всеми старцами и оставилъ Протатъ, полный надежды на исполненіе моей просьбы:— надежда не измѣнила. Возвратившись въ скитъ утѣшилъ я радостною вѣстію братію, которая съ трепетомъ ожидала своей участи, послѣ столькихъ лѣтъ напраснаго ходатайства. «Мнѣ бы хотѣлось, сказалъ я, чтобы, въ память моего жительства между вами, была у васъ икона моего Ангела и я пришло вамъ ее изъ Москвы». Но отецъ Виссаріонъ отвѣчалъ мнѣ: «развѣ не видали вы въ иконостасѣ большую икону Апостола, съ учителемъ его Предтечею? да и надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ вы обыкновенно становитесь въ церкви, написанъ на стѣнѣ ликъ его, и вотъ у самаго входа въ церковь изо-

бражены два Св. угодника Божія, Первозванный и великій Антоній, которому мы празднуемъ». Прежде я ихъ не замѣтилъ, хотя и часто посѣщалъ Серайскую церковь. — «Знаете ли, какое у насъ есть преданіе? сказалъ отецъ Виссаріонъ; говорятъ будто самая церковь наша праздновала прежде Апостолу и что недавно только, жившіе прежде насъ Греки, переименовали ее въ честь Антонія великаго; не можете ли разобрать Греческую надпись надъ дверями церковными?» — Я велѣлъ подать себѣ лѣстницу и, къ крайнему всѣхъ изумленію, прочелъ слѣдующую надпись, грубо начертанную надъ дверьми: «Я Серафимъ, Архіепископъ новаго Рима и Вселенскій Патріархъ, какъ преемникъ престола Св. Апостола Андрея Первозваннаго, который поставилъ первымъ Епископомъ въ Византію Стахія, ученика своего, поселившись здѣсь на покой, въ келліи Ватопедскаго монастыря, посвященной великому киноіарху Антонію, соорудилъ здѣсь моимъ иждивеніемъ сей благолѣпный храмъ, во имя Первозваннаго Апостола, съ тѣмъ, чтобы въ память прежняго совершалъ онъ ежегодно и празднованіе преподобному отцу нашему Антонію».

«Братія, сказалъ я изумленнымъ инокамъ, знаете ли, что доселѣ, сами того не вѣдая, вы жили подъ свѣію Первозваннаго и отнынѣ вамъ должно достойно чтить его память: и такъ совершите немедленно молебень Апостолу и просите, чтобы скитъ вашъ носилъ впредь его имя, вмѣстѣ съ Антоніевымъ». Покамѣсть собирались къ молебну, спѣшно при-

вхалъ на мулъ, Антипросопъ Ватопедскій изъ Карен и звалъ съ собою отца Виссаріона въ свой монастырь, чтобы тамъ составить новую омологію или условіе, между Ватопедомъ и учреждаемымъ скитомъ Русскимъ, потому что собраніе старческое поручило ему непременно это окончить до моего отъезда со Св. горы. Вы можете себя представить какъ обрадовало меня такое извѣстіе; ожили Серайскіе старцы и слезно поздравляли другъ друга съ исполненіемъ давно желаннаго. Я сказалъ представителю Ватопедскому, о нечаянно открытой мною надписи на дверяхъ церкви, и просилъ его, чтобы новый скитъ былъ наименованъ въ честь Первозваннаго Апостола и оба Св. угодника Божіи изображены были на его печати. Отецъ Виссаріонъ обещалъ непременно возвратиться на слѣдующее утро, къ моему отъезду, такъ какъ я долженъ былъ спѣшить на праздникъ крестовоздвиженія, въ обитель Ксиропотамскую. Какъ только отправились оба старцы въ Ватопедъ, братія Серайская отслужила соборно молебенъ Апостолу и перенесла мѣстную икону его, съ лѣвой стороны на правую, во свидетельство того, что церковь сія будетъ по прежнему ему праздновать.

Странное стеченіе обстоятельствъ, если только можно назвать это случаемъ! — Говорятъ, что Патріархъ Серафимъ, основавшій сію церковь, удалился изъ Царьграда, за то будто бы, что Великая Церковь не хотѣла принять, въ ежедневный отпустъ литургіи, имени Первозваннаго Апостола, вмѣ-

ствъ съ Златоустовымъ, и вотъ утрачено было самое празднованіе чтимаго имъ Апостола, въ созданной имъ церкви, доколѣ не пришли тутъ поселиться Русскіе, которыхъ землю просвѣтилъ Первозванный, съ высоты горъ Кіевскихъ. Странно, что и носящему его имя и вовсе не въдавшему о существованіи сей келліи, братъ ея настоятеля вручилъ въ Москвѣ евангеліе, убѣдительно прося отнесті оное на Св. гору и ходатайствовать объ исполненіи желанія братняго. Это привошеніе побудило меня тамъ поселиться и пригласить туда Посланника со всею миссією, что неволью обратило на убогую келлію вниманіе всей горы Аѳонской, потому что всѣ ея власти приходили туда насъ привѣтствовать. А такъ какъ кости перваго ктитора, Патріарха Серафима, почивають у насъ въ Лубнахъ, подлѣ нетлѣнно сѣдѣющаго тамъ Патріарха Аѳанасія Пателарія, который обиталъ также въ келліи Серафимской, то и весьма прилично, что прежнее ихъ жилище сдѣлалось достояніемъ Русскихъ. Да потечетъ же милостыня Русская въ сіе новое убѣжище молитвы ихъ соотечественниковъ, въ самомъ центрѣ Св. горы, гдѣ и воздухъ, можно сказать, лучшій на всемъ Аѳонѣ и удобство мѣстоположенія благопріятствуютъ процвѣтанію иночества. Къ тому же, это единственныи скитъ, собственно Русскій, безъ всякой примѣси иныхъ племенъ, хотя и единовѣрныхъ, и великій Апостолъ Россіи освѣщаетъ его своимъ покровомъ.

На слѣдующее утро мнѣ предстояло грустное

прощаніе съ братією скитскою, гдѣ провелъ я болѣе двухъ недѣль, въ различныя эпохи странствованія моего по Аѳону. Всѣ мы плакали при пѣвні молебна, прощаясь какъ бы на вѣчность; ови проводили меня до креста, по дорогѣ въ Карею, гдѣ останавливается икона Божіей Матери: «достойно есть» на литіяхъ во время крестныхъ ходовъ; тутъ мы разстались. Хотя мнѣ и хотѣлось дожидаться отца Виссаріона изъ Ватопеда, но невозможно было медлить, чтобы не опоздать къ малой вечерни въ Ксиропотамъ; отецъ Паисій сопутствовалъ мнѣ, съ двумя монашествующими изъ Руссика и Ставраоникиты. Прѣхавъ Карею, поднялись мы на хребетъ Аѳона, одѣтый лѣсомъ, и въ послѣдній разъ наслаждался я зрѣлищемъ восточнаго склона, устланнаго келліями и обителями, въ ихъ роскошной зелени; на одну минуту проглянулъ изъ чащи лѣса и западный берегъ, болѣе крутой и дикій; потомъ мы погрузились опять въ глубокую дубраву. Одно мѣсто напомнило мнѣ Швейцарскую природу: зеленая поляна открылась на скатѣ горы, между лѣсовъ, какъ бы созданная для уединеннаго скита, и тутъ дѣйствительно былъ некогда скитъ Ксиропотамскій; въ Швейцаріи на такихъ полянахъ обыкновенно разсыяны уединенныя хижинны или шале. Оттуда часа два хода до монастыря; онъ стоитъ на крутой горѣ, надъ пристанью Дафне, которая почитается лучшею на Св. горѣ, и потому самая обитель находится на пути богомольцевъ, приходящихъ съ моря.

Основаніе первой ея церкви, во имя сорока Мучениковъ, приписывается еще Царевнѣ Пулхеріи, сестрѣ младшаго Феодосія; но послѣ раззореній Арабскихъ, настоящимъ ктиторомъ Ксиропотама былъ современникъ великаго Аѳанасія, Царевичъ Павелъ, сынъ Михаила Рангаве. Съ помощію Императора Романа, который пожертвовалъ самую большую часть честнаго древа, какая только есть на Св. горѣ, царственному отшельнику, соорудилъ онъ новый храмъ. Во время гоненій латинствующаго Палеолога, обитель Ксиропотамская, принявъ унию, по примѣру Лавры, была поражена гнѣвомъ небеснымъ, какъ гласитъ мѣстное преданіе: она вся обрушилась отъ страшнаго землетрясенія, предъ лицомъ самаго Палеолога, который отъ ужаса бѣжалъ съ Аѳона, со всеми своими единомышленниками. Сынъ его Андроникъ старшій обновилъ вторично монастырь и можетъ почитаться главнѣйшимъ его благодѣтелемъ. — Любопытно, что и Султанъ Селимъ, при завоеваніи Египта, по чудному видѣнію имъ сорока Мучениковъ, далъ особыя привилегіи Ксиропотаму, которыя однако утрачены въ послѣдствіи, потому что братія боялась показывать хаттишерифъ Султанскій, чтобы его не отняли. — И такъ нынѣшняя обитель есть созданіе Андроника, XIII вѣка; отъ зданій же Романа и Константина Багрянороднаго, уцѣлѣла послѣ землетрясеній высокая башня или пиргъ, съ ихъ именами; великолѣпный соборъ сорока Мучениковъ, хотя и украшенный

въ повѣйшія времена, сохранилъ однако отпечатокъ древности.

Вся братія, давно уже предваренная о желаніи моемъ провести съ ними праздникъ Воздвиженія, встрѣтила меня съ любовію во вратахъ обители; Когда взошелъ я въ соборъ и поклонился драгоценному ихъ сокровищу: то исполнявшій въ этотъ годъ должность старшаго Эпитропа, воспитанникъ школы Аѳинской, привѣтствовалъ меня рѣчью. Онъ выразилъ, весьма витіевато, какъ утѣшительна была ихъ обитель столь частымъ посѣщеніемъ Русскихъ, потому что въ недавнемъ времени видѣла въ стѣнахъ своихъ и Посланника нашего со всею его миссіею, что можетъ служить эпохою для Аѳона. Я долженъ былъ благодарить какъ умѣлъ, оратора Аѳинскаго, за его любовь къ Россіи; потомъ приступилъ къ осмотру святыни, но хотя и много мощей положено было на аналоѣ посреди собора, для ихъ чествованія, признаюсь, святыня креста привлекла все мое вниманіе: на этой части животворящаго древа сохранилось даже отверстіе, пробитое гвоздемъ. Обитель Ксиропотамская имѣетъ хрисовулу царскую Романа, во свидѣтельство сего вклада, хотя нѣкоторые сомнѣваются въ его подлинности; нѣтъ однако никакого сомнѣнія въ истинѣ самаго древа, принадлежавшаго Царевичу Павлу, ибо въ честь онаго искони учреждено ежегодное торжество; оно совершается уже нѣсколько столѣтій цѣлымъ Аѳономъ, хотя соборъ Ксиропотама собственно празд-

пуеть сорока Мученикамъ, а не воздвиженію и есть, почти въ каждой обители, довольно большія части животворящаго креста.

Память Царевны Пулхеріи сохранилась, драгоценною чашею неизвѣстнаго камня въ родъ яшмы, на которомъ изваяны, искуснымъ рѣзцомъ, лики Ангеловъ, съ орудіями страстей Господнихъ и уварью священной литургіи. Есть отъ нее еще крестъ, въ драгоценномъ окладѣ, съ частницами сорока Мучениковъ. Не стану исчислять всѣхъ священныхъ сокровищъ ризницы Ксиропотамской; скажу только о древнемъ образѣ Великомученика Дмитрія, изсѣченномъ на зеленомъ мраморѣ. Онъ принесенъ уже во время ига Турецкаго, изъ Св. Софіи, сингеломъ Патріаршимъ Григоріемъ, который пріобрѣлъ его цѣною злата, по знакомству съ имамами мечети. Эпитропы Ксиропотамскіе вставили икону снаружи слишкомъ высоко, во вѣншіи притворъ собора; это неумѣстно потому что она подвергается непогодамъ; надпись на мраморѣ гласить, что Григорій поставилъ ее въ память царственныхъ ктиторовъ Романа и Андроника.

Когда мы возвратились, послѣ малой вечерни, для отдыха въ обширныя гостинныя келліи, открытыя къ морю, пріѣхали, утомленные долгимъ путемъ, Антипросопъ Евѣимій съ отцемъ Виссаріономъ, и принесли мнѣ письма изъ Ватопеда и Карей, отъ Эпитроповъ монастыря и всего братства Аѳонскаго, изъявляющія согласіе на учрежденіе скита, съ нареченіемъ онаго во имя Апостола.

Сердце мое утѣшилось, скорымъ исполненіемъ давно желаннаго, и я воспользовался остаткомъ времени до всепощной, чтобы написать благодарныя письма какъ монастырю, такъ и всей общинѣ, за ихъ милостивое вниманіе къ моей просьбѣ. Уже ударили въ колоколъ, но на этотъ разъ я былъ опытнѣе и не спѣшилъ въ церковь до настоящаго начала вечерни, пропустивъ долгое пѣніе предначинательнаго псалма. Впрочемъ служба въ Ксиропотамъ продолжалась не столь долго какъ въ Ивиръ и можно было ее выстоять безвыходно. Мѣсто настоятеля заступилъ на кафедрѣ молодой Эпитропъ, исключая однако священнодѣйственныхъ обрядовъ, потому что еще не былъ іеромонахомъ. Изнесеніе животворящаго креста изъ святилища совершилось безъ особой торжественности и безъ преклоненія на четыре страны, какъ это бываетъ у насъ въ соборахъ; но унизительно было поклоняться честному древу, во время протяжнаго пѣнія стихиръ, съ несомнѣнною увѣренностію, что это тотъ самый крестъ, на коемъ распять былъ Господь славы, и что уста мои даже прикасались къ отверстию, пролѣвленному гвоздемъ, который прошелъ сперва сквозь божественныя ноги нашего Искупителя. Литургію служили соборно все іеромонахи Ксиропотамскіе, въ великолѣпныхъ ризахъ, и потомъ было освященіе воды животворящимъ крестомъ, въ мраморномъ фіалѣ, посреди двора монастырскаго. Я спѣшилъ однако оставить обитель, чтобы какъ можно ранѣе достигнуть Рус-

сика, гдѣ долженъ былъ приготовиться къ приобщенію Св. таинъ: мнѣ хотѣлось оставить Св. гору въ совершенномъ мирѣ съ Богомъ и людьми, и я сполобился еего духовнаго утѣшенія, въ церкви Святителя Митрофана.

Сегодня, въ послѣднія минуты пребыванія моего на Аѳонъ, я былъ тронутъ любовью братства, потому что здѣсь собрались проводить меня многіе знакомцы, кромѣ тѣхъ, которые со мною пріѣхали. Стопятнадцатій старецъ Дамаскинъ бодро спустился сюда изъ Карей, и я здѣсь засталъ старца Германа, изъ Ксенофскаго скита, съ которымъ познакомился въ Есфигменѣ. Сегодня утромъ приплыли изъ Зографа игумень Иларіонъ, вмѣстѣ со старцемъ Викентіемъ и съ другими братіями. Много бесѣдовалъ я съ ними, о дальнѣйшемъ устройствѣ ихъ обители, и просилъ также облегчить Руссику уплату обременявшаго его долга въ казну монастырскую, подобно какъ старецъ Дамаскинъ прощаетъ ему, послѣ своей смерти, до восьмидесяти тысячъ левовъ долга. Съ другой стороны просилъ я игумна и братію Руссика уступить отцу Виссаріону, для его новаго скита, необходимую прилегающую къ нему келлію Св. Василія. Между тѣмъ и отецъ Герасимъ съ старшею братією просили меня, ходатайствовать о дарованіи имъ подворья, которое для нихъ необходимо, дабы они могли имѣть постоянное общеніе съ Россією и освободиться отъ тяготящаго на нихъ долга. Простите, что вхожу издали въ такія подробности: мнѣ хочется заблаговремен-

но окончить дѣла Аоонскія, ибо путь мой далекъ и опасенъ, и лучше высказать теперь то, что приходитъ мнѣ на мысль: все близкое Аеоу близко и моему сердцу; я сроднился со Св. горою и сдѣлался самъ какъ бы Святогорцемъ, не принадлежа исключительно никакой обители, но стараясь быть полезнымъ для всехъ, сколько позволятъ мои средства и силы. Время окончить, потому что уже поздно, а завтра утромъ, послѣ литургіи, надобно пуститься въ путь... Прости Аеоу и твоя чудная пустыня!

ПИСЬМО XX.

СОЛУНЬ.

Солунь, 22 Сентября 1849.

Благословеніе посылаетъ вамъ Св. Великому-
ченикъ Димитрій изъ своего храма, отъ своей
раки, которая хотя и въ рукахъ Турковъ, но
чествуется, и свѣчи и масло надъ нею горятъ: —
великолѣпный храмъ, достойный лучшихъ вре-
менъ имперіи Греческой! Больше ста колоннъ,
драгоценнѣйшаго мрамора, изъ коихъ десять дре-
вяго зеленаго (*vert antique*), нѣсколько гранитныхъ
и разноцвѣтныхъ, также дорогаго мрамора, и мно-
го желтаго алебастра, коимъ цѣны нѣтъ; три яру-
са хоръ лежатъ на колоннахъ, чего я не видалъ
ни въ одной церкви; полукружіе горняго мѣста на
ступеняхъ, какъ въ древнѣйшихъ базиликахъ Ри-

ма, ибо она построена, едва ли не въ IV или V вѣкъ, Леонтіемъ Епархомъ, здѣсь исцѣлившимся.— Въмѣсто сводовъ или потолка видна изнутри острокопечная крыша съ кедровыми брусьями, подобно какъ въ Вилеемскомъ соборѣ. Придѣлъ преподобнаго Нестора, съ правой стороны алтаря, еще сохранилъ остатки стѣнной живописи; но гробъ Великомученика, въ бывшей его темницѣ, гдѣ существовала прежде языческая баня; она примыкаетъ къ сѣверо-западной оконечности храма и видно, что эта часть зданія современна его подвигу. Мраморная плита, съ изваянными на ней крестами и цвѣтами, покрываетъ глубокую яму могилы, изъ которой досель берутъ землю. Но вотъ что достойно вниманія: имамъ Турецкій, стражъ сей мечети, сказалъ намъ, что недавно, когда выбрали много земли изъ ямы, открылся мраморный сундукъ или рака, въ коей хранится тѣло Великомученика. Турокъ рассказывалъ это съ благоговѣніемъ и хорошо зналъ житіе Святаго; утѣшительно было слышать это изъ устъ Магометанина. И такъ нѣтъ сомнѣнія, что тутъ лежитъ угодникъ Божій: слава Богу, а мнѣ привелось поклониться покровителю Солунскому въ день памяти нашего роднаго Святителя Дмитрія Ростовскаго.

Не знаю почему, но я имѣлъ особенное усердіе поклониться гробу Великомученика, хотя казалось ничего особеннаго не привязывало меня къ его памяти; но вся Солунь исполнена ею и кто вступитъ въ ея древнія стѣны, невольно ис-

поливается этимъ чувствомъ благоговѣнія къ ея заступнику. — Умилительны, еще болѣе нежели житіе Св. Димитрія, посмертные его подвиги въ защиту своего роднаго города, который онъ столько разъ спасалъ отъ полчищъ языческихъ. Во дни Императора Маврикія, когда суда Агарянскія воевали Солунь, нѣкто благочестивый мужъ, именемъ Иллустрій, ночью молился въ притворѣ храма, призывая Великомученика ко спасенію своей родины, и вотъ видитъ онъ страшное видѣніе: сами собою отверзаются заключенныя двери храма и входятъ внутрь его два свѣтлые юноши, за ними и молитвенникъ. «Гдѣ дому Владыка?», громко вопрошаетъ одинъ изъ Ангеловъ. Ихъ встрѣтилъ третій юноша, какъ бы въ образѣ служителя святаго мѣста. «Здѣсь онъ», говоритъ, указывая на гробъ Великомученика, его блюститель. Подымается Св. Димитрій, свѣтелъ, въ доспѣхахъ ратныхъ, какъ пишется на иконахъ, и внемлетъ горнему повелѣнію: оставить преступный градъ, который долженъ быть преданъ въ руки враговъ. Слезно молчитъ мученикъ предъ Ангелами Божиими и потомъ, поднявъ честную главу, вѣщаетъ: «такъ ли изволилось Господу моему, предать градъ искупленный его кровію, невѣрующимъ его имени? — шедше братія скажите Владыкѣ моему и вашему: такъ говоритъ рабъ твой Димитрій: знаю щедроты твои, знаю, что и всего міра грѣхи не преодолеютъ милосердія твоего; яви же милость твою на градъ сей и не вели мнѣ оставлять его, ибо ты поставилъ меня въ

немъ стражемъ. Тебѣ уподоблюсь, Владыко мой, и за гражданъ моихъ положу душу мою; если они погибнуть то и я съ ними; ты же Богъ кающихся!» Сказалъ и взошелъ опять внутрь гробницы и затворился за нимъ священный ковчегъ; бесѣдовавшіе съ нимъ исчезли, Иллюстрій же укрѣпилъ рассказомъ видѣнія, сердца гражданъ, и они побѣдили Агарянь.

Отраднo для сердца преданіе о такомъ дѣйстви- тельномъ на землѣ заступленіи угодниковъ Божіихъ, которые не разлучаются съ нами за гробомъ, но, какъ бы на вѣчной стражѣ, охраняютъ родное свое достояніе. Пишу вамъ подѣ влияніемъ всего, что я видѣлъ, исполненный высокихъ воспоминаній на родинѣ Великомученика, и можно сказать въ цер- ковной области Св. Павла, ибо здѣсь впервые на- палъ я на Апостольскій слѣдъ его странствій по Ил- лирику и Греціи; первое что я слѣдаль, прибывши сюда было прочесть два его посланія къ Солуня- намъ, чтобы войти, хотя мысленно, въ общеніе съ великимъ Апостоломъ языковъ, на самомъ мѣстѣ его подвиговъ; потомъ уже пошелъ я искать его слѣдовъ и созерцать прочую святыню, которую столь богата древняя Солунь; и послѣ Аэона она радуется сердцу.

Путь мой сюда я совершилъ благополучно, хотя и былъ онъ сопряженъ со многими трудностями, на морѣ и на сушѣ. Проводили меня всѣ старцы въ Русикѣ съ большою любовью; когда, послѣ со- борнаго молебна въ путь-шествующихъ, запыли,

стройнымъ Русскимъ напѣвомъ, въ храмъ Св. Пантелеймона предъ его мощами: «нынѣ отпускаеши раба твоего, Владыко», — я заплакалъ и со мною плакала Русская братія. Я спрашивалъ самаго себя: не будетъ ли упрекать меня совѣсть, въ недостаткѣ ревности къ пользѣ обитателей Св. горы? да поможетъ Богъ довершить на Св. Руси, начатое на чужбинѣ. Умилительны были слова самаго молебна, для плывущаго въ Св. землю; онъ какъ будто писанъ единственно для поклонниковъ. Въ чтеніи Дѣяній Апостольскихъ начертанъ весь предстоящій путь, по слѣдамъ Апостола Павла: «и якоже бысть отвестися намъ, отторгшимся отъ «нихъ, прямо шедше приидомъ въ Конъ, въ другій же день въ Родосъ и оттуда въ Патару, и «обрѣтше корабль приходящъ въ Финикію, и возшедемъ отвезохомся. Возникшій же намъ Киръ «оставльше ошуюю, плыхомъ въ Сирію и приставхомъ въ Тиръ: тамо бо бѣше кораблю изложити «бремя». (Дѣя. Апост. гл. XXI. 1, 2. 3). Евангеліе молебна описываетъ бурю, утихшую на озерѣ Галилейскомъ, словомъ того Божественнаго кормчаго, котораго Церковь умоляетъ быть руководителемъ путника, да и самое прощальное привѣтствіе пресвитера вѣетъ уже дыханіемъ Палестинскимъ, когда говоритъ онъ: «да благословитъ тя Господь отъ Сіона и узриши благая Іерусалима, во вся дни живота твоего».

При звонѣ колоколовъ обители, вся братія Руссика спустилась, въ слѣдъ за своимъ игуменомъ, на

приставъ ; тутъ въ послѣдній разъ остылъ меня крестомъ старецъ Германъ. Двѣ лодки стояли у берега, одна для настоятеля Зографскаго, отца Илариона съ его братією, другая для меня: мы отчалили вмѣстѣ и, доколь плыли въ одноѣмъ направленіи, еще издали прощались знаками. Съ полдня тихая погода измѣнилась, и море взволновалось сильнымъ противнымъ вѣтромъ, препятствовавшимъ нашему плаванію. Къ вечеру мы должны были искать пріюта, между малыхъ островковъ, гдѣ существуетъ подворье Ватопедскаго монастыря, дарованное ему Императоромъ Андроникомъ, когда царствовалъ онъ въ Солунѣ; но мы не выходили на берегъ, чтобы не терять времени, и къ разсвѣту достигли на веслахъ малаго залива Св. Николая, гдѣ, близъ развалинъ его церкви, было въ древности большое населеніе, по удобству пристани; теперь тутъ на горахъ есть Христіанское селеніе.

Здѣсь ожидали насъ мулы, высланные заблаговременно, для сокращенія намъ горной дороги изъ Руссика, кругомъ всего залива Святогорскаго. Это было чрезвычайное вниманіе со стороны братіи Русской; но хотя облегчался намъ путь, потому что крутой хребетъ оставался въ сторонѣ и отлогая стезя пролегала мимо двухъ полуострововъ Сикки и Кассандры, однако разстояніе до перваго ночлега было чрезвычайно велико и насъ застала осенняя непогода. Совершенно смерклося, когда мы достигли такъ называемой Кало-Маріи, или обширныхъ полей, чрезвычайно плодородныхъ

на поморіи Солунскаго залива; онъ пожертвованы были, въ различныя времена, Императорами Византійскими, обителямъ Св. горы, для домашняго ея хозяйства, такъ какъ строгій уставъ Аѳонскій не дозволяетъ тамъ никакихъ удобствъ жизни и содержанія необходимаго скота, да и самая мѣстность благопріятствуетъ только виноградникамъ и огородамъ. Тамъ же, въ Кало-Маріи, есть воздѣланныя поля и пастбища, и укрепленные хутора всѣхъ почти обителей Святогорскихъ разсыяны вдоль отлогаго поморія, гдѣ, подъ надзоромъ монашествующихъ, живутъ наемные работники, но и въ каждомъ хуторѣ, какъ бы въ маломъ скитѣ, совершается ежедневное богослуженіе; такое духовное устройство сельскаго хозяйства весьма назидательно: хорошо, если бы могли похвалиться таковымъ же устройствомъ всѣ новѣйшіе фермеры. Послѣ двѣнадцати часоваго, коннаго пути, пріятно было отдохнуть въ гостепріимномъ мѣстѣ Руссика.

До разсвѣта, послѣ ранней литургіи, мы поднялись въ дорогу, и намъ опять предстояло двѣнадцать часовъ хода до Солуня, сперва по роскошнымъ полянамъ Кало-Маріи, потомъ же по дикимъ горамъ. На самый ихъ вершинѣ, сквозь раздвоившіеся утесы, называемые вратами Солунскими, промелькнула вдали бѣлая Солунь, посреди ея садовъ, на берегу тихаго своего залива, подъ навѣсомъ горъ. Зрѣлище было очаровательно: высокія башни и зубчатыя стѣны вышгорода на уте-

сахъ кругомъ ихъ море зелени и синее море волнѣ;—все это внезапно поразило взоры, какъ бы минутное созданіе воображенія; дѣйствительно минутное, потому что оно скрылось столь же внезапно, какъ и блеснуло. Мы начали спускаться, по крутизнамъ горной, въ обширную равнину Солунскую, а между тѣмъ оставалось еще четыре часа хода до города, который намъ показался столь близкимъ, какъ бы уже лежалъ у ногъ нашихъ; такъ обманчивы горные виды. Весною очаровательна должна быть равнина около Солуна, но лѣтомъ она невыносима по своимъ лихорадкамъ, какъ поле Римское вокругъ вѣчнаго города, съ выгорѣвшею отъ жаровъ зеленью; горный хребетъ Кортинскій тянулся въ отдаленіи, какъ живописныя высоты Лациума и Сабинны около Рима. Надобно было спѣшить, хотя мы и послали заблаговременно предварить Консула и Пашу, о нашемъ пріѣздѣ, потому что съ захожденіемъ солнца запираются древнія ворота Солуни, и путешественники должны проводить ночь подъ открытымъ небомъ, въ близьлежащихъ садахъ.

Солнце уже садилось, по ту сторону залива, за дальнія вершины баснословныхъ Олимпа и Оссы, между коими прорѣзалась, теченіемъ Пеней, очаровательная долина Темпейская, столь славная въ цвѣтушія времена Фессалии. Даже издали можно было судить о красотѣ ея природы, по живописному образованію горъ; вершина Олимпа покрыта была снѣгомъ и горѣла золотомъ и румян-

цемъ солнца ; казалось миеологическіе ея жители, столь поэтически воспѣтые слѣпцомъ Омиромъ, сошлись, на золотыхъ облакахъ, наслаждаться нектаромъ и амбросіей своихъ пиршествъ. Я не могъ оторвать своихъ взоровъ, отъ сей чудной картины, оживленной воображеніемъ, которое съ дѣтства напитано было звучными пѣснями Иліады, но это была послѣдняя дань моя Омиду ; съ послѣднимъ лучемъ солнца угасли мои мечты, и я всемъ сердцемъ обратился къ Христіанскимъ воспоминаніямъ Солуни. Она вдвойнѣ должна быть близка Славянскому племени, и какъ мѣсто проповѣди Апостола Павла, просвѣтившаго Иллирикъ Славянскій, и какъ колыбель нашего просвѣщенія духовнаго, потому что отселе возникли учителя наши, Св. Кириллъ и Меѳодій, изложившіе святое писаніе на звучный нашъ языкъ: но, и слѣдовъ ихъ памяти не сохранилось въ Солуни. Башня современнаго имъ Императора Льва премудраго, гдѣ заключенъ былъ отцемъ своимъ Василиемъ Македонскимъ, подымалась величественно на берегу моря, издали поражая взоры входящаго во врата Солуни; съ шумомъ затворились за мною крѣпкіе врата и долго еще звучали тяжелые ключи запираемыхъ замковъ.

Тѣсная прямая улица, древняя *via Ignatia*, или стезя торжествъ, повела меня, промежду нынѣшнихъ нечистыхъ базаровъ, подъ своды триумфальной арки Константина великаго, а я не вѣдалъ во мракъ, какимъ торжественнымъ путемъ ѣхалъ, по-

среди толпы народной, на другой край города, въ смиренную гостинницу для меня приготовленную; факелы Консульскихъ людей, высланныхъ ко мнѣ на встрѣчу, освѣщали только неровный помостъ, чтобы не споткнулись наши кони; выпрєннїя арки оставались во мракъ и только на другой день я имъ подивился; этотъ путь пролегалъ изъ края въ край, чрезъ весь городъ, сперва подъ арку Константинову, далѣе подъ Феодосіеву или Діоклитіанову: даже внѣшнїя врата Вардара, которыми кончается улица и городъ, служили также для триумфа Марка Антонїа.

Первымъ моимъ движеніемъ на слѣдующее утро было, идти отыскать жилище Павлово, чтобы и мнѣ быть въ Солунѣ общникомъ его проповѣди, на самыхъ мѣстахъ гдѣ жилъ онъ и проповѣдалъ. Но повѣрите ли? съ трудомъ могъ я найти человека, знавшаго по преданію это священное мѣсто въ Солуни, и сей бѣ Самарянинъ! Совѣстно сказать: Турецкїй ясакчи или почетный стражъ, вызвался быть моимъ вожатымъ, по сохранившемуся преданію въ его племени. Мы вышли изъ города въ западныя врата Вардара, такъ называемыя отъ рѣки Тессалійской, къ которой они ведутъ; утрачена память Марка Антошїа, для коего были сооружены, хотя важныя видны Латинскїя; простительно впрочемъ забыть Триумвира Римскаго, если могли позабыть великаго Апостола тамъ, гдѣ чтутся еще два его посланїя Солунянамъ, и какїя чудныя посланїя? въ утѣшенїе о усопшихъ и о послѣднихъ судьбахъ

міра, при явленіи Антихриста! Пройдя пѣсколько вдоль стѣны въ гору, чтобы избѣжать нечистыхъ улицъ, мы взошли опять въ городъ, уже въ верхнюю часть его, такъ называемыми новыми вратами, и тутъ поразила меня Византійская церковь, изъ краснаго узорчатаго кирпича, съ пятью куполами и внѣшними портиками на колоннахъ. Но, увы, это была мечеть, устроенная изъ храма двѣнадцати Апостоловъ: на этомъ мѣстѣ вѣроятно было первое собраніе вѣрныхъ при Апостолѣ Павлѣ; еще доселѣ сохранились кресты снаружи алтаря; внутри же, зданіе напоминаетъ церкви Аѳонскія, съ четырьмя колоннами, на коихъ лежатъ арки. Отъ древности оно вросло въ землю и широкіе платаны его осѣняли. Противъ входа существуетъ мраморный фіалъ, который служитъ теперь для омовеній Магометанскихъ; за нѣсколько шаговъ глубокая агіазма или водоемъ, подъ Римскими сводами, куда спускаются 15-ю ступенями; она вѣроятно служила крещальнею, во дни Павловы, и освящена его молитвами.

Еще не довольный симъ обрѣтеніемъ, я искалъ самага дома Павлова, и тотъ же вожатый привелъ меня, за нѣсколько шаговъ отъ церкви, къ развалинамъ, подъ арки коихъ пролегаетъ теперь тѣсная улица. Въ верхней части было жильѣ: тутъ говорятъ обиталъ Апостолъ. Никто изъ Христіанъ Солунскихъ не могъ мнѣ подтвердить сего драгоценнаго преданія, хотя имъ наипаче заповѣдано было соблюдать преданія Апостольскія; можно изъ

вннать ихъ только тѣмъ, что въ прежнія времена
ига не свободно могли они ходить по кварталамъ
собственно Турецкимъ, а тутъ главное населеніе
Магометанъ, которые будучи совращены въ Маке-
доніи, большею частію изъ мѣстныхъ жителей,
могли сохранить у себя преданіе предковъ о Апо-
столѣ. И такъ здѣсь трудился, день и ночь, вели-
кій Апостолъ, дѣлая своими руками, чтобы ни ко-
му не быть въ тягость! Какой великій примѣръ
смиренія для насъ празднлюбцевъ! Утѣшительно
было думать, что я на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ тру-
дился, хотя однѣ грустныя развалины свидѣтель-
ствовали о поприщѣ его евангельскаго подвига.

Отъ воспоминаній Апостольскихъ я устремился
къ другимъ, близкимъ сердцу каждаго Христіани-
на, на родинѣ Великомученика Димитрія, коего па-
мять столько чувствуется у насъ какъ и на Право-
славномъ Востокѣ. Я посѣтилъ его бывшій храмъ,
нынѣ мечеть, въ другой части города. Обшир-
ность и великолѣпіе древняго святилища поразили
меня въ высшей степени, такъ что я и началъ
письмо, преисполненный впечатлѣніемъ того, что
видѣлъ, ибо не ожидалъ подобнаго.

Отъ храма Великомученика спустились мы въ
нижнюю часть города, къ другому древнѣйшему
памятнику Солуни, который соединялъ въ себѣ
воспоминанія языческія съ Христіанскими, и теперь
обращенъ въ мечеть: такимъ образомъ три вѣры
положили на немъ вѣковую свою печать. Это быв-
шій храмъ Кабировъ, сооруженный на подобіе Пан-

теона Римскаго, круглый съ куполомъ сферическимъ, который весьма пріятенъ для глазъ по своей стройности. Когда язычество уступило Христианству, церковь соборная, во имя Великомученика Георгія, вѣроятно древнѣйшая изъ всѣхъ въ Солуни, устроена была въ капищѣ, и слѣды Христианства доселѣ сохранились великолѣпными мозаиками; въ осьми углубленіяхъ, подъ арками, живописно разбросаны птицы и цвѣты, а внизу вокругъ купола изображена внутренность различныхъ церквей: алтари между колоннъ и по два пресвитера, стоятъ въ лиловыхъ фелоняхъ по сторонамъ ихъ. Любитель церковной археологіи могъ бы тутъ изучиться многому, описавъ сіи замѣчательныя мозаики, и я не понимаю, какъ никто доселѣ не обратилъ на нихъ вниманія. Два портика съ колоннами, напоминающіе также Пантеонъ, украшаютъ западный и южный входъ храма; у перваго изъ нихъ лежитъ обломокъ древней мраморной каедры, вѣроятно еще языческой, съ изваянными на ней фигурами и цвѣтами, которые пострадали отъ времени. Двѣнадцатью витыми ступенями, какъ бы улиткою, восходятъ на ея верхъ; Турки и Христиане называютъ сей обломокъ каедрю Св. Павла; пусть будетъ такъ, хотя и странно ея языческія украшенія, развѣ быть можетъ Апостоль языкъ взошелъ на нее, чтобы съ высокаго мѣста проповѣдывать народу, если только каедра стояла гдѣ либо на площади.

Не въ дальнемъ разстояніи отъ многовѣковаго

памятника трехъ религій, раздѣлвшихъ между собою вселенную, вышли мы на зеленый продолговатый пустырь, поросшій травою, остьненнй развѣсистыми платанами. Странно было встрѣтить такого рода оазисъ, посреди взгроможденныхъ зданій Солуня, гдѣ случаются только пустыри отъ пожаровъ, и я невольно спросилъ: что тутъ было прежде? — Древнее ристалище, отвѣчали мнѣ, гдѣ при Императорѣ Θεодосіѣ погибло много гражданъ Солунскихъ, за ихъ возмущеніе. Я остановился, въ эту минуту Солунь и Медіоланъ сошлись въ моей памяти.... Какъ ни печально воспоминаніе тяжкаго грѣха, оно изглаживается глубиною смиренія великаго мужа, въ его церковномъ покаяніи. Колоссальное лице Амвросія великаго, какъ бы покрыло, святительскою своею мантиею, весь ипподромъ стирая съ него слѣды крови. И такъ мнѣ случилось видѣть, и мѣсто преступленія въ Солунь, и тотъ церковный прагъ базилики Амвросіевой въ Медіоланъ, отъ котораго удалилъ Святитель Θεодосія, доколѣ потоки слезъ его не смыли потоковъ крови. Оба были велики и достойны другъ друга, въ сію высокую минуту пастырской твердости и царственного смиренія! Когда странствуешь по дальнимъ предѣламъ, поразительны бываютъ такія лѣтописныя воспоминанія, связывающія во едино великія событія и лица, раздѣляемыя временемъ и пространствомъ; какъ тайное невидимое эхо, они будто отзываются на голосъ путника, вызывающаго ихъ изъ безмолвія столѣтій, и дальнее

представляется близкимъ. Миръ тебѣ, великій Тео-
досій, и на ристалищѣ Солунскомъ, какъ въ бази-
ликѣ Медиоланской!

Продолжая осматривать мечети, бывшія некогда
цѣрквами, я посетилъ главную Св. Софіи, собор-
ный храмъ Солуня, но уже среднихъ вѣковъ, судя
по зодчеству, хотя основаніе ея приписываютъ ве-
ликому Іустиніану, потому что все что носитъ имя
Софіи, какъ будто принадлежитъ ему одному. Ме-
четь, осыпанная кипарисами, болѣе величественна
своею внѣшнею колоннадою, нежели внутреннимъ
устройствомъ; девять гранитныхъ столбовъ укра-
шаютъ западный ея портикъ и шесть южный; по
красотѣ ихъ можно узнать, что они похищены изъ
древнихъ языческихъ капищъ. Съ сѣверной сто-
роны прильплена къ храму не высокая колокольня
въ Византійскомъ вкусѣ. Внутри же Св. Софія
Солунская, и по объему и по расположенію, мало
напоминаетъ великолѣпный подлинникъ Царьграда.
По три колонны зеленого мрамора (*vert antique*)
поддерживаютъ хоры съ обѣихъ сторонъ или ка-
тихумены; арки купола лежатъ на столбахъ по
образцу Аѳонскому. Есть и каеэдра изъ одного
куска зеленого мрамора, о пяти ступеняхъ, съ лѣ-
вой стороны, которая также слыветъ Апостольскою;
она служитъ теперь для восхожденія Имама. По-
лукружіе алтаря поднято на одну ступень и на
горнемъ мѣстѣ сохранилось мозаическое изображе-
ніе Платитеры, т. е. ширшей небесъ, съ Божествен-
нымъ Младенцемъ на золотомъ полѣ; но повреж-

дено, варварствомъ Турокъ, лице Пречистой Дѣвы, такъ какъ они не терпятъ никакихъ ликовъ. Въ куполѣ же, куда полѣзлись подыматься для своего варварскаго дѣла, лучше уцѣлѣлъ ликъ Господа Вседержителя, посреди двухъ Ангеловъ и Матери Божіей, съ двѣнадцатью Апостолами между пальмъ, какъ въ Римскихъ базиликахъ. Это вѣроятно образъ Вознесенія, потому что подлѣ, крупными буквами, написано по Гречески на золотомъ полѣ: «мужіе Галилейстїи, что стоите зряще на небо? Сей Иисусъ, вознесыйся отъ васъ на небо, также прїидеть, имъ же образомъ видѣсть его идуща на небо.» — Вотъ все что достойно вниманія въ бывшемъ соборѣ Солунскомъ. Я видѣлъ еще одну мечеть въ центрѣ города, которая слыветъ Эски-Джума или старой пятницей, потому что ее первые заняли Турки и совершили въ ней молитву въ пятницу; но въ народѣ сохранилось ей древнее названіе Панагіи, потому что это была церковь Богоматери. Внутри она украшена двадцатью четырьмя колоннами въ два ряда, которыхъ мраморъ заблѣненъ варварствомъ новыхъ ея обладателей.

Недалеко отъ сей мечети пролегалла древняя стезя триумфовъ, *via Ignatia*, которую наканунѣ я немогъ разглядѣть. Вѣроятно она такъ названа отъ имени того кто ее устроилъ, какъ Римскія *via Arpia*, *via Flaminia*; чрезъ нее шелъ главный путь, изъ Рима стараго въ новый Римъ, и потому означена она была триумфальными арками: Константинова легко и высоко переброшена черезъ

улицу, но лѣпныя ея изваянія, коней и колесницъ, закрыты прислоненными къ ней домами, хотя однако можно разобрать ваянія; арабески весьма изящны на высокой дугѣ. Другія триумфальныя врата, четырьмя своими столбами ставшіе поперегъ побѣднаго пути, теперь находятся посреди Еврейскаго жилища, надъ которыми господствуютъ ихъ высокія архитравы, съ изваяніями Леды, Ганимеда и другихъ идоловъ, украшающихъ врата съ обѣихъ сторонъ; онѣ искусной рѣзьбы, хотя нѣсколько обезображены временемъ и людьми. Чьи это врата? не вѣдомо; но вѣроятно одного изъ славнѣйшихъ воеводъ Римскихъ; не горькая ли насмѣшка видѣть ихъ на дворѣ Еврейскаго дома? Суета суетствій и всяческая суета!

Довольно было для перваго дня осмотрѣть весь сіи мечети. На слѣдующее утро, я долженъ былъ посѣтить начальника области, Риза-Пашу, который прибылъ за нѣсколько дней до меня въ Солунь, и благодарить его за вниманіе, потому что онъ не велѣлъ запирать воротъ крѣпости, вечеромъ когда я пріѣхалъ съ Аѳона. Брусса, древняя столица, была первымъ мѣстомъ его управленія; я еще засталъ его тамъ, хотя и не успѣлъ посѣтить, по краткости моего пребыванія, и вотъ опять случай свелъ насъ въ Солуни; на этотъ разъ учтивость требовала быть у Паши. Онъ принялъ меня съ большою церемоніей и весьма благосклонно. Я нашелъ въ немъ умнаго и пріятнаго челоуѣка; просилъ покровительствовать обителямъ Аѳонскимъ, находящимъ-

ся въ его области, и при прощаніи пожелалъ опять свидѣться въ Царьградъ, такъ какъ намъ суждено встрѣчаться въ разныхъ мѣстахъ; примѣтно, что это желаніе было ему по сердцу. Риза Паша обиталъ еще не въ домъ правителя области, а у богатѣйшаго изъ беевъ Македонскихъ, который имѣетъ великолѣпныя палаты въ Солуни. Достоинно вниманія, что въ сихъ предѣлахъ сохранилась древняя аристократія Македонская, которой начало ведется отъ временъ Христіанскихъ, такъ какъ между Турками нѣтъ собственно именитыхъ родовъ, и новые сановники не оставляютъ по себѣ потомственнаго дворянства. Но въ Македоніи и Албани, какъ было и въ Анатоли, сохранились нѣсколько древнихъ владѣтельныхъ фамилій, которыя пользуются большимъ уваженіемъ по своей знатности и богатству. Еще замѣчательная вещь въ Солуни, ведущая начало вѣроятно отъ временъ Апостола Паула, потому что городъ сей былъ, однимъ изъ самыхъ значительныхъ въ Римской имперіи и слѣдственно мѣстопребываніемъ Евреевъ, которые любили преимущественно селиться въ столицахъ. Доселъ тутъ, не только большое ихъ населеніе, но даже главное центральное управленіе во всей Оттоманской имперіи, т. е. верховный кагалъ и Гакемъ или председатель, хотя бы казалось скорѣе должно искать его въ Константинополь: но частыя смуты Япычарскія въ столицѣ Султанской заставили осторожныхъ Евреевъ предпочесть болѣе смиренную Солунь опасному Царь-

граду. Обширный квартал ихъ, рядомъ съ кварталомъ Франковъ, занимаетъ всю почти приморскую часть Солуни, и я не понимаю, какъ могла втѣсниться между ними нынѣшняя митрополія, послѣ завоеванія Турецкаго.

Прямо отъ Паши поѣхалъ я къ Митрополиту, съ нашимъ отличнымъ Консуломъ Мустоксили, который уже около 20 лѣтъ, съ большимъ достоинствомъ, проходитъ свое званіе. Владыка Солунскій принялъ насъ также съ церемоніаломъ, свойственнымъ Востоку, и самъ показалъ свою убогую митрополію, которая замѣпила великолѣпіе Св. Софїи и базилики Великомученика Димитрія. Грустно было, послѣ такихъ храмовъ, смотрѣть на продолговатую церковь, съ деревяннымъ потолкомъ и низкимъ иконостасомъ, гдѣ теперь совершается соборное Богослуженіе; а между тѣмъ память древняго величія Архіереевъ Солунскихъ, сохранилась въ высокой анабаеръ, или амвонъ облачальномъ о двѣнадцати ступеняхъ, который прислоненъ къ западной стѣнѣ. Тутъ и доселъ они облачаются, пользуясь титуломъ Экзарха и святѣйшаго на равнѣ съ Патріархами, но у себя только а не въ Великой Церкви, гдѣ смиряется степенъ ихъ. Долго Римъ искалъ распространить владычество свое за Иллирикъ, во внутренность Македоніи и Греціи, называя своими Викаріями Архіепископовъ Солунскихъ, но, съ возвышеніемъ Патріарха Вселенскаго новаго Рима, оставлено было сіе притязаніе древняго. Однако отблескъ почести сохранил-

ся престолу Солунскому, бывшему между ними виною состязаній.

Я нашелъ драгоценную святыню въ митрополіи Солунской, даже рѣдкую на Востокъ, цѣльные мощи Св. Архіепископа Солунскаго Григорія Паламы, который былъ долго отшельникомъ въ лавръ Св. Аѳанасія и въ XI вѣкъ, съ убѣдительнымъ краснорѣчіемъ противусталъ ереси Варлаама и Акиндина, о свѣтъ преображенія; они утверждали что свѣтъ сей, не исходилъ отъ славы Сына Божія, а былъ сотворенъ вокругъ него, и такой матеріализмъ, приближалъ ихъ къ Аріанству, какъ будто бы не признавали они Божественности самаго Господа славы. Я вспомнилъ, что память великаго Святителя чествуется Церковію, ради его подвига, каждое второе воскресеніе великаго поста, послѣ соборнаго торжества возстановленія честныхъ иконъ, которымъ ознаменовывается первое, и съ благоговѣніемъ приложился къ его нетлѣннымъ останкамъ, соблюдаемымъ въ деревянной ракъ внутри алтаря. Тамъ же икона Великомученика Димитрія, въ драгоценномъ окладѣ, перенесенная изъ его храма. Въ иконостасъ всѣ образа древніе изъ бывшей митрополіи Софійской; между ними есть примѣчательныя по красотѣ письма мѣстныхъ иконы, Спасителя, Божіей Матери и Великомученика.

Подлѣ митрополіи стоитъ малая церковь во имя Святителя Николая, временъ Комниновъ, которая

болѣ полутора ста лѣтъ служила соборною послѣ разоренія Турецкаго ; ея живопись весьма замѣчательна , и можетъ быть кисти Панселина , но потускнѣла отъ времени ; я могъ разобрать успеніе , введеніе во храмъ и трехъ Патріарховъ , приѣмлющихъ на лоно свое души младенцевъ . Мы осмотрѣли , вмѣстѣ съ Митрополитомъ , и другія двѣ близлежащія церкви Божіей Матери Элеуссы или милостивой , гдѣ есть древняя ея чудотворная икона надъ кладземъ , и бывшую обитель Св. Теодоры , которая переселилась съ дочерью Теоκληтіею , съ острова Эгины во дни Палеологовъ , и здѣсь постригшись основала женскій монастырь . Мощи преподобныхъ доселѣ покоятся въ деревянной ракъ внутри алтаря .

Желая знать о нашихъ Славянскихъ Апостолахъ Кириллѣ и Меѳодіѣ , я спрашивалъ Митрополита : нѣтъ ли какихъ слѣдовъ ихъ пребыванія въ Солуни ? но ни онъ , ни кто либо изъ духовенства , не могли удовлетворить моимъ вопросамъ ; нѣтъ даже ни одной Болгарской церкви въ Солуни , гдѣ бы совершалось богослуженіе на языкѣ Славянскомъ , хотя этотъ край собственно Болгарскій по населенію : такъ утратилась память Апостоловъ нашихъ на самой ихъ родинѣ !

По мѣстному преданію Теоодосій великій , предпочитавшій Солунь прочимъ столицамъ , по ея центральному положенію посреди Восточной и Западной имперіи , соорудилъ въ ней , ради очищенія своего тяжкаго грѣха , 365 церквей , по числу дней

года; но теперь не болѣе 17 осталось въ цѣломъ городѣ. Я еще посѣтилъ нѣкоторыя: Св. Мины, которая была всѣхъ великолѣпнѣе до недавняго пожара, ее истребившаго, и церковь Панагіи Лагудіе, въ верхней части города, гдѣ явилась Матерь Божія, одному благочестивому мужу и велѣла ему соорудить храмъ надъ источникомъ: Чудотворная икона ея доселѣ тамъ чествуется надъ мраморнымъ фіаломъ, всегда наполненнымъ водою.

Въ цитадели или вышгородѣ, который какъ орлиное гнѣздо стоитъ на неприступномъ утесѣ, существуетъ еще, со временъ завоеванія Турецкаго, монастырь Влангасъ или Чаушъ, который былъ нѣкогда подворьемъ Иверскаго, что на Аеонѣ, и пользуется нѣкоторыми привилегіями, по горькой памяти предательства его инока. Когда Султанъ Амуратъ II осаждалъ Солунь и не могъ сокрушить крѣпкихъ стѣнъ ея, нашелся одинъ изъ братьевъ монастырскихъ, который указалъ завоевателю тайные водопроводы, проходящіе доселѣ чрезъ обитель и, съ вершины горной, разливающіе живыя струи по всему городу. Амуратъ пересѣкъ ихъ и овладѣлъ Солунью, но дабы сохранить монастырь отъ разоренія, поставилъ тамъ своихъ Чаушей; ихъ непріязненное имя осталось обители. Турки сдержали однако слово; иначе какъ бы могла уцѣлѣть она въ цитадели? Церковь довольно древняя, во имя преображенія, съ двумя придѣлами, не велика, какъ было свойственно подворью монастырскому, не имѣвшему самостоятельности.

Съ тѣхъ норъ, обитель сдѣлалась единственною въ Солуни и потому заслуживаетъ вниманія: въ ней сохраняется священная чаша, послужившая по преданіямъ мѣстнымъ, для вечери тайной Господа. Не весьма давно, при возмущеніи одного изъ Беевъ Македонскихъ противъ Султана, она была разбита на три части необузданнымъ варваромъ, вторгшимся въ обитель, и куски ея вѣданы теперь въ три серебряныя чаши, коими черпаютъ воду агіазмы. Деревянный дискосъ принадлежавшій сей чашѣ остался въ Грузіи и находится теперь въ Тифлисѣ; оттоль пришла и чаша, какъ даръ Царей Иверскихъ, въ ихъ обитель на Афонѣ, и случилась на подворьѣ Иверскомъ во время завоеванія Турецкаго, тамъ и осталась когда подворьѣ сдѣлалось не зависимымъ. Должно предполагать, что чаша и дискосъ принесены въ Грузію, отъ Императоровъ Греческихъ, когда они стали выдавать дочерей своихъ въ замужство за Багратовъ.

Вотъ то, что я успѣлъ видѣть въ Солуни въ краткое мое пребываніе. Хотѣлъ я посѣтить башню Льва Премудраго, гдѣ написалъ онъ на стѣнахъ стихиры воскресныхъ евангелій, или експостиларіи, но нашелъ затрудненіе, потому что башня сія почитается твердышею Солуни и это бы могло возбудить какое либо непріятное чувство въ Туркахъ. Окрестности города живописны по своимъ виноградникамъ, но при захожденіи солнца, надобно уже быть внутри стѣнъ, что весьма непри-

лтно, и лѣтомъ лихорадочный воздухъ тяготеетъ надъ всеми.

Странно, что не многіе путешественники посѣщаютъ Солунь, хотя въ ней много замѣчательнаго для археологін, равно языческой и Христіанской. Самая мѣстность привлекательна, а между тѣмъ сообщеніе водою легкое, потому что каждую недѣлю отходитъ пароходъ изъ Царьграда, и на третій день можно быть уже въ Солуни, пересѣвши на другой пароходъ въ Дарданеллахъ; Аеонскую гору проходитъ мимо Солунскій пароходъ, не заходя въ ея заливъ, потому что тамъ нѣтъ удобной пристани. Однако, въ бытность мою, было о томъ совѣщаніе въ Протатѣ; хотятъ сдѣлать условіе съ Австрійскимъ пароходнымъ обществомъ въ Константинополь, дабы хотя два раза въ лѣтніе мѣсяцы приставали ихъ суда къ пристани Дафны, что близъ Ксиропотама, для облегченія горнаго пути богомольцамъ. Нѣтъ сомнѣнія, что это будетъ служить большимъ удобствомъ для посѣтителей, но я опасюсь, чтобы отъ умноженія любопытныхъ странниковъ, которые будутъ проходить безъ всякаго благоговѣнія, не пострадала нравственность и простота Аеонская.

Мнѣ предстоитъ также плыть сего дня вечеромъ, мимо Аеона въ Дарданеллы, отколѣ чрезъ Смирну направлюсь въ Аѣины, и грустно будетъ видѣть ночью огни Ксиропотама и Руссика, не имѣя возможности опять посѣтить обитателей. Здѣсь я расстаюсь съ добрыми старцами, меня провожав-

шими чрезъ горы изъ Руссика, и мнѣ особенно жаль отца Серафима, который былъ постояннымъ моимъ спутникомъ по всему Аѳону; свиданіе едва ли не въ вѣчности. Прощайте, поручаю себя и путь мой вашимъ молитвамъ.

Конецъ I части.